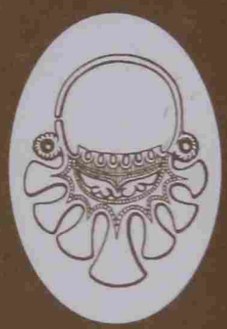
ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь - Февраль - Март
2004

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

http://www.maik.ru

"НАУКА"

МАИК "НАУКА/ИНТЕРПЕРИОДИКА"

Российская академия наук
Институт археологии

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2004

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин, М.Г. Мошкова,
Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин, В.В. Седов,
А.А. Формозов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Макаров,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"
Международная академическая
издательская компания "Наука/Интерпериодика"

© Российская академия наук
Институт археологии РАН, 2004 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2004

Евгений Игнатьевич Крупнов: к столетию со дня рождения
Мунчаев Р. М. 5

К 75-летию В.Л. Янина
Макаров Н. А., Носов Е. Н. 15

Средневековое расселение в Суздальском Ополье
Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В. 19

Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная
Михайлов К. А. 35

Новгородский храм эпохи расцвета боярского строительства: церковь Рождества Богородицы на Молоткове
Седов Вл. В. 46

"Индекс христианского искусства" и новгородские каменные иконки
Беляев Л. А. 55

Новые материалы из бассейна Нижнего Дона
Цыбрий А. В., Горелик А. Ф. 64

Сырьевая база индустрии макроорудий в неолите – раннем железном веке на территории Карелии
Тарасов А. Ю. 77

Радиоуглеродная хронология древнеямной общности и истоки курганных культур
Черных Е. Н., Орловская Л. Б. 84

Дискуссии

Мезолитическая культура веретье. Хронология и периодизация
Ошибкина С. В. 100

Смешение традиций или традиция смешения? (Часть первая)
Сорокин А. Н. 111

О проблеме сохранения археологического наследия
Стародубцев Г. Ю., Зорин А. В., Шпелев А. Г. 120

Публикации

Комплекс памятников каменного века на горе Маяк в Самарском Заволжье
Кузнецова Л. В., Ластовский А. А., Сташенков Д. А., Хохлов А. А. 126

Раннесакские боевые пояса
Таиров А. Д. 140

Бронзовый котел из Жутовского могильника в Волгоградской области
Сергацков И. В. 146

Бронзовые антропоморфные фигурки с территории Ставропольского края
Березин Я. Б., Савенко С. Н. 149

Сосновское селище (о керамике Среднего Поочья в XI в.)
Коваль В. Ю. 154

История науки

Серебряный голос верности (к 100-летию Евгения Игнатьевича Крупнова)
Козенкова В. И. 167

Критика и библиография

Янин В.Л. "У истоков новгородской государственности". Великий Новгород, 2001
Петрухин В. Я. 173

Хроника

XXII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа (Ессентуки–Кисловодск, 2002)
Козенкова В. И., Савенко С. Н. 175

Круглый стол "Геоинформационные технологии в археологических исследованиях" (Москва, 2003)
Коробов Д. С. 181

Об избрании Поля Бернара иностранным членом Российской Академии наук
Мунчаев Р. М., Кошеленко Г. А. 184

К 75-летию со дня рождения А.А. Формозова
Кузьминых С. В. 185

К 70-летию Алексея Николаевича Марьяшева
Кореняко В. А. 187

Памяти Глеба Сергеевича Лебедева
Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А., Чернецов А. В. 190

Список сокращений 192

Сдано в набор 15.10.2003 г. Подписано к печати 16.12.2003 г. Формат бумаги 60 × 88 1/8
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 24.2 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 989 экз. Зак. 7940

Свидетельство о регистрации № 0110154 от 04.02.93 г. в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 1, 2004

Evgenij Ignat'evich Krupnov in commemoration of the 100th anniversary
Munchaev R. M. 5

In commemoration of the 75th anniversary of V.L. Yanin
Makarov N. A., Nosov E. N. 15

Medieval settlement in the Suzdal Field region
Makarov N. A., Leont'ev A. E., Shpolyansky S. V. 19

The Kiev pagan necropolis and the Tithe church of the Virgin
Mikhailov K. A. 35

The church of Nativity of the Virgin in Molotkovo in Novgorod
Sedov Vl. V. 46

The Novgorodan stone icon and "The Index of Christian Art"
Belyaev L. A. 55

New Neolithic materials from the Lower Don basin
Tsybrij A. V., Gorelik A. F. 64

The resources of raw materials for production of macrotools in the Neolithic – the Early Iron Age in the territory of Karelia
Tarasov A. Yu. 77

The radiocarbon chronology of the Pit-grave (Yamnaya) community and the emergence of the kurgan cultures
Chernykh E. N., Orlovskaya L. B. 84

Discussions

The Mesolithic culture Veret'ye. Chronology and periods
Oshibkina S. V. 100

Mixture of traditions or the tradition of mixing? (Part I)
Sorokin A. N. 111

Concerning the problem of preservation of archaeological heritage
Starodubtsev G. Yu., Zorin A. V., Shpelev A. G. 120

Publications

The cluster of the Stone Age sites on the mountain Mayak in Samara region on the Volga left bank
Kuznetsova L. V., Lastovsky A. A., Stashenkov D. A. Khokhlov A. A. 126

The battle belts of the early Saki
Tairov A. D. 140

Bronze cauldron from the cemetery Zhutovsky, Volgograd region
Sergatskov I. V. 146

New finds of bronze anthropomorphic figurines in the territory of Stavropol krai
Berezin Ya. B., Savenko S. N. 149

The Open settlement Sosnovka (On the pottery of the Middle Oka region in the 11th c.)
Koval' V. Yu. 154

History of science

The silver voice of faithfulness (In commemoration of Evgenij Ignat'evich Krupnov)
Kozenkova V. I. 167

Critics and bibliography

Yanin V.L. "At the sources of the Novgorod state". Velikii Novgorod, 2001
Petrukhin V. Ya. 173

Chronicle

XXII Krupnov colloquium on the archaeology of the Caucasus
(Essentuki – Kislovodsk, April of 2002)
Kozenkova V. I., Savenko S. N. 175

The round table "Geoinformational technologies in archaeological investigations"
(Moscow, 2003)
Korobov D. S. 181

Paul Bernard elected foreign member of Russian Academy of Science
Muncheav R. M., Koshelenko G. A. 184

Commemorating the 75th anniversary of A. A. Formozov
Kuzminykh S. V. 185

In commemoration of the 70th anniversary of Aleksey Nikolaevich Mar'yashev
Korenyako V. A. 187

In memory of Gleb Sergeevich Lebedev
Mel'nikova E. A., Petrukhin V. Ya., Pushkina T. A., Chernetsov A. V. 190

List of abbreviations 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 5–14

ЕВГЕНИЙ ИГНАТЬЕВИЧ КРУПНОВ: К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

© 2004 г. Р. М. Мунчаев

Институт археологии РАН, Москва

Евгений Игнатьевич Крупнов относится к числу выдающихся представителей советской исторической науки и российского кавказоведения. Его вклад в развитие отечественной археологии, в изучение древней и средневековой истории и культуры народов Кавказа трудно переоценить. Благодаря многолетней и целенаправленной деятельности Е.И. Крупнова в 1930–1960-х годах удалось открыть и исследовать многочисленные и разнообразные археологические памятники, добиться подлинного прорыва в представлениях о ходе культурно-исторического процесса в древности и средневековье на Кавказском перешейке и, в особенности, в Предкавказье.

Е.И. Крупнов родился 16 марта 1904 г. в г. Моздоке (Северная Осетия) в семье служащего. Его отец был выходцем из крестьян Московской губернии, а мать терская казачка. Здесь, на берегу Терека, прошли детские и юношеские годы Евгения Игнатьевича. В 15 лет он лишился отца и забота о семье (мать и две сестры) легла на него и старшего брата. Кем только не пришлось работать Евгению Игнатьевичу: он и батрачил, и выполнял конторскую работу на мукомольной фабрике Моздока и в казачьих станицах Вознесенской, Курской и других; трудился в шорной и сапожной мастерских; был землекопом; работал на нефтепромыслах в Грозном и т.д.

Окончив среднюю школу г. Моздока, Е.И. Крупнов в 1924 г. поступил на этнологическое отделение Северо-Кавказского педагогического института в г. Владикавказе. В те годы там работали такие известные кавказоведы, как Б.А. Алборов, В.П. Пожидаев, Н.Я. Немировский, Л.П. Семенов (Козенкова, 1994; Кузнецов, 1973. С. 1; Мунчаев, 1964. С. 3; 1971. С. 311). Наибольшее влияние в студенческие годы во Владикавказе на Е.И. Крупнова оказал, бесспорно, Л.П. Семенов. Евгений Игнатьевич слушал его лекции, работал в его кружке, принимал участие в историко-археологических экспедициях в Северной Осетии и в соседней Ингушетии. Именно под влиянием Леонида Петровича у Е.И. Крупнова сформировался интерес к изучению археологии, истории и культуры Ингушетии. Хотя в будущем ему пришлось активно заниматься исследованием истории и археологии других областей Северного Кавказа, Ингушетию – свою alma mater – он никогда не забывал: ей посвящены как первая, так и последняя, посмертно изданная научная работа Е.И. Крупнова (1933; 1971).

Уже на студенческой скамье Е.И. Крупнов осознал, что серьезное изучение древней и средневековой истории и культуры Северного Кавказа требует специальной археологической подготовки, которую не мог дать Северо-Кавказский педагогический институт. После трех лет обучения в последнем в 1927 г. он переводится на историко-археологическое отделение исторического факультета I Московского государственного университета. Здесь его учителем становится выдающийся археолог России профессор Василий Алексеевич Городцов. Именно под руководством и влиянием В.А. Городцова формировался высокий профессионализм Е.И. Крупнова как полевого исследователя и глубокого аналитика археологических материалов.

В 1930 г. Е.И. Крупнов окончил МГУ по специальности "археология Кавказа" и был принят на

должность младшего научного сотрудника в Государственный Исторический музей (ГИМ). Музейная и научная деятельность Е.И. Крупнова началась в непростой для развития страны период. Археологией Кавказа в это время в Москве практически мало кто занимался, в отличие от Ленинграда, где под руководством А.А. Миллера, а затем М.И. Артамонова, в 1930-х годах сформировалась целая кавказоведческая школа в археологии. Ее составляли такие крупные специалисты, как А.А. Иессен, Б.Б. Пиотровский, Б.Е. Деген-Ковалевский, А.П. Круглов, Г.В. Подгаецкий и др. В Москве же в эти годы археологом-кавказоведом был фактически один Евгений Игнатьевич, которому и было поручено обработать и систематизировать содержавшиеся в ГИМе коллекции по археологии Кавказа и отдельные находки, выделив материал для вновь создаваемой экспозиции. (За все время работы в ГИМе Е.И. Крупнов разработал и оформил шесть экспозиций по различным вопросам древней истории Кавказа, см.: Архив ИА РАН. Р. 6. № 87. Л. 7.)

В Государственном Историческом музее Евгений Игнатьевич сформировался как археолог-кавказовед, признанный специалист по археологии и истории Северного Кавказа. Здесь он подготовил и опубликовал первую научную работу и организовал первую самостоятельную археологическую экспедицию (1933 г.). Ее цель – проведение археологических разведок мало обследованного тогда левобережья р. Риони в Западной Грузии (Крупнов, 1934). В том же 1933 г. Е.И. Крупнов был принят в секцию научных работников и переведен в старшие научные сотрудники ГИМа.

С 1935 г. начинается самостоятельная полевая деятельность Евгения Игнатьевича на Северном Кавказе. До начала Великой Отечественной войны он ежегодно руководил полевыми работами ГИМа и Московского отделения ГАИМК-ИИМК АН СССР (где работал с 1937 г. по совместительству). К работам экспедиции были привлечены и местные учреждения, в частности Ингушский научно-исследовательский институт. Исследования охватили прежде всего предгорные и особенно горные районы Ингушетии и Северной Осетии (Крупнов, 1936; 1937; 1938; 1939а и т.д.) и ознаменовались важными научными достижениями. В Ингушетии, наряду с известными средневековыми комплексами были впервые изучены значительно более ранние памятники (Алхастинское поселение предскифского времени, Нестеровский могильник середины I тыс. до н.э. и др.). Они легли в основу исследования "История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века", в котором обобщен также большой этнографический материал (работа была завершена к концу 1930-х годов, но основная часть труда, дополненная и переработанная автором, вышла в свет уже после смерти Евгения Игнатьевича: Крупнов, 1939б; 1971).

Наряду с изучением Ингушетии, Е.И. Крупнов приступил в середине 1930-х годов к исследованию древних памятников Северной Осетии, особенно ее высокогорных районов. Здесь им впервые были открыты поселения и могильники III–II тыс. до н.э., углубившие почти на два тысячелетия историю этого края (Крупнов, 1939а, в; 1941; 1951а и др.). Именно с этих работ, а также с раскопок известного Кумбултского могильника "Верхняя Рутха", у Е.И. Крупнова пробуждается глубокий интерес к изучению знаменитой кобанской культуры Северного Кавказа, относящейся к эпохе поздней бронзы и раннего железа (территории современной Южной и Северной Осетии, Кабардино-Балкарии, Ингушетии и предгорной Чечни). В Северной Осетии Е.И. Крупнов впервые исследует бытовые и погребальные комплексы, предшествующие по времени кобанской культуре. Благодаря его работам еще в предвоенные годы стало очевидным, что кобанская культура сложилась на Центральном Кавказе в результате многовекового культурно-исторического развития. К этому выводу привело углубленное изучение разновременных древностей Кавказа. Изучая средневековую культуру Ингушетии и памятники бронзового века Северной Осетии, Е.И. Крупнов не мог не видеть, что без разностороннего исследования феномена кобанской культуры невозможно понять древнюю историю Северного Кавказа в целом, нельзя понять некоторые важные аспекты этно-культурного и духовного развития народов этого уникального края в эпоху средневековья.

Е.И. Крупнов постоянно расширял, хронологически и территориально, круг своих исследований, отмечая каждый шаг своей научной деятельности печатной работой. Об этом свидетельствуют публикации 1933–1941 гг. ("Кавказ и Восточная Европа в древности". М., 1973. С. 8, 9). Внимание Е.И. Крупнова начинают привлекать и вопросы археологии и древней истории Закавказья. Он издает путеводители по залам ГИМ "Государство Урарту и народы Закавказья", "Хазарская держава VI–X вв.", готовит рецензии на труды А.И. Гумеля (ВДИ. 1940. № 1) и Б.Б. Пиотровского (ВДИ. 1940. № 2), публикует глиняную головку скифа из коллекции ГИМ, происходящую из Закавказья (ВДИ. 1940. № 3–4).

Среди научных трудов Е.И. Крупнова предвоенных лет следует особо выделить работу о могильнике второй половины II тыс. до н.э. у ст. Каякент в Дагестане. Материалы этого могильника, раскопанного в 1898 г. В.И. Долбежевым (34 погребения в каменных ящиках), хранились в фондах ГИМ. В процессе подготовки к изданию Каякентского могильника Е.И. Крупнов совершил свою первую научную поездку в Дагестан для ознакомления с коллекциями республиканского историко-краеведческого музея (Древности Дагестана, 1974. С. 5). Он правильно интерпретировал этот

могильник как памятник позднебронзового века и показал полную идентичность обряда захоронения и характера погребального инвентаря с исследовавшимся в конце 30-х годов XX в. А.П. Кругловым могильником у сел. Харачой в горной Чечне (Крупнов, 1940). Именно после публикации Е.И. Крупновым Каякентского могильника культура Северо-Восточного Кавказа (Дагестана и Чечни) эпохи поздней бронзы стала называться в науке каякентско-харачоевской.

Таким образом, к началу 1940-х годов Е.И. Крупнов стал признанным археологом-кавказоведом. К этому времени им была завершена и представлена на ученый совет исторического факультета МГУ диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук ("История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века").

Изучая творческий путь Е.И. Крупнова, я вижу в нем два больших этапа. Первый из них охватывает 1930-е годы, от окончания МГУ до начала Великой Отечественной войны. В этот период он зарекомендовал себя как серьезный и перспективный ученый – специалист в области кавказской археологии.

Сразу же в начале Отечественной войны Е.И. Крупнов вместе со своими коллегами по ГИМу и ИИМК АН СССР Д.А. Крайновым, П.А. Дмитриевым, А.П. Смирновым и другими записывается в московское народное ополчение и уходит на фронт в качестве рядового бойца I стрелкового полка Ленинской дивизии. Получив ранение, он находился на излечении во фронтовом эвакогоспитале № 2051 и был отпущен оттуда на защиту кандидатской диссертации в Москву, которая состоялась 7 октября 1941 г. в МГУ. После успешной защиты и выздоровления Евгений Игнатьевич снова в рядах Красной Армии: с декабря 1941 г. по август 1945 г. он служил рядовым 33 запасной стрелковой дивизии в качестве лектора политотдела. В августе 1945 г., после демобилизации, Е.И. Крупнов был восстановлен в должности старшего научного сотрудника в ГИМе и Московском отделении ИИМК АН СССР. Рекомендуя восстановить Е.И. Крупнова на работе в ИИМК АН СССР, выдающийся советский ученый С.В. Киселев отмечал, что Е.И. Крупнов – сейчас единственный специалист по археологии Северного Кавказа, создавший новое представление о ряде этапов истории горских народов; что его труды высоко ценят в СССР и за границей, и его возвращение в Институт диктуется как его высокой квалификацией, так и полным отсутствием других археологов – специалистов по Кавказу (Архив ИА РАН. Р–6. № 87. Л. 1).

Возвратившись к научной работе, Е.И. Крупнов отдался ей с необыкновенной одержимостью и энергией. Начался второй, послевоенный, период его творческого пути, наполненный столь кипучей и многогранной деятельностью, такими обширными открытиями и столь крупными научными достижениями, что просто удивительно, как все это мог сделать один человек. При этом надо помнить, что в 1950-е и 1960-е годы Е.И. Крупнову пришлось совмещать полевую и научную работу с большой научно-организационной деятельностью: с 1951 по 1960 г. он являлся заместителем директора Института истории материальной культуры – Института археологии АН СССР, а затем в течение ряда лет возглавлял одно из ведущих подразделений института – сектор неолита и бронзы (1962–1970 гг.). Если добавить, что Е.И. Крупнов все эти двадцать пять лет активно занимался подготовкой научных кадров и создал свою, широко признанную сейчас школу в кавказоведении, а также проводил значительную общественную работу, то станет ясно, насколько разнообразна и плодотворна была деятельность этого замечательного ученого и гражданина и как велик его вклад в развитие нашей науки в целом и советского-российского кавказоведения в особенности.

Во время войны археологические исследования на Северном Кавказе были полностью прерваны, и в первые послевоенные годы Е.И. Крупнов оказался в буквальном смысле единственным археологом-кавказоведом не только в Москве, но и почти на всем Северном Кавказе. Поэтому ему пришлось сразу после демобилизации начать активные полевые археологические работы, которые охватили теперь кроме Ингушетии и Северной Осетии также Кабардино-Балкарию, Дагестан, Северо-Западный Прикаспий, восточные районы Ставропольского края, Пятигорье и, наконец, территорию Чечни.

В 1946–1949 гг. экспедиция ГИМ, ИИМК АН СССР и Кабардинского научно-исследовательского института под руководством Е.И. Крупнова проводит в Кабардино-Балкарии широкие разведочные работы и исследует подкурганные погребения майкопской культуры (III тыс. до н.э.), комплексы так называемой северокавказской культуры среднебронзового века (II тыс. до н.э.), могильники кобанской культуры (конец II – первая половина I тыс. до н.э.) и средневековые памятники (Крупнов, 1948а; 1949а; 1950 и др.).

На основе результатов археологических работ в Центральном Предкавказье в довоенные годы и с учетом материалов раскопок своих экспедиций Е.И. Крупнов приступает к созданию обобщающего труда по археологии и древней истории Кабарды. Подготовленные им отдельные крупные разделы этого труда, начиная с "Археологического очерка Кабардинской АССР" (Крупнов, 1946), были опубликованы в изданиях Кабардинского НИИ (Крупнов, 1948б; 1949б; 1951 и др.). Отдельно укажем на монографически изданный замеча-

тельный клад бронзовых изделий VIII в. до н.э., обнаруженный у сел. Жемтала в Кабардино-Балкарии (Крупнов, 1952). Можно сказать, что венцом работ Е.И. Крупнова по археологическому изучению данной территории Северного Кавказа стал его труд "Древняя история и культура Кабарды", опубликованный издательством "Наука" в Москве (Крупнов, 1957а). Это первый в науке обобщающий труд по древней истории и культуре населения Центрального Предкавказья, начиная с эпохи древнего каменного века до средневековья. Его выход в свет явился заметным событием в развитии кавказоведения и был высоко оценен в научной и периодической печати (Мунчаев, Марковин, 1959. С. 266–270; и др.).

Необходимо отметить, что именно Е.И. Крупнов, обобщив все известные к середине 1950-х годов материалы из Кабардино-Балкарии по эпохе ранней бронзы, поставил вопрос о необходимости объединить эти и связанные с ними в культурно-хронологическом отношении другие памятники Северного Кавказа в понятие "майкопская культура" (Крупнов, 1957а. С. 45–70). Собственно после этого всемирно известная культура раннебронзового века Северного Кавказа называется в науке майкопской культурой (Мунчаев, 1975. С. 47).

Одновременно с работами в Кабардино-Балкарии Е.И. Крупнов ведет экспедиционные исследования и в других регионах Северного Кавказа, в частности в Дагестане. Здесь он проводит в 1947 г. раскопки могильника у аула Тарки близ г. Махачкала. Новые материалы позволили уточнить хронологию каякентско-харачоевской культуры. Но самое важное в научном отношении заключалось в открытии Е.И. Крупновым здесь погребальных комплексов, засвидетельствовавших впервые факт проникновения сарматов в I–II вв. н.э. столь далеко на юг – в прикаспийскую часть Дагестана (Крупнов, 1948в. С. 19, 20; 1951в. С. 208–225). В Тарках оказались не только захоронения местного населения, но и погребения пришлых и, видимо, осевших здесь сарматов. О том, что через приморский Дагестан прошли (или проходили) за много веков до этого скифы, совершая свои походы в Переднюю Азию, было хорошо известно. Но тот факт, что на данной территории побывали и их потомки – сарматы, стало новым словом в науке, неизвестной до этого страницей в древней истории Дагестана и всего Кавказа.

Учитывая большую научную значимость этого факта, Е.И. Крупнов предложил продолжить его работы в Дагестане крупнейшему в стране специалисту по сарматской археологии К.Ф. Смирнову. Последний провел начиная с 1948 г. в приморском и предгорном Дагестане исследования как Таркинского могильника, так и других погребальных памятников сармато-аланского периода, а также эпохи бронзы и средневековья и тем самым внес большой вклад в изучение археологии и истории Дагестана и Северного Кавказа в целом.

В дальнейшем Е.И. Крупнова, как ученого-кавказоведа, продолжали интересовать важнейшие проблемы археологии и древней истории этого уникального региона Кавказа. Об этом свидетельствуют как труды, посвященные древним памятникам Дагестана, так и другие исследования, в которых рассматривались археологические комплексы Дагестана на фоне общего историко-культурного развития Кавказа (Древности Дагестана, 1974. С. 6, 7).

Наряду с работами в Кабардино-Балкарии и Дагестане, Е.И. Крупнов завершил раскопки Нестеровского могильника кобанской культуры в Ингушетии и с начала 1950-х годов приступил к широким полевым исследованиям на территории Северной Осетии и Чечено-Ингушетии. В 1952 г. им были начаты у сел. Мужичи (Ассинское ущелье, Ингушетия) раскопки так называемого Лугового могильника, относящегося к позднему этапу кобанской культуры. В течение четырех полевых сезонов (1952, 1955–1957 гг.) памятник был полностью исследован – здесь было раскопано свыше 160 погребений середины I тыс. до н.э. По настоящее время он остается наиболее крупным из исследованных на Северном Кавказе могильников кобанской культуры, характеризующим глубокие связи и взаимовлияния местных культур Кавказа, степного скифо-сарматского мира и даже связи со странами Ближнего Востока. Полученные материалы этого чрезвычайно ценного памятника были частично опубликованы Е.И. Крупновым в серии работ, но подготовить задуманное им монографическое издание Лугового могильника он, к глубокому сожалению, не успел из-за преждевременной смерти. В какой-то степени это удалось сделать его ученикам (Мунчаев, 1963а; Козенкова, 1977; 1982; и др.).

Исследование Лугового могильника показало, что он был устроен на месте существовавшего здесь в III тыс. до н.э. небольшого поселения, которое оказалось по-настоящему уникальным памятником кавказской археологии. Открытие Лугового поселения убедительно доказало факт проникновения на эту территорию Северного Кавказа не только известной культуры раннебронзового века Предкавказья – майкопской, но и синхронной ей так называемой куро-аракской культуры Закавказья и Северо-Восточного Кавказа. Здесь в одном памятнике удивительно сочетались элементы обеих культур. Комплекса с таким синкретическим характером культурных традиций не знала до сих пор археология Кавказа раннебронзового века. В результате его открытия заметно изменились представления как об ареале отмеченных культур, так и о их взаимодействии и взаимовлиянии (Мунчаев, 1975. С. 336–366), а так-

же стало возможным поставить впервые вопрос о единстве древнейших культур Закавказья и Северного Кавказа (Крупнов, 1964а и др.).

Одновременно с раскопками Лугового могильника и поселения и разведочными работами в Северо-Западном Прикаспии несколько отрядов объединенной Северо-Кавказской экспедиции под руководством Е.И. Крупнова провели в 1957–1962 гг. широкомасштабные исследования в Северной Осетии. Они были сконцентрированы в районе ст. Эльхотово-Змейской. Там впервые был раскопан бытовой памятник кобанской культуры – Змейское поселение IX–VIII вв. до н.э. (Крупнов, 1961а). Исключительные по важности результаты были достигнуты в результате раскопок у ст. Змейской обширного катакомбного могильника XI–XII вв. и одного из наиболее крупных средневековых городищ Центрального Предкавказья "Верхний Джулат". Эти памятники получили освещение в большой серии трудов, в том числе в двух специальных публикациях, изданных с участием и под редакцией Е.И. Крупнова (Археологические раскопки в районе Змейской..., 1961; Средневековые памятники Северной Осетии, 1963). Полученные экспедицией Е.И. Крупнова в Эльхотово-Змейской "археологические материалы принадлежат ныне к числу основных источников по древней и средневековой истории Северной Осетии" (Кузнецов, 1973. С. 4). Следует подчеркнуть, что на основании изучения этих материалов Е.И. Крупнову удалось впервые поставить в широком аспекте проблему связей Северного Кавказа с Древней Русью и отождествить Верхне-Джулатское городище с упоминаемым в древнерусских летописях "славным ясским городом Дедяковым" (Крупнов, 1964б).

Помимо работ в предгорных и горных районах Северного Кавказа Е.И. Крупнов проводил археологическое изучение обширной, ныне полупустынной и безводной территории Северо-Западного Прикаспия. В итоге многолетних разведочных работ в этом регионе Восточного Предкавказья (1946–1948, 1951, 1956 гг.), а также раскопок курганов у сел. Ачикулак, были собраны обширные коллекции материалов по неолиту, эпохе бронзы, раннежелезному веку и средневековью (Крупнов, 1954; 1957б; 1962 и др.). Проведенные специальные палеогеографические исследования в совокупности с полученными многочисленными и разнообразными археологическими данными в Северо-Западном Прикаспии позволили установить, что в древности здесь были чрезвычайно благоприятные экологические условия для обитания и развития хозяйства, прежде всего скотоводства. Установив причины, приведшие к запустению этого интересного края, Е.И. Крупнов поставил вопрос о возможности и необходимости экономического возрождения данного региона страны и превращения его в полноценный очаг развития современного сельского хозяйства (Крупнов, 1961б и др.).

Прежде чем завершить характеристику общих результатов беспрецедентных по масштабам экспедиционных работ Е.И. Крупнова на Северном Кавказе, следует отметить, что одновременно он стал организатором и первым руководителем одной из крупнейших новостроечных экспедиций ИИМК АН СССР (1951–1954 гг.) в зоне сооружения Сталинградской ГЭС в Нижнем Поволжье (Крупнов, 1953; 1959 и др.). Результаты работ этой экспедиции общеизвестны.

Значительный вклад внесен Е.И. Крупновым в организацию первой российской археологической экспедиции в Месопотамии. В 1966 г. в составе делегации АН СССР Е.И. Крупнов был командирован в Багдад в связи с открытием там Национального музея Ирака, кстати, того самого музея, который был разграблен весной 2003 г. в результате военной операции США и Англии в Ираке. Ознакомившись с состоянием археологических исследований в стране, он счел глубоко несправедливым отсутствие среди множества зарубежных миссий, работающих в Месопотамии, экспедиции нашей страны. Возвратившись в Москву, Е.И. Крупнов энергично взялся за организацию советской экспедиции в Месопотамии. И уже в 1968 г. Президиум АН СССР принял постановление об ее организации (Мунчаев, 1996. С. 3.4). К сожалению, болезнь не позволила Е.И. Крупнову возглавить месопотамскую экспедицию. Но эта экспедиция начиная с 1969 г. по настоящее время успешно ведет свои исследования в Северной Месопотамии – она провела уже 14 полевых сезонов в Ираке (1968–1980; 1984–1985 гг.) и 15 в Сирии (1988–2002 гг.). Результаты этих работ получили широкую международную известность, были опубликованы в Европе, США, Японии, Ираке и Сирии; группе ее участников была присуждена Государственная премия РФ в области науки.

Однако основным делом жизни Е.И. Крупнова всегда оставался Кавказ. Еще в годы войны, узнав о депортации чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев и калмыков, он счел ее глубоко несправедливой акцией и воспринял как личную трагедию. Когда в 1956 г. была восстановлена автономия Чечено-Ингушской Республики, Е.И. Крупнов активно включился в работу по ее возрождению и в изучение археологии, древней и средневековой истории и культуры вайнахов. Учитывая тот факт, что восточная часть ЧИАССР, т.е. территория собственно Чечни, была наименее изученной в историко-археологическом отношении областью Кавказа, Е.И. Крупнов поставил ее исследование как приоритетную задачу руководимой им Северо-Кавказской экспедиции. Работы экспедиции, к которым подключились Республиканский краеведческий музей и вновь созданный в 1957 г. НИИ

истории, языка и литературы при Совете Министров ЧИАССР, оказались сконцентрированными в Чечне. Намеченная и в значительной степени осуществленная под руководством и при непосредственном участии Е.И. Крупнова задача археологического изучения Чечни стала венцом его жизненной программы – программы ученого и гражданина. Она предполагала сплошное обследование равнинной, а главным образом предгорной и горной Чечни, выявление и исследование ее бытовых, погребальных и культовых памятников для создания первого в историографии сводного труда по истории Чечни с древнейших времен (Мунчаев, 2002. С. 25–37).

Для решения поставленной задачи Е.И. Крупнов привлек к участию в экспедиции не только своих учеников, тогда еще молодых специалистов – Р.М. Мунчаева, В.И. Марковина, В.А. Кузнецова, В.И. Козенкову, но и таких уже признанных ученых, как Н.Я. Мерперт и В.П. Любин. Штаб экспедиции во главе с Е.И. Крупновым находился постоянно в сел. Серженьюрт Шалинского района ЧИАССР. В разные годы в составе Северокавказской экспедиции, работавшей в Чечне, функционировали от трех до пяти отрядов: палеолитический, горный, предгорный, или серженьюртовский, степной (мекенский), разведочный и бамутский. Одно из крупных достижений экспедиции – открытие в Чечне первых местонахождений каменного века, благодаря чему удалось доказать, что территория Чечни, как и другие сопредельные области Кавказа, была освоена человеком уже в палеолите.

Чрезвычайно плодотворными оказались раскопки памятников эпохи бронзы и раннежелезного века. В степной зоне был исследован большой курганный могильник у ст. Мекенской в Наурском р-не (Крупнов, Мерперт, 1963. С. 9–48; и др.). Открытые в нем погребения оказались связанными не только с майкопской и северокавказской культурами III–II тыс. до н.э., но и с культурами бронзового века Восточной Европы – ямной, катакомбной и срубной. Они засвидетельствовали не просто наличие контактов и культурного взаимодействия в эпоху бронзы племен Северного Кавказа с Причерноморьем и Поволжьем, но доказали факт периодического проникновения отдельных групп степного населения в Восточное Предкавказье.

Памятники бронзового века были открыты и исследованы также в предгорьях и горных районах Чечни. Наиболее крупным из них является могильник у сел. Бамут Ачхой-Мартановского р-на. Здесь было раскопано более 50 курганов, содержавших не менее 250 погребений. В 18 курганах древнейшие погребения принадлежали майкопской культуре (Мунчаев, 1975. С. 286–307), а большинство остальных – культуре развитой бронзы (II тыс. до н.э.). Бамутский могильник – самый крупный среди исследованных памятник бронзового века на территории Чечни и один из наиболее изученных на Северном Кавказе в целом. В итоге его раскопок подтвердился факт широкого распространения майкопской культуры глубоко на юг, вплоть до границы с Дагестаном. Раскопки курганов у сел. Бамут заметно изменили представления о культурно-историческом процессе на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы. На основании полученных здесь данных, например, мы узнали впервые о времени появления на Северном Кавказе гончарного круга и начале развития здесь коневодства.

Южнее сел. Бамут экспедицией было раскопано поселение кобанской культуры, датированное началом I тыс. до н.э. Но значительно более крупные работы были проведены на Бамутском позднесредневековом могильнике, где исследовано более 20 так называемых кабардинских курганов. Они убедительно доказали факт проникновения после татаро-монгольского нашествия в восточные районы Северного Кавказа отдельных групп адыгского населения (Крупнов, Мунчаев, 1963).

Другим крупным центром работ экспедиции Е.И. Крупнова в предгорной Чечне в конце 1950-х и 1960-х годах стало сел. Серженьюрт (Шалинский р-н). Здесь в течение более десяти лет исследовалась группа взаимосвязанных в культурно-хронологическом отношении памятников (Мерперт, 1962; Мунчаев, 1962; Козенкова, Крупнов, 1964; и др.). Наиболее значительным раскопкам подверглись один из поселков-убежищ (Серженьюртовское I поселение) и могильник. Они датируются концом II – первой половиной I тыс. до н.э. На этом поселении, как и на другом аналогичном памятнике (Серженьюрт II), выявлен также слой эпохи ранней бронзы, содержавший выразительный комплекс орудий труда, оружия и особенно керамики (Мунчаев, 1975. С. 337–348).

В Чечне и на Северном Кавказе в целом до сих пор нет столь полно исследованного древнего бытового памятника, как Серженьюртовское I поселение. Это был хорошо спланированный и благоустроенный поселок с вымощенными галечником тремя улицами. Полученный здесь большой и разнообразный материал характеризует многие стороны быта и хозяйства его обитателей. Судьба поселка оказалась трагической – он погиб в результате нашествия скифов. Исследованию этого памятника посвящена специальная монография, так же, как и Серженьюртовскому могильнику. Подчеркнем, что это первый на Северном Кавказе могильник эпохи поздней бронзы и раннего железа с захоронениями вооруженных всадников.

Особо отметим, что к настоящему времени удалось ввести в научный оборот не только почти все категории обнаруженных в памятниках Серженьюрта археологических материалов, но и из-

дать обобщающие труды, основанные на них (Козенкова, 1977; 1982; 1996; 2001; Kozenkova, 1992). Все они, как видим, опубликованы В.И. Козенковой после смерти Е.И. Крупнова, но были вдохновлены, по ее признанию, обязательствами перед памятью своего учителя, многолетней совместной работой с ним и под его руководством в Серженьюрте, Чечне, на Северном Кавказе.

Чрезвычайно результативными оказались и работы Северокавказской экспедиции в горной зоне Чечни. Они охватили почти все ее районы и памятники всех периодов – от каменного века до позднего средневековья. Благодаря исследованию здесь памятников II тыс. до н.э., в частности могильников близ сел. Гатын-Кале и у сел. Малый Харсеной (Шатойский р-н) удалось изучить культуру горной Чечни эпохи средней бронзы (Марковин, 1963; 1968; 1994; 1995; и др.). Горным отрядом экспедиции были исследованы также памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа и многочисленные комплексы средневековья. Отметим для примера довольно своеобразный в системе древностей Северо-Восточного Кавказа могильник у сел. Зандак (Ножайюртовский р-н). В нем было вскрыто около 60 погребений, сочетавших в себе признаки кобанской и каякентско-харочоевской культур (Марковин, 2002). Укажем еще на курганы у сел. Гойты (Урус-Мартановский р-н), в которых открыты богатые скифские погребения VI–V вв. до н.э.

Благодаря широким многолетним полевым исследованиям Е.И. Крупнова удалось не только восстановить основные этапы культурно-исторического развития многих народов Северного Кавказа с древнейших времен до позднего средневековья, но и осмыслить в культурно-хронологическом отношении значительные и разнообразные группы впервые исследованных на Северном Кавказе археологических памятников, определить их место в системе кавказских и восточно-европейских древностей. Трудно представить, какого напряжения сил, какого титанического труда стоило Е.И. Крупнову осуществление всего этого за 25 послевоенных лет. Это был гражданский подвиг ученого во славу кавказоведения и отечественной науки!

Но Е.И. Крупнов в эти годы не ограничивался экспедиционной работой, не менее многогранна и плодотворна была его общественная, научно-организационная и, особенно, научная деятельность.

В 1960 г. вышел в свет фундаментальный труд "Древняя история Северного Кавказа" (Крупнов, 1970), успешно защищенный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. В этом капитальном исследовании культурно-историческое и общественно-экономическое развитие народов Северного Кавказа в конце II–I тыс. до н.э. было впервые всесторонне рассмотрено как часть общей истории Кавказа и всей Юго-Восточной Европы. Основу труда составил анализ кобанской культуры; дав ее всеобъемлющую характеристику, Е.И. Крупнов убедительно показал, что рассмотренный период имеет особое значение для выяснения этногенеза северокавказских народов (Атаев, Шейхов, 1962; Мунчаев, 1963б). Был разработан ряд существенных вопросов, касающихся древней истории и археологии Кавказа в целом: например, скифо-киммерийская проблема. До сих пор нет другой работы, в которой она была бы изучена столь глубоко и в таком широком аспекте применительно к Кавказу (что само по себе выводит значение труда Е.И. Крупнова далеко за ее пределы). Хотя после издания "Древней истории Северного Кавказа" опубликовано немало трудов по кобанской культуре, в том числе самого Е.И. Крупнова, его книга не утратила научного значения и остается настольной для всех, интересующихся древней историей России и Евразии в целом. Вполне понятно, что этот капитальный труд был удостоен Ленинской премии (1963 г.).

Общее количество печатных работ Евгения Игнатьевича составило 216 наименований (см. Е.И. Крупнов. Биобиблиографический очерк, 1994, и полный список: "Кавказ и Восточная Европа в древности". М., 1973. С. 8–18). В этом списке следует обратить внимание на труды, изданные после публикации "Древней истории Северного Кавказа" в 1960 г. Среди них особо выделяется опубликованное посмертно в 1971 г. крупное монографическое исследование "Средневековая Ингушетия", в котором подведены итоги более чем тридцатилетних исследований Е.И. Крупновым истории и культуры этого замечательного края Северного Кавказа. Именно в данном труде более всего Е.И. Крупнов проявил себя не только как историк и археолог, но и как знаток фольклора и этнографии вайнахов и других народов Северного Кавказа, т.е. как кавказовед в широком смысле. Несмотря на то, что по истории Ингушетии к настоящему времени издано уже немало различных работ, "Средневековая Ингушетия" Е.И. Крупнова остается по сей день наиболее крупным и востребованным в российской историографии исследованием по данной большой проблеме.

Е.И. Крупнов был удивительно цельной личностью. Составной частью многогранной деятельности Евгения Игнатьевича стала его большая и целенаправленная работа по подготовке высококвалифицированных научных кадров в области кавказской археологии. Он подготовил более 20 аспирантов, создав свою, "крупновскую" школу в советском и российском кавказоведении. Питомцы его школы успешно работают после кончины учителя как в Москве, так и во многих научных центрах, ВУЗах и музеях Кавказа. Назову

только тех из них, кто защитил докторские диссертации, получил более высокое научное признание и имеет уже своих учеников. Это российские ученые О.М. Давудов, В.И. Козенкова, В.А. Кузнецов, В.И. Марковин, М.Б. Мужухоев, Р.М. Мунчаев (чл.-кор. РАН), декан исторического факультета Чеченского государственного университета профессор М.Х. Багаев, а также сотрудники Института археологии и этнографии АН Азербайджана Т.А. Бунятов (академик НАН Азербайджана), И.Г. Нариманов (чл.-кор.НАН Азербайджана), Г.П. Кесаманлы и Д.А. Халилов.

После смерти Е.И. Крупнова его ученики и коллеги-кавказоведы выступили с инициативой в память о нем – ученом, гражданине и педагоге – проводить систематически "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Первая такая конференция состоялась во Владикавказе в 1971 г. Кроме Москвы и Владикавказа они прошли во всех республиканских и краевых центрах и ряде небольших городов Северного Кавказа (иногда повторно): Геленджике, Грозном, Краснодаре, Нальчике, Новороссийске, Майкопе, Махачкале, Минеральных Водах, Моздоке, Пятигорске, Элисте и др. **Последние, XXII Крупновские чтения состоялись весной 2002 г.** в Кисловодске и Ессентуках, а следующие, посвященные 100-летию со дня рождения Е.И.Крупнова, предполагается провести в марте 2004 г. в Москве. (См.: Козенкова и др., 1996).

Характеристика жизненного и творческого пути Е.И. Крупнова не была бы полной, если бы мы не указали на то, что Евгений Игнатьевич всегда выполнял также большую и разнообразную работу на общественных началах. Достаточно отметить, что в течение более десяти лет он был членом экспертного совета по историческим наукам ВАК СССР, был заместителем председателя исторической секции и руководителем археологической комиссии Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, выполнял обязанности редактора-консультанта "Советской исторический энциклопедии" и т.д.. За высокие научные достижения и плодотворную общественную деятельность ему были присвоены почетные звания "Заслуженный деятель науки ЧИАССР" (1964 г.) и "Заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской АССР" (1967 г.).

Чтобы создать более полный образ Евгения Игнатьевича, следует хотя бы коротко остановиться на том, каким он был как личность. Русский по происхождению и открытости натуры, он отличался и кавказскими чертами характера. Это и понятно: он родился и вырос на Кавказе и хорошо знал обычаи, историю и культуру его народов. Е.И. Крупнов был красивым человеком с высоко поднятой головой и открытым мужественным лицом. Кристально честный и глубоко порядочный, искренний и принципиальный, горячий, темпераментный и вместе с тем спокойный и рассудительный он всегда поражал меня, как и многих других, вероятно, своей доброжелательностью и требовательностью прежде всего к себе, удивительным трудолюбием и обязательностью. Невозможно себе представить, чтобы он забыл о своем слове или обещании. Письма к нему не оставались без ответа: и на официальные запросы, и на личные письма он старался отвечать сразу, даже в последние годы жизни, когда его начала преследовать болезнь сердца. Поэтому его эпистолярное наследие велико и богато. Оно хранится в архиве Института археологии РАН и представляет большой интерес. Евгений Игнатьевич очень ценил дружбу и был преданным другом. Я имел возможность наблюдать его дружбу с земляками из Моздока, зародившуюся в школьные годы и продолжавшуюся до конца жизни. Его близким другом с детских лет был, в частности, известный советский ученый-математик академик Л.И. Седов. А о том, какой Е.И. Крупнов был семьянин – любящий муж и отец, каких детей он вырастил, можно рассказывать очень долго (его дочь Римма – историк русской архитектуры, а сын Александр был министром связи РФ и ныне находится на ответственной работе); трогательна была и его любовь к сестрам и племянникам. А скольким людям он помог просто, по-человечески!

Я благодарен судьбе за то, что она даровала мне такого учителя и наставника, как Е.И. Крупнов. Я его первый ученик и горжусь тем, что имел возможность много лет быть рядом с ним, расти и работать под его руководством, учиться у него жизни и науке.

Е.И. Крупнов скончался 29 сентября 1970 г., скоропостижно, в результате инфаркта миокарда. Он похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище, недалеко от своего учителя В.А. Городцова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.

Атаев Д.М., Шейхов Н.Б. Рец.: Е.И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа // ВИ. 1962. № 3.

Древности Дагестана. Памяти Е.И. Крупнова. Махачкала, 1974.

Евгений Игнатьевич Крупнов (1904–1970). Биобиблиографический очерк. Армавир, 1994.

Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Козенкова В.И. Кобанская культура. Восточный вариант // САИ. 1977. Вып. В-5.

Козенкова В.И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант // САИ. 1982. Вып. В-5.

Козенкова В.И. Евгений Игнатьевич Крупнов (К 90-летию со дня рождения) // РА. 1994. № 1.

Козенкова В.И. Культурно-хронологические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры.) М., 1996.

Козенкова В.И. Поселок – убежище кобанской культуры у аула Сержень-Юрт в Чечне как исторический источник. М., 2001.

Козенкова В.И., Крупнов Е.И. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г. // КСИА. 1964. Вып. 98.

Козенкова В.И., Кузнецов В.А., Чеченов И.М. 25 лет Крупновским чтениям по археологии Северного Кавказа // РА. 1996. № 1.

Крупнов Е.И. Рец.: А.С. Вартапетов. Проблема родового строя ингушей и чеченцев // Революция и горец. 1933. № 5.

Крупнов Е.И. Археологическая экспедиция Государственного музея в Закавказье // СЭ. 1934. № 3.

Крупнов Е.И. Северо-Кавказская археологическая экспедиция Государственного исторического музея // СА. 1936. № 1.

Крупнов Е.И. Северо-Кавказская экспедиция Государственного исторического музея (историко-бытовая) // СЭ. 1937. № 2–3.

Крупнов Е.И. Галиатский могильник по истории аланоссов // ВДИ. 1938. № 2.

Крупнов Е.И. Из результатов Северо-Кавказской археологической экспедиции Государственного Исторического музея 1937–1938 гг. // ВДИ. 1939а. № 1.

Крупнов Е.И. К истории Ингушии // ВДИ. 1939б. № 2.

Крупнов Е.И. Погребения эпохи бронзы в Северной Осетии // Тр. ГИМ. 1939в. Вып. VIII.

Крупнов Е.И. Каякентский могильник – памятник древней Албании // Тр. ГИМ. 1940. Вып. IX.

Крупнов Е.И. Археологический очерк Кабардинской АССР. Нальчик, 1946.

Крупнов Е.И. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР // Уч. записки Кабардинского НИИ. Т. IV. Нальчик, 1948а.

Крупнов Е.И. Основные проблемы древней истории и археологии Кабарды // Уч. записки Кабардинского НИИ. Т. IV. Нальчик, 1948б.

Крупнов Е.И. Археологические работы на Северном Кавказе // КСИИМК. 1948в. Вып. XXVII.

Крупнов Е.И. Археологические исследования в Кабардинской АССР в 1948 г. // Уч. записки Кабардинского НИИ. Т. V. Нальчик, 1949а.

Крупнов Е.И. Очерки по истории Кабарды // Уч. записки Кабардинского НИИ. Т. V. Нальчик, 1949б.

Крупнов Е.И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII.

Крупнов Е.И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода (опыт периодизации памятников энеолита и бронзы) // МИА. 1951а. № 23.

Крупнов Е.И. Древнейший период истории Кабарды // Сборник по истории Кабарды. Вып. 1. Нальчик, 1951б.

Крупнов Е.И. Новый памятник древних культур Дагестана // МИА. 1951в. № 23.

Крупнов Е.А. Жемталинский клад. М., 1952.

Крупнов Е.И. Сталинградская археологическая экспедиция // Вестник АН СССР. 1953. № 6.

Крупнов Е.И. Прикаспийская археологическая экспедиция // КСИИМК. 1954. Вып. 55.

Крупнов Е.И. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957а.

Крупнов Е.И. Первые итоги изучения Восточного Предкавказья // СА. 1957б. № 2.

Крупнов Е.И. Предисловие // Древности Нижнего Поволжья. Тр. Сталинградской археологической экспедиции. МИА. 1959. № 23.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.

Крупнов Е.И. Змейское поселение кобанской культуры (в соавт. с Д.В. Деопиком) // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961а.

Крупнов Е.И. За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности // СА. 1961б. № 3.

Крупнов Е.И. К историко-археологическому изучению степного Дагестана и Северо-Западного Прикумья // МАД. Т. II. Махачкала, 1962.

Крупнов Е.И. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // СА. 1964а. № 1.

Крупнов Е.И. Еще раз о местонахождении Дедякова // Славяне и Русь. М., 1964б.

Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия М., 1971.

Крупнов Е.И., Мерперт Н.Я. Курганы у станицы Мекенской // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

Крупнов Е.И., Мунчаев Р.М. Бамутский курганный могильник XIV–XV вв. // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

Кузнецов В.А. Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Марковин В.И. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963.

Марковин В.И. Дагестан и горная Чечня в древности // МИА. 1968. № 122.

Марковин В.И. Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы // Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Марковин В.И. Могильник эпохи бронзы у сел. Малый Харсеной // Историко-археологический альманах. Армавир; М., 1995.

Марковин В.И. Зандакский могильник на р. Ярык Су. Северо-Восточный Кавказ. М., 2002.

Мерперт Н.Я. Раскопки Серженьюртовского поселения в 1960 г. // КСИИМК. 1962. Вып. 88.

Мунчаев Р.М. Памятники майкопской культуры в Чечено-Ингушетии // СА. 1962. № 3.

Мунчаев Р.М. Луговой могильник (раскопки 1952, 1955, 1956 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии. М., 1963а.

Мунчаев Р.М. Рец.: Выдающийся труд по древней истории Северного Кавказа. Е.И. Крупнов. Древняя

история Северного Кавказа. М., 1960 // СА. 1963б. № 4.

Мунчаев Р.М. К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова // СА. 1964. № 1.

Мунчаев Р.М. Евгений Игнатьевич Крупнов // СА. 1971. № 1.

Мунчаев Р.М. Кавказ на заре бронзового века. М., 1975.

Мунчаев Р.М. Северо-Восточный Кавказ и Ближний Восток (о роли Е.И. Крупнова в организации археологических раскопок на территории Чечни и Месопотамии) // Актуальные проблемы археологии северного Кавказа (XIX Крупновские чтения). М., 1996.

Мунчаев Р.М. К истории археологического изучения Чечни (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 гг.) // Культура Чечни. История и современные проблемы. М., 2002.

Мунчаев Р.М., Марковин В.И. Рец.: Е.И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды // СА. 1959. № 1.

Список печатных трудов Е.И. Крупнова // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Средневековые памятники Северной Осетии // МИА. 1963. № 114.

Kozenkova V.I. Seršen-Jurt. Ein Friedhof der spaten Bronze- und frühen Eisenzeit im Norgoskaukasus. Mainz am Rhein, 1992.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 15–18

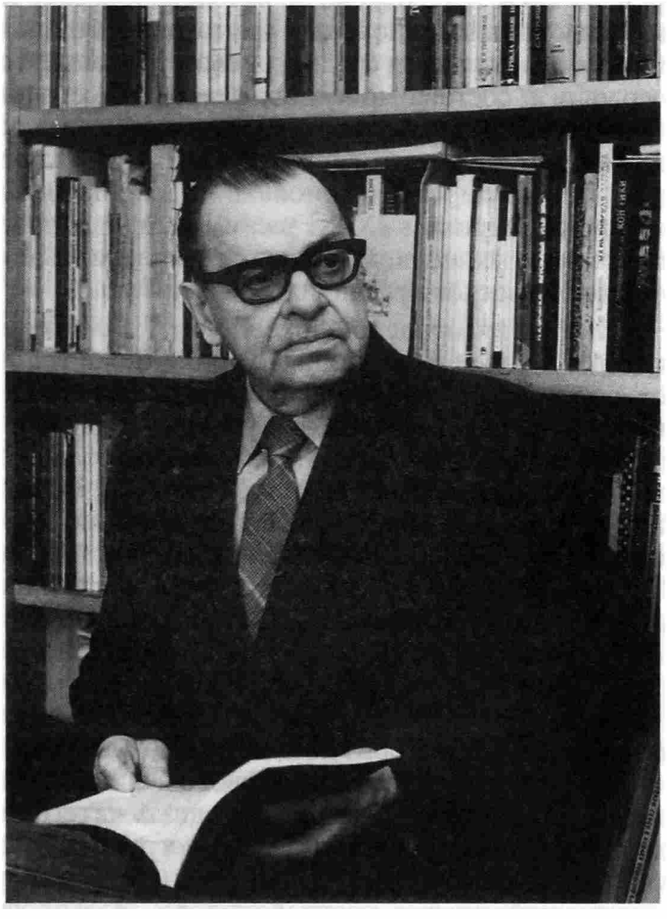
К 75-ЛЕТИЮ В.Л. ЯНИНА

© 2004 г. Н. А. Макаров*, Е. Н. Носов**

*Институт археологии РАН, Москва

**Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

6 февраля 2004 г. исполняется 75 лет выдающемуся историку и археологу академику Валентину Лаврентьевичу Янину – ученому, с именем которого связаны наиболее значительные достижения в изучении Древней Руси во второй половине XX в. Для десятков тысяч наших современников, интересующихся историей России, В.Л. Янин – автор блестящих археологических открытий в Новгороде, человек, который впервые провел нас по средневековым мостовым Неревского и Людина конца, раскрыл перед нами удивительный мир берестяных грамот и заставил заговорить новгородских бояр и простолюдинов, посадника Мирошку Нездинича и художника Олисея Гречина – исторических персонажей, казалось бы, обреченных на вечную немоту. Для сотен профессиональных историков В.Л. Янин – ученый, усилиями которого принципиально обновлена источниковая база для изучения русского средневековья и разработаны новые научные методы, приближающие нас к решению тех проблем истории древнерусского общества, культуры и государственности, которые еще недавно считались недоступными для исследования.

В коротком очерке невозможно в полной мере осветить все результаты научного творчества В.Л. Янина, все многообразные грани его дарования, все направления его кипучей деятельности исследователя, педагога и организатора науки, перечислить все награды, которыми отмечены его труды. Характер юбиляра делает неуместными многословность и пафосность, вынуждая ограничиться констатацией основных фактов, определяющих его место в науке. В.Л. Янин – профессор Московского государственного университета, заведующий кафедрой археологии исторического факультета МГУ, руководитель Новгородской археологической экспедиции, Председатель Совета РГНФ. В.Л. Янин – автор более 700 научных исследований, в том числе более 20 книг. Его труды изданы на 10 языках. В 1966 г. он был избран членом-корреспондентом РАН, в 1990 г. – действительным членом РАН, в 1991 г. – членом Президиума РАН. В.Л. Янин – лауреат Государственных премий (1970, 1996), Ленинской премии (1984), Демидовской премии (1993), премии "Триумф" (2002). Он удостоен Большой Золотой медали РАН им. М.В. Ломоносова (1999).

Научный путь В.Л. Янина начался на историческом факультете Московского государственного университета. Поступив в университет в 1946 г., летом следующего года он впервые приехал на раскопки в Новгород вместе с группой своих однокурсников. Здесь на его глазах и при его участии происходило становление Новгородской экспедиции как крупного творческого коллектива, руководимого А.В. Арциховским. В июле 1951 г. двадцатидвухлетний В.Л. Янин стал свидетелем находки первой берестяной грамоты, а осенью того же года был зачислен в аспирантуру на кафедру археологии МГУ. Работа в Новгородской экспедиции во многом определила общее направление исследовательских интересов молодого ученого. Однако его кандидатская диссертация "Денежно-весовые системы домонгольской Руси", защищенная в 1954 г., непосредственно не была связана с новгородской тематикой, а касалась историко-нумизматических проблем, интерес к которым проявился у молодого исследователя еще в школьные годы.

Уже первая книга В.Л. Янина, основанная на материалах диссертации – "Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период" (М., 1956), стала событием в изучении Древней Руси. Проанализировав состав кладов дирхе-

мов и денариев, найденных в Восточной Европе, В.Л. Янин сделал убедительное заключение, что привозные монеты использовались в древнерусском денежном обращении, и установил тождественность известных по письменным источникам денежных единиц определенным весовым нормам серебряных монет. В этой работе впервые реконструирована древнейшая денежно-весовая система Древней Руси, прослежено ее развитие и распад на две региональные системы. Книга дала мощный импульс для изучения средневековой торговли, топографии и состава монетных кладов. И сегодня, спустя почти 50 лет после своего появления, она остается единственным исследованием, представляющим целостную картину монетного обращения в Восточной Европе в IX–XI вв., имеющим основополагающее значение для оценки уровня социально-экономического развития Древней Руси.

Успехи Новгородской археологии 1950-х годов поставили перед В.Л. Яниным, принимавшим деятельное участие в работе Новгородской экспедиции, задачу найти свою большую тему в изучении средневекового Новгорода. Этой темой стала социально-политическая история Новгорода, история государственных институтов Новгородской республики. Выбирая подходы к ее разработке, В.Л. Янин пришел к убеждению, что исследование может быть продуктивным лишь при параллельном изучении летописных текстов, берестяных грамот, сфрагистических коллекций из Новгорода и историко-топографических и археологических материалов, характеризующих усадебную и кончанскую структуру средневекового города. Анализ и сопоставление этих разнородных категорий источников стали основой для реконструкции истории посадничества – центрального института государственной власти средневекового Новгорода, предпринятой в монографии "Новгородские посадники" (М., 1962). В этом фундаментальном исследовании, защищенном в качестве докторской диссертации (1963), В.Л. Янин впервые раскрыл социальную природу новгородской кончанской организации и принципы формирования посадничества на основе представительства от боярских патронимий из различных концов города.

Исследование посадничества продемонстрировало исключительное значение актовых печатей как источника по истории властных институтов и организации государственного управления. По замечанию В.Л. Янина, "...сама классификация вислых печатей оказывается как бы зеркалом, отразившим состав и эволюцию тех органов власти, которым в разные столетия средневековой истории принадлежало на Руси исключительное право удостоверения официальных документов". Это обстоятельство побудило ученого продолжить начатую еще в 1950-х годах работу по фиксации и систематизации печатей. В.Л. Янин поставил перед собой грандиозную цель: создать общий корпус древнерусских булл X–XV вв., фактически возродив в нашей стране сфрагистические исследования, прерванные в 1930-е годы после смерти Н.П. Лихачева. Этот труд завершился изданием в 1970 г. двухтомного свода древнерусских печатей, содержащего не только каталог из 1543 средневековых булл, но и общую классификацию сфрагистической коллекции, атрибуцию основных сфрагистических типов. Спустя почти 30 лет, в 1998 г., эта работа была дополнена третьим томом, подготовленным в соавторстве с П.Г. Гайдуковым. В том вошли данные о 1130 новых находках. С тех пор авторы публикуют ежегодные своды вислых свинцовых печатей, обнаруженных в 1998–2001 гг., оперативно вводя в науку новейшую информацию, одновременно создавая основу для издания четвертого тома свода свинцовых булл.

Научный путь В.Л. Янина неотделим от его многолетней напряженной работы в Новгородской экспедиции. Все успехи и открытия новгородской полевой археологии стали фактами его личной биографии. Как руководитель экспедиции в течение многих десятилетий он определяет общую программу полевых изысканий, им же осмыслены и их главные результаты. Выдающиеся события в истории новгородских раскопок 1970–2000-х годов: открытие усадьбы священника и иконописца Олисея Гречина, обнаружение комплекса берестяных грамот, сязанных с посадником Мирошкой Нездиничем, находка печати Ярослава Владимировича Мудрого, выявление усадебного комплекса, связанного с совершением судебных разбирательств на Троицком раскопе, открытие комплекса деревянных цилиндров с двумя сквозными отверстиями и остроумная разгадка их назначения как замков от мешков для сбора дани, наконец, находка "Новгородской псалтыри" начала XI в. – определили тематику многих исследований Валентина Лаврентьевича. В их числе изданная в 1981 г. монография "Усадьба новгородского художника XII в." (соавторы Б.А. Колчин, А.С. Хорошев) и опубликованная в 2001 г. книга "У истоков Новгородской государственности".

С другой стороны, основная линия научного творчества В.Л. Янина с 1970-х годов тесно связана с развитием методов комплексного источниковедения и с постепенным освоением новых категорий источников, весьма далеких от археологических материалов, происходящих из новгородских раскопов. Углубленное исследование проблем социально-политической и экономической истории Новгорода потребовало уточнения датировок новгородских актов (на пергаменте и бумаге) XII–XV вв. (монография "Новгородские акты XII–XV вв.: Хронологический комментарий". М., 1991), реконструкции истории формирования и топографии софийского пантеона (монография "Некрополь Новгородского Софийского собора". М., 1988), детального изучения чертежей Новгорода,

раскрывающих историю формирования его планировочной структуры (монография "Планы Новгорода Великого XVII–XVIII вв.". М., 1999), выяснения статуса порубежных территорий на границе Новгорода и Литвы, составлявших домен потомков Мстислава Владимировича (монография "Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв.". М., 1998), наконец, исследования экономического базиса новгородского боярства (монография "Новгородская феодальная вотчина". М., 1981). Эти, на первый взгляд, далеко отстоящие друг от друга по своей конкретной проблематике и хронологии исследования объединены единством метода, основы которого сформулированы в книге "Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород" (М., 1977) и общей установкой на создание прочного источниковедческого фундамента новгородской истории.

Дарование В.Л. Янина особенно полно раскрылось при изучении новгородских берестяных грамот. Его заслуга не ограничивается введением в научный оборот более половины всего массива документов на бересте (они составили четыре объемистых тома), точным прочтением и комментарием сотен документов, тексты которых были плохо читаемы, а содержание малопонятным, персональной идентификацией авторов и адресатов многих писем. В.Л. Янин предложил наиболее продуктивный подход к изучению берестяных грамот, предполагающий их рассмотрение как части всего комплекса находок из новгородских усадеб, внимательный анализ топографического и стратиграфического контекста находок. По словам ученого, берестяные грамоты "стали прочными мостиками, ведущими из глубины раскопа в летописный рассказ. Они сомкнули специфические цели археологии с задачами общеисторического и конкретноисторического характера, считавшимися до сих пор уделом исследователей, работающих исключительно над изучением письменных источников." Впечатления о прогулке по этим "мостикам" талантливо и порой с легким чувством юмора изложены В.Л. Яниным в книге "Я послал тебе бересту", впервые опубликованной в 1965 г. и выдержавшей несколько изданий. Она, несомненно, стала одной из наиболее живых и увлекательно написанных книг о средневековой Руси, предназначенных как для специалистов, так и для широкого круга читателей. При этом В.Л. Янин не опускается до примитивизации истории, а наоборот в доступной для многих форме излагает сложнейшие проблемы нашего прошлого.

С именем В.Л. Янина связаны глубокие изменения статуса и потенциала средневековой археологии, произошедшие в последние десятилетия и, как нам представляется, еще не вполне осознанные в исторической науке. Средневековая археология в России с момента своего зарождения была призвана компенсировать недостаток надежных свидетельств о событиях первых веков русской истории, выполняя при этом до некоторой степени вспомогательные функции. Она должна была оживить картины прошлого, представить материалы для характеристики быта и повседневности, отсутствующие в средневековых документах, подтвердить или опровергнуть ту или иную информацию письменных источников, достоверность которой казалось сомнительной. Развиваясь и накапливая материалы, средневековая археология постепенно расширяла свое участие в обсуждении начальной русской истории, но долго не решалась перейти к самостоятельной постановке крупных исторических проблем. Даже впечатляющие успехи 1930–1960-х годов: археологическое открытие древнерусского города, исследование средневековых ремесел и производств, сельского хозяйства, интенсивная разработка проблем этнокультурной истории и, самое главное, постепенное изменение общего баланса между объемом письменных и вещественных источников по истории Древней Руси – не изменили сложившихся стереотипов. Раскопки в Новгороде способствовали становлению нового, более предметного взгляда на многие явления и события русского средневековья, основанного на ясном видении археологических реалий. Оказалось, что городская усадьба или топографическая структура средневекового города, раскрытые археологическими раскопками, – не менее важные отправные точки для общеисторических исследований чем, скажем, этногеографическая картина Повести Временных лет или юридические нормы, зафиксированные Русской Правдой.

С другой стороны, исследования В.Л. Янина коренным образом изменили сложившиеся представления о значении Новгорода в средневековой истории Восточной Европы, и во многом – о политической и социально-экономической истории Древней Руси в целом. Накопление новых археологических материалов и более внимательное изучение разнообразных письменных источников заставили пересмотреть представление о Новгороде как о периферийном образовании, как о небольшой "крепостце", основанной на северных рубежах древнерусского государства и оказывавшей сравнительно скромное влияние на ситуацию за пределами Приильменья и Поволховья. Сейчас очевидно, что Новгород – один из крупнейших экономических и политических центров Восточной Европы. Анализ летописных текстов, берестяных грамот и сфрагистических материалов, исторической топографии Новгорода и генеалогии новгородских бояр позволил В.Л. Янину сделать вывод, что развитие вечевых республиканских институтов, продолжавшееся вплоть до падения новгородской независимости, уходит своими корнями в политические традиции первоначального государственного образования, формирование которого в Приильменье началось в IX в. Княжеская

власть в Новгороде изначально была ограничена системой местного самоуправления, сила и жизнестойкость которой во многом обусловлены сосредоточением в Новгороде с X в. всего аристократического слоя, осуществлявшего административный и фискальный контроль над огромными территориями Северной Руси. Но и сама этническая история новгородцев в древнейшую пору заметно отличается от истории остальной части восточного славянства. Сопоставляя факты лингвистики, археологии и антропологии, В.Л. Янин указывает на западное, балтийское происхождение новгородских славян. Если это так, то черты своеобразия в политической, культурной и этнической истории раннего Новгорода оказываются более глубокими, чем это предполагалось ранее. В свете сказанного выше история становления Древней Руси, как полагает В.Л. Янин, как единой политической системы и культурной провинции должна быть представлена как объединение двух территориальных блоков: южного – с центром в Киеве и северного – с центром в Новгороде.

Более 25 лет В.Л. Янин возглавляет кафедру археологии Исторического факультета МГУ, выпускники которой, известные своей высокой профессиональной квалификацией, составляют костяк археологических коллективов многих научных учреждениях России. Лекции и семинары Валентина Лаврентьевича, со свойственным им живым разговором о сложнейших профессиональных проблемах археологии, определили выбор специальности десятков молодых людей. Среди учеников В.Л. Янина 6 докторов и 22 кандидата исторических наук. Однако реальное значение его педагогической деятельности неизмеримо шире выполнения обязанностей главы университетской археологии. В.Л. Янин – создатель оригинальной школы комплексного источниковедения, методические установки которой, предполагающие совместное изучение многообразных категорий источников, интеграцию различных специальных исторических дисциплин в изучении тех или иных явлений прошлого, во многом определяют современные подходы к исследованию русского средневековья. Идеи и методы комплексного источниковедения уже несколько десятилетий обсуждаются в МГУ в рамках Новгородского семинара, участниками которого являются специалисты разных дисциплин – от студентов до действительных членов РАН. Организовав Новгородский семинар, В.Л. Янин открыл для десятков медиевистов свою творческую лабораторию, посвятив их в тонкости параллельного анализа текстов летописей и берестяных грамот, археологических материалов и историко-топографических свидетельств.

Как общественный деятель и ученый, обладающий разносторонними знаниями по истории мировой культуры, В.Л. Янин отдает много сил и энергии делу сохранения историко-культурного наследия нашего Отечества. В течение многих лет он являлся членом Президиума Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Он одним из первых в нашей стране поставил вопрос об охране культурного слоя в исторических городах. Принятое по его инициативе в 1969 г. постановление Новгородского горисполкома "Об охране культурного слоя" стало первым юридическим документом, предписывающим проведение охранных раскопок на строительных площадках в исторических городах, основой для последующих нормативных актов, принимавшихся на федеральном уровне. Авторитетное вмешательство В.Л. Янина, его стойкая гражданская позиция позволили сохранить многие ценнейшие памятники археологии и архитектуры, предотвратить реализацию целой серии строительных проектов, разрушительных для объектов историко-культурного наследия.

Осознавая необходимость поиска новых форм организации и финансирования научных исследований в кризисные 1990-е годы, В.Л. Янин много сделал для развития новой для России системы государственных научных фондов, предполагающей поддержку научных проектов в форме грантов. В 1994 г. он стал одним из инициаторов учреждения Российского гуманитарного научного фонда, а в 1996 г. был назначен Председателем Совета РГНФ, взяв на себя ответственность за качество научной экспертизы и общую научную политику этого учреждения. Определяя приоритетные направления в работе фонда, В.Л. Янин придал большое значение широкой поддержке научного книгоиздания и экспедиционных исследований, расширяющих источниковую базу гуманитарной науки. Сейчас, по прошествии девяти лет после создания РГНФ, очевидно, что издательская программа фонда стала основным каналом публикации наиболее значимых фундаментальных исследований, выполняемых в России в общенациональном масштабе. Археология, как и другие гуманитарные дисциплины, многим обязана РГНФ, существование которого сделало возможным реализацию десятков археологических проектов, выполняемых исследователями из различных научных организаций.

Завершая короткий очерк о научно-организационной деятельности Валентина Лаврентьевича Янина, и поздравляя его с замечательным юбилеем, нельзя не сказать, что перед нами не только многогранный, крупный исследователь, ценитель конкретного факта, всегда обрамленного в блестящую научную оправу, но и замечательный человек. Его скромность, простота, обаятельность и неистощимый юмор знакомы всем – от солидных академиков до студентов первого курса. Одинаково увлекательно следовать как его научной мысли в многочисленных трудах, так и смеяться над составленными им стихотворными переложениями текстов берестяных грамот. Желаем Валентину Лаврентьевичу новых творческих удач.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 19–34

СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ В СУЗДАЛЬСКОМ ОПОЛЬЕ

© 2004 г. Н. А. Макаров*, А. Е. Леонтьев*, С. В. Шполянский**

*Институт археологии РАН, Москва

**Государственный Исторический музей, Москва

Археологическое изучение сельских территорий в центральных и северных областях Древней Руси, проводившееся в 1980–1990-х годах в рамках различных локальных проектов, способствовало ликвидации значительных пробелов на археологических картах и позволило отчасти прояснить общую линию развития средневекового культурного ландшафта. Однако при кажущейся широте охвата областей с различными природно-географическими характеристиками нетрудно заметить, что объектами углубленного изучения оказались территории, занимающие окраинное или во всяком случае "не центральное" положение в тех или иных древнерусских землях. Наиболее основательно исследованные области, такие, как Верхнее Подонье (Гоняный и др., 2003), Воря и Кинела (Чернов, 1991а), бассейн Средней Шексны (Кудряшов, 2001) или Жабенская волость (Буров, 1995), лежат за пределами основных территориальных ядер древнерусского расселения XI–XII вв. и составляют периферию крупных административных образований этого времени. Изучение систем сельского расселения X–XIII вв. в тех районах Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, где ранее были выявлены зоны плотной концентрации древнерусских поселений, которые могут претендовать на роль экономических и территориальных "ядер" древнерусских земель, напротив, мало продвинулось вперед.

В 2001–2002 гг. Суздальским отрядом ИА РАН выполнен цикл полевых работ по изучению средневекового расселения и культурного ландшафта на одном из участков исторического центра Суздальской земли, в поречье р. Нерли и ее правых притоков – рек Ирмес и Каменка. Программа работ включала подробное обследование компактной территории общей площадью около 90 км^2 с возможно более полным выявлением средневековых памятников и созданием детальной археологической карты, раскрывающей особенности поселенческих структур. Хотя обследования еще нельзя считать окончательно завершенными, собранные материалы позволяют сделать некоторые новые наблюдения о развитии сети расселения на территории, составлявшей историческое ядро Северо-Восточной Руси в древнейший период ее истории.

Напомним основные вехи в археологическом изучении селищ Суздальского Ополья. Начало их раскопок было положено в 1851–1852 гг. А.С. Уваровым, прорезавшим многочисленными траншеями селищенский слой в Кидекше, Абакумлеве и на Поганом озере. Целенаправленная работа по выявлению древнерусских селищ в Ополье была начата в 1968 г. В.П. Глазовым, показавшим, что вблизи многих населенных пунктов, где некогда находились исследованные А.С. Уваровым могильники, локализуются гнезда поселений X–XII вв. (Глазов, 1968). В конце 1970 – начале 1980-х годов поиски и обследования селищ продолжил В.А. Лапшин, а в начале 1990-х гг., в связи с составлением археологической карты Владимирской обл. – А.Е. Леонтьев. Раскопки селищ – важная составная часть программы работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН, реализованной М.В. Седовой (1997. С. 35–43). Наиболее значительные площади были вскрыты в 1977–1978 гг. Т.Ф. Мухиной (Яковлевой) на селище Васильково (около 220 м^2), в 1980–1991 гг. В.А. Лапшиным на селищах Гнездилово II и Кибол I (соответственно 990 и 190 м^2.) и в 1986–1991 гг. Н.Н. Мошениной на селище Весь 1, где была вскрыта площадь около 1040 м^2. (Лапшин, Мухина, 1988. С. 132–149; Лапшин, 1989а; АКР, Владимирская область, 1995. С. 258–260). В томе АКР "Владимирская область" содержатся данные о 40 средневековых селищах на территории Суздальского района (АКР, Владимирская область, 1995. С. 239–282).

Материалы, собранные в результате полевых работ 1970–1990-х годов, послужили основой для общих наблюдений об организации расселения в центре Суздальской земли и культуре сельских поселений. В.А. Лапшин отметил некоторые существенные черты, характеризующие суздальские селища X–XII вв.: крупные размеры древнейших поселений, наличие вблизи многих из них двух-трех курганных групп, плотную освоенность Ополья и относительно ранний выход поселений на водоразделы (Лапшин, 1985а, б). М.В. Седова предложила рассматривать суздальские села как базис для формирования "суздальской волости" и обратила внимание на некоторые особенности их материальной культуры, указывающие на высокое социальное положение части их обитателей.

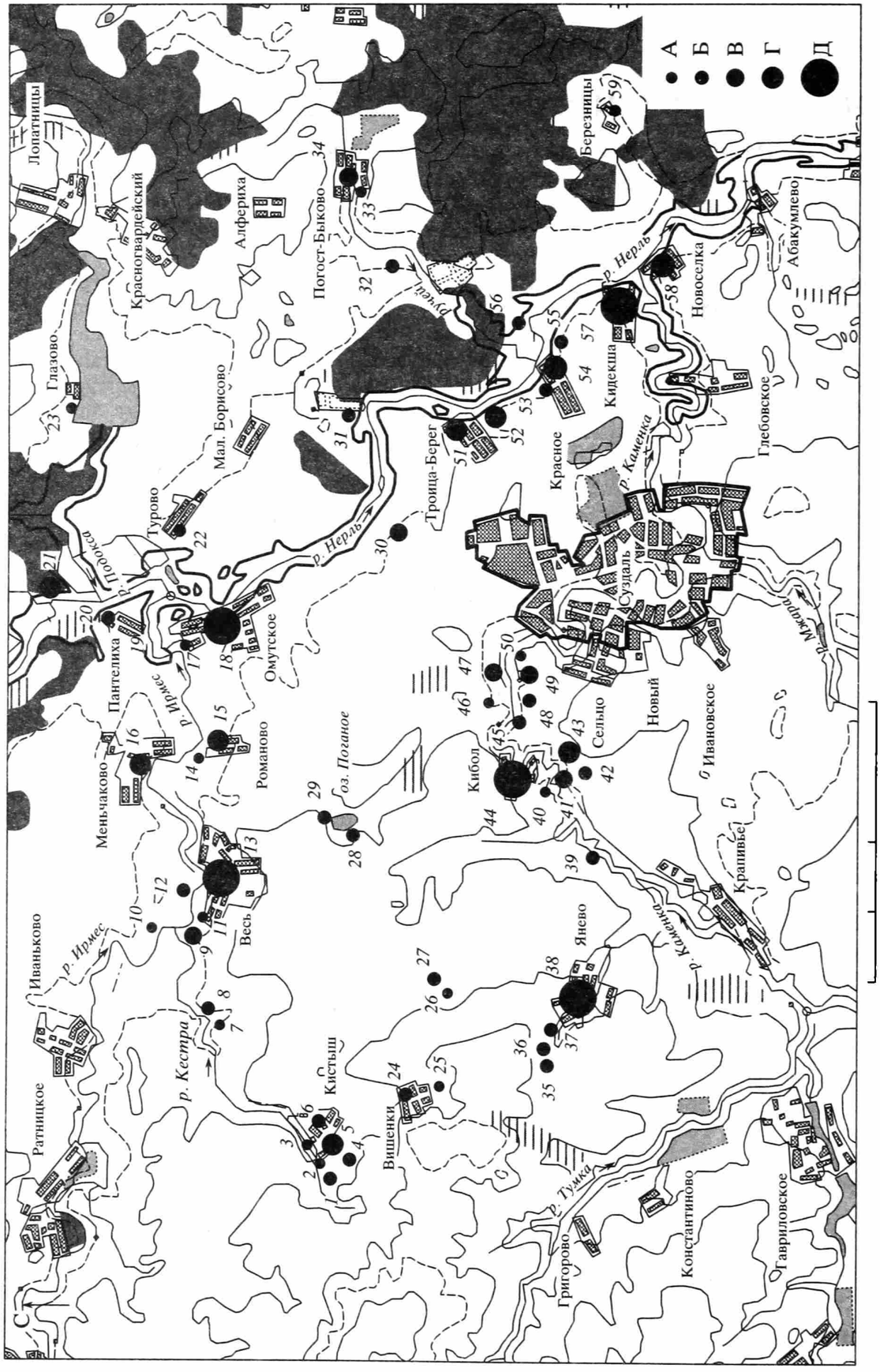

Рис. 1. Средневековые поселения в Суздальском Ополье по материалам обследований 2001–2002 гг. А – поселения площадью до 10 тыс. м^2; Б – поселения площадью от 10 до 30 тыс. м^2; В – поселения площадью от 30 до 50 тыс. кв. м; Г – поселения площадью от 50 до 100 тыс. м^2; Д – поселения площадью от 100 до 190 м^2. *1* – Кистыш 3; *2* – Кистыш 5 (местонахождение); *3* – Кистыш 7; *4* – Кистыш 4; *5* – Кистыш 6; *6* – Кистыш 8; *7* – Кистыш 2; *8* – Кистыш 1; *9* – Весь 1; *10* – Весь 6; *11* – Весь 2; *12* – Весь 5; *13* – Весь 3; *14* – Романово 2; *15* – Романово 1; *16* – Менчаково 1; *17* – Омутское 4; *18* – Омутское 1, 3, 2; *19* – Пантелиха 2; *20* – Пантелиха 1; *21* – Турово 1; *22* – Турово 2; *23* – Глазово 1; *24* – Вишенки 1; *25* – Вишенки 2; *26* – Вишенки 3; *27* – Вишенки 4; *28* – Поганое 2; *29* – Поганое 1; *30* – Троица-Берег 4; *31* – Троица-Берег 3; *32* – Погост-Быково 1; *33* – Погост-Быково 3; *34* – Погост-Быково 2; *35* – Янево 5; *36* – Янево 4; *37* – Янево 3; *38* – Янево 6; *39* – Янево 2; *40* – Кибол 6; *41* – Кибол 2; *42* – Кибол 4; *43* – Кибол 3; *44* – Кибол 5; *45* – Кибол 1; *46* – Кибол 8; *47* – Кибол 7; *48* – Кибол 1а; *49* – Сельцо 4; *50* – Сельцо 5; *51* – Троица-Берег 2; *52* – Троица-Берег 1; *53* – Красное 3; *54* – Красное 2; *55* – Красное 1; *56* – Красное 4; *57* – Кидекша 1; *58* – Новоселка 1; *59* – Березницы 1.

По мнению М.В. Седовой, оружие, дорогие ювелирные украшения и предметы роскоши, найденные на селищах и в курганных могильниках в радиусе 10–15 км от Суздаля, свидетельствуют о связи поселений с княжеско-боярской средой. Исследовательница справедливо связала эти памятники с летописными "селами", которые уже в конце XI в. служили местом размещения дружинников и передавались монастырям. Она впервые отметила преемственность поселений X–XII вв. с принадлежавшими им курганными группами и крупных суздальских сел XIV–XV вв., большинство из которых к XV в. перешло в монастырские владения (Седова, 1997. С. 232–234; 2001. С. 23–31).

Развитие исследований по истории сельского расселения в Суздальском Ополье предполагает, прежде всего, формирование более обширной и надежной источниковой базы, т.е. создания более полной археологической карты и уточнения датировки отдельных памятников. В этих целях для обследования был избран участок, составляющий ближайшую округу Суздаля, ее северный сектор в радиусе до 8–9 км от города (рис.1).

Большей частью это правобережье Нерли – собственно ополье – безлесная волнистая местность, прорезанная долинами притоков Нерли – Ирмеса и Каменки с устоявшейся разветвленной сетью оврагов, связанных с бассейнами рек. На водоразделе Ирмеса и Каменки сохранились несколько мелких заболоченных глухих озер. Основным элементом рельефа ополья являются пологие, иногда пологопокатые склоны. Бóльшая часть территории за пределами населенных пунктов распахивается или распахивалась в недавнем прошлом. Луговая растительность, кустарник составляют покров припойменной части речных долин, склонов и кромок оврагов. Древесная растительность сохранилась на пахотных неудобьях, на месте исчезнувших деревень и кладбищ. Почвы ополья суглинистые темноцветные, черноземновидные и луговые. Левобережье Нерли представляет собой иную ландшафтную зону, отличается более спокойным и низким рельефом и большей залесенностью. Почвы преимущественно луговые и подзолистые.

По административному делению начала XVII в. почти вся эта территория, за исключением северо-восточной части, входила в состав Опольского стана Суздальского уезда. Часть территории на левобережье Нерли принадлежала к Лопатницкой дворцовой волости (Готье, 1937. С. 401–403; Водарский, 1977. С. 244, 245). Современная сеть расселения образована преимущественно крупными селами, история которых по письменным источникам в большинстве случаев может быть возведена к XV–XVI вв. Открытый ландшафт, современное использование значительной части территории в качестве пахотных земель и высокая концентрация средневековых вещей в культурном слое создают оптимальные условия для выявления поселений, определения их границ и сбора значительного количества подъемного материала, позволяющего сравнительно точно установить хронологические рамки заселения различных участков.

За два года полевых работ на территории площадью около 90 км^2 было обследовано 59 поселений и местонахождений второй половины I тыс. н.э. – первой половины II тыс. н.э. (рис. 1), из которых 37 выявлено впервые. Эти цифры убедительно характеризуют как высокую концентрацию средневековых памятников в ополье, так и недостаток наших знаний, казалось бы, о хорошо изученных в археологическом отношении районах центра Русской равнины.

Средневековые селища зафиксированы преимущественно на правобережье Нерли, включая водораздельные участки. 14 поселений на обследованном участке приурочены к долине р. Нерли, 19 – к долине Ирмеса и его притока Кестры, включая ее верховья, 12 – к долине р. Каменки, 10 – к овражным системам и бессточному озеру на водоразделе между Ирмесом и Каменкой. Только 4 селища связаны с небольшими левыми притоками Нерли.

35 селищ, т.е. около 60% от общего числа обследованных памятников, находятся в черте исторических сел и деревень, существующих ныне или исчезнувших в недавнем прошлом, или в ближайших окрестностях этих поселений, 24 – за пределами исторических населенных пунктов, главным образом на участках, используемых или использовавшихся до недавнего времени в качестве полей.

Большинство селищ занимает горизонтальные или наклонные площадки вблизи края террас Нерли, Ирмеса, Каменки и Кестры. Реже поселения локализуются выше по склонам или на относительно плоских нерасчлененных участках. Высота площадок поселений над меженным уровнем воды в близлежащих водоемах варьирует от 2–3 м (Кистыш 2) до 9–16 м (Красное 1, Красное 2), в большинстве случаев она составляет 4–10 м. Участки с выходами культурного слоя и распространением средневековой керамики в плане чаще всего имеют форму овала (34 случая). Иногда они вытянуты сравнительно узкой полосой с пропорциями длины к ширине от 5 : 1 до 10 : 1 (12 случаев). 10 поселений имеют в плане форму неправильных четырехугольников с пропорциями 1 : 1 – 1 : 1.5. Очевидно, особенности планиметрии памятников отражают различия в планировочной структуре поселений. Среди селищ представлены как поселения, вытянутые вдоль реки или озера, так и поселения, приуроченные к оврагам, тянувшиеся перпендикулярно реке.

Средневековые селища на обследованном участке заметно варьируют по своим размерам. Площадь наиболее крупного из них – Омутского 1–2–3 составляет 19.1 га, площади некоторых небольших селищ (Сельцо 5, Погост Быково 3, Кистыш 7) исчисляются в пределах 0.07–0.2 га. Преобладают относительно крупные поселения с размерами от 2 до 6.5 га (29 селищ). Картирование памятников показывает, что большинство из них ассоциировано в гнезда или локальные группы, в которых расстояние между ближайшими поселениями варьирует от нескольких десятков до 500 м, а количество поселений – от двух до шести. Всего можно выделить 16 таких локальных групп, включающих 48 поселений. Как показал анализ датирующего материала, почти все эти группы объединяют близкие по времени поселения и, таким образом, могут рассматриваться как реально существовавшие элементы средневековых систем расселения. Для обследованного участка ополья характерны гнезда из двух-трех поселений, в которых селища удалены друг от друга на минимальные расстояния, но разделены оврагами, ложбинами и руслами ручьев.

Культурные слои поселений представлены преимущественно серо-бурыми опесчаненными гумусированными суглинками и темно-серыми тяжелыми супесями в зонах наибольшей концентрации культурных остатков, содержащими включения золы и угля. Мощность культурных напластований на обследованных памятниках варьировала от 0.25 до 1.2 м, достигая максимальных значений в заглубленных частях сооружений и естественных понижениях материка. При средней небольшой мощности культурных слоев поселений они сильно нарушены распашкой и зачастую полностью переотложены на глубину 0.35–0.4 м от поверхности. Вместе с тем на некоторых крупных поселениях (Кибол 5, Кидекша, Пантелиха 1) при зачистках обнажений и шурфовке краевых участков береговых террас зафиксированы достаточно мощные стратифицированные культурные напластования, формирование которых связано с высокой интенсивностью накопления культурных остатков в течение длительного времени. Мощность культурных отложений на этих памятниках достигает 0.7–0.8 м вне пределов сооружений и демонстрирует продолжительное использование данных участков рельефа для размещения поселений.

Коллекция керамики, полученная при обследовании суздальских селищ, может быть разделена на три основных типохронологических группы:

1. Лепная неорнаментированная керамика с прямым или отогнутым венчиком (рис. 2). Керамическое тесто содержит примесь дресвы и песка, поверхность заглаженная или шероховатая. По особенностям профилировки венчиков сосудов и обработке поверхности внутри этой группы можно выделить две подгруппы. Характерным признаком керамики, отнесенной к первой подгруппе, является прямой или слабо отогнутый венчик с ровно срезанным или скругленным краем без каких-либо налепов и утолщений. Поверхность, как правило, хорошо обработана, реже заглажена, иногда лощеная. Такая керамика известна по материалам мерянских селищ озер Неро и Плещеево (Леонтьев, 1996. С. 52–56), обнаружена в раннем культурном слое Ростова (Самойлович, 2001. С. 240), отмечена при раскопках в Суздале и на селищах Гнездилово и Кибол 1 под Суздалем (Лапшин, 1991а. С. 131. Тип 6; 1991б. С. 121, 122). Для керамики второй подгруппы характерен низкий отогнутый венчик, край которого уплощен или округлен, иногда оформлен насечкой. По сравнению с керамикой первой подгруппы в керамическом тесте более заметна примесь дресвы, лощение отсутствует. Подобная керамика, позволяющая реконструировать различные формы сосудов, преобладает среди лепной в Суздале (Лапшин, 1991а. С. 130–133), широко представлена в коллекциях из раскопок древнерусских селищ под Суздалем и Ростовом (Лапшин, Мухина, 1988. С. 134–136. Рис. 3.1–15; 5; Лапшин, 1991б. С. 121; Исланова, 1982. С. 185–195). В Ростове такая керамика сменяет мерянскую и преобладает среди лепных форм в конце X–XI в. (Леонтьев, Самойлович, 1991. С. 56–59; Леонтьев, 1996. С. 280. Рис. 134; Самойлович, 2001. С. 240). Значительная часть лепной керамики, собранной на суздальских селищах, не поддается дифференциации на подгруппы и может рассматриваться суммарно в рамках первой группы.

2. Сильнопрофилированная круговая посуда, украшенная частым линейным орнаментом, с венчиками, сформованными резким отгибом наружу (рис. 3). Оформление края венчика может быть различным, чаще всего он оформлен с заворотом внутрь чернового края или косо срезан. Подобная керамика имеет многочисленные аналогии в материалах из культурного слоя городов Северо-Восточной Руси домонгольского времени. Период ее бытования в самом общем виде может быть ограничен XI – первой половиной XIII в.

3. Профилированная круговая посуда с меньшей по сравнению с керамикой предыдущей группы отогнутостью венчика наружу (рис. 4). Край венчика обычно уплощен и имеет подтреугольную форму. Часть сосудов украшена линейным орнаментом, преимущественно тонкими редкими линиями. Подобная керамика обнаруживает явное генетическое сходство с круговой керамикой домонгольского времени, но не представлена в комплексах конца XII – первой половины XIII в. во Владимире. Отдельные формы имеют аналогии в напластованиях второй половины XIII–XIV в. Хронологические рамки бытования этой посуды

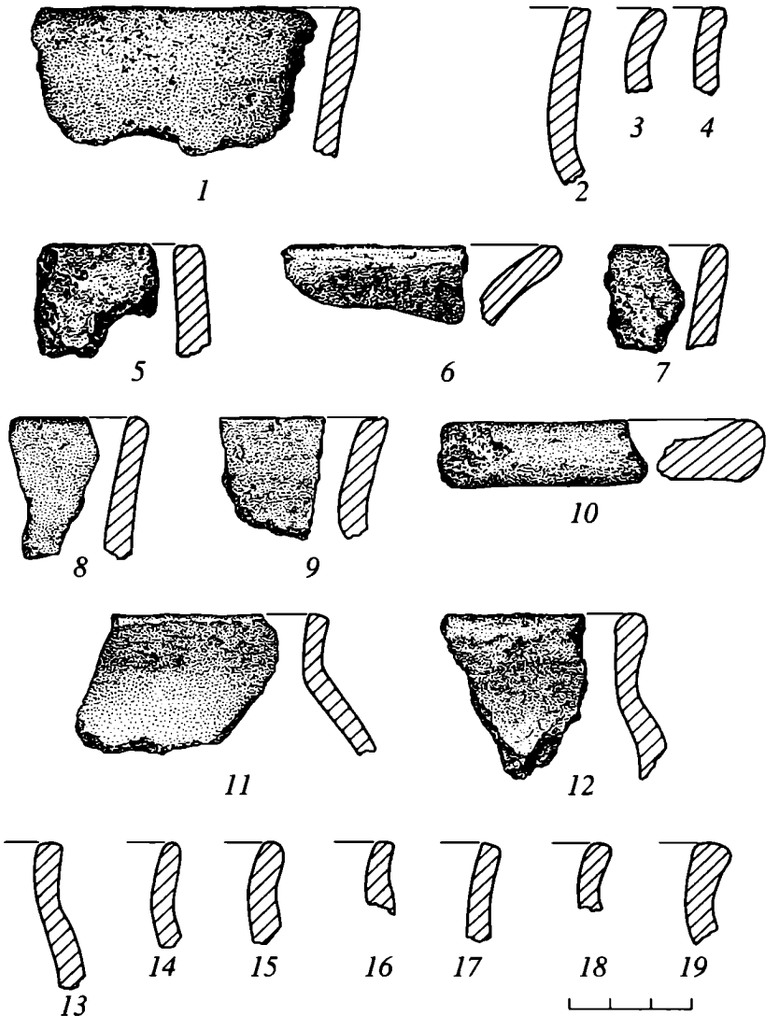

Рис. 2. Селища Суздальского Ополья. Средневековая лепная керамика.
1–7 – Красное 2; *8–10* – Весь 3; *11–19* – Кистыш 1.

могут быть определены в пределах второй половины XIII–XV в.

Поскольку бóльшая часть керамических материалов происходит из поверхностных сборов, а общая типохронологическая шкала средневековой круговой суздальской керамики пока не разработана, мы были вынуждены отказаться от "узкого" датирования отдельных керамических форм, представленных в коллекции. Обоснования датировок опирались на сравнительный анализ керамики с суздальских селищ с датированными керамическими комплексами Суздаля (Лапшин, 1992) и более репрезентативными керамическими сериями из раскопок последних лет во Владимире (Кадиева, 1996. С. 50–54; 2003), позволяющими определенно выделять материалы домонгольского времени и наметить тенденции в развитии керамического производства в регионе в более позднее время. Кроме того, основанием для датировки служили общие закономерности развития керамического производства на территории Северо-Восточной Руси, выделенные исследователями для сопредельных регионов, в первую очередь Ростова, Ярославля, Москвы и Твери, где к настоящему моменту накоплен уже значительный опыт в исследовании средневековой керамики.

Особое значение для выделения керамического материала, относящегося к третьей группе (XIII–XV в.), имеет сравнение керамики Суздальских селищ с материалами, происходящими из Москвы и московского региона, где разработана довольно подробная типология и хронология керамики этого времени (Розенфельдт, 1968. С. 13, 14; Чернов, 1991б. С. 20; Бойцов, 1991. С. 33–40). Среди наиболее заметных моментов для выделения на суздальских селищах материалов, относящихся к XIII–XV вв., отметим наличие на них краснолощеной керамики. Ее появление на территории Владимиро-Суздальской Руси твердо связывается исследователями с усилением контактов с территорией бывшей Волжской Болгарии во второй половине XIV в. Находки краснолощеной керамики зафиксированы на 14 селищах, в основном, на наиболее

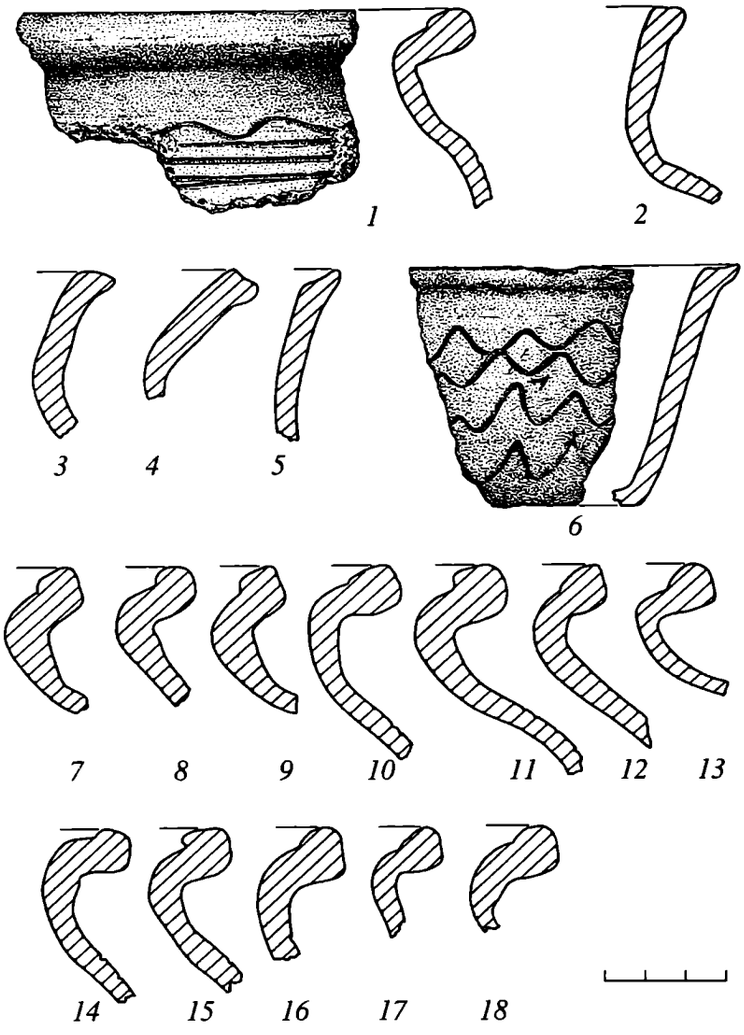

Рис. 3. Селище Турово 1. Круговая керамика XII – первой половины XIII в.

крупных памятниках: Весь 3, Омутское 1, 3, 2, Кидекша, Кибол 5, Менчаково.

Несмотря на некоторую условность разделения части круговой керамики, отнесенной ко второй и третьей группам, и на вероятное сосуществование части лепной керамики и части домонгольской круговой керамики, предложенное членение керамического материала дает основу для характеристики различных хронологических пластов средневекового расселения.

Лепная керамика второй половины I – начала II тыс. н.э. представлена на 24 исследованных памятниках (рис. 5). Несмотря на отмеченные выше сложности разделения материалов "ранней" и "поздней" подгруппы в общем массиве лепной керамики, можно полагать, что преобладание "мерянской" керамики первой подгруппы характеризует такие поселения, как Весь 5 (западный участок памятника), Кистыш 1, Поганое 2, Кибол 1, Кибол 1а, Кибол 3, Кибол 6, Кибол 7, Кибол 8, Сельцо 4, Сельцо 5. Одним из признаков комплексов, верхняя дата которых не выходит за рамки X в., можно считать присутствие в них подлощенной лепной посуды, обнаруженной на 12 селищах (Весь 1, Весь 2, Весь 3, Кибол 1, Кибол 3, Кибол 5, Кибол 7, Сельцо 4, Кистыш 1, Поганое 2, Новоселки, Кидекша).

Для выяснения хронологии поселений с лепной керамикой в Суздальском Ополье существенное значение имеют находки ножей с прямыми спинками (Весь 5, Сельцо 4; рис. 6, *2*, *5*), колоколовидной привески из свинцово-оловянистого сплава и бронзовой обоймицы головного венчика (Кибол 7; рис. 6, *6*, *7*), железной В-образной пряжки и калачевидной пряжки из свинцово-оловянистого сплава (Сельцо 4; рис. 6, *1*, *3*), глиняного биконического пряслица (Кибол 3). Наиболее ранние из них – В-образная и калачевидная пряжки. Железная с округлым сечением рамки, орнаментированной нарезками, и зооморфным язычком принадлежит к группе "рельефных В-образных", различные варианты которых были распространены в V–VII вв. (Бажан, Каргопольцев, 1989; Гавритухин, Малашев, 1998). Ближайшей аналогией В-образной пряжке из Сельца является пряжка с поселения Замятино 8 в Липецкой обл., датированная концом

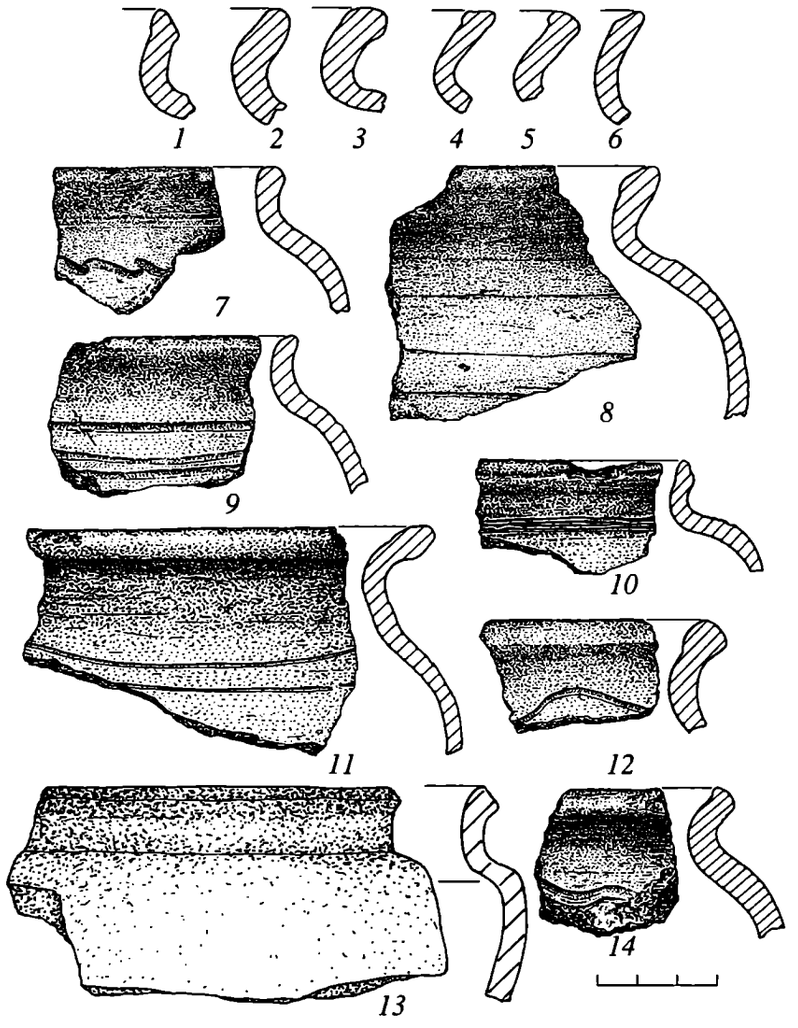

Рис. 4. Селища Суздальского Ополья. Круговая керамика второй половины XIII–XV в.
1–8 – Весь 3; *9* – Березницы; *10* – Вишенки; *11*, *12* – Янево 4; *13* – Менчаково; *14* – Вишенки 2, шурф 1.

IV–V в. (Обломский, 2000. С. 133–135. Рис. 19, *3*). Калачевидные пряжки, сходные с пряжкой из Сельца, появились на юге Восточной Европы в последних десятилетиях IV в. и широко использовались в V в., в лесной полосе, в частности в Поволжье, традиция их изготовления сохранялась до VII в. (Краснов, 1980. С. 59, 99, 100. Рис. 39, *1–5*; Гавритухин, 1996; Гавритухин, Иванов, 1999. С. 117)[1]. Более широкую датировку имеют обоймицы от головных венчиков и колоколовидные привески без ушек. Подобные предметы известны в древностях волжско-финских народов второй половины I тыс. н.э. (Краснов, 1980. С. 42, 43. Рис. 22, *1–4*), в том числе и у мери. В 1989–1991 гг. на селище Кибол I были найдены пластинчатое кресало, трехлопастной наконечник стрелы, сюльгама с короткими усами. Время существования этого поселения было определено автором раскопок в пределах VII–VIII вв. (Лапшин, 1989б). Среди наиболее поздних находок, связанных с комплексами лепной керамики, звено удил с витым стержнем и треугольной петлей (Сельцо 4; рис. 6, *4*), имеющее точную аналогию в материалах поселения Крутик (Голубева, Кочкуркина, 1991. С. 52, 53. Рис. 24, *6*). Таким образом, период существования некоторых поселений с лепной керамикой, возникших не позднее третьей четверти I тыс., продолжался до X в.

Поселения с лепной керамикой образуют три микрорегиона, один из которых ("северо-западный") охватывает течение р. Кестры и Ирмеса в районе с. Весь, второй ("юго-восточный") – правобережье р. Нерли от устья р. Каменки до с. Троица-Берег, а третий – "центральный" участок течения р. Каменки в районе с. Кибол и с. Сельцо (рис. 5). Обособленное положение на водоразделе Ирмеса и Каменки занимает поселение Поганое 2. Судя по распространению лепной керамики, размеры многих поселений второй половины – конца I тыс. н.э. составляли 1.5–2 га, площадь некоторых из них до-

[1] Авторы выражают признательность И.О. Гавритухину, познакомившему их с рядом датированных комплексов, содержащих поясные пряжки, аналогичные пряжкам с селища Сельцо 4.

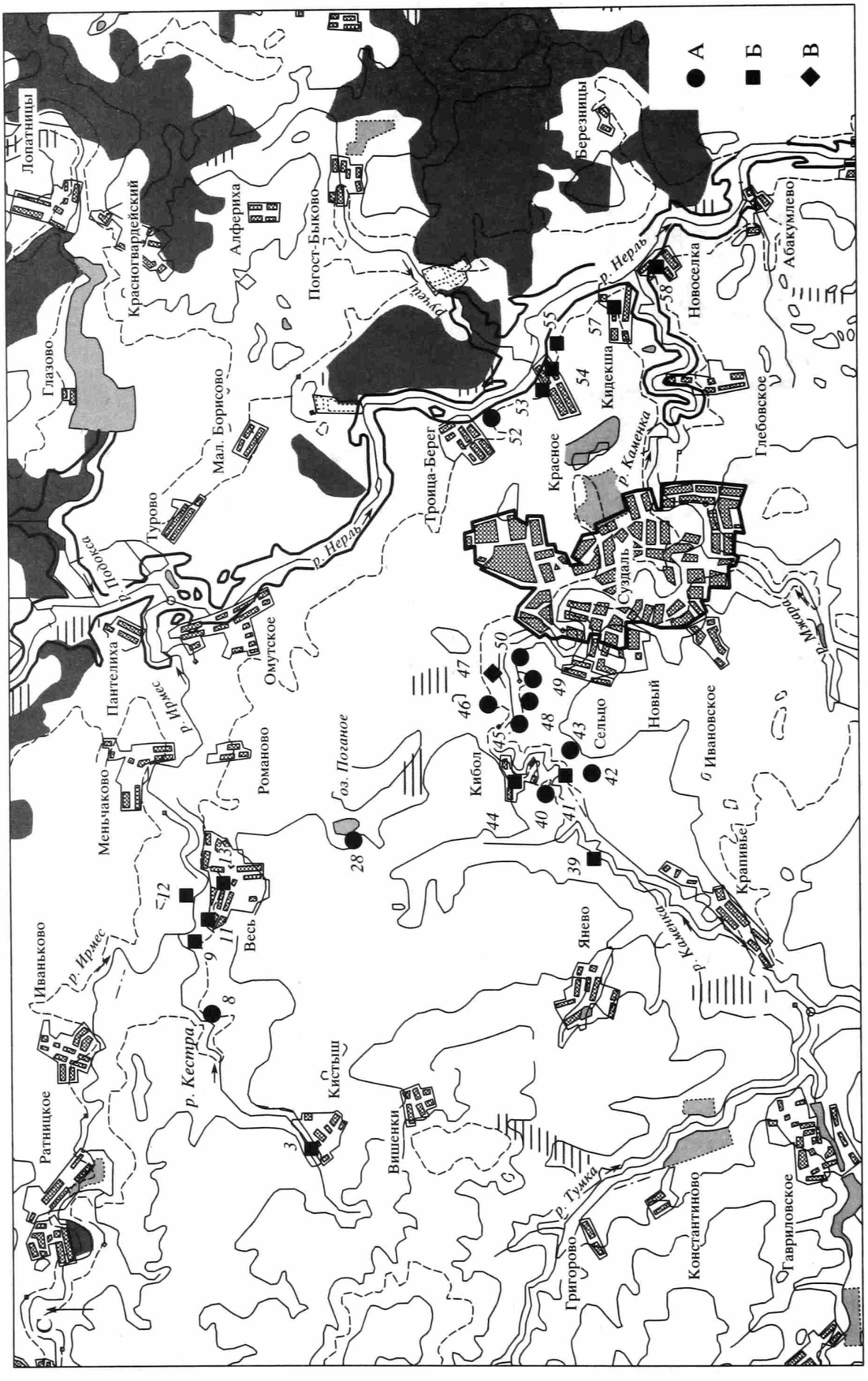

Рис. 5. Поселения с лепной керамикой середины I – начала II тыс. н.э. в Суздальском Ополье. А – поселения с чистым комплексом лепной керамики; Б – поселения с лепной и круговой керамикой XI – первой половины XIII в.; В – поселения с лепной керамикой и находками вещей второй половины I тыс. н.э. (нумерация памятников дана в соответствии с рис. 1). *3* – Кистыш 7; *8* – Кистыш 1; *9* – Весь 1; *11* – Весь 2; *12* – Весь 5; *13* – Весь 3; *28* – Поганое 2; *39* – Янево 2; *40* – Кибол 6; *41* – Кибол 2; *42* – Кибол 4; *43* – Кибол 3; *44* – Кибол 5; *45* – Кибол 1; *46* – Кибол 8; *47* – Кибол 7; *48* – Кибол 1а; *49* – Сельцо 4; *50* – Сельцо 5; *52* – Троица-Берег 1; *53* – Красное 3; *54* – Красное 2; *55* – Красное 1; *57* – Кидекша 1; *58* – Новоселка 1.

стигала 4 га. Центром северо-западного микрорегиона было, очевидно, поселение Весь 3, на котором лепная керамика распространена на площади не менее 4 га. Однако концентрация лепной керамики на большинстве поселений низкая. В общем объеме керамической коллекции, собранной в 2001 г., лепная посуда составляет лишь около 4%.

Круговая керамика XI–XIII вв. собрана на 47 поселениях (рис. 7). На большинстве памятников фрагменты сильнопрофилированных сосудов с резко отогнутым наружу венчиком и частым линейным орнаментом представлены значительными сериями, что свидетельствует о возросшей интенсивности формирования культурных отложений и длительном существовании поселений. 17 памятников с керамикой XI–XIII вв. – селища, возникновение которых, судя по находкам лепной керамики, может быть отнесено к концу I тыс., еще 30 – новые поселения, возникшие на ранее не освоенных местах. Развитие расселения в XI–XIII вв. характеризуется, с одной стороны, увеличением размеров селищ (сборы подъемного материала на таких памятниках, как Весь 3, Кибол 5, Поганое 1, Троица-Берег 1, Красное 3, Красное 2, Кидекша выявили распространение круговой керамики XI–XIII вв. на значительно более обширных площадях, чем более ранней, лепной), с другой – формированием более густой сети поселков и заселением ранее не занятых участков, прежде всего территорий в низовьях Ирмеса и в поречье Нерли от устья р. Подоксы до с. Троица-Берег, на небольших речках – левых притоках Нерли. В этот период на правобережье Нерли практически на всем исследованном участке Ополья формируются крупные поселения площадью 3–6 га (Кибол 5, Кибол 2, Кистыш 6, Турово 1, Пантелиха 1, Романово 1, Троица-Берег 1, Троица-Берег 2, Красное 2). На трех наиболее крупных селищах: Омутское 1, 3, 2, Кидекша и Янево 6 круговая керамика XI–XIII вв. распространена на площади соответственно 14.1, 14.5 и 16.2 га.

Существенным аспектом в развитии расселения в XI–XIII вв. стало освоение водораздельных участков Ополья между Ирмесом и Каменкой. Круговая керамика домонгольского времени представлена на девяти поселениях в междуречье Ирмеса и Каменки, двух одиночных и семи образующих небольшие гнезда. Большинство этих поселений приурочено к оврагам, по дну которых протекали ручьи. Очевидно, для обеспечения водоснабжения на ручьях сооружались запруды, остатки которых прослежены вблизи двух поселений.

В этот период завершается формирование основных групп поселений на исследуемом участке Ополья. Археологически документировано существование в XII–XIII вв. 14 гнезд поселений. Суммарная площадь поселений, образующих одну локальную группу, колеблется от 2 до 20 га. Расстояние между ближайшими гнездами поселений и

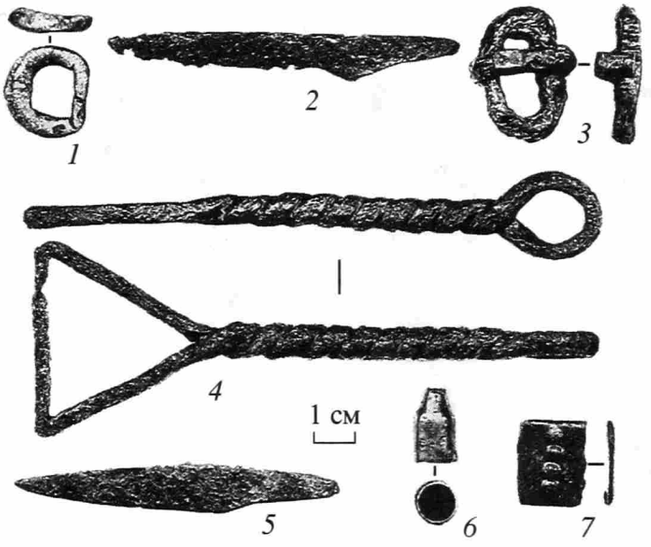

Рис. 6. Селища Суздальского Ополья. Находки второй половины – конца I тыс. н.э., собранные на поселениях с чистым комплексом лепной керамики. *1–4* – Сельцо 4; *5* – Весь 5; *6–7* – Кибол 7.

одиночными поселениями, не ассоциированными в гнезда, варьирует от 0.7 до 2.5 км, чаще всего оно составляет 1.4–2.3 км.

Несколько иначе развивалась колонизация на левобережье Нерли, которое в предшествующий период оставалось почти неосвоенным. Селища с керамикой XI–XIII в. здесь имеют меньшие размеры, площадь их составляет от 0.2 до 2.1 га и лишь в одном случае достигает 5 га (Турово 1). Большинство поселений XII–XIII в. на левобережье не было ассоциировано в гнезда.

Вероятно, подробное изучение керамических коллекций со временем даст возможность разделить керамические комплексы XI – первой половины XII в. и второй половины XII – первой половины XIII в. и более точно реконструировать динамику жизни отдельных поселений Ополья в домонгольский период. На современном уровне наших знаний о хронологии керамики достаточно ограничиться наблюдением, что в керамических коллекциях большинства памятников преобладают венчики со скругленным, загнутым внутрь краем и венчики с секировидным профилем, многочисленные аналогии которым происходят из хорошо датированных комплексов Владимира второй половины XII – первой половины XIII в. (Кадиева, 2003).

Помимо круговой керамики на суздальских селищах собрана выразительная серия вещевых находок, хронологические рамки которых охватывают X – первую половину XII в., XI–XIII вв. или XII–XIII вв. (рис. 8). В их числе ножи с узким клиновидным лезвием (3 экз., Весь 3, Кидекша, Кибол 5), ножи с широким плоским лезвием (15 экз., Весь 3, Вишенки 3, Вишенки 4, Кистыш 3, Кис-

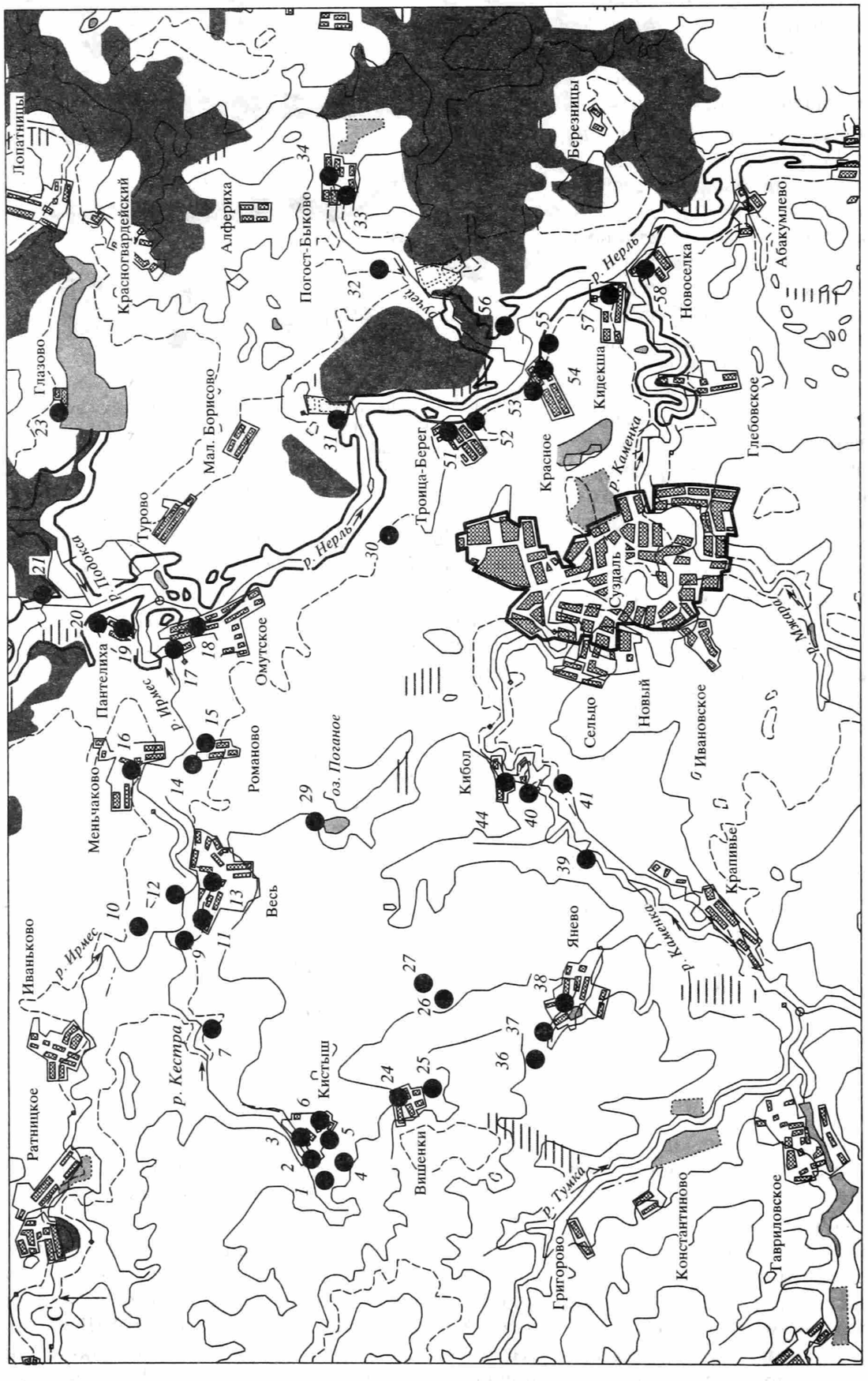

Рис. 7. Поселения с круговой керамикой XI – первой половины XIII вв. в Суздальском Ополье (нумерация памятников дана в соответствии с рис. 1). *1* – Кистыш 3; *2* – Кистыш 5 (местонахождение); *3* – Кистыш 7; *4* – Кистыш 4; *5* – Кистыш 6; *6* – Кистыш 8; *7* – Кистыш 2; *9* – Весь 1; *10* – Весь 6; *11* – Весь 2; *12* – Весь 5; *13* – Весь 3; *14* – Романово 2; *15* – Романово 1; *16* – Менчаково 1; *17* – Омутское 4; *18* – Омутское 1, 3, 2; *19* – Пантелиха 2; *20* – Пантелиха 1; *21* – Турово 1; *23* – Глазово 1; *24* – Вишенки 1; *25* – Вишенки 2; *26* – Вишенки 3; *27* – Вишенки 4; *29* – Поганое 1; *30* – Троица-Берег 4; *31* – Троица-Берег 3; *32* – Погост-Быково 1; *33* – Погост-Быково 3; *34* – Погост-Быково 2; *36* – Янево 4; *37* – Янево 3; *38* – Янево 6; *39* – Янево 2; *40* – Кибол 6; *41* – Кибол 2; *44* – Кибол 5; *51* – Троица-Берег 2; *52* – Троица-Берег 1; *53* – Красное 3; *54* – Красное 2; *55* – Красное 1; *56* – Красное 4; *57* – Кидекша 1; *58* – Новоселка 1.

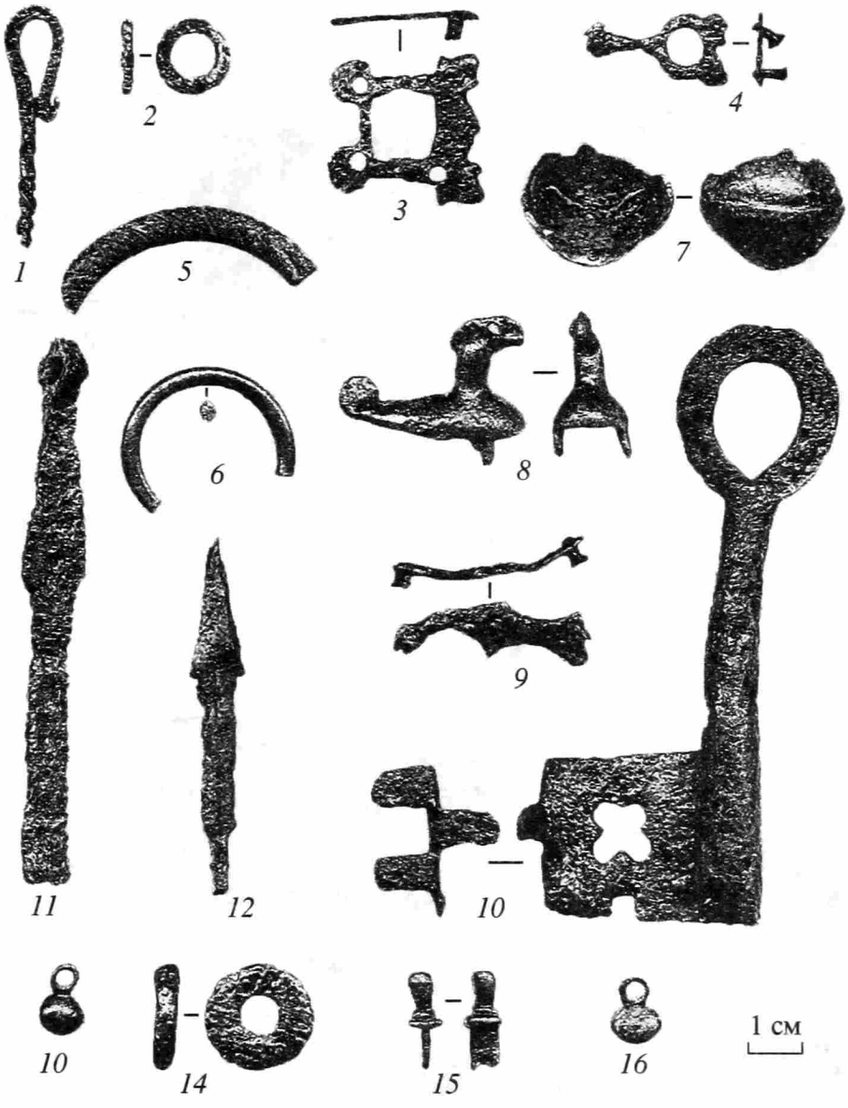

Рис. 8. Селище Кистыш 3. Вещевой материал. *1–4, 9–12* – железо; *5* – стекло; *6–8, 13, 15–16* – бронза; *14* – свинец.

тыш 8, Менчаково, Пантелиха 1, Янево 6), ключи от навесных замков типов Б (1 экз., Кистыш 3, рис. 8, *11*) и В (2 экз., Кистыш 8, Троица-Берег 4), ключ от комбинированного замка с деревянным засовом и металлическим механизмом варианта 1 (Кистыш 3; рис. 8, *10*), фрагмент железной фитильной трубки (Кистыш 3), железный четырехгранный наконечник стрелы с упором (Кистыш 3, рис. 8, *12*), железный крученый браслет с овальным концом (Красное 2), бронзовые перстнеобразные височные кольца с заходящими концами (2 экз., Новоселки, Пантелиха 1), фрагменты бронзовых круглощиткового и пластинчатого ленточного перстней (Вишенки 3, Кибол 5), трапециевидная подвеска (Кибол 5), полая подвеска уточка типа XVIII по Е.А. Рябинину (Кистыш 3; рис. 8, *8*), бронзовое поясное кольцо (Кистыш 3; рис. 8, *6*), фрагмент крупного бронзового бубенчика с рельефным пояском (Кистыш 3; рис. 8, *7*), бронзовая круглая выпуклая уздечная бляшка (Романово 1), бронзовая книжная застежка в виде кинжальчика (1 экз., Кистыш 3, рис. 8, *15*), выпуклая, бронзовые пуговицы (3 экз., Кистыш 3, Пантелиха 1), шаровидная бусина из горного хрусталя (Кистыш 2), стеклянные зонные бусы (2 экз., Кибол 5, Новоселки), стеклянная бусина-лимонка (Красное 1), фрагменты стеклянных браслетов – гладких и крученых (6 экз., Весь 3, Кидекша, Кистыш 3 (рис. 8, *5*), Кистыш 8; Янево 4), шиферные пряслица (5 экз., Кибол 2, Кибол 5, Кистыш 2), накладка от односторонней расчески (Новоселки), фрагмент костяного двустороннего гребня типа Д (Поганое озеро 1), фрагменты амфор (4 экз., Вишенки 2, Кибол 2, Кистыш 2, Омутское 1, 3, 2) глиняное пряслице с поливой (1 экз., Вишенки 3), фрагмент керамической писанки с поливой (Кибол 5). Время бытования некоторых из этих вещей частично охватывает вторую половину XIII и начало XIV в., однако основной период их распространения приходится на домонгольскую эпоху. Находки вещей, которые могут рассматриваться как хронологические индикаторы периода

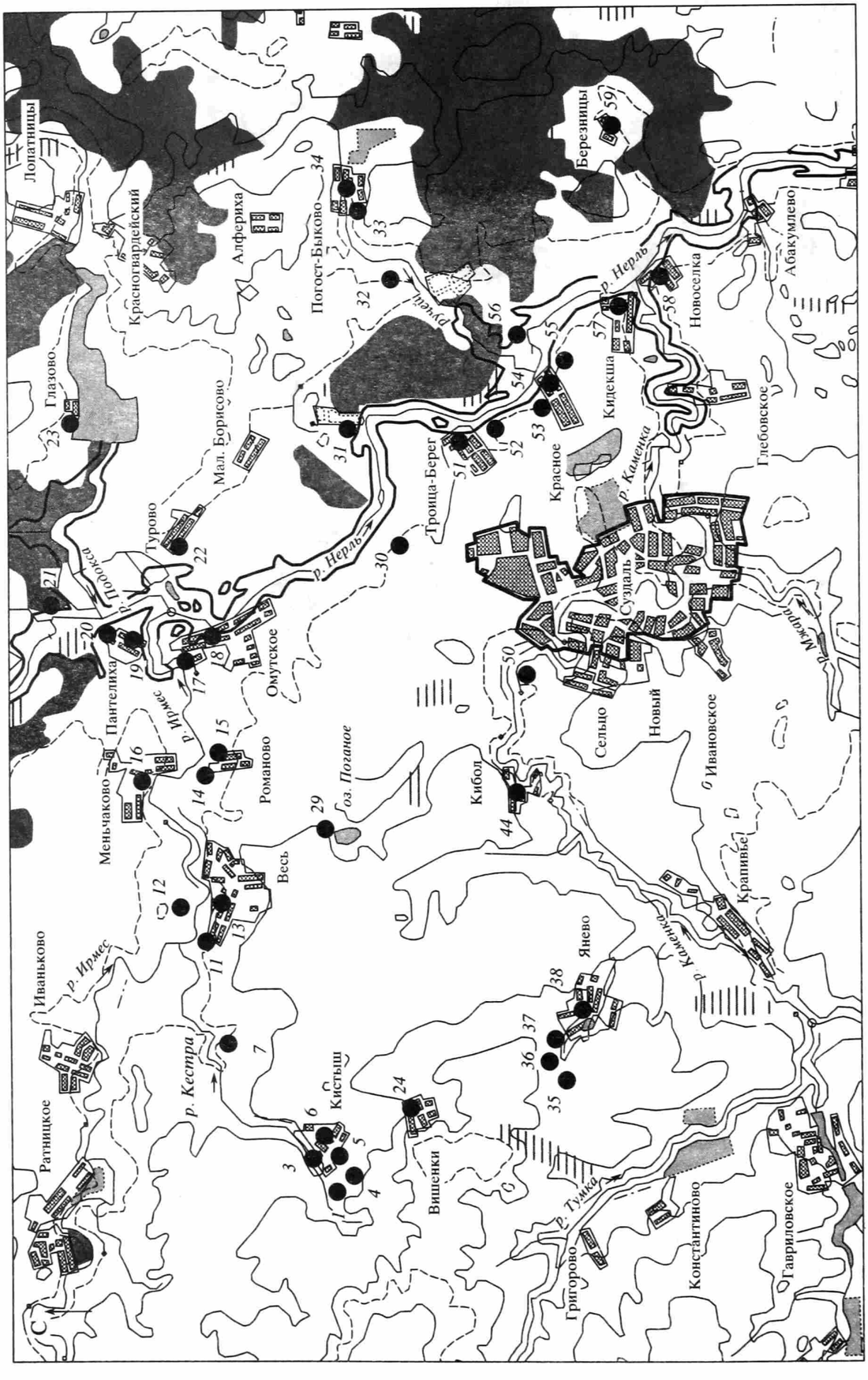

Рис. 9. Поселения с круговой керамикой второй половины XIII – XV в. в Суздальском Ополье (нумерация памятников дана в соответствии с рис. 1). *1* – Кистыш 3; *3* – Кистыш 7; *4* – Кистыш 4; *5* – Кистыш 6; *6* – Кистыш 8; *7* – Кистыш 2; *11* – Весь 2; *12* – Весь 5; *13* – Весь 3; *14* – Романово 2; *15* – Романово 1; *16* – Менчаково 1; *17* – Омутское 4; *18* – Омутское 1, 3, 2; *19* – Пантелиха 2; *20* – Пантелиха 1; *21* – Турово 1; *22* – Турово 2; *23* – Глазово 1; *24* – Вишенки 1; *29* – Поганое 1; *30* – Троица-Берег 4; *31* – Троица-Берег 3; *32* – Погост-Быково 1; *33* – Погост-Быково 3; *34* – Погост-Быково 2; *35* – Янево 5; *36* – Янево 4; *37* – Янево 3; *38* – Янево 6; *44* – Кибол 5; *50* – Сельцо 5; *51* – Троица-Берег 2; *52* – Троица-Берег 1; *53* – Красное 3; *54* – Красное 1; *56* – Красное 2; *55* – Красное 4; *57* – Кидекша 1; *58* – Новоселка 1; *59* – Березницы 1.

конца X – первой половины XIII в., зафиксированы на 18 селищах. Хотя общее количество этих вещей невелико (чуть более 60), в общем массиве коллекции они составляют наиболее многочисленную и заметную группу хронологически определимых предметов.

Таким образом, период XI – первой половины XIII в. характеризуется значительной активизацией колонизационного процесса. Представление о масштабах роста дает 12-кратное преобладание круговой керамики XI – первой половины XIII в. над более ранней лепной в керамической коллекции, двукратное преобладание поселений с круговой керамикой домонгольского времени над поселениями с лепной средневековой посудой, значительное увеличение суммарной площади поселений с керамикой XI–XIII вв. по сравнению с заселенными участками более раннего времени, наконец, количество вещевых находок XI–XIII вв. в сравнении с находками второй половины I тыс. Период наиболее бурного роста может быть определен в пределах XII – первой половины XIII в.

Круговая керамика второй половины XIII–XV вв. собрана на 41 поселении, преимущественно на тех же памятниках, что и материалы предыдущего периода (рис. 9). Кроме того, на трех селищах найдены единичные фрагменты посуды второй половины XIII–XV в., которые правомернее рассматривать как следы хозяйственной деятельности на обследованных участках, чем как свидетельство постоянного заселения. Большинство поселений, возникших в домонгольское время, в этот период продолжили свое существование, однако на 10 поселениях, функционировавших в XII – первой половине XIII в., керамика послемонгольского времени отсутствует (Весь 1, Весь 6, Вишенки 2, Вишенки 3, Вишенки 4, Кибол 2, Кибол 6, Поганое 2, Янево 2). Состав керамических коллекций еще 10 памятников (Красное 1, Пантелиха 1, Весь 5, Кистыш 2, Троица-Берег 3, Поганое 1, Турово 1, Кистыш 3, Кистыш 8, Янево 3) указывает на некоторое снижение интенсивности жизни на этих поселениях во второй половине XIII–XV в. по сравнению с предшествующим периодом. Наблюдения, сделанные на 14 других памятниках (Вишенки 1, Глазово, Красное 2, Красное 3, Омутское 1, 3, 2, Погост-Быково 1, Погост-Быково 2, Погост-Быково 3, Весь 3, Троица-Берег 2, Троица-Берег 4, Менчаково, Кидекша, Янево 5), напротив, свидетельствуют о возросшей интенсивности жизни и расширении площади поселений. Эти тенденции ярко проявились в развитии двух наиболее крупных поселений: Омутского 1-2-3 и Кидекши, которые выросли соответственно до 19.1 и 16.2 га. Отчетливые свидетельства роста прослеживаются также на левобережье Нерли, где зафиксировано появление двух новых поселений (Турово 2, Березницы) и интенсивное накопление культурных остатков на небольших поселениях, возникших на малых речках во второй половине XII – начале XIII в. Размеры большинства этих поселений во второй половине XIII–XV в. увеличиваются.

В числе определимых вещей, период бытования которых охватывает вторую половину XIII–XV в. или часть этого отрезка времени, створка бронзового энколпиона с полукруглыми лопастями с медальонами (Янево 6), железные поясные накладки (3 экз., Кистыш 3), железная кудельная булавка (Кистыш 3), железный однолучинный светец (Кистыш 3), железный ключ типа "г" (Кистыш 8), железное овальное кресало (Янево 4). Эти предметы не образуют столь представительной хронологической группы, как находки предыдущего периода. Из этого факта не следует однако делать вывод о снижении интенсивности жизни на поселениях в рассматриваемый период. Скорее всего, его следует связывать с современным состоянием изученности материальной культуры XIII–XV вв., не позволяющим в полном объеме распознавать вещи, являющиеся хронологическими индикаторами.

Местоположение ряда одиночных и сгруппированных в компактные гнезда селищ, на площадках которых собрана керамика второй половины XIII–XV в., не оставляет сомнений в том, что они должны быть идентифицированы с населенными пунктами, упоминаемыми в поземельных документах XIV–XV вв. в качестве сел. Древнейшим после Кидекши суздальским селом, имя которого сохранено письменными источниками, является с. Весьское, пожалованное великим князем Юрием Даниловичем Владимирскому Рождественскому монастырю (АСЭИ, 1964. С. 117–119. № 86, 87; Кучкин, 1984. С. 205, 206). Этот населенный пункт соответствует селищу Весь 3, занимающему значительную часть современного села. В грамотах XV в. упомянуты села Троицкое (АСЭИ, 1958. С. 481, 488, 496, 497, 515, 516, 517, № 438, 448, 458, 476, 479), Омутское (АСЭИ, 1958. С. 485, 486, 488, 489, 495, 496, 498, 499, 510, 511, 515, 516, 517, 525, 532–535, № 444, 448, 449, 457, 461, 472, 476, 479, 484, 492), Новоселки (АСЭИ, т. II, 1958. С. 517, № 479) и Менчаково (АСЭИ, 1958. С. 532–541, № 492, 493), соответствующие селищам Троица-Берег 1, 2, Омутское 1, 3, 2, Новоселки и Менчаково, на территории одноименных населенных пунктов. Письменные источники не дают возможности для реконструкции территориально-административной системы, существовавшей в этот период в Ополье, однако они достаточно определенно указывают, что основной структурной единицей ее были села. Примечательно, что в поземельных документах подробно перечислены земельные угодья, составлявшие хозяйственную зону опольских сел, но, за редкими исключениями (д. Кощеево на р. Ирмесе), не указаны тянущиеся

к селам деревни. Проницательное замечание С.Б. Веселовского о том, что в Суздальском Ополье "...в XV в. села достигли крупных размеров при почти полном отсутствии деревень-хуторов" (Веселовский 1936. С. 54, 55), точно соответствует археологическим наблюдениям.

Хотя многие детали развития расселения во второй половине XIII–XV в. пока не могут быть в полной мере прояснены, основной характер протекавших процессов прослеживается достаточно определенно. Очевидно, что в Суздальском Ополье в это время продолжается стабильное развитие системы крупных сел, возникших в XI–XII вв. Сеть малодворных деревень, являвшихся основной формой сельского поселения на Руси во второй половине XIII–XV в., формируется в это время лишь на левобережье Нерли. На основной части Ополья не прослежено каких-либо следов небольших дочерних поселений, отпочковывавшихся от крупных сел. Напротив, судя по археологическим материалам этот период характеризуется дальнейшим разрастанием сел и запустением части небольших поселений, возникших в XII – первой половине XIII в. на водораздельных участках.

Таким образом, полевые работы 2001–2002-х годов на суздальских селищах позволяют существенно прояснить картину средневекового расселения в Ополье и некоторые особенности развития систем сельского расселения в центральных районах Суздальской земли.

Прежде всего документально зафиксирована исключительно высокая для Северо-Восточной и Северо-Западной Руси плотность сельского расселения в XI–XIII вв. Суммарная площадь выявленных к настоящему времени поселений с культурным слоем XII–XIII вв. на обследованном участке Ополья составляет около 160 га, таким образом около 1.8% всей территории в этот период было заселено и занято постройками. В среднем на каждые 2 км^2 территории Ополья в этот период приходилось по одному поселению. Заключения о плотной освоенности Ополья в XII–XIII вв. высказывались и ранее, однако обследования 2001–2002-х годов впервые предоставляют в наше распоряжение некоторые количественные данные, раскрывающие глубокий контраст в заселенности центра Суздальской земли и большинства остальных районов Северо-Восточной Руси.

Пространственное размещение поселений в Ополье существенно отличалось от обычных для конца I – начала II тыс. линейных систем, конфигурацию которых определяли речные долины. Несмотря на существование цепочки крупных поселений вдоль Нерли, система средневекового расселения в центре Суздальской земли уже с конца I тыс. формировалась как сеть поселений, покрывавшая всю территорию Ополья к западу от Нерли, включая долины малых рек и водораздельные участки. Основными элементами этой системы на правобережье Нерли были крупные поселения или гнезда близко расположенных поселений, удаленные друг от друга на 1.5–2 км. Средние размеры сельских поселений в Ополье в X–XV вв. были значительно большими, чем в других районах Северо-Восточной Руси. Использование термина "село" для обозначения этих поселений впервые засвидетельствовано летописной статьей 1096 г., рассказывающей о вторжении Олега Святославича в Суздальскую землю и борьбе с ним Мстислава Владимировича (Лаврентьевская летопись, 1997. Стб. 237, 238), а в позднейшее время хорошо документировано актами XV–XVI вв.

Вещевой материал, собранный на селищах, подтверждает сделанное ранее наблюдение М.В. Седовой о присутствии "городских элементов" в материальной культуре суздальской округи и о высоком благосостоянии обитателей сельских поселений. Показателями известного благосостояния и участия сельского населения в торговле можно считать находки фрагментов византийских амфор (Омутское 1, 3, 2, Кибол 2, Кистыш 1, Вишенки 2), глиняных писанок (Кибол 5), стеклянных браслетов (Весь 3, Кидекша, Кистыш 3, Кистыш 8, Янево 4). Выше уже были отмечены находки столь необычных для сельских поселений предметов, как книжная застежка, наконечник бронебойной стрелы (Кистыш 3) и нож с орнаментированной роговой рукоятью (Кидекша). Вопрос о том, следует ли рассматривать находки на селищах престижных вещей и импортов как индикаторы пребывания на них представителей социальной элиты и указания на их владельческий статус или как свидетельства относительного высокого общего "стандарта потребления", присущего сельскому населению в XI–XIII вв., требует специального анализа. Очевидно однако, что сельские поселения Суздальского Ополья, как и сельские поселения Севера, были полноценными участниками торговли и получателями престижных вещей и высококачественной ремесленной продукции.

Археологические исследования выявляют стабильность в развитии сети сельских поселений на территории Суздальского Ополья на протяжении всего периода средневековья и раннего нового времени. Эта преемственность была мало нарушена кризисами второй половины XIII в. и второй половины XVI – начала XVII в. Основные пространственные узлы расселения, сложившиеся в X–XII вв., продолжили свое существование в послемонгольское время. На правобережье Нерли в отличие от многих других районов Северо-Восточной Руси развитие расселения в XIII–XIV вв. не сопровождалось запустением или уменьшением дворности крупных сел и появлением сети малодворных поселений. Система малодворных деревень формируется в этот период лишь к востоку от Нерли, на

территории, которая по своим физико-географическим свойствам отлична от опольских земель. Все исторические села на правобережье выросли на местах селищ X–XII вв. и связаны с ними прямой преемственностью.

Работа выполнена при поддержке РГНФ в рамках экспедиционного проекта № 03-01-18047е "Средневековое расселение в Суздальском Ополье и Кубенском Поозерье".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

АСЭИ: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. II. М., 1958.

АСЭИ: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. Т. Ш. М., 1964.

АКР: Археологическая карта России. Владимирская область. М., 1995.

Бажан И.А., Каргопольцев С.Ю. В-образные рифленые пряжки как хронологический индикатор синхронизации // КСИА. 1989. Вып. 198.

Бойцов И.А. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI вв. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991.

Буров В.А. Два гнезда памятников VI–X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI–XVI вв. // Славянская археология-1990. Раннесредневековый город и его округа. М., 1995.

Веселовский С.Б. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV–XVI вв. // ИГАИМК. 1936. Вып. 139.

Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.

Гавритухин И.О. К изучению ременных гарнитур Поволжья VI–VII вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Вып. I. Самара, 1996.

Гавритухин И.О., Иванов А.Г. Погребение 552 Варнинского могильника и некоторые вопросы изучения раннесредневековых культур Поволжья // Пермский мир в раннем средневековье. Ижевск, 1999.

Гавритухин И.О., Малашев В.Ю. Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. Вып. 2. Самара, 1998.

Глазов В.П. Археологические разведки Суздальского района 1968 года // Архив ИА РАН. 1968. Р–1. № 4113.

Голубева Л.А., Кочкуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991.

Гоняный М.И., Кац М.Я., Наумов А.Н. Древнерусские археологические памятники конца XII – третьей четверти XIV вв. приустьевой части Непрядвы на Куликовом поле // Русь в XIII в. Древности темного времени. М., 2003.

Готье Ю.В. Замосковский край в XVII в. М., 1937.

Исланова И.В. Селище Шурскол II близ Ростова Великого // СА. 1982. № 2.

Кадиева Е.К. Круговая керамика второй половины X – начала XIV веков центральных районов Ростово-Суздальской земли. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1996.

Кадиева Е.К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII вв. (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // Русь в XIII в.: древности темного времени. М., 2003.

Краснов Ю.А. Безводнинский могильник (к истории Горьковского Поволжья в эпоху средневековья). М., 1980.

Кудряшов А.В. Археологические памятники Средней Шексны X–XIII вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2001.

Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. Лаврентьевская летопись // ПСРП. 1997. Т. I.

Лапшин В.А. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. (по археологическим данным). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1985а.

Лапшин В.А. Система расселения в центральном районе Владимиро-Суздальской земли в X–XIII вв. и природный фактор // Человек и окружающая среда в древности и средневековье. Тез. докл. науч. конф. М., 1985б.

Лапшин В.А. Археологический комплекс у с. Гнездилово под Суздалем // КСИА. 1989а. Вып. 195.

Лапшин В.А. Раскопки селища Кибол I под Суздалем в 1989 г. // Архив ИА РАН. 1989б. Р–1, № 14820.

Лапшин В.А. Лепная керамика Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991а.

Лапшин В.А. Лепная керамика Гнездиловского поселения // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991б.

Лапшин В.А. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М., 1992.

Лапшин В.А., Мухина Т.Ф. Раннесредневековый археологический комплекс у с. Васильково под Суздалем // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.

Леонтьев А.Е. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М., 1996.

Леонтьев А.Е., Самойлович Н.Г. Керамика Ростова X–XIII вв. // Керамика раннего железного века и средневековья Верхневолжья и соседних территорий. Тверь, 1991.

Обломский А.М. Раскопки поселения Замятино 8 в лесостепном Подонье // АО 1998. 2000.

Резенфельт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. // САИ. 1968. Вып. Е1-39.

Самойлович Н.Г. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М., 2001.

Седова М.В. Суздаль в X–XV в. М., 1997.

Седова М.В. Украшения "городского типа" X–XI вв. из Суздаля и его округи//КСИА. 2001. вып. 212.

Чернов С.З. К хронологии московской керамики XIII – середины XV вв. // Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991б.

Medieval settlement in the Suzdal Field region

N. A. Makarov, A. E. Leont'ev, S. V. Shpolyansky

Summary

In the paper the authors present the preliminary results of the investigations of the medival settlement and cultural landscape in one of the regions within the historical centre of Suzdal land. The discussed area of the River Nerl' basin and its right tributaries Rivers Irmes and Kamenka once formed the historical core of North-Eastern Rus'. The series of field works carried out in the above region in 2001 and 2002 included comprehensive survey of the territory covering an area around 90 sq. km, and compiling the detailed archaeological map designed to mirror the characteristic features of dwelling sites' spatial structure. Totally 59 dwelling sites have been revealed within the investigated terrirory, their chronology ranging from the second part of the 1st mill. till the first part of the 2nd mill. AD. The most striking feature of the region is extremely high density of medieval popylation, as fur as Northern Rus' is concerned. The total area of the dwelling sites with the cultural deposits dated from the 12th – the 13th cc. makes around 160 ha; that is, in the discussed period in the investigated territory of the Suzdal Field region on the average on each 2 sq. km one dwelling site existed. As early as the late 1st mill. AD the network of dwelling sites began to spread over the entire territory of the Field region, including the small rivers' valleys and the watersheds. The basic elements of this system were large sites, or the clusters of closely disposed sites situated at a distance of 1.5 – 2 km from one another. Archaeological works have shown stability in development of the network of rural dwelling sites in the territory of the Suzdal Field region during the whole period of the Middle Ages and the early New Times. This pattern had suffered little from the crises of the second part of the 13th c. and the second part of the 16th – the early 17th cc. The basic points of the settlement pattern formed in the 10th – the 12th cc. continued to function in the post-Mongol period as well.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 35–45

КИЕВСКИЙ ЯЗЫЧЕСКИЙ НЕКРОПОЛЬ И ЦЕРКОВЬ БОГОРОДИЦЫ ДЕСЯТИННАЯ

© 2004 г. К. А. Михайлов

Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург

Изучение исторической топографии древнего Киева является одним из самых важных и интересных вопросов древнерусской историографии. Проблемы хронологии и микротопографии столицы древнерусского государства уже почти два столетия волнуют ученых. Именно по этому этим научным сюжетам посвящали свои труды самые известные отечественные и зарубежные археологи (Каргер, 1958; Толочко, 1972; Килиевич, 1982; Callmer, 1987). Исследователи собрали и обобщили большинство доступных на тот момент архивных сведений, материалов письменных и археологических источников. Может показаться, что все основные проблемы с топографией раннесредневекового Киева уже решены. Однако результаты последних десятилетий археологических работ как на Подоле, так и на Старокиевской горе позволяют вновь обратиться к топографии Киева X в. Например, раскопки Подольской и Старокиевской экспедиций ИА НАНУ, на наш взгляд, наглядно показали, что в первой половине X в. основные жилые и торговые кварталы города располагались на Подоле, вблизи берега Днепра (Сагайдак, 2002). Наоборот, на Старокиевской горе, по-видимому, находился огромный городской некрополь, который тянулся от Десятинной церкви до Софийского собора. Каждые новые раскопки обнаруживают в этом районе все больше погребений X в., перекрытых жилыми постройками XI–XII вв. и древнерусскими храмами (Ивакин, 2002. С. 38–41; Мовчан, 2002. С. 61–63; Мовчан и др., 1999а. С. 124, 125; 1999б. С. 28). Попытки выявить следы "довладимирова" древнерусского строительства X в. на участках, занятых могилами, пока так и не увенчались успехом (Толочко, 1972. С. 63, 64; Килиевич, 1982. С. 47). По-видимому, и "древнейшее киевское городище" на Старокиевской горе, открытое Д.В. Милеевым, также прекратило свое существование до появления древнерусского Киева и древнерусского некрополя X в. По-видимому, этот некрополь был уничтожен, а его курганы снивелированы, во время строительства "города Владимира" в конце X в. (Килиевич, 1982. С. 151–157). Фактически в 990-е годы происходит полная перепланировка Киева с переносом княжеской резиденции, административного и религиозного центра на Старокиевскую гору из неизвестного и, вероятно, не открытого до сих пор места (Булкин и др., 1978. С. 10–15; Белецкий, 1996. С. 12). Аналогии подобному переносу административного и религиозного центра хорошо прослежены на материалах Гнездово и Смоленска, Шестовиц и Чернигова, Рюрикова городища и Новгорода и, главное, прекрасно разработаны в отечественной историографии (Дубов, 1983. С. 70–82; Носов, 1993. С. 69–76; 2002. С. 115–118). Материальными свидетельствами этих процессов могут быть следы уничтожения старых языческих могильников, на месте которых стали воздвигать жилые постройки новых древнерусских городов. По-видимому, почти одновременно с киевским некрополем, на рубеже X–XI вв. подверглись разрушению или были застроены языческие кладбища Пскова, Чернигова, вероятно, Новгородского (Рюрикова) городища и Ладоги (Жаров и др., 1999. С. 82–84; 1991. С. 63–80; 1996. С. 100–118; Кузьмин, Волковицкий, 2001. С. 47–50).

Могильник на Старокиевской горе был разрушен во время практически единомоментной акции – строительства церкви Богородицы Десятинной и стен "города Владимира". Впоследствии остатки некрополя были снивелированы во время строительства "города Ярослава". Этому есть многочисленные археологические доказательства. Например, погребение в камере, оказавшееся под валом "города Владимира", открытое Р.С. Килиевич в 1984 г. на углу Десятинной улицы и площади Калинина, и ряд других находок (Килиевич, Харламов, 1986; Сагайдак, 1988. С. 128). Значительную часть из почти 150 сохранившихся на Старокиевской горе погребений X в. составляют трупоположения, которые оказались на 50–70 см ниже снивелированной средневековыми строителями, поверхности. Уничтожению, в основном, подверглись курганы с погребениями по обряду сожжения, от которых сохранилось всего около десяти могил (Килиевич, 1982. С. 42).

Для эпохи раннего средневековья в могильниках Скандинавии и Руси хорошо прослежено соотношение трупоположений по отношению к кремациям. Например, в Гнездово общее число исследованных трупоположений не превышает 10% от общего числа погребений, а в крупнейшем могильнике Скандинавии – Бирке общее число ингума-

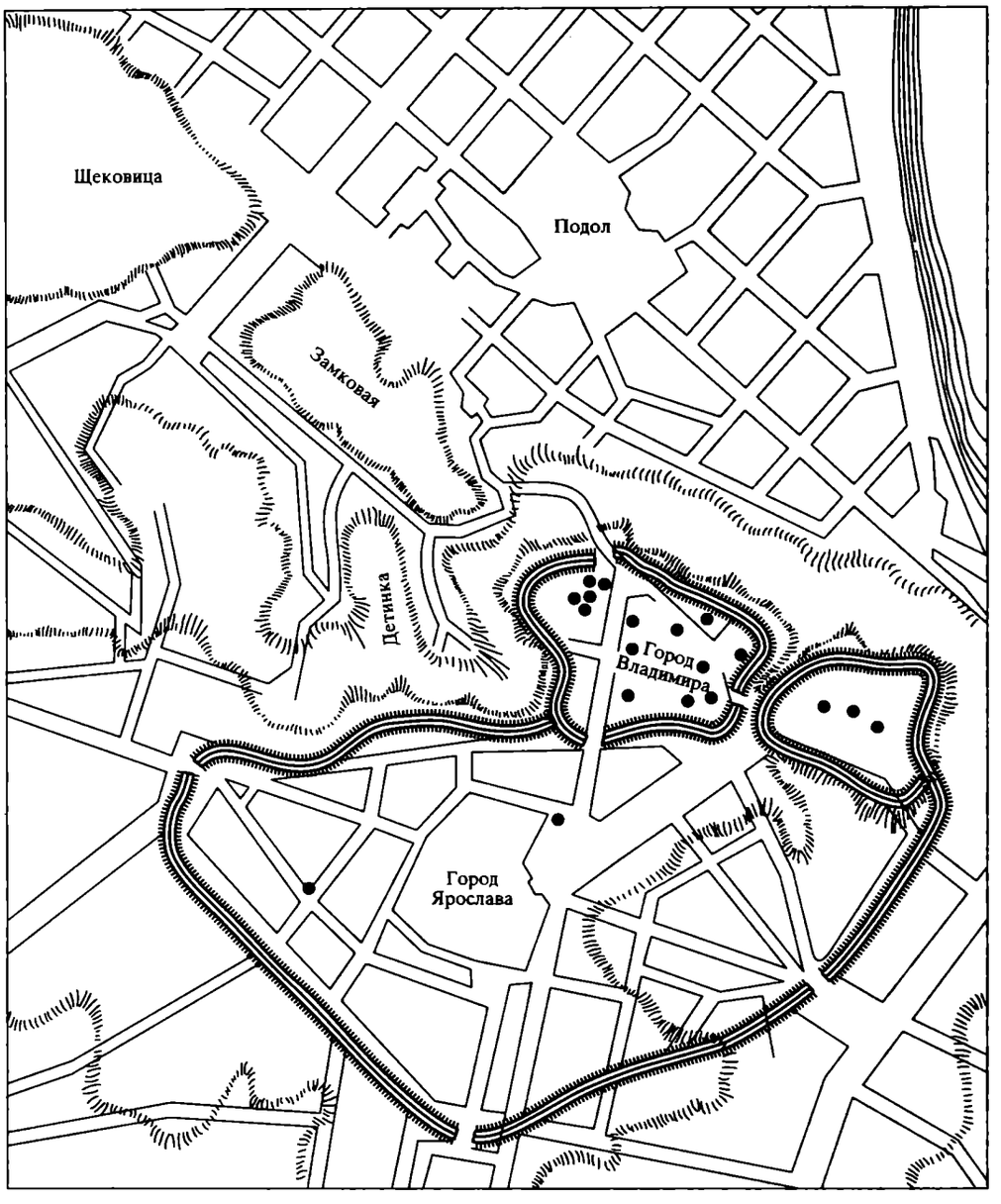

Рис. 1. План-схема средневекового Киева (по П.П. Толочко) и расположение погребений в камерах X в.

ций достигает 50% (Gräslund, 1980. P. 4–6; Жарнов, 1998. С. 95, 96). Судя по сохранившимся погребениям и тем пространствам, которые остались свободными между отдельными, открытыми археологами, трупоположениями, основную часть захоронений в киевском некрополе составляли погребения по обряду сожжения. По-видимому, большинство могил и курганов некрополя были уничтожены сознательно при строительстве нового городского центра.

Наиболее интересными для исследователей, значительными по размерам и с самыми богатыми материалами, оказались погребения в деревянных погребальных камерах. Таких погребений на Старокиевской горе к настоящему моменту обнаружено не менее 20, т.е. не менее 13% от известных погребений некрополя (рис. 1). По числу этих погребений киевский городской могильник можно сравнивать с Гнездово, где сейчас зафиксировано не менее 29 камер X в. (т.е. около 4.4%) и с могильниками Бирки, где камеры составляют около 10% от числа всех погребений (Жарнов, 1991. С. 202, 203, 207; 1998. С. 95; Михайлов, 2001. С. 160). Высокий процент камер в Киеве связан с разрушением остальных типов погребений, совершенных над погребенной поверхностью. Соотнеся площадь киевского некрополя с числом сохранившихся камер можно представить, что это могильное поле было не меньше Центральной группы Гнездово или могильника Hemlanden ("Черная земля") в Бирке. В Бирке только крупнейшая могильная группа Хемланден занимает площадь около 17 га, а гнездовские Лесная и Цен-

тральная курганные группы занимали 17 и 28 га (Gräslund, 1980. P. 5; Авдусин, 1999. С. 9, 12). По подсчетам П.П. Толочко, в "городе Владимира" к XI в. было застроено не менее 10 га и почти все это пространство было покрыто могильником X в. (Толочко, 1972. С. 174; Булкин и др., 1978. С. 15). На наш взгляд, новые исследования в киевском некрополе позволяют присовокупить к этим 10 га еще не менее 10 в "городе Ярослава". Эти находки наглядно подтверждают мнение М.К. Каргера о существовании единого городского могильника или "могильника I". Открытые раскопками камеры раскиданы в разных частях некрополя на Старокиевской горе. Однако погребальный инвентарь и погребальный обряд этих захоронений позволяет относить их к одной эпохе: все они были сооружены в течение X в. Сейчас уже не вызывает сомнений тот факт, что захоронения в камерах появились на Руси вместе со скандинавами, и то, что древнерусские погребения в камерах имеют прямые аналогии в скандинавских могильниках эпохи викингов (Авдусин, Пушкина, 1989; Жарнов, 1991; подробнее см.: Михайлов, 2001). За последние два десятилетия в историографии также прочно утвердилось мнение о том, что погребенные в камерах принадлежали к верхушке общества русов (Булкин и др., 1978. С. 141; Жарнов, 1991. С. 217, 218; Кирпичников и др., 1986. С. 231, 232; Лебедев, 1977. С. 151–156; Франклин, Шепард, 2000. С. 181–184).

В этом огромном древнерусском некрополе, сопоставимом с некрополями Гнездова и Бирки, известно наиболее тесное скопление богатых камерных захоронений X в. Это скопление расположено вблизи фундаментов древней Десятинной церкви (рис. 2). Погребальные камеры были открыты под церковью в разные годы экспедициями под руководством Д.В. Милеева, Ф.Н. Мовчановского и М.К. Каргера. Это погребения (номера по каталогу М.К. Каргера): 109, 110, 112, 113, 123 (Каргер, 1958. С. 172–176, 178–185, 206–208; Килиевич, 1982. С. 150, 151; Андрощук, Осадчий, 1994. С. 100–102; Андрощук и др., 1996. С. 43, 44; Михайлов, 2001. С. 160, 161). Так, например, погребение № 109 открыли под южной апсидой церкви, на 0.5 м ниже фундаментов древнего храма. Погребение № 110 было обнаружено к северо-востоку от фундамента, т.е. буквально в 2–4 м от восточной – северо-восточной стен Десятинной церкви, но возможно и вплотную к ним. Погребение № 112 обнаружили к северо-западу от развалин Десятинной церкви, но, судя по сохранившимся чертежам и фотографии погребения, западная стенка погребальной ямы была нарушена фундаментными ямами. Исходя из этих данных, и из того, что на полевом чертеже разрез стены каменной постройки авторы чертежа попытались совместить с профилем погребения, по-видимому, погребение примыкало к стене каменного "дворца" (рис. 2)[1]. Погребение № 113 было раскопано экспедицией под руководством М.К. Каргера под фундаментом центрального нефа древней Десятинной церкви. Погребение не было затронуто фундаментом средневекового храма, но его разрушил северо-западный столб новой Десятинной церкви, построенной в XIX в. Погребение № 123 обнаружили под подошвой фундаментов древнейшего храма, около юго-западного угла наружной галереи Десятинной церкви. Это самое крупное скопление погребальных камер некрополя. Эти камеры неоднократно публиковались различными исследователями, и принадлежность данных захоронений к этому типу погребений не вызывает никаких сомнений, поэтому их подробное описание пропущено. В двух из них были мужские захоронения, в одном – женское и еще в одном обнаружили парное погребение мужчины и женщины в сопровождении конского захоронения.

В связи с этим следует отметить несколько важных деталей. Во-первых, глубина всех погребений от современной дневной поверхности примерно 2.85–2.95 м, а глубина фундаментных рвов Десятинной церкви – 2.5 м (без учета деревянных свай).

Во-вторых, при строительстве храма в 991–996 гг., после разрушения насыпей курганов, которые возвышались над погребениями, строители, безусловно, визуально могли наблюдать деревянные погребальные сооружения. Во всяком случае, фундаментные рвы должны были доходить до деревянных перекрытий камерных погребений (рис. 3). Это утверждение можно отнести ко всем этим камерам. На примере погребения № 112 особенно четко зафиксировано, что фрагменты храма затрагивали перекрытия погребений (Каргер, 1958. Табл. XX). В случае с погребением № 113 можно достоверно утверждать, что строители намеренно не тронули это трупоположение. Вместе с камерами оказались нетронутыми и обычные трупоположения в гробах, которые их окружали, но следует учитывать, что обычные могилы полностью засыпались землей и не были так заметны.

Единственное исключение – это погребение № 109 (Каргер, 1958. С. 172–174). Эта камера почти полностью попала под фундамент южной апсиды, где не было ленточного фундамента. Там средневековые строители произвели полную выемку грунта под всю апсиду. В отличие от остальных погребений, камера оказалась пуста, и в ней полностью отсутствовали следы верхних дере-

[1] На плане погребения, сохранившиеся в Архиве ИА НАНУ, указано, что погребение обнаружили в раскопе "А". На плане "разташування археологічних" ділянок і розвідчих розкопів садибі Художної школи в Киэві", хранящемся в фотоархиве ИИМК РАН, этот раскоп находится на расстоянии около 30 м к северо-востоку от Десятинной церкви, а не к северо-западу, как писал М.К. Каргер.

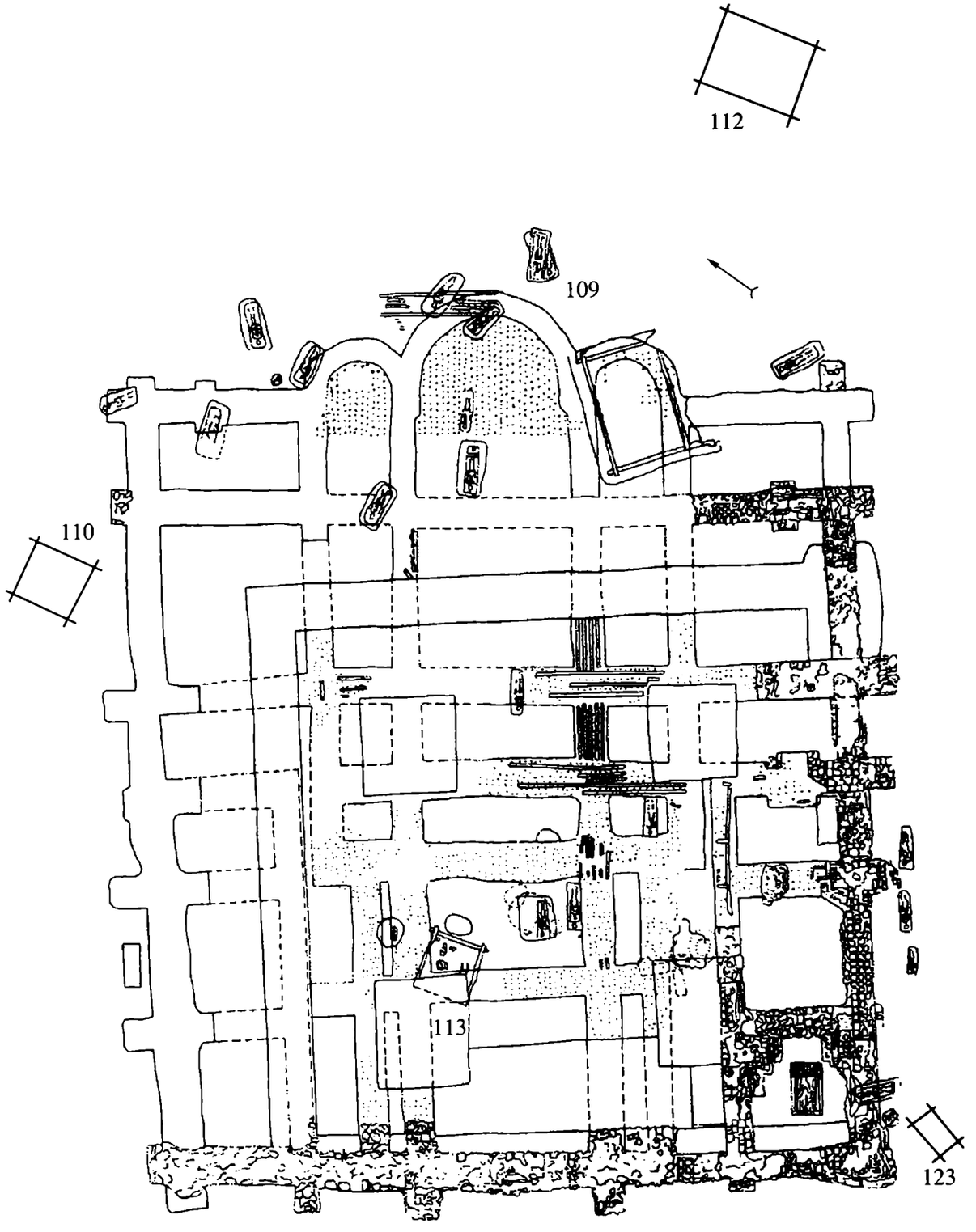

Рис. 2. План Десятинной церкви (по М.К. Каргеру) и схема расположения погребений в камерах.

вянных перекрытий. На наш взгляд, это свидетельствует о преднамеренном "изъятии" погребенного из этой могилы и засыпке камеры во время строительства. В этом случае это может свидетельствовать о невозможности сохранить погребение под апсидой. Почти полное отсутствие погребальных вещей и костей (кроме двух ременных бляшек от пояса и налучья), по-видимому, свидетельствует в пользу того, что внутренний объем погребения (на момент строительства храма в 991 г.) еще сохранялся и не был засыпан землей.

Вполне вероятно, что у других погребений также сохранялись деревянные конструкции, т.е. внутренний объем не был засыпан землей. В пользу этого предположения свидетельствует дата араб-

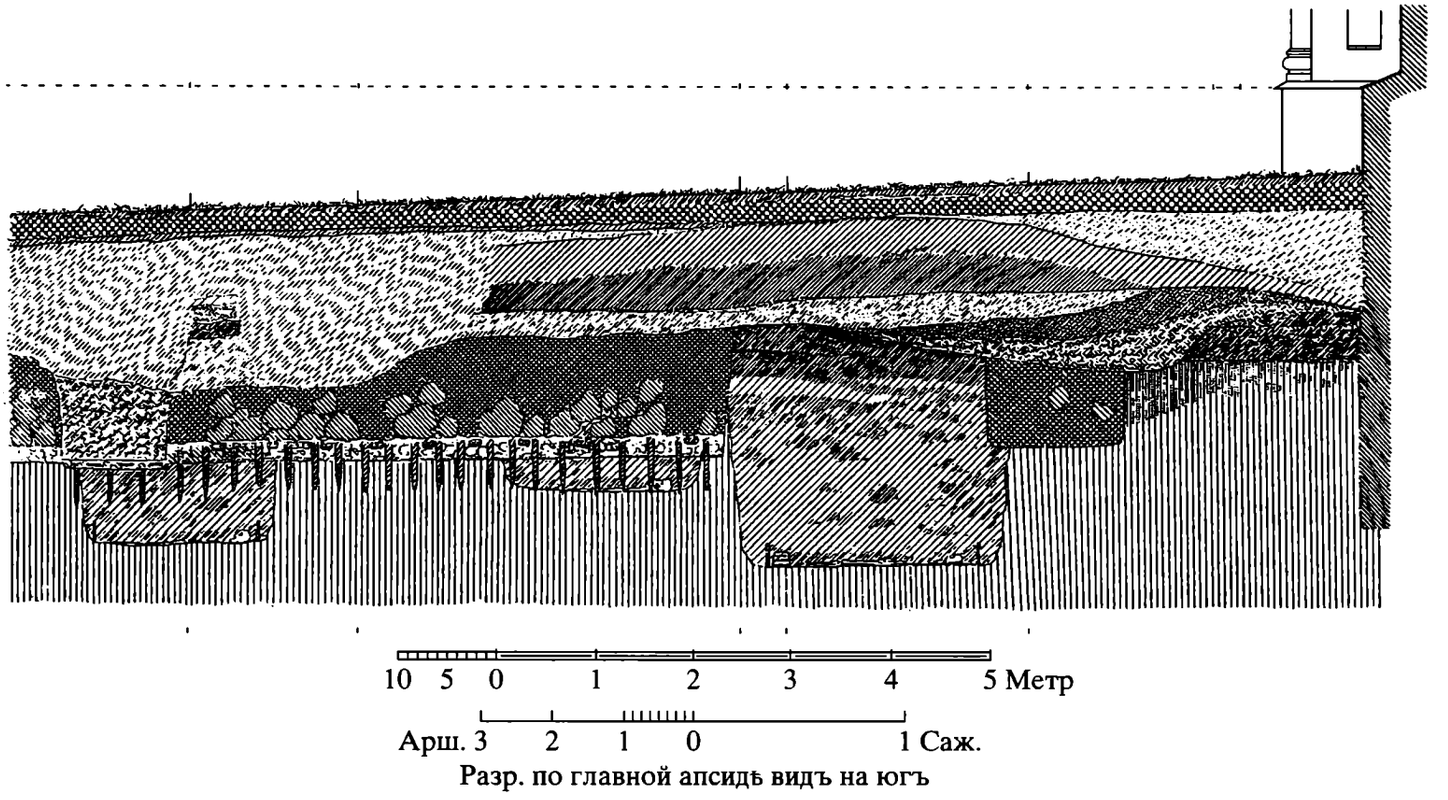

Рис. 3. Разрез апсиды Десятинной церкви и погребений (по Д.И. Милееву).

ской монеты эмира ибн-Нуха (961–976 гг.) из погребения № 123 (Каргер, 1958. С. 223). Среди находок с поздней датой можно назвать скандинавские овальные фибулы ЯП 51 и 55 (по типологии Яна Петерсена) и новые находки на территории Михайловского собора. Эти находки указывают на то, что могильник продолжал функционировать вплоть до начала строительства храма.

Возникает закономерный вопрос: если погребения в зоне строительства Десятинной церкви во время закладки фундаментных рвов были открыты строителями-византийцами, то почему же они остались нетронутыми? Особенно это странно выглядит на фоне тотального разрушения остального некрополя. Не следует считать средневековых жителей излишне суеверными. В эту эпоху ограбление богатых беззащитных могил, судя по всему, было обычным делом (Сага о Греттире, 1976. С. 30, 31; Eisenschmidt, 1994. S. 83–85). Большинство захоронений на Старокиевской горе не смогли защитить даже богатые и, судя по инвентарю, знатные родственники. Археологами следы подобного грабежа были зафиксированы в киевском погребении на ул. Большая Житомирская, 2 и в кургане № 17 на "старом кладбище в Березках" на окраине Черниговского средневекового посада. Там средневековые грабители влезли в погребальную камеру еще до ее разрушения и вытащили тело погребенного вместе со всеми вещами (Бліфельд, 1965. С. 127–131; Мовчан, 2002. С. 61, 62).

Второй значимый момент заключается в компактном расположении всей группы киевских камер (рис. 1, 2). Случая подобного этому не было зафиксировано ни в одном из синхронных древнерусских могильников. Ни в Тимерево, ни в Шестовицах, ни в Чернигове, ни в Пскове и ни в Гнездово, где камеры расположены достаточно тесно, они не образуют в X в. таких компактных групп, как вокруг Десятинной церкви (Михайлов, 2001. С. 164, 165). Та же картина характерна и для Скандинавии, где камеры представлены или одиночными "пышными" захоронениями, или "раскиданы" по отдельности в крупных могильниках (Eisenschmidt, 1994. S. 66, 67). Исключениями из этого правила являются небольшие группы из двух камер на семейных кладбищах знатных родов в Вальсъерде и Венделе и ранняя группа из восьми камер в Хедебю, которые относят к группе основателей города (Eisenschmidt, 1994. S. 96–98; Aner, 1952. S. 61–115). В Бирке на могильниках западнее Хемландена и севернее Борга также есть участки с достаточно плотным расположением захоронений в камерах (Graslund, 1980. P. 27–29). Однако это размещение является исключительным и не характерным как для древнерусских могильников, так и для большинства скандинавских некрополей эпохи викингов.

В свое время первые исследователи камер у Десятинной церкви С.П. Вельмин и Б.В. Фармаковский высказали предположение, что камеры вокруг Десятинной церкви – это погребения первых киевских христиан (Каргер, 1958. С. 202, 203). Некоторые исследователи поддерживают это предположение и в наше время (Мурьянов, 1978. С. 171–175; Мусин, 2001. С. 309, 310). Но за период, прошедший с исследований этих ученых, значительные скопления трупоположений, датируемые X в., обнаружены также на значительном расстоянии к западу и югу от Десятинной церкви (Каргер, 1958; Килиевич, 1982; Толочко, 1972. С. 60–71; Мовчан и др., 1999а. С. 124, 125; 1999б. С. 28). Погребения № 124 и 125 с крестами, вырезанными из серебряного листа (древнейшая форма крестов на Руси), были открыты на Кирилловской улице в погребениях со скандинавскими овальными фибулами типа ЯП 51 и 55, то есть в погребениях середины – второй половины X в., расположенными на значительном удалении от Десятиннной (Каргер, 1958. С. 208–212). Еще одно погребение с серебряным крестом было раскопано под фундаментами Михайловского Златоверхого собора, также далеко от этого скопления камер, и может датироваться рубежом X–XI вв. (Зоценко, 2001. С. 123; Ивакин, Козубовский и др., 1999. С. 5, 6). Также следует уточнить, что "крестик" из погребения № 110, на который ссылались сторонники "христианской" версии принадлежности этих погребений, таковым не является. Этот "крестик" не похож ни на один из типов крестов этого периода и, по-видимому, относится к сбруйным накладкам, на что справедливо, на наш взгляд, указал М.К. Каргер (1958. С. 202; Недошивина, 1983). Иными словами, ни одного погребения X в. с достоверно христианской символикой рядом с Десятинной церковью пока не обнаружено. Если только не учитывать ничем не подтвержденное сообщение С. Вельмина о находке "трех маленьких серебряных крестиков" в погребении № 15 (Каргер, 1958. С. 143).

В то же время ни один археолог, исследовавший камеры в Скандинавии, не настаивал на их однозначной принадлежности к христианской погребальной практике. Следует учитывать и тот факт, что обряд захоронения в камерах исчезает в Скандинавии и на Руси одновременно с началом официального крещения в конце X в.

Многие исследователи отмечают бесспорно нерядовой, "пышный" характер погребений в деревянных камерах. Так, например, широко известные погребения королевского рода Вестфольдингов в Норвегии были совершены в деревянных камерах, поставленных на корабли, в курганах Осеберг и Гокстад. В камере было совершено королевское погребение в большом кургане с кораблем в Хедебю. Эта традиция захоронения родовой германской аристократии в погребальных камерах прослеживается с эпохи переселения народов до эпохи викингов. Наиболее яркий и хронологически близкий пример – это огромная погребальная камера датского короля Горма и его жены Тюры (или Товы) в северном кургане в Еллинге, которая была сооружена в 958–959 гг. (Eisenschmidt, 1994. S. 114, 115; Krogh, 1982). Как известно, его сын – датский король и креститель Дании Харальд Синезубый впоследствии перезахоронил останки отца и матери по христианскому обряду. Между большими курганами в Еллинге (Дания) было открыто еще одно большое камерное погребение с захоронением мужчины в вышитых золотом одеждах (Krogh, 1982. P. 197). Этого умершего также причисляют к датскому королевскому дому. Погребение датируют второй половиной X в. Особо следует отметить, что над этой камерой была воздвигнута одна из первых церквей в Дании (около 1100-х годов). Обращает на себя внимание тот факт, что церковь построили так, чтобы погребение оказалось в центре нефа, перед хорами. Интересно и то, что сам Харальд был похоронен в построенной им церкви в Роскильде. Еще один пример такого рода также связан с Данией. Так, в местечке Хенинг в начале XI в. над большим курганом с богатым женским захоронением в камере была возведена деревянная церковь (Voss, 1991. S. 189–203). Погребение датируется около 1000 г., т.е. так же как и в Еллинге, строители церкви намеренно поставили церковь над богатым языческим захоронением через небольшой промежуток времени после совершения погребения (рис. 5) так, чтобы не нарушить его и таким образом, чтобы оно оказалось в самом почетном месте – перед алтарем в центральном нефе. Типологически близкую традицию зафиксировали германские и французские археологи у франков эпохи Меровингов. Например, Х. Амент подробно опубликовал захоронение франкского аристократа в церкви Флонгейм в городе Альцай близ Майнца в Рейнской области, где над богатым мужским захоронением с парадным оружием с золотыми накладками V в. была сооружена христианская часовня. Затем вокруг совершили еще несколько богатых захоронений. Амент сравнивает ситуацию во Флонгейме с подобными захоронениями в Арлоне (Бельгия), Шпец-Эйнангене, Моркене и Бекуме, где часовни были возведены над более ранними погребениями франкских аристократов-язычников (Гири, 1999. С. 194–197; Ament, 1970. С. 157). Исследователи считают, что "сооружение часовен над могилами представителей знатного клана и особое положение, отведенное явно дохристианскому захоронению, дают серьезные основания полагать, что преемственность между дохристианскими и христианскими представителями клана не была нарушена крещением. Предоставление основателю клана могилы в пределах церкви даже после смерти физически включало его в новую, христи-

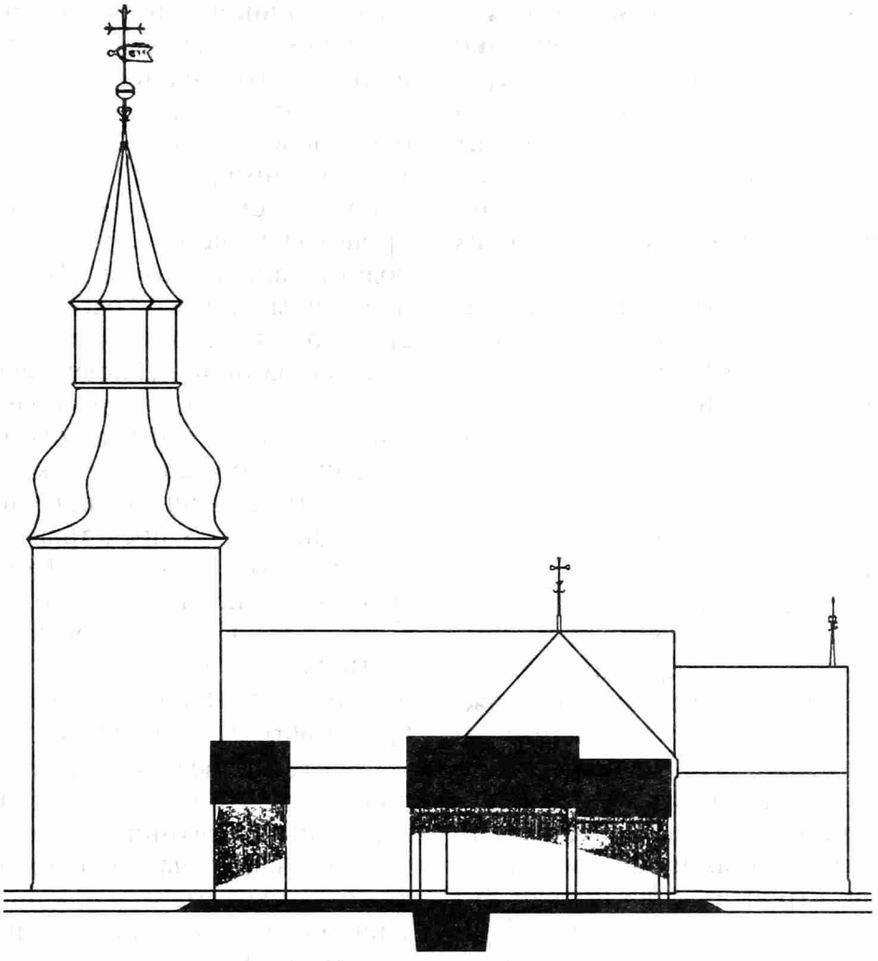

Рис. 4. Погребение в камере из Хеннинкирхе в Дании (по: K. Krogh).

анскую традицию клана" (Гири, 1999. С. 194). Подобную традицию исследователи отмечают и для Швеции, где в вокруг озера Меларен и на острове Готланд первые церкви строились вблизи или над существовавшими ранее погребениями представителей знатных и богатых семей (Olsen, 1966. S. 267–275).

Эту преимущественно германо-скандинавскую традицию периода принятия христианства, по-видимому, могут объяснить письменные источники. Например, как характерный случай К. Бонер приводит знаменитый пассаж из Vita S. Vulframni: фризский герцог Радборд (умер около 710 г.), предполагая креститься, спрашивает Вульфрамна, епископа Санского, много ли фризских королей и правителей находятся на небе или в аду. Вульфрамн отвечает: поскольку эти предки не были крещены, они, несомненно, в аду. Услышав такой ответ, герцог решил отказаться от крещения, заметив, что не может обойтись без общества своих предков (Гири, 1999. С. 193). Этот случай наиболее ярко высвечивает родовую солидарность и важность родовых связей для людей раннего средневековья. В отличие от герцога фризов, датский король Харальд Синезубый решил эту проблему иначе. Он воссоединил связи с умершими родителями через их посмертное крещение и перезахоронение. В ряду тех же примеров находятся строительства церквей над захоронениями аристократами-язычников в Хенинге и Еллинге.

Знаменитый викинг, скальд и основатель могущественного исландского рода Эгиль Скаллагримсон был похоронен по языческому обряду под курганом вместе с оружием и одеянием. "Грим (зять Эгиля) был крещен в Мосфеле (в своей усадьбе), когда в Исландии было введено христианство. Он велел построить там церковь, и люди рассказывают, что Тордис (дочь Эгиля и жена Грима) перевезла в нее тело Эгиля. ...и когда снесли церковь, которую поставил Грим, то под тем местом, где был алтарь, откопали скелет человека – Эгиля" (Сага об Эгиле..., 1956. С. 250). Еще один подобный случай связан с перезахоронением останков знатного исландца – Снорри Годи. В конце XII – начале XII в. его кости и кости его ближайших родичей, умерших еще в язычестве (матери Снорри – Тордис и его дяди – Берка Толстяка) были перезахоронены в построенной им церкви (Успенский, 2002. С. 144).

В русской истории мы также можем обнаружить пример того же порядка. По сообщению ПВЛ, в 1044 князь Ярослав Владимирович перезахоронил останки князей-язычников Олега и Ярополка (сводных братьев своего отца и своих дядьев) в церкви Богородицы Десятинной, предварительно окрестив их.[2] Следовательно, в раннесредневековых письменных и археологических источниках можно обнаружить вполне четко зафиксированную традицию – посмертное крещение останков представителей знатных варварских фамилий. Родственники-христиане или перезахоранивают аристократов-язычников в новоотстроенных церквях, которые становятся родовыми усыпальницами, или их кости выкапывают и подвергают крещению.

В этой связи следует опять вернуться к захоронениям в камерах киевского некрополя. Как уже отмечалось выше, киевский некрополь был почти полностью снесен во время строительства "города Владимира". Однако самое крупное скопление богатых погребений в камерах, которое можно отнести только к представителям верхушки киевского общества, уцелело. Но, уцелело совсем не случайно, так как строители Десятинной церкви сохранили эти погребения намеренно, так как не могли их не заметить во время земляных работ. Скорее всего, до строительства церкви эти могилы были обозначены на поверхности. Можно даже предположить, что средневековые жители города даже знали, кто в них захоронен. По-видимому, учитывая датские параллели, первая соборная церковь Руси была построена над этим участком намеренно.

Но кто и почему построил Десятинную церковь над фамильным участком киевской аристократической семьи X в., в то время как вокруг подобные языческие захоронения безжалостно истреблялись? На наш взгляд, этот феномен можно объяснить только волей заказчика строительства – волей великого князя Владимира Святославича. Велика вероятность того, что между донатором храма и погребенными под храмом людьми существовала тесная связь – узы родства. Очень может быть, что на месте строительства Десятинной церкви находился участок киевского некрополя, где были захоронены умершие родственники киевского князя.

Это предположение, косвенно, подтверждается тем фактом, что именно этот храм становится родовой княжеской усыпальницей и именно в этот храм перезахоранивают всех ближайших родственников князя Владимира, умерших до крещения: княгиню Ольгу, князей Олега и Ярополка Святославичей (как известно из сообщений ПВЛ, кости Игоря и Святослава перезахоронить было невозможно). Трудно представить, что бастард Владимир, сын Святослава от "рабыни" Малуши, стремился подчеркивать свое "рабское" происхождение слишком наглядным почитанием родственников матери. В ПВЛ подчеркивается, что напоминание о "рабском" происхождении киевского князя стоило жизни членам полоцкой княжеской фамилии (Лаврентьевская летопись, 1997. С. 75). Наоборот, Владимир и его потомки подчеркивают свою легитимность на киевском столе и свое происхождение от законной киевской династии. Отечественные историки давно заметили многочисленных представителей династии Рюриковичей, родственников Игоря и Святослава, упомянутых в письменных источниках (Пчелов, 2001. С. 142–144). Поэтому логично было бы предположить наличие в языческом некрополе Киева княжеского участка, где в течение X в. захоранивали представителей этого рода.

Учитывая все вышеизложенное, можно предположить, что на месте строительства храма Богородицы Десятинной мог находиться родовой погребальный участок представителей киевского княжеского дома или членов рода Рюриковичей, умерших до официального принятия христианства в 988 г. Этим фактом можно объяснить выбор местоположения Десятинной церкви и такую необычную сохранность большого числа пышных языческих захоронений под фундаментами первого кафедрального собора Древней Руси [3].

ПРИЛОЖЕНИЕ: КАТАЛОГ КАМЕР

1. Киев. Могильник на Старокиевской горе. Погребение № 109.

1) Обнаружено в 1908 г. под южной апсидой Десятинной церкви (конца X в.) при раскопках Д.В. Милеева.

2) Погребение представляло собой сруб из сосновых бревен, рубленных в "обло". Сруб имел квадратную форму (5.5 × 5.5 м), высота сооружения около 0.3 м. Сооружение находилось на 0.5 м ниже фундаментов собора и на 1.4 м ниже древнего культурного слоя (по наблюдениям Каргера). Сруб был ориентирован: СВ–ЮЗ. Захоронение, видимо, было ограблено еще при постройке храма (преднамеренно очищено от всего инвента-

[2] Ф.Б. Успенский высказал предположение, что Олег и Ярополк еще при жизни приняли prima signatio или оглашение, и только поэтому были окончательно окрещены и захоронены в церкви. Это предположение он относит ко всем случаям, известным по исландским сагам, перезахоронений останков язычников в церквях (Успенский, 2002. С. 141–155).

[3] Этому не противоречит и то, что некоторые из погребенных могли быть крещены. Можно вспомнить, что первая, до Владимира, княгиня-христианка Ольга боялась, что близкие похоронят ее по языческому обряду, так как воля покойного не учитывалась языческим обществом. То же самое произошло и с первым норвежским королем-христианином Хаконом Добрым, которого, вопреки его воле, похоронили по языческому обряду в кургане.

ря и останков погребенного при строительстве храма);

б) Бронзовая цельнолитая пряжка, бронзовая литая ременная бляха (украшение колчана?), несколько коррозированных железных предметов и фрагменты керамики. По сообщению С.Вельмина, там же были найдены два дирхема;

в) мужское погребение (?).

д) X в.

3) Вельмин. 1910. С. 144; ОАК, 1916; 152–153; Каргер, 1958. С. 172–174. Рис. 25; Андрощук и др., 1996. С. 44.

2. Киев. Могильник на Старокиевской горе. Погребение № 110.

1) Обнаружено в 1909 г. к северо-западу (?) от развалин Десятинной церкви во время работ экспедиции Д.В. Милеева.

2) а) Зафиксированы остатки срубных конструкций и фрагменты деревянного перекрытия могильной ямы. Размеры погребального сооружения около 3 × 2 м. На фотографии заметны фрагменты досок от деревянного пола камеры;

б) На груди погребенного нашли два серебряных дирхема (Ахмеда ибн Исмаила, чеканенные в Шаше в 299/911–912гг.) с отверстием для подвешивания и приклепанным ушком. На одном из дирхемов был процарапан крест с тремя перекладинами. Там же нашли четырехконечную серебряную накладку. У ног умершего находились железные обручи от двух ведер, четыре глиняных сосуда, костяная ложка с орнаментом плетенкой, набор из 157 бараньих астрагалов для игры в "бабки" (некоторые из них были залиты свинцом). Кроме этого в камере нашли: фрагмент одностороннего костяного гребня 2 группы по типологии О.И. Давидан, железный ножик, спиралеконечную бронзовую фибулу, миниатюрный железный топорик, два миниатюрных оселка, часть бронзовых весов, две маленькие серебряные пуговицы с ушками, множество раковин unio с отверстиями для подвешивания, обломки костяных и железных предметов, большое колличество железных гвоздей.

Судя по положению скелета, погребенный находился в могиле в сидячем положении.

в) Погребение мужское (мальчик-подросток);

г) головой на Северо-Запад;

д) не ранее первой четверти X в. (до 912 г)

3) ИАК, 1909. С. 128, 129; Вельмин, 1910. С. 138; Каргер, 1958. С. 174–176. Рис. 26. Табл. XI–XIX; Килиевич, 1982. С. 150; Андрощук и др., 1996. С. 43; фотоархив ИИМК РАН негатив II 35703.

3. Киев. Могильник на старокиевской гое. Погребение № 112.

1) Обнаружено в июле-августе 1936 г. КАЭ ИИМК АН УССР под руководством Ф.Н. Мовчановского к С–СЗ от развалин Десятинной церкви.

2) а) Погребение находилось в прямоугольной яме (3.30 × 3.50 м), вырытой в материковом лессе на глубину 3.75 м от уровня современной поверхности. На стенках ямы были хорошо заметны отпечатки бревен деревянного сруба. Следы деревянного перекрытия из бревен ясно прослеживались на верхних обрезах ямы. Погребение было частично ограблено в древности. В северо-западном углу могильной ямы, на расстоянии 0.75 м от человеческих скелетов, лежали череп и несколько шейных позвонков коня.

б) Ожерелье из восьми сердоликовых бусин и восьми серебряных дирхемов с бронзовыми приклепанными ушками для подвешивания (с 900 по 923 гг.), три височных кольца "волынцевского типа" IX–X вв., массивная серебряная кольцевидная фибула с длинной иглой скандинавского происхождения, серебряный пластинчатый перстень, бронзовый ключик византийской работы, две жемчужины;

в) парное погребение (М и Ж). Вероятно погребенные находились в сидячем положении;

г) головой на Запад;

д) X в.

3) Каргер, 1958. С. 178–172; Килиевич, 1982. С. 150; Андрощук и др., 1996. С. 434; Архив ИА НАНУ; Архив ИИМК / к. 7.06. 1936. Полевые чертежи этого погребения считались ранее утраченными, но в 1997 г. обнаружены в архиве Института Археологии ИА НАНУ.

4. Киев. Могильник на Старокиевской горе. Погребение № 113.

1) Обнаружено 1–5.08.1939 г. КАЭ ИИМК АН СССР и ИА АН УССР под руководством М.К. Каргера, под фундаментом западной части среднего нефа Десятинной церкви. Большая часть погребения оказалась разрушена при строительстве "стасовского" собора XIX в., но сохранилась восточная часть погребения.

2) а) Деревянное перекрытие, состояло из тонких бревен, лежавших в два ряда, перпендикулярно друг другу. Часть перекрытия обвалилась на дно могилы. Под ним были расчищены северная, южная и восточная стены квадратного сруба, рубленного "в обло". Высота стен камеры достигала 0.75–0.95 м, а перекрытие находилось на высоте 1.40 м от дна ямы. Длина восточной стенки сруба 2.60, южной – 2.80 м.

б) Железные обручи и дужка от деревянного ведра, фрагменты гончарного сосуда, остатки деревянного колчана с 18–20 стрелами, железные удила, два стремени, остатки конской сбруи с семью бронзовыми и одной серебряной бляшками,

4 железные пряжки. Между южной стеной и скелетом находились топор и наконечник копья;

в) погребение мужское;

г) головою на Восток-Северо-Восток;

д) X в.

3) Каргер, 1940. С. 79–82; 1950. С. 85–92; 1958. С. 182–185; Килиевич, 1982. С. 151; Андрощук и др., 1996. С. 43.

5. Киев. Могильник на Старокиевской горе. Погребение № 123.

1) Обнаружено в 1937 г. КАЭ ИИМК УССР (под руководством Ф.Н. Мовчановского) в усадьбе Художественной школы, в грунтовой яме на глубине 2.95 м от уровня современной поверхности. Погребение располагалось близ юго-западного угла наружной галереи Десятинной церкви. Могила находилась ниже фундаментов храма.

2) а) На глубине 2.65 м от дневной поверхности были обнаружены остатки деревянного сруба (2.5 × 1 м), сохранившегося на высоту 0.25–0.3 м. Стенки сруба были сделаны из бревен толщиной около 0.1 м, рубленых "в лапу" и скрепленных железными гвоздями. Сверху сруб перекрывал накат из таких же бревен.

б) На черепе погребенной находились остатки златотканой парчи. По обеим сторонам черепа лежали два золотых проволочных височных кольца с заходящими концами. На груди погребенной лежали 16 бусин. На кистях найдено два браслета, сделанные из серебряного дрота. На пальцах обеих рук по два золотых колечка с завязанными концами. У поясницы с правой стороны лежала небольшая серебряная подковообразная спиралеконечная фибула, а у таза сильно окислившийся серебряный дирхем. Возле ступни левой ноги лежали обручи и железная дужка деревянного ведра;

в) женское погребение;

г) головой на Юг;

д) X в.

3) Копилов, 1951. С. 233–235; Каргер, 1958. С. 206, 207; Килиевич, 1982. С. 150, 151; Андрощук и др., 1996. С. 123.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Главы из монографии "Гнездово" (1992–1993) // Гнездовский могильник. Ч. I. Тр. ГИМ. Памятники культуры. 1999. Вып. XXXVI.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Три погребальные камеры из Гнездова // История и культура древнерусского города. М., 1989.

Андрощук Ф.О., Осадчий Р.М. Про культурний тип та конструктивно-ритуальні особливості камерних поховань Південної Русі (за матеріалами Киева та Чернігова // Археологія. 1994. № 3.

Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До предісторії спорудження Десятинної церкви (Хронологічний анализ поховальних комплексів) // Церква Богородиці Десятинна в Киэві. До 1000-ліття освячення. Київ, 1996.

Белецкий С.В. Начало Пскова. Псков, 1996.

Бліфельд Д.І. Древньоруський могильник в Чернігові // Археологія. 1965. Т. XVIII.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л., 1978.

Вельмин С.П. Археологические изыскания в императорской археологической комиссии в 1908–1909 годах на территории Древнего Киева // Военно-исторический вестник. 1910. № 7–8.

Гири П. Использование археологических источников в истории религии и культуры // Одиссей. Человек в истории. 1998. М., 1999.

Дубов И.В. К проблеме "переноса" городов в Древней Руси // Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1983.

Жарнов Ю.Э. Женские скандинавские погребения в Гнездове // Смоленск и Гнездово. М., 1991.

Жарнов Ю.Э. Гнездовские курганы с остатками трупоположений // Историческая археология: Традиции и перспектива. К 80-летию со дня рождения Д.А. Авдусина. М., 1998

Жаров Г.В., Коваленко В.П., Козаков А.Л. Новые исследования на черниговском предградье в 1998–1999 гг. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. Київ, 1999.

Зоценко В.Н. Гнездово в системе связей среднего Поднепровья IX–X вв. // Гнездово. 125 лет исследования памятника // Тр. ГИМ. 2001. Вып. 124.

ИАК. Прибавление к вып. 32. СПб., 1909.

Ивакин Г.Ю. Погребения X–XI вв. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве (1996–1997 гг.) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2002.

Ивакин Г.Ю., Козубовский Г.Ю., Козюба В.К. и др. Исследования на территории Михайловского Златоверхого монастыря в 1998–1999 гг. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. Київ, 1999.

Каргер М.К. Погребение киевского дружинника X в. // КСИИМК. 1940. Вып. V.

Каргер М.К. Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947). Киев, 1950.

Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1–2. М.; Л., 1958.

Килиевич Р.С. Детинец Киева IX – первой половины XII веков. По материалам археологических исследований. Киев, 1982.

Килиевич Р.С., Харламов В.А. Раскопки Федоровского монастыря в Киеве // АО–1984. 1986.

Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени) // Славяне и скандинавы. М., 1986.

Копилов Ф.Б. Зрубне поховання біля Десятинної церкви // Археологія. 1951. Т. V.

Кузьмин С.Л., Волковицкий А.И. К вопросу о некрополе Старой Ладоги // Вестник молодых ученых. Сер. Исторические науки. 2001. № 1.

Лабутина И.К. Открытие псковского некрополя // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1991.

Лабутина И.К. Погребения Псковского некрополя // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3. Псков, 1996.

Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1997. Т. I.

Лебедев Г.С. Социальная топография могильника эпохи викингов в Бирке // Скандинавский сборник. Т. XX. Таллин, 1977.

Михайлов К.А. Древнерусские камерные погребения и Гнездово // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Тр. ГИМ. 2001. Вып. 124.

Мовчан И.И. Новые данные о дружинном некрополе древнего Киева // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2002.

Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Гончар В.М. и др. Дослідження "міста Володимира" Києві 1999 р. // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. Київ, 1999а.

Мовчан І.І., Боровський Я.Є., Климовський С.І. Дослідження "міста Володимира" давнього Киева // Археологічні відкриття в Україні 1998–1999 рр. Київ, 1999б.

Мурьянов М.Ф. О Десятинной церкви князя Владимира // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978.

Мусин А.Е. Становление церкви на Руси в IX–XIV веке // Российские исследования в гуманитарных науках. Т. 17. Lewiston, 2001.

Недошивина Н.Г. Крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. № 4.

Носов Е.Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб., 1993.

Носов Е.А. Становление Руси и первые города. СПб., 2002.

ОАК за 1912 г. Пг., 1916.

Пчелов Е.В. Генеалогия древнерусских князей IX – начала XI вв. М., 2001.

Сага о Греттире. Новосибирск, 1976.

Сага об Эгиле // Исландские саги. М., 1956.

Сагайдак М.А. О конструкциях погребальных комплексов Киевщины и Черниговщины IX – XI вв. // Чернигов и его округа в IX–XI вв. Киев, 1988.

Сагайдак М.А. О некоторых признаках раннего города: сравнительный анализ (Север–Юг) // Доклад 19.11.2002 на конф. "Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга". М., 2002.

Толочко П.П. Історична топографія стародавнього Киэва. Київ, 1972.

Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.

Франклин С., Шепард Д. Начало Руси 750–1200. СПб., 2000.

Ament H. Franklische Adelsgeaber von Flonheim in Bheinhessen // Germanischer Dankmaler der Volkerwanderunszeit. Serie B. Bd. 5. Berlin, 1970.

Aner E. Das Kammergäber von Haithabu // Offa. 1952. № 10.

Callmer J. The Archaeology of Kiev to the End of the Earliest Urban Phase // Harvard Ukrainian Studies. 1987. V. 11. № 3/4.

Eisenschmidt S. Kammergraber der Wikingerzeit in Altdanemark // Universitatsforschungen zur Prahistorischen Archaologie. B. 25. Bonn, 1994.

Gräslund A.-S. The birial customs. A study of the graves on Björkö // Birka IV. Stockholm, 1980.

Krogh K. The Royal Viking-Age Monuments at Jelling in the Light of recent Archaeological Excavations. A Preliminary Report // Acta Archaeologica. V. 53. København, 1982.

Olsen O. Hørg, Hov og Kirke: historiske og ark? Vikingetidsstudier. København, 1966.

Voss O. Hørning-graven.En kammergrav fra o. 1000 med kvinde bedgravet i vognfading // Mammen. Jysk Arkælogisk Selskabs Skrifter. 28. Højbjerg, 1991.

The Kiev pagan necropolis and the Tithe church of the Virgin

K. A. Mikhailov

Summary

In the publication a new interpretation is suggested the burials of the 10th c. located around of the Tithe church of the Virgin in Kiev. The monument was the first Russian cathedral constructed by Prince Vladimir in 996. It had occupied a portion of the vast pagan cemetery. It was just below the foundations of the temple that the dense cluster of ancient chamber graves has been discovered. The chambers were built of timber and furnished with rich grave goods. Many of the discussed burials have their analogies in the cemeteries of Sweden and Denmark. The author supposes that good state of preservation of the burials should not be considered an occasion. There are some indirect indications pointing to the fact that the ancient builders deliberately avoided to disturb and plunder the graves of the prominent citizens of Kiev of the Viking Age. Taking into account the Byzantine origin of the builders' company, the author assumes that the burials had been preserved due to the donor's concern. In Western Europe and Scandinavia the tradition is known when prominent Christians built the first churches over the burials of their pagan ancestors. The same tradition existed among the Vikings, as it is clear from the Icelandic sagas. The author presumes the first Christian cathedral in ancient Rus' to have been built in the spot of the Kiev pagan necropolis where the representatives of the ruling princely dynasty had been buried.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 46–54

НОВГОРОДСКИЙ ХРАМ ЭПОХИ РАСЦВЕТА БОЯРСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ НА МОЛОТКОВЕ

© 2004 г. Вл. В. Седов

Государственный институт искусствознания, Москва

В истории новгородской архитектуры выделяется не столь уж длительный промежуток расцвета, в который были сооружены несколько каменных храмов, составивших славу зодчества Новгорода. Особенно знамениты церкви Федора Стратилата на Федоровой улице (1360–1361) и Спаса на Ильине улице (1374). В специальном исследовании, посвященном происхождению форм церкви Федора Стратилата на Федоровой улице, мы пытались показать, что все основные черты новгородской архитектуры второй половины XIV в. соединились именно в этом храме, который можно воспринимать как своего рода манифест боярской архитектуры Новгорода (Седов, 1997. С. 3–43).

Эта боярская архитектура, великолепная по декоративному убранству фасадов и подчеркнуто монументальная, активно эволюционировала не очень долго. Церковь Спаса на Ильине улице можно считать памятником, развивающим формы и идеи церкви Федора Стратилата и доводящим их до некоего предела, почти до разрушения гармонии. Последующие же памятники 1380–1420-х годов уже воспринимаются как реплики двух названных "больших" боярских храмов, в которых в той или иной степени проявляются черты упрощения.

Если это так, то сам период расцвета ограничен промежутком с 1360 по 1374 г. и представлен всего двумя храмами. Следует сразу оговориться, что новгородская церковь Петра и Павла на Славне, построенная неким Лазутой в 1367 г., явно не принадлежит к монументальным и декорированным памятникам и показывает существование рядом с ними более сдержанной архитектуры. Пытаясь расширить круг "больших" храмов боярской архитектуры, мы предположили, что к тому же кругу принадлежали два собора, сооруженные не в Новгороде: Спасо-Преображенский собор в Торжке 1364 г. и Троицкий собор в Пскове 1365–1367 гг. (Седов, 1992. С. 68–76; Салимов и др., 1998. С. 102–107; Булкин и др., 2000. С. 81–112). Эти крупные и значительные по композиции и декору постройки изучены недостаточно и, несмотря на то что заполняют лакуну между храмами Федора Стратилата и Спаса на Ильине, пока не могут быть уверенно рассмотрены как ступени в развитии боярской архитектуры.

Однако есть еще один памятник новгородской архитектуры, который можно связать с указанной линией. Речь идет о церкви Рождества Богородицы на Михалице (или на Молоткове улице), сооруженной в 1379 г. (рис. 1).

Новгородская Первая летопись под 6887 годом сообщает: "Того же лета заложиша церковь камену святую Богородицю на Михалице, и другую церковь камену святую Фрола и Лавра на Люгощи улице" (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 375). Никаких сведений о заказчиках храма не приводится, нет их и в других новгородских летописях, приводящих сходные сведения о постройке каменного храма на Михалице в 1379 г. (Новгородская третья летопись, 1879. С. 231; Новгородская четвертая летопись, 1915. С. 308, 309; 1929. С. 603; Летопись Авраамки, 1889. С. 105).

Церковь Рождества Богородицы на Михалице была не обычным приходским храмом Молотковой улицы, а еще и собором женского монастыря, основанного женой новгородского князя Ярослава Владимировича в 1199 г. одновременно со строительством здесь деревянной церкви (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 44, 238). С основанием монастыря связано позднее записанное "Сказание о Михалицком монастыре, иже нарицается Молотково девичь манастырь", которое находим, в частности, в Третьей Новгородской летописи (Новгородская третья летопись, 1879. С. 198–200). В "Сказании", помещенном в летописи под 1199 г., повествуется о чуде с просфорой, спасенной от поругания чудесным огнем, и о постройке на месте церкви по велению не названного по имени архиепископа, что не очень согласуется с указанием на княжеский заказ в более ранних летописях.

Непосредственным поводом к постройке нового храма послужил пожар 1377 г., когда "сгоре церкви от грома святая Богородица на Михалице" (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 374). В 1360–1370-е гг. в Плотницком конце, в котором располагался интересующий нас храм, начиналось активное каменное строительство и многие

уже существовавшие деревянные церкви заменялись на каменные. В 1360–1361 гг. на средства тысяцкого Семена Андреевича и его матери Натальи строится в камне уже упомянутая церковь Федора Стратилата на Федорове улице, в 1369–1370 гг. – храм Ипатия на Рогатице, а в 1373–1377 гг. – возводится церковь Бориса и Глеба в Плотниках. Строительство каменного храма на Молоткове в 1379 г. хорошо вписывается в эту активную строительную деятельность на Плотницком конце Новгорода, продолженную и в 1380-е годы.

Каменный храм на Молоткове после 1379 г. почти не упоминается в источниках, есть сведения о том, что он избежал пожара в 1385 г. (Новгородская первая летопись..., 1950. С. 380), а также о том, что в конце XV в. у монастырской церкви имелись два придела "на полатех", Покрова и Козмы и Демьяна (Янин, 1976. С. 113). В начале XVII в. один документ фиксирует в Михалицком монастыре каменную церковь с неназванными приделами (вероятно, теми же, что и в конце XV в.), а другой – тот же храм Рождества Богородицы, но с каменным приделом Симеона Дивногорца, ранее не отмеченным источниками (Опись Новгорода 1617 года, 1984. С. 60, 328).

Литература о памятнике очень немногочисленна. В знаменитом труде архимандрита Макария приводятся исторические сведения о монастыре вплоть до его закрытия в 1764 г. и превращения в приходскую церковь, есть сообщения о церкви Михаила Малеина XVI–XVII в., стоящей и сейчас к югу от храма Рождества Богородицы, а также об архитектуре древнего храма: форме его столбов, некоторых частях декорации, следах хор в интерьере, изразцах на барабане, а также западном притворе, сооруженном около 1830 г. для размещения в нем престола Спаса Нерукотворного, перенесенного из упраздненного Образского монастыря (Макарий, 1860. С. 331–341). В дальнейшем встречаем лишь краткие упоминания в путеводителях. В пространном путеводителе В. Строкова и А. Богусевича храм на Молоткове представлен как характерный памятник XIV в., барабан и своды которого переложены в XVI в. (Строков, Богусевич, 1939. С. 110–112). Примерно так же рассматривает храм М.К. Каргер, который видел в церквях на Михалице и на Легощей, заложенных в один год, "отказ от декоративного излишества церкви Спаса на Ильине" (Каргер, 1946. С. 72, 73; 1980. С7 34, 157–159).

Результаты тщательной и артистичной послевоенной реставрации церкви (1950–1960-е гг.), проведенной Л.Е. Красноречьевым, отражены в краткой аннотации, помещенной в сводной статье новгородских реставраторов (Гладенко и др., 1964. С. 236). Здесь перестройка храма датирована XVII в., обосновано восстановление памятника

Рис. 1. Церковь Рождества Богородицы на Молоткове в Новгороде. Вид с юго-востока. Фото П.Н. Шеронова. 2002 г.

именно в это время, подчеркивается богатое убранство фасадов (стрельчатые окна, аркатура на апсиде, порталы, вкладные кресты), указывается на существование открытой каменной лестницы в северо-западном углу интерьера. Л.Е. Красноречьев в своей статье о реставрации новгородских памятников считал реставрацию церкви на Молоткове примером "компромиссной" реставрации, когда "были раскрыты все вкладные кресты XIV в., некоторые окна этого же времени, а апсида на сохранившуюся высоту вообще реставрирована в первоначальном виде. Так, где подобная реставрация оказалась невозможной, оставлены открытыми для экспонирования остатки древних элементов" (Красноречьев, 1970. С. 82, 83). Г.М. Штендер в своей работе о методике реставрации новгородских памятников включил работы Л.Е. Красноречьева по Молоткову в раздел "Аналитическая реставрация с сохранением существенных переделок основной части памятника" и кратко описал характер работ по восстановлению покрытия, барабана и других частей XVII в. и выявлению порталов, окон и крестов XIV в. (Штендер, 1981. С. 59). Фактически этим исчерпываются сведения об архитектуре храма. В не-

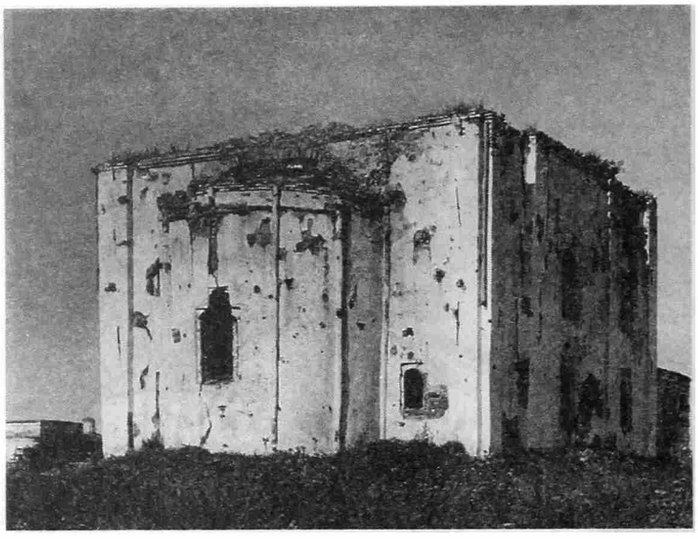

Рис. 2. Вид церкви к северо-востока. Фото 1948 г.

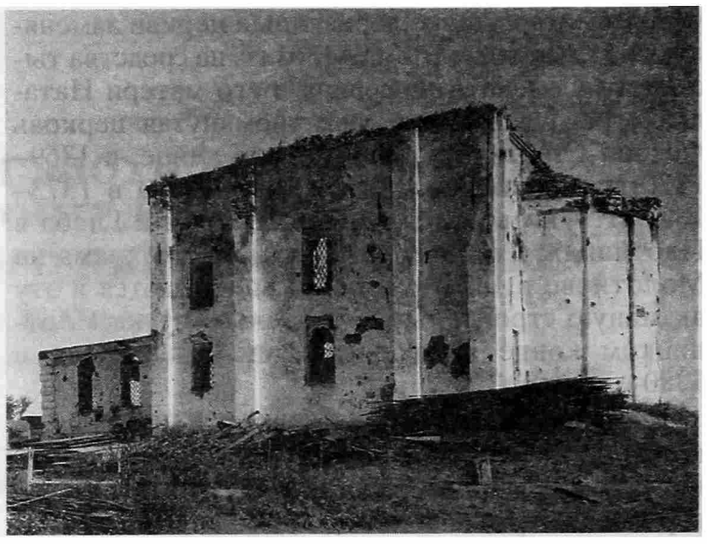

Рис. 3. Вид церкви с юго-востока. Фото 1948 г.

давнее время только Д.А. Петров попытался сравнить "богато украшенный" храм на Молоткове со "сдержанным и простым храмом" Флора и Лавра на Легощей улице, сооруженным в том же году (Петров, 1993. С. 8, 9).

В настоящее время храм Рождества Богородицы на Молоткове представляет собой крупный прямоугольный в плане объем размером 14 × 15 м, к которому с востока примыкает полукружие алтарной апсиды. С запада во всю ширину западного фасада древнего объема выступает пониженный поздний притвор, в котором около 1830 г. разместили престол разобранной Образской церкви. По своему типу церковь Рождества Богородицы относится к четырехстолпным храмам, но ее своды в нынешнем виде являются результатом реставрации и воспроизводят особенности реконструкции памятника во второй половине XVII в. (может быть, даже – в начале XVIII в.). К этому периоду принадлежат формы барабана с его широкими окнами и полихромными изразцами, лотковые и сомкнутые своды и два восьмигранных западных столба. Большинство этих форм было утрачено во время Великой Отечественной войны (что видно на послевоенных фотоснимках: рис. 2, 3) и восстанавливалось по довоенным чертежам и фотографиям. К тому же периоду относится значительное число оконных проемов, как простых – с лучковой перемычкой и прямоугольной обрамляющей нишей, так и пышно декорированных наличниками с наборными колонками по сторонам и разорванными фронтонами. Все эти конструктивные и декоративные формы только скрывают от нас первоначальные формы памятника 1379 г.

Если сосредоточиться лишь на формах XIV в., то характеристика памятника может выглядеть следующим образом: это был довольно крупный четырехстолпный и, по всей видимости, одноглавый одноапсидный храм с прямоугольным притвором с запада, открытым во время реставрационных работ Л.Е. Красноречьева (рис. 4). Храм XIV в. сложен из плит серого плитняка и красного ракушечника с использованием в конструктивных и декоративных частях крупноформатного кирпича, характерного для второй половины столетия (размер 6–7 × 13–15 × 26.5 × 27.5 см; использован в обрамлении окон и порталов, в лопатках, в колонках апсиды) (Антипов, Соленикова, 1995. С. 122). Основания западной пары столбов не исследовались, но мы можем предположить, что первоначальные квадратные в плане западные столбы стояли примерно на месте нынешних восьмигранных и по форме напоминали сохранившиеся от XIV в. восточные столбы (рис. 5). Подкупольный квадрат имел размеры примерно 4.5 × 4.5 м, он был сдвинут к востоку, что повлекло за собой расширение западной трети храма и сужение восточной трети. Храм имел хоры в западной трети, подъем на которые осуществлялся с помощью каменной лестницы в северо-западном углу интерьера. Как известно из "Семисоборной росписи" конца XV в., в храме "на полатех" имелись два придела, но они не могли располагаться в северо-западном и юго-западном углах храма (как, например, в церкви Спаса на Ильине), так как северо-западный угол был занят лестницей. Скорее всего один из приделов находился в юго-западном углу, а другой – в средней части хор (в западном рукаве креста) или в одном из восточных углов.

Декоративное оформление фасадов, частично сохранившееся, а частично восстановленное в процессе исследований Л.Е. Красноречьева, было довольно сложным. Фасады разделялись на три прясла относительно узкими лопатками, верх которых обрублен карнизом, устроенным на рубеже

XVII–XVIII вв. в связи с устройством четырехскатной кровли, заменившей первоначальную восьмискатную или полопастную. У нас нет сомнений в том, что лопатки первоначально "стягивались" лопастными арками, как и на фасадах других новгородских храмов второй половины XIV в., но от этих арок до нашего времени не дошло никаких следов.

Апсида храма обработана двухъярусной аркатурой, опирающейся на семь вертикальных кирпичных колонок (рис. 6). Сохранилась лишь нижняя аркатура, в звенья которой включены окна и ниши апсиды, но нет сомнения в том, что имелся и верхний ряд со сдвоенными арочками и нишами в их поле. На двух фасадах находятся части первоначальных порталов: на западном фасаде осталось завершение стрельчатого перспективного портала в среднем прясле (рис. 7), такой же портал частично сохранился в среднем прясле южного фасада.

В стены храма вложено много каменных крестов, причем не все они попали в кладку в 1379 г.: кресты на лопатках появились на рубеже XVII–XVIII вв. и расположены, по всей видимости, в уровне связей. На северном фасаде (рис. 8) первоначальными являются три креста в нижней части, по вей видимости, попавшие в кладку в результате разрушения кладбища в период строительства каменного храма 1379 г. Еще три подобных креста размещены в среднем прясле южного фасада (рис. 9) вокруг портала (Соленикова, 1996. С. 15). Справа от этого же портала над простым крестом находится сложный крест с треугольным навершием и полумесяцем под перекладиной. Этот крест, тоже относящийся к первоначальному периоду, заключен в округлую нишу со ступенчатым обрамлением. В стене притвора имелся еще один крест, "Серапионовский" или "Молотковский", попавший сюда в XIX в. из Образского монастыря и ныне находящийся в Новгородском музее (Пежемский, 2003. С. 105–113).

Помимо закладных крестов, порталов и колонок двойной аркатуры в декоративном убранстве фасадов храма на Молоткове значительную роль играли окна и ниши. Окна в древнем храме располагались ярусами, причем ярусы на восточном и других фасадах не совпадали по уровню. Эти оконные проемы имеют характерную для данной эпохи щелевидную форму с полуциркульным или стрельчатым завершением. На восточном фасаде имеются два яруса окон в боковых частях: окна нижнего света, освещающие ниши дьяконника и жертвенника (первоначальная форма окон здесь не сохранилась), и окна верхнего света, расположенные над ними и по уровню совпадающие с окнами первого света на боковых фасадах. Еще один ряд окон, как уже говорилось, проходит в уровне аркатуры апсиды. На боковых фасадах первоначальные окна сохранились в восточных пряслах, здесь они расположены в два яруса очень высоко от поверхности земли. В средних пряслах боковых фасадов наблюдаются части первоначальной декорации над порталами: фрагменты окон в двух уровнях с пологими скатами и окон с бровками. На западном фасаде и в западных пряслах боковых фасадов все окна поздние, что связано с обширной перекладкой стен в этих частях храма, вызванной перекладкой западной пары столбов в XVII–XVIII вв.

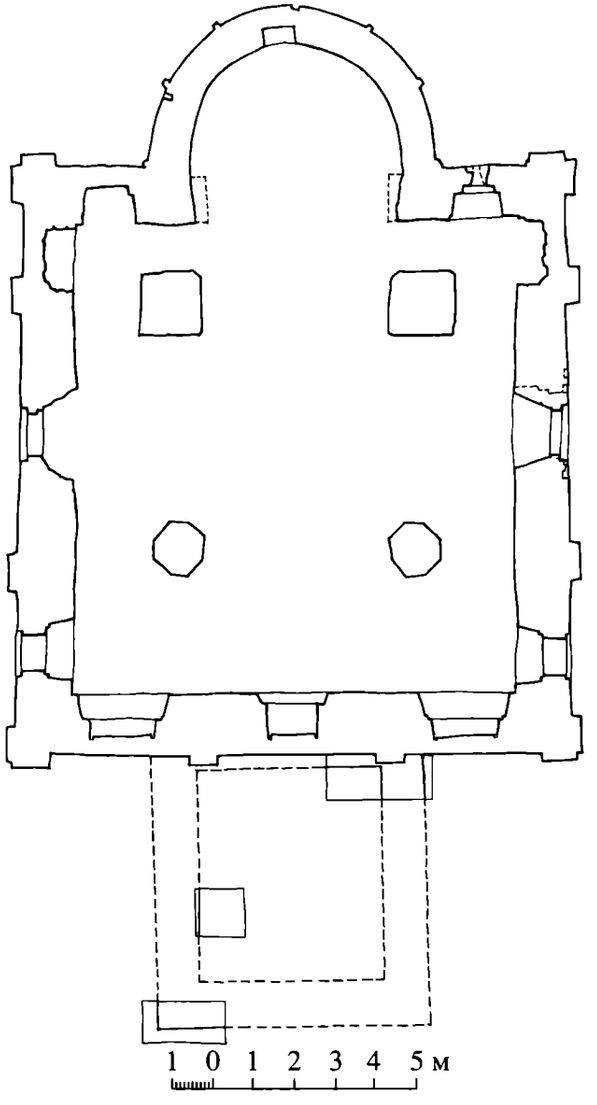

Рис. 4. План с показанием расчисток древнего притвора. Чертеж по материалам Л.Е. Красноречьева.

Несмотря на частичную сохранность первоначальных стен храма и фрагментарность дошедшей до нашего времени декорации, мы можем сделать ряд выводов как о характере архитектуры памятника, так и о его месте в эволюции новгородской архитектуры второй половины XIV в.

Во-первых, размеры храма на Молоткове (14 × 15 м) выделяют этот памятник среди многих сохранившихся новгородских церквей. Цер-

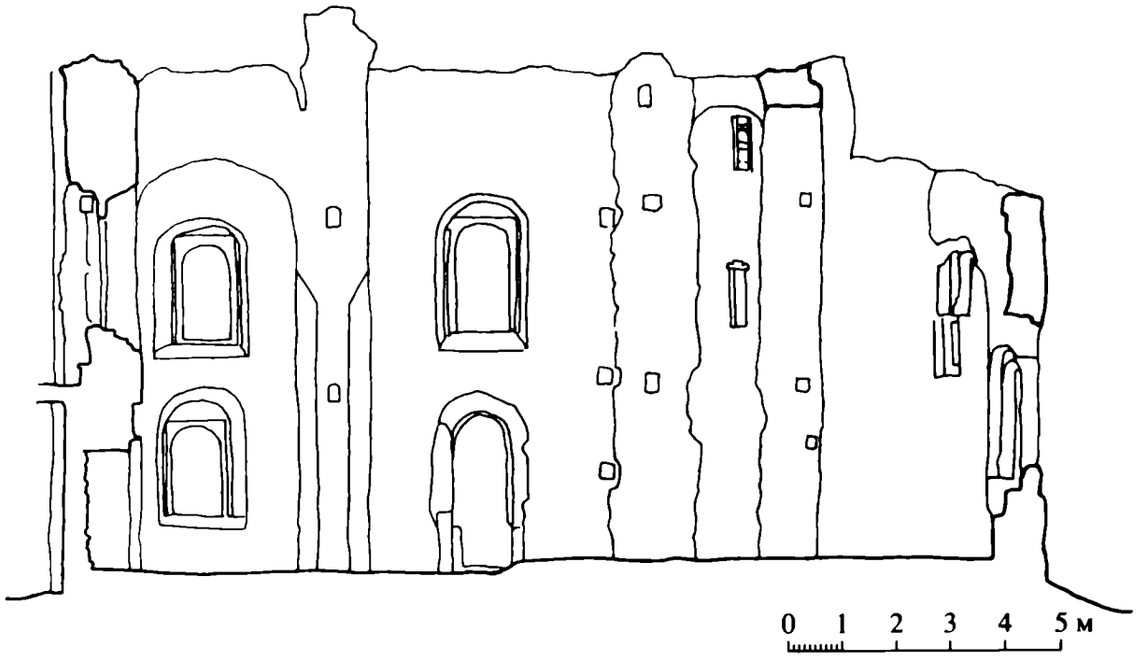

Рис. 5. Продольный разрез по материалам Л.Е. Красноречьева.

Рис. 6. Восточный фасад по материалам Л.Е. Красноречьева.

ковь на Молоткове больше крупного храма Федора Стратилата на Федорове улице 1360–1361 гг. (14 × 14 м) и уступает лишь храму Спаса на Ильине улице 1374 г. (16 × 17 м) и некоторым храмам первой половины XIV в.: Михаила Архангела в Пскове 1339 г. (14.8 × 14.8 м) и Благовещения на Городище 1342–1343 гг. (15 × 15 м) (Седов, 1999. С. 394). Подобный масштаб ставит церковь 1379 г. не только в ряд "больших" храмов, но и заставляет предположить определенное родство с церковью Спаса на Ильине, построенной пятью годами раньше.

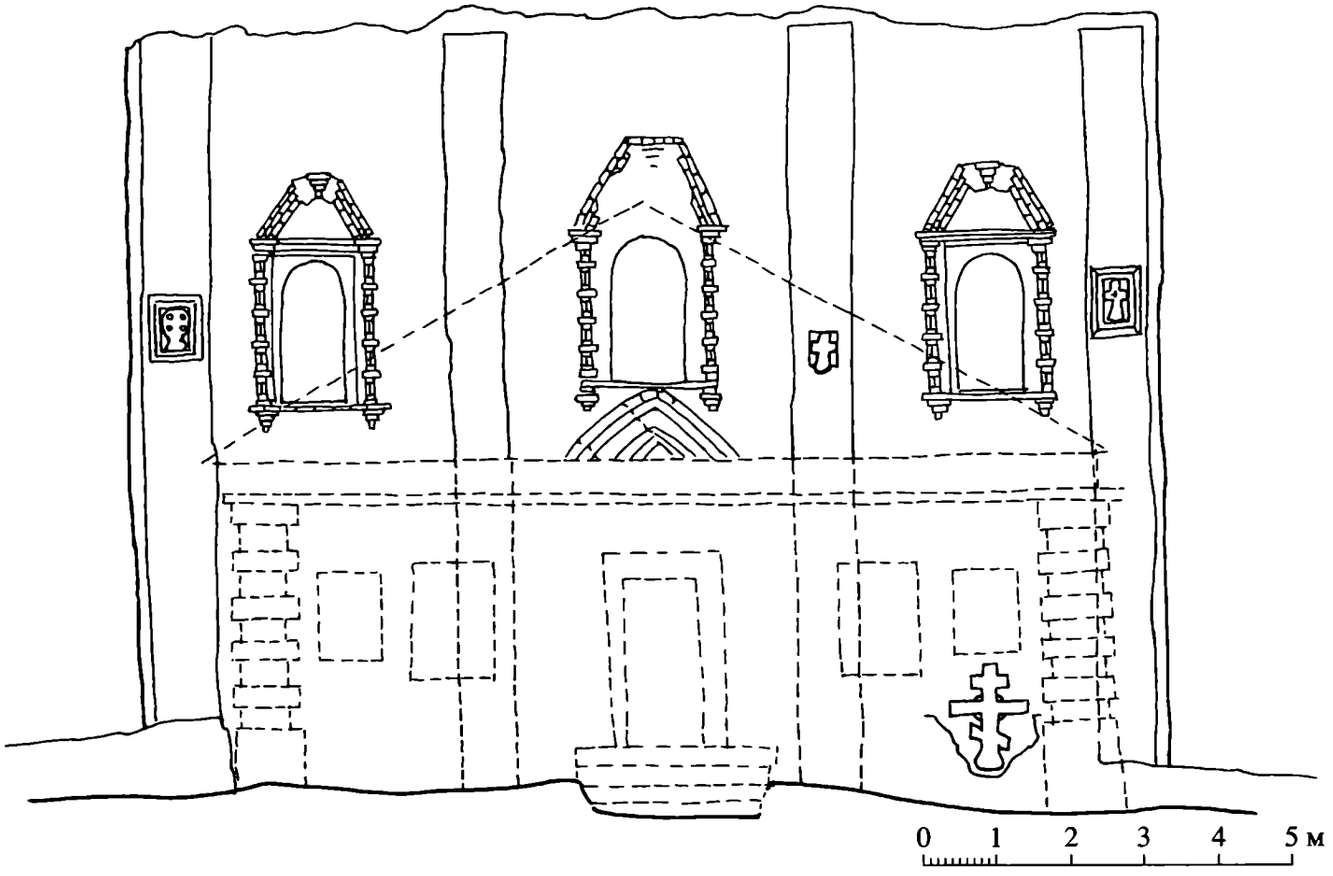

Рис. 7. Западный фасад по материалам Л.Е. Красноречьева.

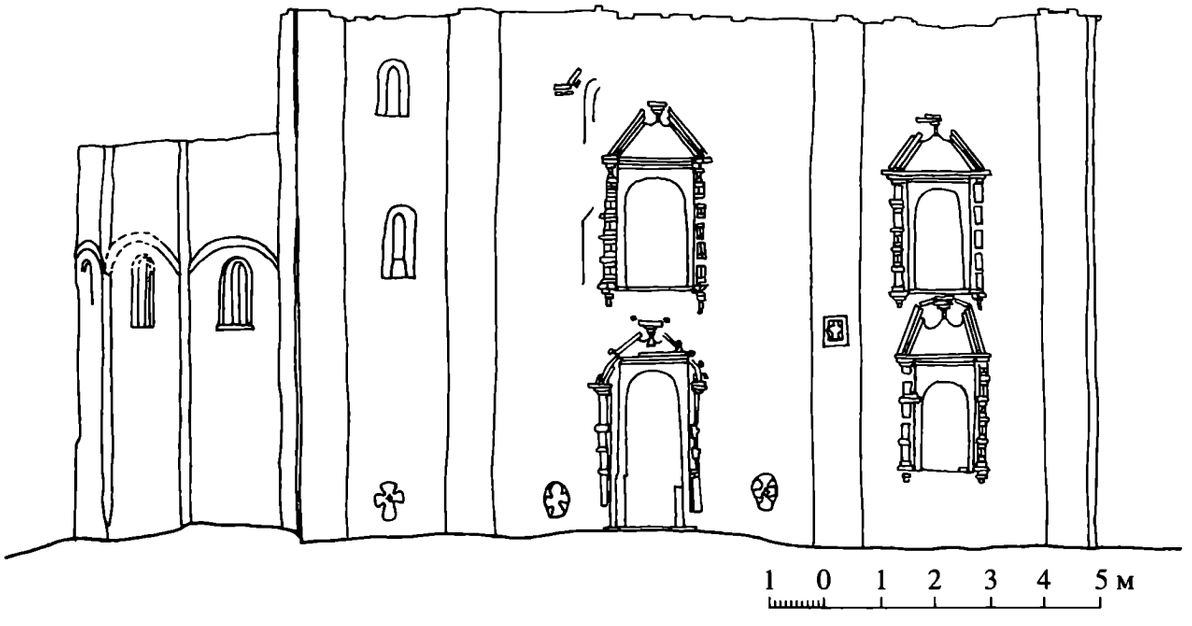

Рис. 8. Северный фасад по материалам Л.Е. Красноречьева.

Это предположение о близости к "большим" храмам 1360–1370-х годов вообще и к церкви Спаса на Ильине улице в частности подкрепляется убранством апсиды памятника на Молоткове: двухъярусная аркатура, зафиксированная здесь, существует, кроме того, только в двух других "больших" храмах: Федора Стратилата на Федоровe улице и Спаса на Ильине улице. Эта аркатура, как было показано нами ранее (Седов, 1997. С. 16–19), пришла в новгородскую архитектуру из романской и романо-готической архитектуры Германии или Дании с опозданием на 100 лет и появилась впервые, видимо, в церкви Федора Стратилата 1360–1361 гг. После церкви Спаса 1374 г. и,

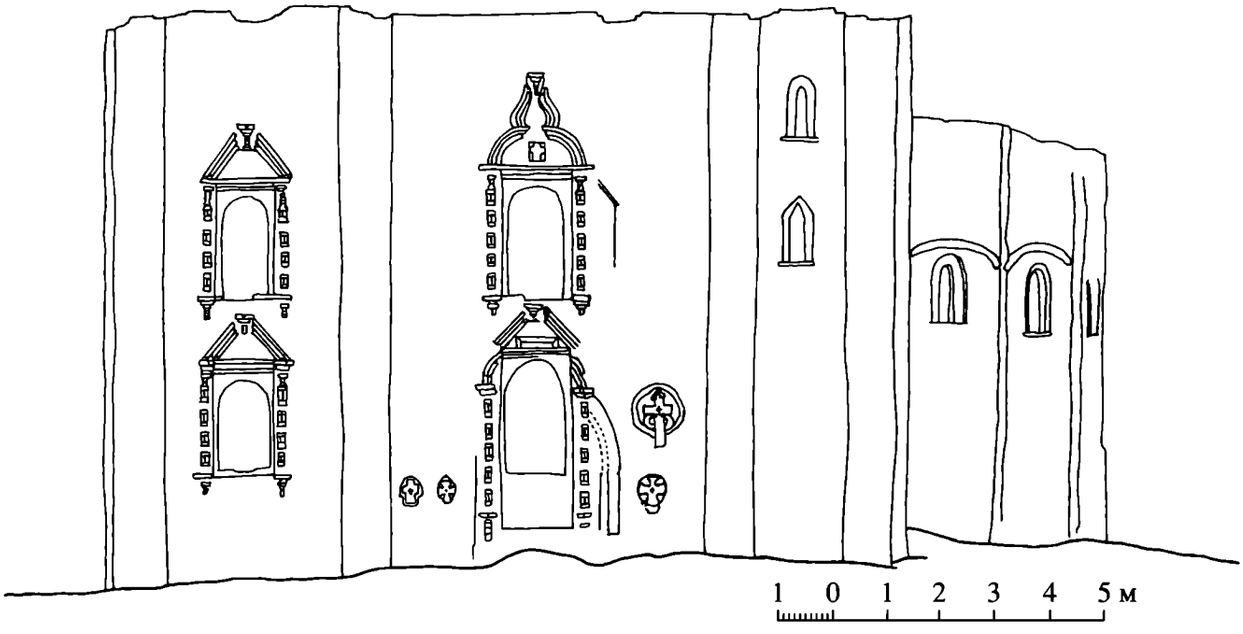

Рис. 9. Южный фасад по материалам Л.Е. Красноречьева.

как выясняется, после церкви Рождества на Молоткове 1379 г. двухъярусные аркатуры в новгородском зодчестве не встречаются, они упрощаются до простой аркатуры в один ярус и украшают аспиды нескольких новгородских храмов начала XV в. (церкви Покрова в Зверине монастыре 1399 г., Петра и Павла в Кожевниках 1406 г. и Георгия с приделом Благовещения в Русе 1410 г.), а также целого ряда псковских храмов XV–XVI вв. Первым примером одноярусной аркатуры была, по всей видимости, аркатура апсиды уже упоминавшейся церкви Флора и Лавра на Легощей улице, построенной в один год с интересующим нас храмом на Молоткове (возможно, что именно артель строителей, возводившая храм на Легощей улице, и упростила прием с двухъярусной аркатурой).

Вкладные кресты к 1370-м годам стали общим местом в новгородской архитектуре, а вот готические стрельчатые и перспективные порталы в это время были принадлежностью определенного направления: напомним, что в церкви Петра и Павла 1367 г. и даже в церкви Спаса на Ильине 1374 г. их нет (они заменены уступчатыми порталами с полуциркульным завершениями и бровками), тогда как такие порталы есть в церкви Федора Стратилата 1360–1361 гг. и в возведенных вскоре после церкви на Молоткове монастырских церквей Плотницкого конца: Рождества Христова на Поле 1381–1382 гг. (западный портал) и Иоанна Богослова на Витке 1383 г. (южный портал). Крайне редко в новгородской архитектуре и многоярусное расположение окон: чаще всего встречается устройство окон в три света (если считать окна дьяконника и жертвенника и двери, то вторым ярусом будет ряд окон, а третьим – окна в вершине средних прясел). Устройство окон в четыре света (нижний уровень, два яруса окон и одиночные окна в вершинах средних прясел) встречается только в храмах Федора Стратилата и Спаса на Ильине, а также в церкви Рождества на Молоткове. По всей вероятности, устройство окон в четыре света было такой же особенностью группы "больших" храмов 1360–1370-х годов, как и апсиды с двухъярусными аркатурами.

Устройству окон в четыре света в церкви Рождества на Молоткове вторила и декорировка среднего прясла, где в уровне второго и третьего света располагались группы окон и ниш с бровками – как в церкви Спаса на Ильине. Здесь мы видим, что церковь на Молоткове развивает формы храма на Ильине: в более ранней церкви Федора на Федорове улице таких композиций нет. После 1379 г. подобные группы окон и ниш встречаются, но они проще хотя бы потому, что окна над порталами в них расположены в два яруса (иногда роль отсутствующего яруса играют полуциркульные ниши), тогда как в храмах на Ильине и на Молоткове ярусов над порталами было три.

Подводя итоги нашему исследованию, мы должны констатировать, что церковь Рождества Богородицы на Молоткове принадлежит к группе самых больших и самых сложных по декоративному убранству фасадов новгородских храмов. Это своеобразная вершина боярской архитектуры Новгорода: боярской не только в силу заказа (для церкви на Молоткове он вполне вероятен, но все же предположителен), но и в силу самого направления развития церковной архитектуры в сторону создания представительных, высоких и стройных

и одновременно богато декорированных храмов с устойчивым типом и без особых тонкостей или сложностей в композиции и организации пространства. Это направление было начато, как уже было сказано, в церкви Федора Стратилата 1361–1362 гг. и достигло своего зенита в церкви Спаса на Ильине улице 1374 г. Этот "зенит", оказывается, имел некоторую протяженность: в церкви на Молоткове 1379 г. мы не видим еще никаких черт упрощения по сравнению с церковью на Ильине улице, но не видим и развития. Возникает ощущение, что арсенал композиционных и тем более декоративных форм к 1370-м годам был уже исчерпан, и новых форм для прибавления и обновления взять было просто неоткуда. Это представление подтверждает и то, что уже в 1380-е годы новгородские храмы уже несколько упрощены по сравнению с храмами 1370-х годов: ярусность понижена, декор проще и не столь изобретателен.

Это упрощение говорит об определенной замкнутости новгородской архитектуры и ее склонности к типизации, но одновременно это последующее упрощение свидетельствует и об уникальности самого феномена "больших" боярских храмов 1360–1370-х годов: в эти два десятилетия был создан и развит до верхнего предела композиционный и декоративный язык новгородской боярской архитектуры, которым она будет пользоваться вплоть до 1420-х годов Церковь Рождества Богородицы на Молоткове фиксирует своими формами эту вершину.

Заманчиво было бы предположить, что три новгородских храма и два собора вне Новгорода были результатом работы одной артели или даже одного мастера, творчество которого выделялось на фоне современной ему архитектуры Новгорода и сосредоточивалось на Торговой стороне (в Славенском конце – церковь на Ильине, в Плотницком – церкви на Федорове улице и Молоткове). Тогда первой постройкой этого мастера была церковь Федора Стратилата (1360–1361 гг.), где стиль сложился в единое целое. Затем был возведен Спасо-Преображенский собор в Торжке (1364 г., тут уже слишком много предположений), а чуть позже был построен Троицкий собор в Пскове (1365–1367 гг., предположительности не меньше). После небольшого перерыва наступил черед "шедевра" – церкви Спаса на Ильине (1374 г.), после создания которого движение вверх, совершенствование стало практически невозможным: в последующем храме Рождества Богородицы на Молоткове (1379 г.) мастер (или артель) только повторяет основные формы своих предшествующих созданий, не снижая и не поднимая уровень. Это похоже на закат карьеры мастера или группы мастеров, карьеры, продолжавшейся около 20 лет – с 1360 по 1379 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипов И.В., Соленикова Е.В. Формат новгородских брусковых кирпичей конца XIII – середины XV вв. // Древние культуры и технологии. Новые исследования молодых археологов Санкт-Петербурга. СПб., 1995.

Булкин Вал.А., Малыгин П.Д., Олейников О.М., Салимов А.М. Спасо-Преображенский собор в Торжке по материалам исторических и архитектурно-археологических исследований // Новгородские древности. Архив архитектуры. 2000. Вып. XI.

Гладенко Т.В., Красноречьев Л.Е., Штендер Г.М., Шуляк Л.М. Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород. К 1100-летию города. М., 1964.

Каргер М.К. Новгород Великий. М., 1946.

Каргер М.К. Новгород. Художественные памятники XI–XVII веков. Л., 1980.

Красноречьев Л.Е. Опыт реставрационных работ Новгородской мастерской // Вопросы охраны, реставрации, пропаганды памятников истории и культуры. Вып. II. М., 1970.

Летопись Авраамки // ПСРЛ. 1889. Т. 16.

Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. Ч. I. М., 1860.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.

Новгородская третья летопись // Новгородские летописи. СПб., 1879.

Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1.

Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. 1929. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3.

Опись Новгорода 1617 года. М., 1984.

Пежемский Д.В. Новгородский Серапионов крест // Ставрографический сборник. Кн. II. М., 2003.

Петров Д.А. Церковь Флора и Лавра на Легощей улице в Новгороде // Новгородские древности. Архив архитектуры. 1993. Вып. IV.

Салимов А.М., Малыгин П.Д., Булкин Вал.А., Олейников О.М. Открытие древнего храма в Торжке // Великое прошлое. Тр. науч. конф. Тверь, 1998.

Седов Вл.В. Псковская архитектура XIV–XV веков. М., 1992.

Седов Вл.В. Церковь Федора Стратилата в Новгороде // Архив архитектуры. 1997. Вып. IX.

Седов Вл.В. Церковь Благовещения на Городище. XIV век // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. К 70-летию Валентина Лаврентьевича Янина. М., 1999.

Соленикова Е.В. Закладные кресты в архитектуре Северо-Запада России. СПб, 1996.

Сроков В., Богусевич А. Новгород Великий. Л., 1939.

Штендер Г.М. Реставрация памятников новгородского зодчества // Восстановление памятников культуры (Проблемы реставрации). М., 1981.

Янин В.Л. "Семисоборная роспись" Новгорода // Средневековая Русь. М., 1976.

The church of Nativity of the Virgin in Molotkovo in Novgorod

Vl. V. Sedov

Summary

The investigation is devoted to the church of the Nativity of the Virgin in Molotkovo built in 1379. The monument has undergone several reconstructions, as a result its decoration and constructions were partly lost. The church practically has never been introduced into scientific circulation. The author presents the analysis of type, dimensions, and decoration of the church facades and comes to the conclusion that the monument should be attributed to the group of so-called "big" temples built in 1360-s and 1370-s, these churhes were ereted to boyar order, which is clearly mirrored in their architecture. The group comprises the monumental temples of the same type with lavish decoration; in the latter the elements of Romanesque and Gothic styles were used adopted from the West. It has been established that the church in Molotkovo was probably the latest one in development of the discussed group of temples, that included also the famous Novgorodan monuments like the church of Theodor Stratilates and The Saviour church in Il'ina street.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 55–63

"ИНДЕКС ХРИСТИАНСКОГО ИСКУССТВА" И НОВГОРОДСКИЕ КАМЕННЫЕ ИКОНКИ

© 2004 г. Л. А. Беляев

Институт археологии РАН, Москва

Цель настоящей статьи – поставить вопрос о необходимости создания Индекса раннего восточно-христианского искусства, или, вернее, необходимости развития на его основе существующей структуры изучения иконографии. Новгородские каменные иконки в данном случае скорее повод для дискуссии, но повод не случайный: именно они в течение десятилетий остаются полем активной иконографической работы для археологов. Ведь иконографические исследования, особенно в их типологической части, всегда входили в круг археологических исследований, что многократно демонстрировалось на материале таких базовых разделов, как нумизматика и сфрагистика, уже в XIX в. (Г. Шлюмберже, Н.П. Лихачев), а, начиная со второй половины XX в., – В.Л. Яниным и многими другими исследователями. То, что в археологических корпусах материалам, тесно связанным со средневековой иконографией, часто отводится почетное место (Даркевич, 1966; Николаева, 1983; Беляев, 1996), отнюдь не случайно.

Попыток создать общую, междисциплинарную базу для изучения иконографии восточного христианства в России никогда не предпринималось, если не считать разработок в искусствознании, часть которых, оставаясь классическими трудами школ Н.В. Покровского и Н.П. Кондакова, постепенно устаревает, а попытки их продолжения имеют крайне дискретный характер. Причина достаточно проста: современная информационная база изучения средневековой иконографии сформировалась не в России, а на Западе, причем в эпоху, когда русская наука была в изоляции и не могла принять участия в быстро развивавшемся процессе. О разработке новой базы в СССР знали в основном понаслышке, да и сегодня возможности пользоваться ею для русского ученого достаточно ограничены. Поэтому не лишним будет познакомить с нею читателя, отчасти на основе собственного опыта, отчасти по уже существующей литературе*.

Движение по созданию полного архива данных о христианской иконографии, так называемого "Индекса христианского искусства" (Index of Christian Art, сокращено ICA) возникло в Принстонском университете (США) в 1917 г. Во главе его стоял Чарльз Руфус Морей (C.R. Morey, 1877–1955), выпускник Мичиганского университета, профессор кафедры изобразительного искусства и археологии (с 1924 по 1945 гг. ее глава). Он был убежден, что изучать средневековое искусство невозможно без точного представления об эволюции иконографических композиций, а последнее недостижимо без исчерпывающего знания о каждом конкретном сюжете. Поэтому Морей начал составление картотеки объектов раннехристианского и средневекового искусства, расписывая их сюжеты на карточки с фотокопиями (передовая "информационная технология" для первых десятилетий XX в.). Вскоре к нему присоединилась группа добровольцев – любителей искусства (их привлечение к работе и сегодня характерная черта в организации американской археологии и музейного дела); позже Индекс вписался как официальная структура в состав кафедры (им руководили: H. Woodroof (1933–42), W.L.M. Burke (1942–1951), R.B. Green (1951–1982), N. Morgan (1982–1988), B. Cassidy (1988–1995), C. Hourihane (с 1997). (См.: Layin, 1983; Smyth, Lukehart, 1993). Постепенно был выработан принцип записи информации и библиографический формуляр (опубликован в 1942 г. и принят за основу во многих архивах искусства).

Работа по созданию Индекса оказалась чрезвычайно объемной, поскольку на всех известных науке (не только опубликованных) объектах искусства требовалось описать каждую деталь, начиная от представленных сюжетов и кончая всеми изображенными предметами, попутно составляя из образовавшихся карточек общий каталог. Сначала и область охвата, и хронология были довольно ограниченными: Индекс включал только раннехристианские саркофаги до 700 г. Но позже любые тематические ограничения были отброшены, а временной рубеж отодвинут до 1400 г. (в последнее время он иногда поднимается и выше: чтобы описать миниатюры рукописей в библиотеке Моргана и в Alison Frantz Archive Прин-

* Автор считает приятным долгом выразить благодарность сотрудникам "Индекса христианского искусства" (далее просто Индекс), с которым ему удалось начать работу в 1998 г. в Принстоне, и особенно Исследовательскому институту Гетти (Лос Анжелес) за предоставление возможности неограниченно пользоваться копией Индекса весной 2003 г. Без этого появление данной статьи было бы невозможно.

стонского университета полностью, границу отодвинули к 1600 г.). Ко времени смерти Морея (1955 г.) архив Индекса насчитывал 500 тыс. предметных карточек и около 100 тыс. фотографий, а продолжавшаяся работа добавляла в него, ежегодно, от 1 до 2 тыс. изображений. К настоящему времени можно говорить о включенности в оборот около 200 тыс. объектов искусства. Это самая большая в мире архивная коллекция христианского искусства, содержащая рекордное количество изображений сцен Распятия, всевозможных персонификаций, образов святых и много другого. Важной чертой Индекса является то, что, в отличие от иконографических словарей и энциклопедий, он охватывает не только христианские изобразительные мотивы в собственном смысле этого слова, но вообще все, включенное в область искусства, оставленного христианской Античностью Средневековьем и началом Нового времени. Так что в разделах персонификаций встречаются экзотические животные (слоны, крокодилы и пр.), античные боги и многое другое.

Две главные части Индекса – базовая картотека и предметный указатель. Базовая картотека представляет собой, по сути дела, аннотированную фотоколлекцию (на "больших" карточках 3 × 5 дюймов, ок. 200 тыс. экз. с кратким описанием). Она разделена по принципу материала носителей изображений, хотя и не совсем строго (всего выделяется 17 типов: скульптура, живопись, стекло, рукописи, металл и т.д.), а внутри – по местам хранения. Ключем для поиска определенного сюжета в базовой картотеке служит предметный указатель (на обычных карточках для библиографических описаний). Этот тематический индекс расставлен по латинскому алфавиту "сюжетов", от A до Z ("Альфа и Омега" – "Цвентиболд Лоренский"). Как основной сюжет называют условно принятое название всей сцены (например, "Изгнание из Храма"), которую далее "разбирают на детали" на особых карточках, вносимых в разделы под соответствующими названиями (в данном случае – "Храм", "скамья", "стол", "монеты" и т.п.); всего выделено ок. 26 тыс. терминов, охватывающих все средневековое искусство. Эти карточки не только сохраняют связь со своим объектом (ссылки составлены по перекрестному принципу), но и сами по себе достаточно информативны благодаря повторным указаниям на основной сюжет, технику исполнения, место хранения и краткую библиографию. В принципе, предметный указатель имеет и крупные подразделы, так называемые основные категории (фигуры; сцены; объекты природы (животные, растения и т.п.); предметы; *miscellani* (т.е. все прочее: монограммы, символы, нефигуративные персонификации типа "руки Господней", и т.п.), но работать с ними практически не приходится, так как соответствующая расстановка в каталоге отсутствует.

Индекс ведет самостоятельную исследовательскую работу в области иконографии, издает непериодические сборники, осуществляет совместные проекты по обработке коллекций (например, с Центром Поль Ван Моорзеля в Лейденском университете (Paul Van Moorsel Centre)), которые затем включаются в картотеку (см.: Iconography..., 1993; Image..., 2000; Virtue..., 2002; Insights..., 2002). На базе ICA в последние годы издается и ежегодник исследований в области иконографии (вышел 22-й том: Studies, 2002). Пользоваться Индексом сейчас можно в Принстоне (старое здание музея и библиотеки по искусству в McCormic Hall) и в четырех других исследовательских центрах. В 1940 г. первая копия ICA была размещена в институте Дамбартон Оакс (Научная библиотека и Коллекция Гарвардского университета в Вашингтоне – известный центр изучения византийского искусства и истории); вторая копия в 1951 г. подарена папе Пию XII и помещена в библиотеке Ватикана в Риме; третья получена Утрехтским университетом (Rijksuniversiteit, с 1962 г.); четвертая принадлежит Калифорнийскому университету (с 2002 г. передана Исследовательскому институту в музее Гетти, Лос Анжелес). Все копии точно повторяют развитие "матричного" принстонского экземпляра и пополняются параллельно ему; все владельцы копий имеют доступ к электронной версии ICA.

С включением Индекса в Интернет возможность использовать его при исследованиях существенно возросла, поскольку это сопровождалось дополнительной проработкой материала, введением в него научных разработок сотрудников Индекса, новой библиографии (более 20 тыс. номеров) и новой, развернутой, формы описания, доступной только в электронной версии. Работа над ней (ведется с 1991 г.) была начата в Иерусалимском университете (Heberew University, Jerusalem). Электронная "копия" (адрес: http://ica.princeton.edu/ histtory.html) постоянно (еженедельно) пополняется, и в сравнительно недалеком будущем именно она, по-видимому, станет основной. Пока, однако, электронная версия и старая картотека взаимно дополняют друг друга, и возможность пользоваться одновременно обеими – большое преимущество для исследователя. Хотя в электронной версии сейчас отражено не более 20% всего Индекса (согласно последней версии, заявленной ICA, ок. 23 тыс. объектов), сама возможность быстрого просмотра и распечатки изобразительных материалов (60 тыс. изображений, часть публикуется впервые) и описаний по учтенным предметным терминам (которые постепенно заимствуются другими архивами искусства в Сети), составляют огромный и еще не до конца осознанный исследовательский резерв.

Насколько принципиально меняется и методика работы, и выводы при пользовании Индексом, следует продемонстрировать на конкретном при-

мере, который, собственно, и стал для меня поводом обратиться к этому информационному ресурсу. Речь пойдет о каменных иконах, – классе носителей иконографии, который восходит к византийским стеатитам и маленьким иконам на благородных камнях, но получил более широкое распространение не в Византии или на Западе, а на Руси, где шло их активное производство из местных материалов и по местным иконографическим моделям. Особенно выделяется (отчасти благодаря возможности установить происхождение пород камня, отчасти по деталям иконографии) большая группа иконок, произведенных в Новгородской земле. Среди них, в свою очередь, многократно отмечен местный вариант сюжета Жены Мироносицы ("Гроб Господень"). Его связь с западным, т.е. романским (точнее, романо-готическим с восточными добавками) искусством эпохи Крестовых походов и развития паломничеств достаточно показана, и здесь на ней останавливаться не будем (см. историографию: Беляев, 1999. С. 16–19; 2003 а, б).

Одним из лучших выразителей особенностей этого типа, его "иконологическим ядром" стала в нашей науке иконка из собрания Ярославского музея (РЯМЗ № 7749) (рис. 1). Ее "штурм" предпринимался неоднократно, но с умеренным успехом. Необычность представленного варианта сюжета Жены мироносицы, особенно его вводных элементов, была отмечена уже в 1950–1960-х гг. Т.В. Николаевой; затем А.В. Рындина использовала эти элементы для доказательства романских связей новгородских иконок (Рындина, 1968), что было тут же опротестовано О.И. Подобедовой (1969). Позицию Рындиной поддержал В.Г. Пуцко (1981. С. 953–972; 1998. С. 159–184 и др. работы), а обнаружение элементов оформления исторического интерьера Эдикулы XII в., напрямую включенных в композицию, сделало "романскую" концепцию бесспорной (Beliaev, 1998. P. 203–219; 1996. С. 183–210; 2002 С. 539–553).

Тем не менее полностью понять замысел вводных сюжетов никак не удалось: в статье Подобедовой (очень хорошо принятой в те годы), было предложено видеть в нем Поклонение волховов, что отвечало ее общему стремлению связать иконку с византийско-русской традицией. Рындина видела здесь довольно экзотический сюжет: изображение паломников, подходящих к Иордану, но позже практически приняла точку зрения Подобедовой (Рындина, 1994. С. 63, 64). Пуцко назвал композицию "Опечатывание гробницы", но не привел никаких аргументов. Все авторы не только трактовали, но и видели иконку по-разному, поэтому пришлось проделать специальную работу по прояснению деталей вводного сюжета. Она недавно опубликована, что дает возможность ограничиться здесь самой краткой характеристикой, необходимой для понимания обсуждаемого

Рис. 1. Иконка из собрания Ярославского музея (РЯМЗ № 7749).

метода (Беляев, 2003 а, б). Надеюсь также, что предлагаемый зрительный ряд, подобранный в Индексе, будет говорить сам за себя.

Иконка Ярославского музея несет на лицевой стороне изображение Распятия, а на обороте – Жен Мироносиц у Гроба Господня с хорошо раз-

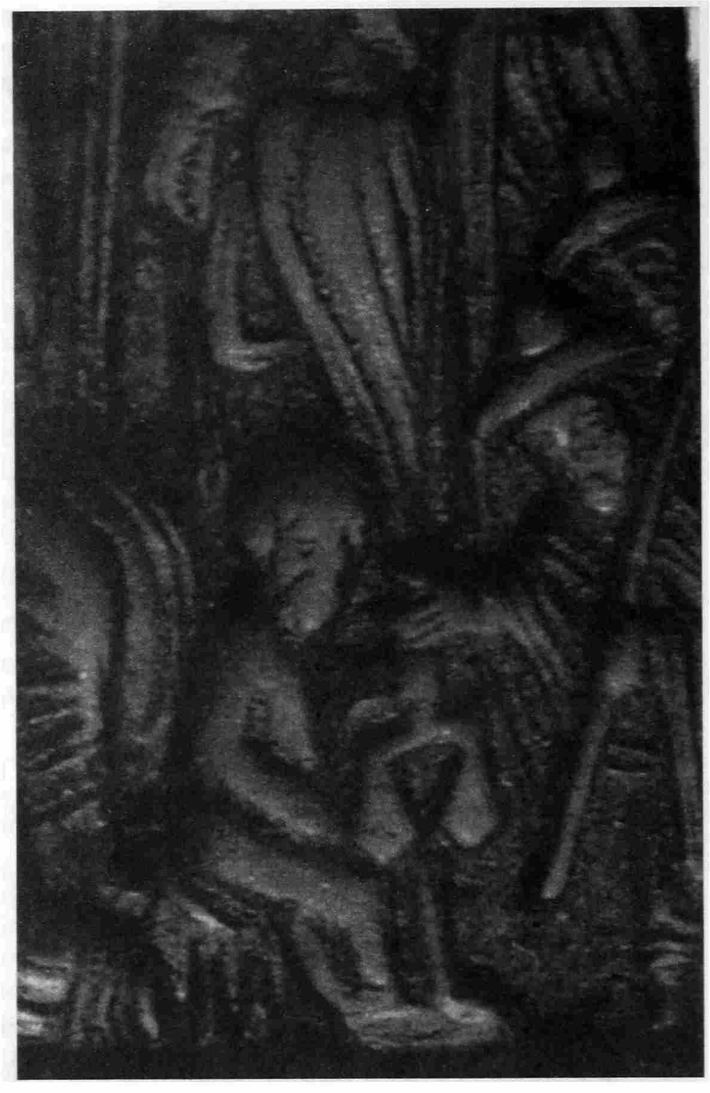

Рис. 2. Правый нижний угол иконки РЯМЗ № 7749 в сильном увеличении.

работанным архитектурным обрамлением (условно изображенная ротонда Анастасиса с точно воспроизведенной трансенной XII в.), традиционными Силами Небесными вокруг куполов и тремя редкими добавочными сценами: "вторым" ангелом в центре сцены (показывает погребальную пелену, вынутую из саркофага?), полукруглой "гробницей" с замкнутыми дверями и противопоставленной ей трехфигурной композицией (левый и правый нижние углы). Последняя композиция и являлась основной иконографической загадкой (рис. 2). Она состоит из трех фигур. Одна, в широком складчатом одеянии, сидит слева на табурете, покрытом тканью или шкурой, и держит в протянутой левой руке весы на длинной ваге, с двумя чашками, подвешенными на коромысле. Правая рука фигуры свободно лежит вдоль тела, можно различить высокий лоб с залысинами, бороду и глубоко (в романском стиле) врезанные глаза, что, видимо, говорит о старости. Справа к сидящему подходят две фигуры в длинных подпоясанных одеждах и плащах, высоких конических шляпах с широкими полями и высоких складчатых сапогах. У них в руках длинные палки (посохи? копья?), а идущий впереди протягивает правую руку к "взвешивающему". Этот "иконографический ребус" удалось разрешить благодаря возможности поработать в Индексе. Посмотрим, как решалась задача.

Фокусом всей сцены служат весы, поэтому решено было начать с обработки всех случаев, где весы вообще учтены в Индексе в списке предметов. Этот ряд, конечно, оказался невероятно длинен (до 10 тыс. упоминаний), но его удалось довольно быстро просмотреть, выведя из анализа те сюжеты, в которых весы являются стандартным атрибутом, связь которого с нашей композицией мало вероятна, а степень встречаемости, наоборот, крайне велика, и такие, которые не дают прямых иконографических аналогий. Так были отведены композиции на темы Апокалипсиса (в Снятии Третьей печати всадник на черном коне почти неизменно изображается с весами); обычная в сценах Страшного суда сцена взвешивания душ; ряд некоторых экзотических сюжетов (пророк Иезекииль, обрезающий волосы, и т.п.). Среди отведенных оказались и многочисленные первые сцены книги Бытия, где весы служат одним из атрибутов Создателя (наряду с циркулем и др.). Они могли быть легко связаны с нашей иконой сюжетно, но композиционно были далеки: на этапе "грубого" отбора возможность удовлетворительно связать сюжеты с темой Воскресения, к кругу которых относится сцена Жены Мироносицы, вообще не учитывалась, ценной представлялась сама возможность найти достаточно близкий иконографический аналог. (В конце концов, с этой ключевой для христианской иконографии темой можно связать практически любой сюжет). Особое место заняла работа с поистине бесчисленными персонификациями. Среди них кроме явно далеких (символы знака Зодиака и созвездия Весов; Музыкальной гармонии, Фортуны и т.п.) были и достаточно важные: например, Юстиция в варианте "Божественное правосудие". Прямого типологического аналога изучаемой сцене, конечно, среди них не было, однако использование весов в качестве символа торговли и, особенно, денег (ростовщичество, подкуп, налоги и т.п.) оказалось в будущем одной из нитей, ведущих к решению загадки. Таким же образом были проработаны другие группы сюжетов, в которых весы играли роль важного элемента.

В задачу статьи не входит перебрать весь список, сбережем его для специальной иконографической статьи, а здесь ограничимся общим показом метода работы в ICA и тех возможностей, которые он таит в себе. В итоге композиций "с весами", заслуживающих более пристального рассмотрения, оказалось по электронной копии 75, а по картоте-

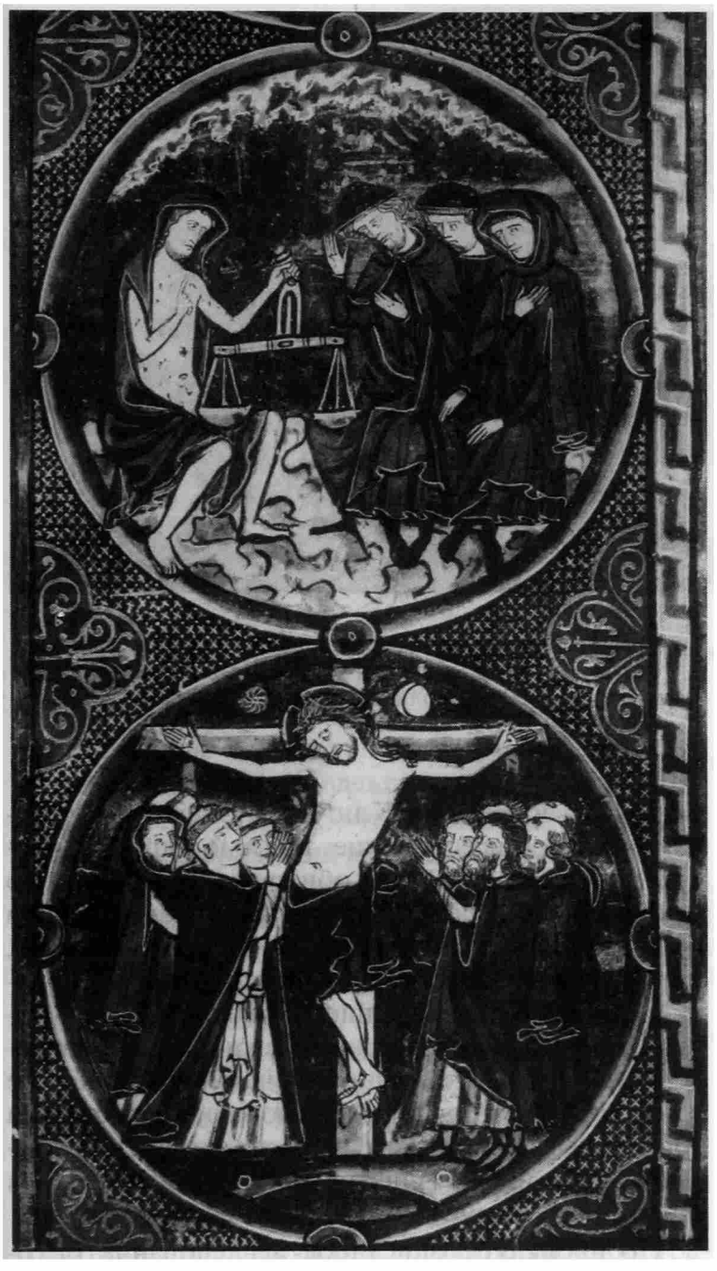

Рис. 3. Миниатюра "Иов и его друзья" (Иов, VI, 2–3), Biblia moralisee, Франция, XIII в. (По: Laborde, 1907. Pl. 212).

Рис. 4. Миниатюра "Священнослужители подкупают стражу" (Матф., 28:11–15). Евангелие тетр. Киликия, XII–XIII вв. (По: Der Nersessian, 1963. Fig. 110).

ке – около 100. Их можно было считать структурно аналогичными изучаемой сцене: сидящий взвешивающий и ряд стоящих перед ним фигур с теми или иными характерными деталями, близкими нашей композиции.

Эти, уже сравнительно немногочисленные, композиции образовали довольно стройные типологические группы, взаимосвязь которых рисуется как достаточно логичная (рис. 2–9). В их числе оказались, во-первых, сцена "Иов беседует с друзьями" (Иов, VI, 2–3) из известного иллюстрированного манускрипта Biblia moralisee (Франция, XIII в.; часть, хранящаяся в Оксфорде: Бодлеанская библиотека, 210b, fol. 212, см.: Laborde, 1907. Pl. 212; Wormald, 1937–1938. S. 276–280. Pl. 39d). Во-вторых, сцена "Священнослужители подкупают стражу" (Матф., 28: 11–15), известная в ряде армяно-киликийских рукописей, созданных под сильным воздействием искусства Латинских королевств (Freer Gallery of Art, Smithsonian Institute, Washington, 32.18, p. 196 см.: Der Nersessian..., 1963. Fig. 97, 110) и вообще в Византии (близкая сцена в Гамильтоновской псалтыри Берлинского музея: Kupferstichkabinet, 78.A.9, ок. 1300 г., fol. 135vo). Наконец, сцены, иллюстрирующие стихи Псалма 14:5, и других, связанных с идеей дурного использования денег (ростовщичество и подкуп); они известны довольно широко в западноевропейской (Парижская псалтырь XIII в., Национальная библиотека, lat. 8846, fol. 23, см.: Psautier..., 1906. Pl. 23 и др.), византийской (Гамильтоновская Псалтырь, fol.l 109vo) и сербской традициях (например, в двух рукописях того же времени, Белградской 34[г] и рукописи из Баварской государственной библиотеки в Мюнхене (slav. № 4, fol. 21r, см.: Strzygowski, 1906. S. 24. № 20. Taf. VII, *20*; Der Serbische Psalter..., 1978. Bd. 1. S. 196, 197; Bd. 2. Fol. 21r). В двух последних группах весы отчетливо символизируют деньги, причем именно их темную, греховную сущность.

Эти три группы не были изолированы в иконографическом пространстве, они сплетались с целым рядом сцен, типологически похожих, но сюжетно хуже сочетающихся с темой Воскресения. Например, со сценами сбора податей, таких как "Призвание апостола Матфея" и "Юлиан, собирающий подати" (сюжет был обычен в византий-

Рис. 5. Миниатюра "Иуда получает деньги". Евангелие тетр. Киликия, XII–XIII вв. (По: Der Nersessian, 1963. Fig. 97).

Рис. 6. Миниатюра "Священнослужители подкупают стражу" (Матф., 28:11–15) Гамильтоновская псалтырь, ок. 1300 г. (Берлинский музей, Kupferstichkabinet, 78.A.9, fol. 135vo).

ских миниатюрах к "Гомилиям" Григория Назианзина; см. подборку в: Galavaris, 1969. № 9, 383, 460, отражающих рукописи: ГИМ, № 146, fol. 61v; Библиотека Туринского ун-та, с. 16, fol. 47r; Синай, код. греч. 339, fol. 73v) и т.п.; со сценами подкупа (прежде всего – "Искушение Иуды", или "Иуда, получающий сребреники", особенно популярной благодаря *Biblia Pauperum*); со сценами "плохой" торговли ("Изгнание торгующих из Храма" и др., изображающие торговлю в иерусалимском Храме). В группе, образованной историей Иова весы, напротив, выступали как атрибут Божественного правосудия, связывая образ Иова с образом Иисуса Христа, а его атрибутику – с идеей страдания. Параллель страданий и исцеления Иова с муками и воскресением Христа являлась достаточно привычной для мысли средневековья и была хорошо известна в Византии и на Руси (была выражена, в частности, и в богослужебных текстах).

Не стоит на основе полученной схемы выносить окончательное суждение о том, что именно хотел изобразить художник и что мог видеть на своей иконе заказчик. Вернее, суждение это увело бы нас на другой уровень изучения, переход на который лучше отложить до специальной работы. Однако следует подчеркнуть, что типолого-археологическую часть исследования можно считаться завершенной. Ключевой элемент композиции изучен всесторонне, прямые типологические аналогии сюжету обнаружены. Выяснено с полной определенностью, что изучаемая группа не является сюжетно ни "Поклонением волхвов", ни аллегорией крещения ("Паломники у Иордана"), ни даже "Опечатанием Гробницы". Это, по-видимому, сцена подкупа стражи для лжесвидетельства – сюжет, хорошо отвечающий "Гробнице с закрытыми створками" (возможно, с известными зрительными аллюзиями на распространенные темы одного из "назидательных" псалмов; Иова Праведного и другими из вышеописанных групп).

По процедуре описанное исследование методически мало чем отличается от обычной работы по пересмотру иконографических материалов, сопровождающейся изучением окружающей их литературы. Но "количественная" сторона – скорость и полнота охвата – несомненно, переходит здесь в "качественную". Вопрос, на который не могли найти ответа десятилетиями, благодаря Индексу христианского искусства решаем, вчерне, за неделю, а на его полную проработку уходит около месяца. Кроме экономии усилий достигается полнота охвата материала, совершенно неосуществимая при "ручной" работе (в одной *Biblia moralisee* многие сотни сцен и тысячи фигур). Получаемые сведения точны и, по сути дела, переворачивают наши прежние представления и о прототипе, и о смысле изображенного, вносят известные коррективы в его дату и стилевую аффилиацию (то и другое станет предметом особого рассмотрения). Думаю, что сказанное достаточно показывает не только инструментальную, но и интер-

Рис. 7. Миниатюра к Псалму 14, стих 5 (Парижская псалтырь, XIII в. По: Psautier, 1906. Pl. 23).

претационную важность использования уже сложившегося массива Индекса.

Характерно, однако, что в Индексе среди многих тысяч изображений изучаемой нами иконки из Ярославского музея нет вообще. В разделе "Глиптика" нет и других иконок из камня, а в разделе "Металл" – их отливок, столь популярных в русском средневековье (да и вообще почти никакого металла Древней Руси). Хотя в сборе материалов для Индекса нет заявленного географического ограничения, которое проводило бы какую-то черту между искусством западного и восточного христианства, – все же искусство католических и (для позднего периода) протестантских стран отражено в нем несравненно лучше православного, не говоря о собственно древнерусском. Памятники иконографии с территории Руси там, конечно, представлены, но, в основном, объектами романского искусства (такими как Сигтунские врата), византийскими и русскими рукописями (подробно расписаны Хлудовская псалтырь и др.), рядом всемирно известных фресковых росписей и мозаик. Индекс не содержит почти ничего из нашей "археологии" и архитектурной скульптуры, а также очень мало темперной живописи (русских икон). Такой состав материалов по древнерусскому искусству иначе, чем случайным, не назовешь. Кроме того, обращает на себя внимание, что в массе своей это объекты домонгольского искусства, более поздних крайне мало, а использованная литература не выходит из пределов первой трети XX в. (что, кстати, приводит к отражению в Индексе массы устаревших атрибуций и датировок).

Совершенно очевидно, что недостаточная связанность изучения иконографий Запада и Востока (особенно Руси) в одно целое лишает полноты (а подчас точности и убедительности) не только наши собственные работы, она отрицательно сказывается и на работах наших западных коллег. Перед нами сегодня стоят, в связи с Индексом, две задачи. Первая – осознать возможность (а, по сути, даже необходимость, обязательность) использования ICA при решении всех сколько-нибудь серьезных задач по изучению иконографии, и организовать удовлетворительный доступ к нему. Идеальным решением было бы иметь несколько подписок на электронную версию (их годовая стоимость – $ 1500 для организаций и треть этой суммы для частных лиц – вряд ли покажется невыносимо большой российским спонсорам) и одну полную копию.

Последнее значительно труднее: даже при согласии IAC такую копию предоставить, необходимо будет создать особое научно-архивное подразделение для ее функционирования. Однако здесь кроется и возможное решение проблемы, неразрывно связанное со второй, может быть, главной, задачей: включить материалы древнерусского искусства и археологии в Индекс в полном объеме и способствовать его развитию не только в "западном", но и в "восточном" направлении. Поэтому обдумать собственный подход и предложить уже сейчас свое сотрудничество коллективу, работающему в принстонском Индексе, – насущная, неотложная потребность иконографических исследований в России. Разумеется, о разработке древнерусского подраздела и его включении в общий Индекс христианского искусства можно пока говорить только в сослагательном наклонении (над этим следует думать не только археологам, но, прежде всего, историкам искусства). Но конкретные формы совместной деятельности определятся по мере знакомства с практическим механиз-

Рис. 8. Миниатюра Гамильтоновской Псалтыри с изображением ростовщика (Берлинский музей, Kupferstichkabinet, 78.A.9, fol. 109vo, прорисовка).

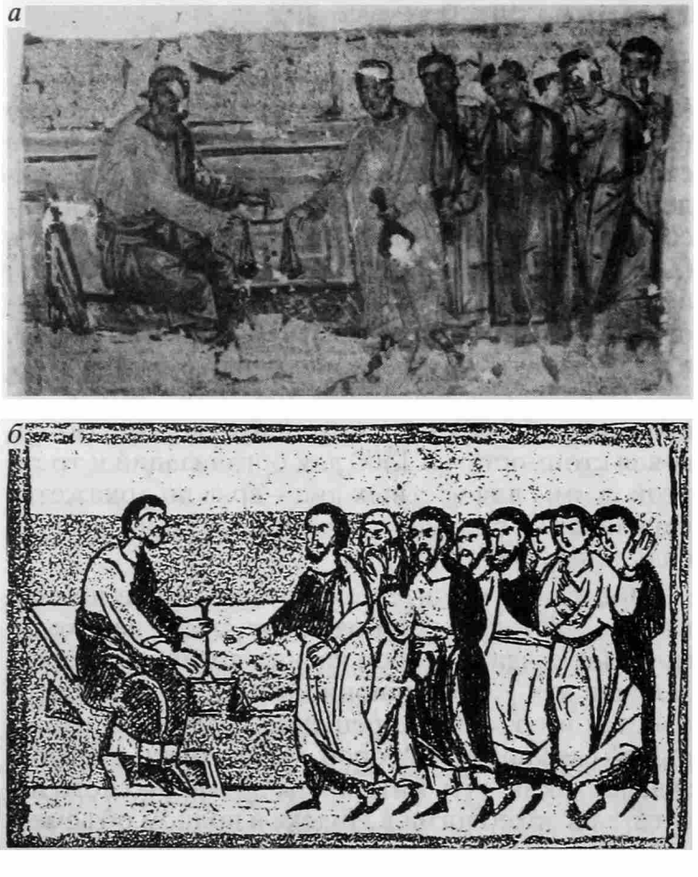

Рис. 9. Миниатюры к псалму 14, стих 5 в южнославянских псалтырях: *а* – белградская 34[г] (по: Strzygowski, 1906. S. 24. № 20); *б* – мюнхенская slav. 4г (по: Der Serbische Psalter ..., 1978. Bd. 2).

мом работы по развитию ICA. В этой же статье мне показалось своевременным дать общий очерк Индекса, эмпирическую модель его использования, а также предложить всем, кто работает в области иконографии, обсудить саму идею неизбежного в будущем проекта "Индекс древнерусского искусства".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беляев Л.А. Русское средневековое надгробие. М., 1996.

Беляев Л.А. Об источниках иконографии "Гроба Господня" в новгородской пластике XIII–XV вв. // Славяноведение. 1999. № 2.

Беляев Л.А. Элемент романской иконографии XII в. в древнерусских изображениях Гроба Господня // Древнерусское искусство. СПб., 2002.

Беляев Л.А. Стилевые элементы в материальной культуре XIII века // Русь в XIII веке: древности темного времени / Под ред. Н.А. Макарова, А.В. Чернецова М., 2003а.

Беляев Л.А. Пространство как реликвия: о назначении и символике каменных иконок Гроба Господня // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира / Под ред. Лидова А.М. М., 2003б.

Даркевич В.П. Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе. X–XIV вв. М., 1966.

Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. М., 1983.

Подобедова О.И. К вопросу о поэтике древнерусского изобразительного искусства (распространенные сравнения в памятнике мелкой пластики XIII в.) // Старинар. Кн. XX. Београд, 1969.

Пуцко В.Г. Крестоносцы и западные тенденции в искусстве Руси XII – начала XIV в. // Actes du XVe Congrès international d'études byzantines, Athenes–1976. T. 2. Athènes, 1981.

Пуцко В.Г. "Гроб Господень" в каменной пластике средневекового Новгорода // Православный Палестинский Сборник. Вып. 98. СПб., 1998.

Рындина А.В. Особенности сложения иконографии в древнерусской мелкой пластике: "Гроб Господень" // Древнерусское искусство: Художественная культура Новгорода. М., 1968.

Рындина А.В. Древнерусские паломнические реликвии. Образ Небесного Иерусалима в каменных иконах XIII–XIV вв. // Иерусалим в русской культуре / Под ред. А. Баталова, А. Лидова М., 1994.

Beliaev L.A. Russian pilgrims art from the 12th to the 15th century – archaeological elements and problems of Romanesque influence // Journal of the British Archaeological Association. 1998. V. 151.

Der Serbische Psalter. Faksimile-Ausgabe des Cod. Slav. 4 der Bayerischen Staatsbibliothek München / Hrsg. Belting H. Bd. 1–2. Wiesbaden, 1978.

Iconography at the crossroads: papers from the colloquium / Ed. Cassidx. Princeton, 1993.

Der Nersessian, S. Armenian Manuscripts in the Freer Gallery of Art. Washington, 1963.

Galavaris G. The Illustrations of the Liturgical Homilies of Gregory Nazianzenus. Princeton, 1969.

Image and belief: studies in celebration of the eightieth anniversary of the Index of Christian Art / Ed. Hourihanec. Princeton, 2000.

Virtue and vices: the personifications at the Index of Christian Art / Ed. Hourihanec. Princeton, 2002.

Insights and interpreations: studies in celebration of the 85th anniversary of the Index of Christian Art. / Ed. Hourihanec. Princeton, 2002.

Laborde A. Bible moralisee Illustree. T. II. Paris, 1907.

Lavin M. The Eye of the Tiger: the Founding and Development of the Department of Art and Archaeology, 1883–1923. Princeton, 1983.

Psautier illustre (XIIIe siecle). Paris, 1906.

Smyth C.H., Lukehart P. The Early Years of Art History in the United States. Princeton, 1993.

Studies in Iconography. A cross-disciplinary Approach to visual culture before 1600. 2002. V. 23.

Strzygowski J. Die Miniaturen des Srbischen Psalters... Wien, 1906.

Wormald F. The Crucifix and the Balance // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1937–1938. V. 1.

The Novgorodan stone icon and "The Index of Christian Art"

L. A. Belyaev

Summary

This article is devoted to the Index of Christian Art (Princeton University) and explores its various possibilities as the basis for studying the iconography of the Old Russian Christian art. The article reviews briefly the history of the Index and shows an example of the case study (indentification of a side composition on the Novgorodan small stone icon as the composition "Priests bribing soldiers") perfomed by the author at the Getty Research Institute, Los Angeles, where a copy of the Index is housed. The author raises a question about establishing collaborative contacts between Russian research institutes and the Index of Christian Art, which could work in both directions: assisting Russian scholars with the Index information, as well as providing more complete and systematic panoramic view on the materials for the Old Russian Art iconography.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ. 2004. № 1. с. 64–76

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ БАССЕЙНА НИЖНЕГО ДОНА

© 2004 г. А. В. Цыбрий*, А. Ф. Горелик**

* Донское археологическое общество, Ростов-на-Дону, Россия

** Луганск, Украина

Проблема установления рубежей таких крупных культурно-исторических регионов, как Северный Кавказ, Северный и Северо-Западный Прикаспий, Азово-Причерноморские степи, относится к числу первостепенных в археологии евразийского неолита. Многие специалисты небезосновательно полагают, что именно на пограничье этих регионов происходили события общеисторического масштаба: проникновение в Восточную Европу элементов производящей экономики, рождение ряда технологических новаций, формирование новых этнических общностей и т.д.

Предлагаемая характеристика материалов новой неолитической стоянки Кременная II, расположенной в бассейне Нижнего Дона, а также результаты сравнительного анализа ее инвентаря с материалами памятников уже известных науке позволяют сделать определенный шаг в решении указанной выше проблемы.

Памятник был открыт в 1994 г. А.В. Цыбрием, В.В. Цыбрием и Н.И. Ромащенко (Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., 1997. С. 18, 19). В течение четырех полевых сезонов стоянка исследовалась стационарно: в 1998 г. Н.И. Ромащенко (Ромащенко, 2000. С. 127, 128), в 1999 г. А.В. Цыбрием и А.Ф. Гореликом и 2000–2001 гг. А.В. Цыбрием. В настоящей публикации обобщены материалы всех четырех лет (1998–2001 гг.) исследования памятника.

Стоянка расположена в 1 км к СВ от восточной окраины хут. Золотовский Милютинского р-на Ростовской обл., на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Гнилая, относящейся к гидрографической сети р. Северский Донец. С востока и запада мыс ограничен устьями безымянных балок, впадающих в реку, высота стрелки мыса – около 8 м от поверхности дна русла реки. Мыс довольно далеко выступает в пойму, с юга и юго-востока разрушается рекой. Судя по распространению находок, памятник площадью около 7500 м^2 занимает преимущественно центральную и восточную части мыса. На поверхности памятника были заложены три раскопа, однако на участках первого и третьего раскопов слои, содержащие археологические материалы, оказались переотложенными, поэтому характеристика комплекса дана ниже преимущественно по материалам раскопа 2, где выявлен культурный слой относительно хорошей сохранности.

Раскоп 2 заложен на юго-восточном склоне мыса, на задернованной покатой площадке, имеющей слабый уклон к В и более сильный к Ю. Всего раскопом вскрыто 512 м^2 площади стоянки. Стратиграфия раскопа 2 характеризуется ниже по разрезу северного борта квадратов В97Ю14–В100Ю14, откуда был взят для исследования почвенный монолит. Именно по линии северного борта этих квадратов наиболее четко зафиксирована типичная для всей площади раскопа 2 стратиграфическая колонка (описание выполнено по почвенному монолиту из разреза ст. научным сотрудником Института географии НАН Украины канд. геогр. наук Н.П. Герасименко):

1. 0.0–0.04 м	Дернина
2. 0.04–0.15	H(гумусовый)-горизонт, темно-серый до черного, среднесуглинистый, пористый, комковато-зернистый, рыхлый, переход вниз очень постепенный;
3. 0.15–0.32	H(p)-горизонт, темно-коричневато-серый, аналогичный H-горизонту по остальным признакам, но менее рыхлый, переход вниз постепенный;
4. 0.32–0.38	Hp(гумусово-переходный)-горизонт, коричневато-серый, среднесуглинистый, пористый, комковатый, слабоуплотненный, переход вниз отчетливый, местами неровный, языковатый, по горизонту прослеживаются кротовины, выполненные более светлым материалом;
5. 0.38–0.44	Phk-горизонт светлый, буровато-серый, среднесуглинистый, слабоуплотненный, глыбистый, переход вниз неровный, карманообразный. Под нижней границей пятна мучнистых карбонатов и кротовины, выполненные светлым материалом;
6. 0.44–0.64	Ih(гумусово-иллювиальный)-горизонт буровато-коричневой яркой окраски, тяжелосуглинистый, плотного сложения, ореховато-призматический, переход вниз четкий, неровный, потечный по трещинам;
7. 0.64–0.76	I(p)k(иллювиально-переходный)-горизонт, бурый, тяжелосуглинистый, плотный, призматический, содержит как затеки материала из вышележащего горизонта, так и кротовины, выполненные гумусовым материалом, множественные мелкие стяжения карбонатов, переход вниз по нижней границе карбонатного горизонта;
8. 0.76–0.81 м	Ip-горизонт светло-бурый, суглинистый, уплотненный, крупнопризматический.

Прочие профили вполне соответствуют описанному выше, отмечена лишь некоторая вариабельность мощности выделенных горизонтов на склоновых участках разрезов.

По заключению Н.П. Герасименко[1], строение разреза отображает как минимум двухфазность в развитии почвенного профиля. Во время первой фазы почвообразования (6–7 слои), связанной с культурным слоем, существовали более влажные климатические условия (лесные и лесостепные), чем во время второй фазы (слои 1–5), отображающей господство степей. В раскопе установлено наличие двух культурных слоев: первый, очевидно, начала–первой трети XX в., залегал непосредственно под дерниной, второй, неолитический, был приурочен главным образом к гумусово-иллювиальному горизонту (слой 6), выполненному буровато-коричневым суглинком.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕОЛИТИЧЕСКОГО КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ

Культурный горизонт неолита мощностью 0.2–0.25 м, выраженный, в первую очередь, своим вещественным компонентом – преимущественно кремневыми изделиями, реже костями животных, мелкими фрагментами лепной керамики, обожженного песчаника, охры, угольков, а также конструкциями в виде очажных ям, залегал на глубине 0.45–0.65 м от современной дневной поверхности. Часть находок залегала и на других глубинах, однако статистический и типологический анализ материалов из различных горизонтов взятия свидетельствует в пользу культурно-хронологического единства коллекции. Большинство находок выявлено в слое буровато-коричневого суглинка. В основании этого слоя выявлены и все очажные ямки, впущенные в нижележащий стерильный слой (7). Таким образом, именно слой буровато-коричневого суглинка является культурным слоем стоянки, а прочие находки переотложены вследствие сыпучести грунта, деятельности грызунов и т.п.

Объем настоящей статьи не позволяет подробно остановиться на планиграфии исследованного участка памятника. Ограничимся краткой характеристикой. Находки на исследованной площади распространены неравномерно. Повышенная концентрация находок характерна для центральной части раскопа, к югу и востоку количество находок резко уменьшается, что связано со склоновым выклиниванием культурного слоя. Насыщенность слоя относительно невысока – 10–30 ед. на 1 м^2, на некоторых участках раскопа культурный слой неолита был уничтожен котлованами полуземлянок XX в.

Количественно доминируют фрагменты пластин (ведущая категория инвентаря стоянки), за исключением кв. В79Ю4, где выявлено большее количество отщепов. Других случаев компактного залегания изделий какого- либо одного вида не отмечено. Количество изделий со вторичной обработкой в квадратах, где они были выявлены, не превышает 1–2 ед., за исключением кв. В88Ю5, где обнаружены два скребка, трапеция и острие. Не обнаружены и какие-либо закономерностей в распределении тех или иных типов изделий со вторичной обработкой на исследованной площади.

На раскопе 2 выявлены 52 углубленных очага, прослеженных от основания культурного слоя. Очаги выявлены на всей площади раскопа 2, отмечена тенденция к парной группировке очажных ям. В центральной части раскопа 16 очагов, 10 из которых парно сгруппированы, образовали окружность несколько удлиненных в плане очертаний. Размеры окружности 11.5 × 7.5 м. Отмечена довольно устойчивая повторяемость типов очажных ям по очертаниям, как в плане, так и в разрезе. По очертаниям в плане очаги делятся на подокруглые и овальные, зачастую удлиненных пропорций. В разрезе отмечены чашевидные (их большинство) и цилиндрические ямки, причем последние являются и наиболее глубокими. Цилиндрические в разрезе ямки характерны только для подокруглых в плане и не очень больших по площади очагов. Размеры очагов в плане – от 0.2 до 2.0 м, в среднем 0.5–0.7 м, прослеженная глубина – от 0.1 до 0.4 м. Ряд наблюдений свидетельствует о различном режиме функционирования очагов. Отмечены очаги, для которых характерны сильная прокаленность стен и интенсивно окрашенное мощное золистое заполнение, а также очаги, прокаленность стен и золистость заполнения которых еле заметны.

Для всех очагов характерны идентичные стратиграфические условия расположения и близкие (относительно дневной поверхности) нивелировочные отметки уровней выявления. Обращает на себя внимание тот факт, что, несмотря на большое количество очагов, они ни в одном случае не прорезают друг друга, что свидетельствует, возможно, об их одновременном или близком по времени использовании. Более подробная характеристика планиграфии стоянки и очажных ям в задачи настоящей статьи не входит, а будет осуществлена в специальной публикации.

Фаунистические остатки, по определениями Ю.Я. Мягковой и О.П. Журавлева, принадлежат главным образом лошади (86.7% определенных костей) и в незначительной степени крупному рогатому скоту (13.3%)[2]. Согласно данным радиокарбонного анализа углистой массы из заполне-

[1] Авторы выражают сердечную признательность Н.П. Герасименко за оказанную помощь в изучении геоморфологии стоянки.

[2] Авторы благодарят Ю.Я. Мягкову и О.П. Журавлева за готовность к сотрудничеству и проделанную работу.

ния двух очажных ям[3], абсолютная хронология стоянки может строиться с учетом следующих двух дат:

Лаб. №	Дата BP	Дата BC (калибр.)
1. Об. 15 Ki – 9 024,	5700 ± 100 BP	1s 4690–4450
		2s 4770–4350
2. Об. 11 Ki – 9 025,	6380 ± 100 BP	1s 5430–5250
		2s 5490–5070

К сожалению, сотрудники лаборатории не проинформировали авторов о том, каким номерам очагов соответствуют датированные образцы. Укажем тем не менее, что для определения даты были отобраны образцы из заполнения очагов, которые входят в кольцеобразное сооружение, описанное выше и, таким образом, связаны друг с другом планиграфически. Это заставляет с известной осторожностью относиться к полученным датам, которые демонстрируют довольно значительный хронологический разрыв между очагами.

ХАРАКТЕРИСТИКА КРЕМНЕВОГО КОМПЛЕКСА

Комплекс каменных изделий стоянки насчитывает 3966 предметов, изготовленных преимущественно из галечного кремня, среди которого преобладает светло-серый непрозрачный или слабопрозрачный кремень с мергелистыми включениями. Незначительная их часть (около 10%) изготовлена из полупрозрачного качественного камня коричневатого и желтоватого оттенков и непрозрачного кремня красного и желтоватого оттенков. Четыре изделия изготовлены из кварцита.

Выразительной частью комплекса (таблица) являются пренуклеусы и нуклеусы (15 экз. – 0.4%). К пренуклеусам отнесены два экземпляра. Один из округлой галечки с ударной площадкой оформленной широким косонаправленным снятием и поверхностью расщепления, подготовленной двумя продольными снятиями. На поверхности расщепления образовано межфасеточное ребро, которое могло стать исходной плоскостью для начала регулярного раскалывания (рис. 1, *1*). Второй пренуклеус – из продольной плитки, на которой сформирована ударная площадка (рис. 1, *2*). Сработанные ядрища можно отнести к двум ведущим типам: нуклеусам уплощенным односторонним (8 экз.) и нуклеусам пирамидальным, расщепляемым по всей или значительной части окружности (4 экз.).

Уплощенные односторонние нуклеусы в абсолютном большинстве одноплощадочные (семь экз. – рис. 1, *4*, *5*, *7*, *8*) и только два – с двумя противоположно лежащими ударными площадками (рис. 1, *3*, *6*). Площадки, как правило, сформированы в два приема: вначале несколькими широкими снятиями под острым углом 65–85°, а затем мелкими раковистыми сколами с петлеобразными очертаниями, не заходящими далеко на поверхность площадки. Очевидно, что межфасеточные ребра, образованные мелкими снятиями с кромки площадки, использовались как выпуклые зоны расщепления для снятия пластинчатых сколов. Вместе с тем редуцирование площадки путем заглубления карниза сколами или ретушью для нуклеусов этого типа не характерно. Поверхность скалывания относительно широкая, с негативами узких правильных пластинчатых снятий по всей длине нуклеуса. Вторая площадка использовалась для понижения рельефа поверхности скалывания в дистальной части нуклеуса (рис. 1, *6*) или для расширения поверхности скалывания и одновременно для повышения рельефа поверхности скалывания за счет боковой стороны нуклеуса (рис. 1, *3*). Тыльная сторона уплощенных односторонних нуклеусов либо не обработана, либо частично обработана снятиями, поперечными длинной оси ядрища.

Пирамидальные нуклеусы (рис. 1, *9*, *10*) одноплощадочны, с горизонтальными, как правило, площадками, оформленными радиальными снятиями. Отмечено заглубление карниза при помощи мелких сколов. Негативы узких правильных пластин прослеживаются по окружности нуклеуса. Срабатывание нуклеусов обоих типов происходило за счет уменьшение длины, ширины и толщины. В частности, редукция ширины связана с удалением угловых пластинчатых сколов, что позволяло поднять рельеф поверхности скалывания и приводило к сужению дистальной части нуклеусов, особенно уплощенных.

Нацеленность расщепления нуклеусов на получение правильной, относительно узкой заготовки-пластины находит подтверждение в присутствии в инвентаре стоянки значительного количества пластин без следов преднамеренной вторичной обработки (43%). Большая часть пластинчатых заготовок имеет ширину в пределах 0.7–1.2 см, сколы шире 1.4 см и уже 0.7 см малочисленны. Пластинки имеют параллельные края, в поперечном сечении довольно тонкие (0.2–0.3 см), преимущественно трапециевидные, реже треугольные. Угол схождения дорсальной и вентральной плоскостей варьирует в диапазоне 15–35°, но для большинства пластин составляет около 25°. Огранение дорсальных поверхностей пластин, как правило, продольное, однонаправленное, иные варианты огранки единичны, в том числе и ребристые пластины. Многие указанные особенности морфологии пластин, а также нуклеусов дают основание предполагать доминирование отжимной техники расщепления, для

[3] Анализ проведен сотрудником лаборатории радиокарбонного анализа Института геохимии, минералогии и рудообразования НАН Украины В.В. Скрипкиным.

Таблица. Соотношение различных категорий каменного инвентаря стоянки Кременная II

Категории	Количество	%	Категории	Количество	%
Всего	3966	100	Геометрические микролиты	83	25.9
Нуклеусы, пренуклеусы	15	0.4	Резцы	49	15.3
Нуклевидные обломки	4	0.1	Пластинки с косоусеченным ретушью концом	5	1.6
Поперечные сколы подправки площадок	10	0.2	Пластинки с краевой ретушью	60	18.7
Ребристые сколы	16	0.4	Пластинки с краевыми выемками	11	3.4
Отщепы	1048	26.4	Пластинки с сероглазовской ретушью	1	0.3
Пластинчатые заготовки	1688	42.5	Пластинки с косоусеченным ретушью концом и пологой ретушью с брюшка по одному продольному краю	3	0.9
Чешуйки, осколки, обломки	865	21.8	Отщепы и осколки с ретушью	21	6.6
Изделия со вторичной обработкой	320	8.07/100	Проколки	4	1.2
Скребки	80	25	Пластины с прямоусеченным ретушью концом	3	0.9

которой характерны отмеченные технологические признаки (Гиря, 1997. С. 83–86).

Вследствие широкого применения приема фрагментации пластин, целых пластинчатых сколов немного (2.8%) и они невыразительны. Негативы на поверхностях скалывания нуклеусов свидетельствуют, что длина целых пластин могла достигать 7 см, хотя длина большей части сколов варьировала в диапазоне 3.5–4.5 см. Среди фрагментов пластинчатых заготовок превалируют проксимальные (30.7%) и медиальные (49.1%) фрагменты, дистальных значительно меньше (17.4%). Для многих фрагментов пластин (около 30% от общего количества) характерны следы макроизношенности в виде зазубренности, заломов, небольших участков нерегулярной ретуши.

Без предварительной вторичной обработки использовалась и часть отщепов, которые (не учитывая чешуйки) являются второй по численности группой сколов в комплексе (26.4%). Судя по небольшому количеству отщепов с коркой (7.7%), первичная обработка кремня могла частично производиться за пределами территории стоянки. Размеры отщепов свидетельствуют, что малоразмерное сырье в индустрии стоянки превалировало: отщепы диаметром 1–2 см составляют 73.7%; 2–3 см – 21.6%; 3–4 см – 4.2% и 4–5 см – 0.4%. Выделяются несколько крупных отщепов подправки и переориентации направления скалывания на рабочей поверхности нуклеусов.

Изделия со вторичной обработкой (8.07%) изготовлены из пластин (71%) и отщепов (29%) (таблица). Количественно ведущей и наиболее показательной группой орудий являются геометрические микролиты (83 экз. – 25.9%), выраженные трапециями (67 экз.), сегментами (12 экз.), параллелограммами (4 экз.).

Значительная часть трапеций (28 экз.) сохранилась в виде обломков, которые не могут быть в полной мере охарактеризованы типологически. Трапеции включают изделия, обработанные пологой и плоской сострагивающей ретушью (8 экз.), а также обработанные исключительно крутой ретушью. Микролиты первой разновидности имеют высокие пропорции (высота трапеции больше или равна длине основания), изготовлены из широких пластинок, обработанных разнотипной ретушью: плоской сострагивающей, встречной, направленной от неретушированных боковых сторон (2 экз. – рис. 2, *1*); аналогичной сплошной или частичной ретушью, направленной от боковых сторон, притупленных ретушью с брюшка (4 экз. – рис. 2, *2–5*); плоской по брюшку, с притупленного со спинки края (1 экз. – рис. 2, *23*); пологой – плоской двусторонней, т.е. со спинки и с брюшка, оформляющей боковой край и верхнее основание сегментовидной трапеции, представленной обломком (рис. 2, *35*). Отмечена трапеция со струганой спинкой, одна сторона которой обработана крутой ретушью со спинки, вторая оставлена без краевой обработки (рис. 2, *6*).

Одна из целых трапеций со струганой спинкой дополнительно обработана ретушью с брюшка по скошенному и, вероятно, прежде обломленному верхнему основанию (рис. 2, *4*). Трапеции, оформленные исключительно крутой ретушью, в абсолютном большинстве средневысокие, симметричные, обработанные ретушью со спинки по боковым краям (рис. 2, *10–20*). Вместе с тем встречены 9 низких (высота меньше или равна $^1/_2$ длины основания) трапеций (рис. 2, *7–9*, *26*, *27*, *33*, *36*), 10 сег-

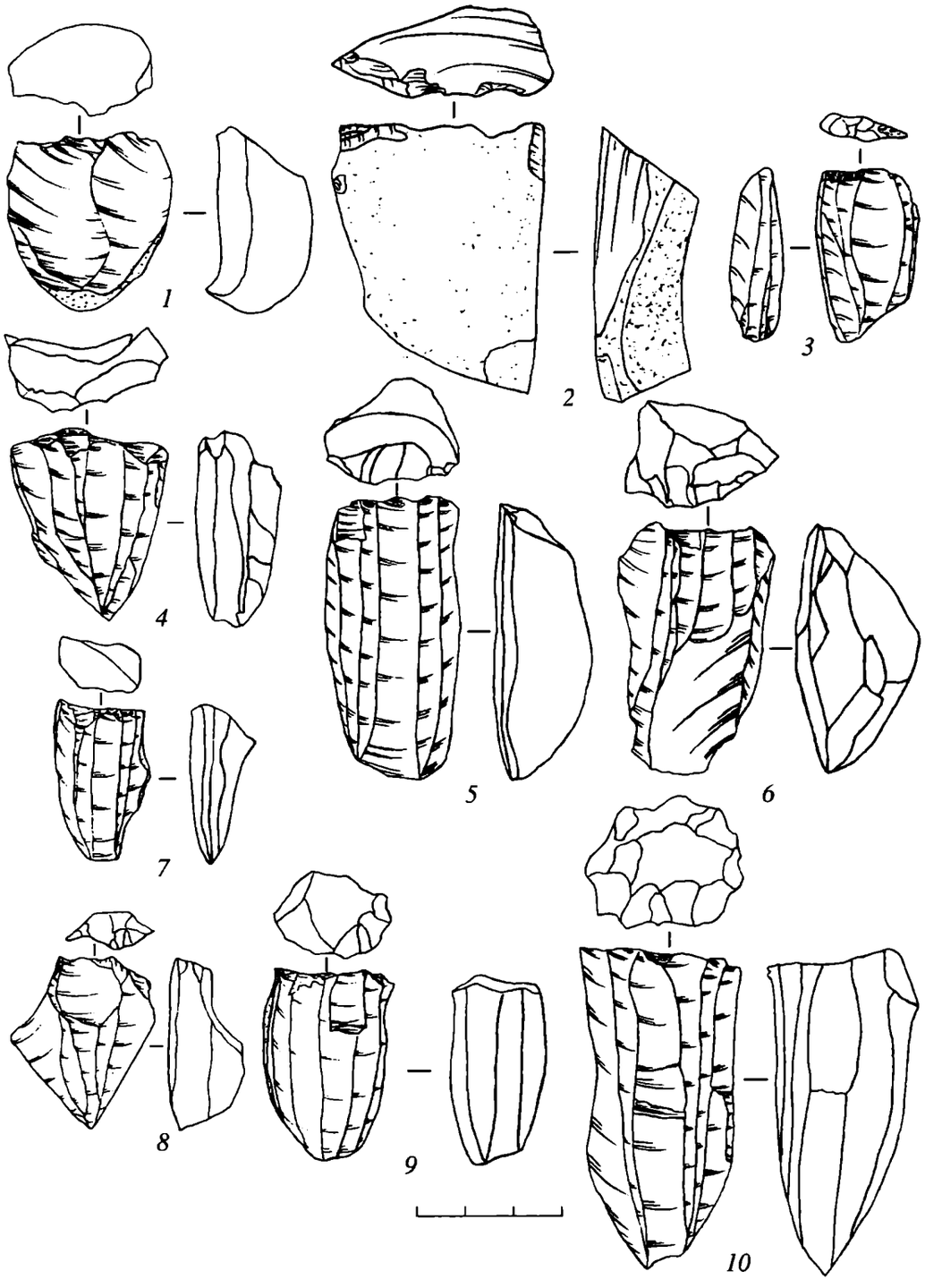

Рис. 1. Кременная II. Раскоп 2. Кремневые изделия. *1–2* – пренуклеусы; *3–10* – нуклеусы.

ментовидных (рис. 2, *34–36*), трапеции с ретушью по верхнему основанию (рис. 2, *28–33*), трапеции, обработанные по боковым сторонам крутой противолежащей ретушью (рис. 2, *21*, *26*). Отмечены единичные трапеции "с талией", т.е. боковыми, симметрично расположенными выемками (рис. 2, *16*).

Сегменты представлены семью целыми или незначительно поврежденными экземплярами и пятью обломками. Среди целых преобладают низкие по пропорциям сегменты (5 экз. – рис. 2, *38*, *40*, *41*, *43*), средневысоких меньше (2 экз. – рис. 2, *42*, *44*). Наиболее характерны сегменты, обработанные полукрутой двусторонней ретушью по дуге (6 экз. – рис. 2, *38–43*), которая у одного экземпляра сочетается с начальным уплощением встречной ретушью со спинки (рис. 2, *43*). Традиционны сегменты, оформленные по дуге односторонней полукрутой-крутой ретушью со спинки (6 экз. – рис. 2, *37*, *44–46*). На одном из обломанных сегментов ретушь по дуге достигает центральной грани на спинке, что приближает изделие к типу "апельсиновой дольки" (рис. 2, *45*).

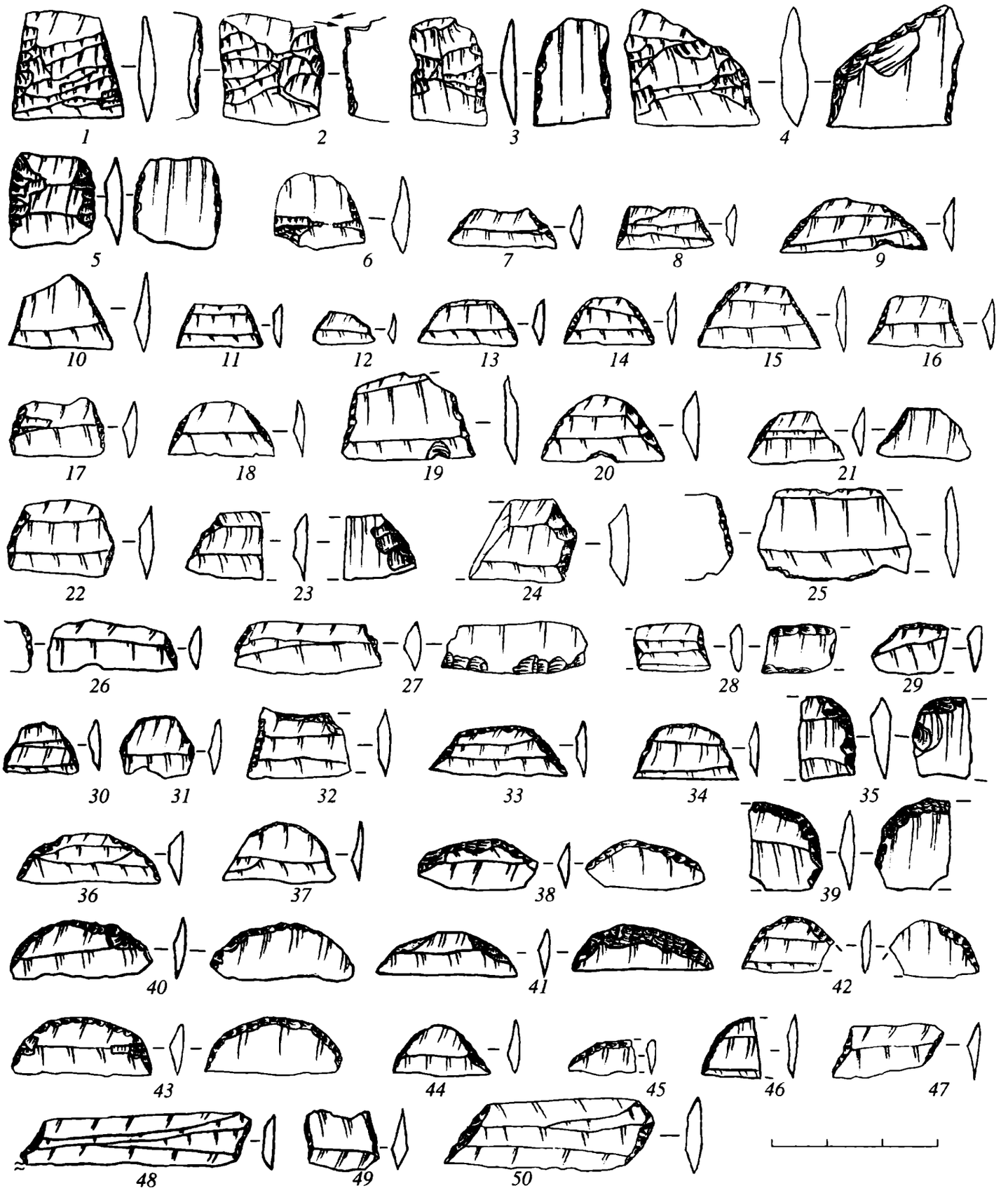

Рис. 2. Кременная II. Раскоп 2. Кремневые изделия. *1–36* – трапеции; *37–46* – сегменты; *47–50* – параллелограммы.

Среди параллелограммов наиболее типичны три удлиненных, обработанных по скошенным боковым краям крутой ретушью (рис. 2, *47*, *48*, *50*).

Скребки (80 экз. – 25%) – вторая по репрезентативности группа орудий. 45 из них на отщепах, 35 на пластинах. Концевые скребки представлены

выразительной серией (40 экз.), они изготовлены преимущественно на пластинах (29 экз.). Могут быть выделены удлиненные (9 экз. – рис. 3, *1–5*), короткие и укороченные (30 экз. – рис. 3, *6–14*). Концевые скребки изготовлены на заготовках с параллельными неретушированными краями (рис. 3, *1*, *2*, *4*, *6–8*, *10*, *11*, *13*), иногда на ребристых сколах, обработанных крутой-полукрутой крупнофасеточной ретушью, формирующей симметричное лезвие арочной формы, под прямым углом примыкающее к заготовке (рис. 3, *3*). Морфология оставшейся части скребков не столь определенна. Изготовленные преимущественно на отщепах средней величины, случайной конфигурации, они различаются по месту расположения и протяженности ретушированного края. При обработке этих скребков использована разнотипная ретушь – от крутой-полукрутой до пологой. По расположению ретушированного края могут быть выделены: боковые скребки (5 экз. – рис. 3, *24*), концебоковые (22 экз. – рис. 3, *5*, *19*, *20*, *25–29*), подокруглые (11 экз. – рис. 3, *21*, *22*). Один из скребков со сложной конфигурацией ретушированного края напоминает скребки "с мордочкой" (рис. 3, *23*). Два скребка выделяются высоким рабочим краем (рис. 3, 21).

Резцы в коллекции стоянки (49 экз. – 15.3%) было бы точнее назвать резцевидными орудиями, поскольку резцевидные сколы на сломах пластин являются скорее всего побочным продуктом фрагментации пластинок или их утилизации. Лишь в нескольких случаях можно предположить, что резцовая кромка на углу слома пластинки была сформирована целенаправленно (рис. 4, *28–32*). Одно из резцевидных орудий наиболее специфично: это так называемый "резец-струг", или нуклеус на отщепе с боковыми поверхностями торцевого снятия (рис. 4, *33*), он характерен для мезо-неолитических индустрий Подонцовья (Горелик, 1986. С. 8).

Группа пластинок с краевой ретушью (60 экз. – 18.7%) представляет интерес не столько для формально-типологического, сколько для трассологического анализа. Вместе с тем в ней присутствуют изделия, обработанные формирующей ретушью. Если руководствоваться при классификации артефактов, отнесенных к этой группе, местом расположения ретуши, то можно выделить четыре подгруппы: фрагменты пластинок, обработанные регулярной ретушью со спинки (34 экз. – рис. 4, *1–8*), фрагменты пластинок, обработанные ретушью с брюшка (19 экз. – рис. 4, *11–14*), фрагменты пластинок с краевой противолежащей ретушью (5 экз. – рис. 4, *9*), фрагменты пластинок с двусторонней ретушью (2 экз. – рис. 4, *10*). В первой подгруппе помимо артефактов, оформленных нерегулярной, разноразмерной ретушью по одному-двум краям, выделены единичные типичные вкладыши с притупленным отвесной регулярной ретушью краем (рис. 4, *6*).

Во второй подгруппе особо следует выделить единичные сечения пластинок, обработанные по одному краю регулярной пологой заходящей ретушью (рис. 4, *11*, *12*, *14*). Возможно, к изделиям последнего типа близок единственный в коллекции стоянки вкладыш, обработанный с брюшка по обоим краям сероглазовской ретушью (рис. 4, *13*).

Заслуживают внимание пластинки с краевыми выемками (11 экз. – 3.4%), среди которых на фоне заурядных изделий с единичными микровыемками (рис. 4, *15–17*) или пластинок с единичными широкими выемками (рис. 4, *8*, *18*) выделен классический для индустрии мезолита–неолита Большого Средиземноморья анкош (рис. 4, *19*).

Следует упомянуть фрагменты пластинок с прямо- и косоусеченным ретушью концом. Трудно сказать, являются ли эти артефакты самостоятельными формами или только лишь обломками каких-либо изделий, возможно, трапеций или параллелограммов. Изделия как первой группы (3 экз. – рис. 4, *23*), так и второй (5 экз. – рис. 4, *21*) обработаны мелкой крутой ретушью.

Морфологически промежуточными формами между пластинками с краевой ретушью и пластинками с усеченным ретушью концом являются три изделия, объединяющие признаки обеих групп артефактов (рис. 4, *20*, *22*). Показательно, что крутая ретушь, усекающая конец пластинки, нанесена со спинки, а полукрутая – по одному краю с брюшка. Можно допустить, что данные изделия являются обломками той разновидности параллелограммов, которая типологически близка микролитам, характерным для сероглазовской мезолитической культуры Северного Прикаспия, особенно же калганской группы памятников (Мелентьев, 1975. С. 113; Васильев и др., 1988. С. 3–41).

Группа проколок, разверток малочисленна (четыре экз. – 1.2%). Наиболее выразительны два орудия, острийная часть которых оформлена противолежащей ретушью (рис. 4, *24*, *25*). Один обломок сланцевого шлифованного изделия невыразителен.

Керамика, встреченная на раскопе 2, также невыразительна и технологически разнотипна. Выявлено свыше 70 мелких фрагментов стенок с внешней поверхностью красно-коричневого цвета, зачастую с расчесами, иногда подлощенностью на внутренней поверхности, с примесью в тесте в одних случаях дресвы, представленной очень мелкими отдельностями расслоившейся, пережженной сланцевой породы, иногда песка или растительности, реже – шамота и песка.

Коллекции кремневых изделий из раскопов 1 и 3 в целом вполне сопоставимы с материалами раскопа 2, но могут быть использованы с известными оговорками, поскольку материалы выявле-

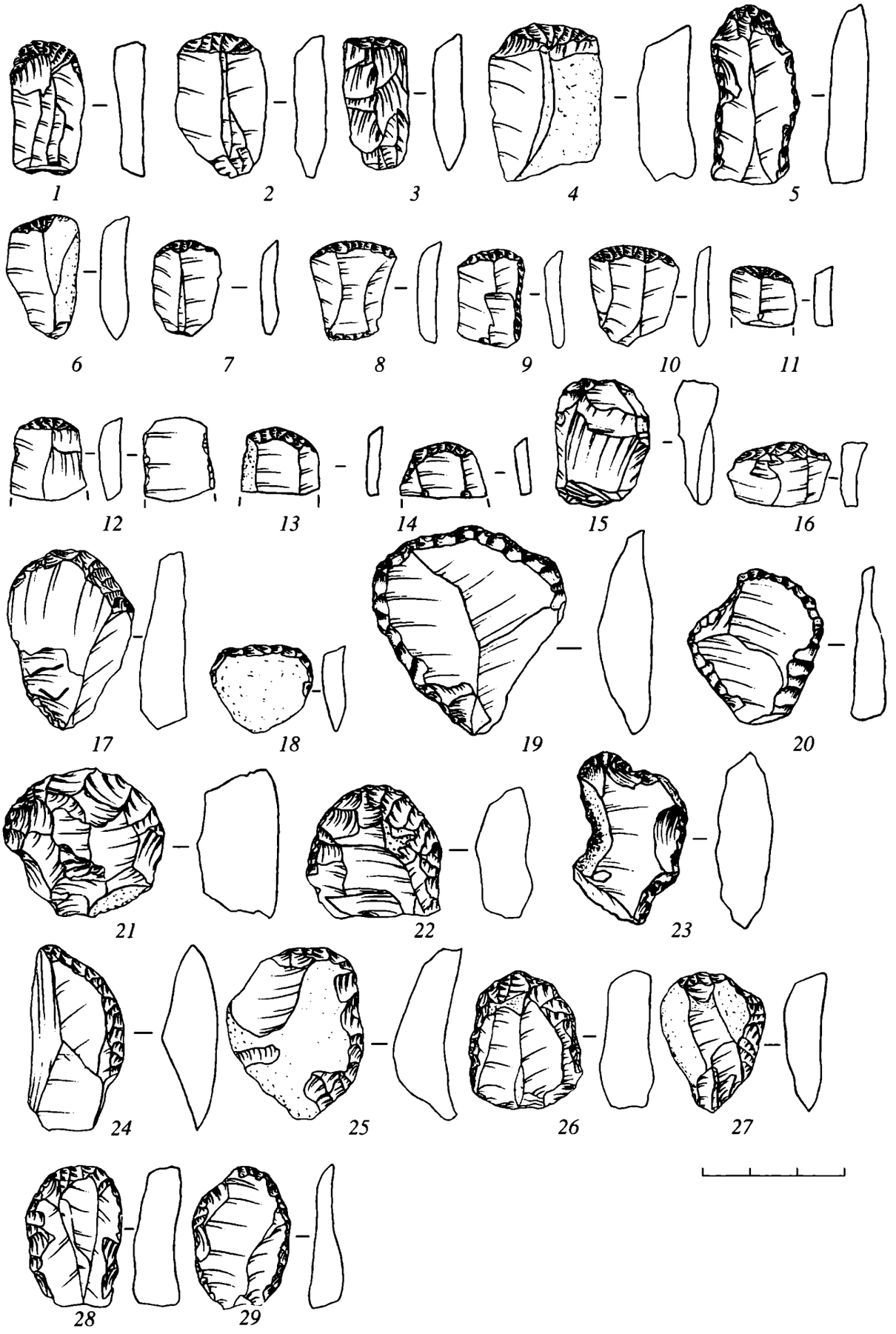

Рис. 3. Кременная II. Раскоп 2. Кремневые изделия. Скребки.

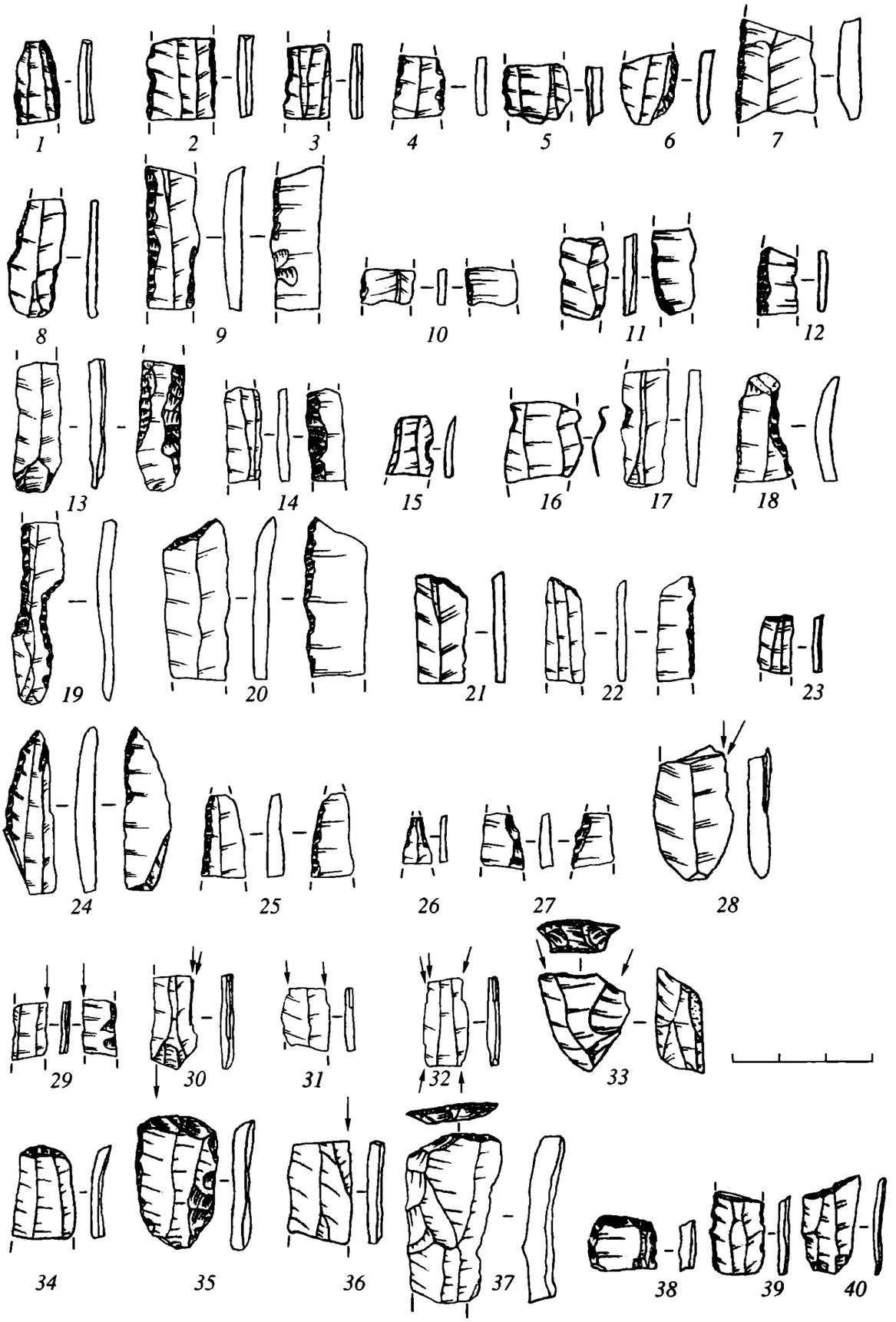

Рис. 4. Кременная II. Кремневые изделия. *1–19, 39* – пластины с ретушью; *20–23, 40* – пластины со скошенным ретушью концом; *26, 27* – проколки, развертки; *28–33, 36* – изделия с резцовыми сколами; *34, 35, 37* – скребки. (*1–33* – раскоп 2; *34–36* раскоп 1; *37–40* – раскоп 3).

ны в переотложенном состоянии. Раскоп 1 (площадь 11.5 м^2) был заложен на южной оконечности мыса, в прибрежной части реки на более низком уровне относительно раскопов 1 и 2. Материалы, выявленные на раскопе 1, представлены кремневыми изделиями (100 экз.) микролитического облика, которые залегали в различных плоскостях, на глубине от 0 до –0.46 м от современной дневной поверхности в слое гумусированной супеси. В разрезе восточного борта раскопа 1 отмечена косая слоистость вмещающего находки почвенного горизонта, причем наклон прослоек соответствует углу наклона современной дневной поверхности, что указывает, видимо, на развитие процессов плоскостного смыва на этом участке мыса. Стратиграфическое положение находок на раскопе 1 совершенно не соответствует условиям залегания культурных остатков на тех участках памятника, где культурный слой надежно прослежен в относительно непотревоженном состоянии (раскоп 2). Стратиграфические наблюдения, а также определенная отсортированность культурных остатков (представлены только кремневые изделия), свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что находки, выявленные в раскопе 1, перемещены склоновыми процессами с более высоких участков мыса. Среди находок, выявленных на раскопе 1, доминируют чешуйки, осколки, обломки (35 экз.); следующая по количеству группа – фрагменты пластин (32 экз.), отщепы отмечены в количестве 20 экз. Большинство выявленных пластинчатых сколов имеют ширину от 0.7 до 1.2 см. Изделия со вторичной обработкой представлены тремя скребками концевых форм (рис. 4, *34*, *35*), двумя пластинами с ретушью на спинке, массивной проверткой на реберчатом сколе, резцом на углу сломанной пластинки (рис. 4, *36*).

На участке раскопа 3 (площадь 8 м^2), который был заложен в центральной части мыса, культурный слой ранее был разрушен при заборе грунта для хозяйственных нужд. Впоследствии, очевидно, была проведена рекультивация грунта, так как в современном рельефе котлован не выражен. В раскопе на различных глубинах были выявлены 51 кремневое изделие и 2 фрагмента стенок лепных сосудов. Среди кремневых изделий отмечены чешуйки, осколки, обломки (18 экз.), отщепы (16 экз.), фрагменты пластин (10 экз.), изделия со вторичной обработкой (7 экз.) Ширина пластинчатых сколов варьирует в диапазоне 0.7–1.2 см. Среди изделий со вторичной обработкой два скребка, изготовленных на пластинах (рис. 4, *37*, *38*), фрагмент пластины с ретушью на спинке (рис. 4, *39*), пластина со скошенным ретушью концом (рис. 4, *40*), три невыразительных осколка с ретушью. Кроме кремневых изделий выявлены два невыразительных фрагмента стенок лепных сосудов. В плотном материковом суглинке, не потревоженном перекопом, выявлен хорошо сохранившийся углубленный, округлый в плане очаг. По конструктивным особенностям, характеру заполнения этот очаг практически не отличается от очагов на раскопе 2.

В силу слабой информативности керамической коллекции основой для культурно-исторических сопоставлений комплекса Кременной II является кремневый инвентарь. Технико-типологический облик кремневой индустрии Кременной II может быть сведен к следующим характерным признакам.

Технология расщепления, применявшаяся на стоянке, бесспорно, нацелена на получение правильной пластинки шириной около 1 см, длиной до 7 см, плоской в поперечном сечении, которая, как правило, фрагментировалась. Подавляющая часть пластинок и их фрагментов использовалась без вторичной обработки, на пластинках изготовлено абсолютное большинство изделий со вторичной обработкой. Предположительно, получение пластинок-заготовок осуществлялось преимущественно при помощи отжима двумя основными способами. Первый состоял в эксплуатации односторонних уплощенных нуклеусов с использованием одной скошенной площадки, систематически подправляемой мелкими раковистыми сколами с петлеобразными очертаниями, не заходящими далеко на поверхность площадки. Второй способ заключался в круговом одноплощадочном скалывании подпирамидальных нуклеусов с прямой площадки, подправляемой мелкими радиальными сколами по окружности. Приемы ретушного редуцирования для заглубления карниза в этом случае более характерны.

Ведущими технико-морфологическими группами орудий памятника являются геометрические микролиты и скребки. Отличительная особенность первой группы – сочетание трапеций, серийно представленных и доминирующих, и сегментов, количественно им уступающих. Наиболее информативными являются характер ретуши, оформляющей геометрические микролиты, а также место ее нанесения. Важно, что на фоне применения господствующей крутой-полукрутой дорсальной и вентральной ретуши отмечены геометрические микролиты, обработанные пологой или плоской сострогивающей дорсальной или вентральной ретушью. Примечательны геометрические микролиты, обработанные двусторонней, зачастую гелуанского типа, ретушью. Встречены симметричные трапеции с "талией", трапеции, обработанные ретушью по нижнему и верхнему основанию, противолежащей ретушью, сегментовидные трапеции, параллелограммы, обломок сегмента типа "апельсиновой дольки". Характерны геометрические микролиты симметричной формы низких, средневысоких и (значительно реже) высоких пропорций.

В группе скребков морфологическая устойчивость характерна в основном для концевых. Они представлены большой серией коротких и укороченных разновидностей с симметрично расположенным лезвием, в нескольких случаях, с ретушью по краям заготовки – обычно пластины, реже пластинчатого отщепа. Морфологические границы, позволяющие типологически характеризовать половину оставшихся скребков, достаточно размыты. Изготовленные в абсолютном большинстве на отщеповых заготовках средней величины, случайной конфигурации, они различаются по месту расположения и протяженности ретушированного края. При обработке скребков показательно использование разнотипной ретуши от крутой-полукрутой до пологой. Среди культуроопределяющих форм, представленных единичными орудиями, обращают на себя внимание пластинки с краевыми выемками, включая классические анкоши, пластинки с косоусеченным концом и пологой ретушью с брюшка по одному продольному краю (возможно, обломки параллелограммов), пластинки-вкладыши с крупной, пологой-плоской ретушью петлевидной формы по краю, иногда двум краям с брюшка, заходящей до центральной оси заготовки. Последний тип ретуши, названный А.Н. Мелентьевым сероглазовским, считался им определяющим для выделяемой эпонимной мезо-неолитической культуры Северного Прикаспия (Мелентьев, 1977. С. 103).

По указанным выше характерным признакам комплекс стоянки Кременная II может быть поставлен в один культурно-типологический ряд с неолитическими материалами Северного и Северо-Западного Прикаспия, а также степей Волго-Донского междуречья, среди которых можно особо выделить отдельные наиболее показательные памятники и их группы. Это местонахождения Южных Ергеней (хут. Курганный, Цыганица) (Праслов, 1971. С. 102–106) и близлежащей станицы Буденновской (Горелик, 1984а), местонахождения бассейна р. Рассыпной на границе Ростовской обл., Краснодарского и Ставропольского краев (Цыбрий А.В., Цыбрий В.В., 2000. С. 31–44), верхний слой поселения Джангар на правобережье Нижнего Поволжья (Кольцов, 1988. С. 52–92), стоянки Каиршак I и Каиршак III, расположенные на левобережье в низовьях Волги (Выборнов, Козин, 1988. С. 92–105; Иванов, Васильев, 1995. С. 109–112), стоянка Варфоломеевка I на юге Саратовской обл. (Юдин, 1988. С. 142–172; 1998. С. 28, 29). Различия, проявляющиеся при сравнении инвентаря Кременной II и наиболее выразительных кремневых комплексов указанных выше памятников, позволяют заключить, что индустрия Кременной II ближе к Каиршакским стоянкам, нежели к джангарско-варфоломеевским. Для индустрии последней не характерны параллелограммы, присутствующие в Кременной II и каиршакских стоянках, но зато в ней встречены пластинчатые наконечники стрел, отсутствующие в Кременной II и каиршакских стоянках. Чуть далее от индустрии Кременной II и Каиршакских стоянок в культурно-типологическом отношении находятся памятники восточной оконечности Донецкого кряжа – Зимовники I–1 (Горелик, 1984б), Платовский Став I (Казакова, 1973), Мурзина Балка (Горелік, 1979), отнесенные к платовоставской культуре (Горелик, 1984б; 1986; 1997. С. 123–132; Залізняк, 1998. С. 198). В них более развита и разнообразна техника резцового скола, отсутствуют вкладыши, обработанные сероглазовской ретушью, параллелограммы, выразительные анкоши. Вместе с тем очевидные аналогии индустрии Кременной II и памятников, близких ей, с инвентарем комплексов платовоставской культуры в технологии расщепления кремня, наборе геометрических микролитов и характере их обработки позволяют видеть в них отражение достаточно тесных культурно-исторических взаимосвязей населения сопредельных регионов: Подонцовья, Северного Прикаспия, Предкавказья. Параллели индустрии Кременной II с материалами западнокавказского неолита, памятникам типа Нижней Шиловки носят более общий характер, нежели с индустрией перечисленных выше комплексов. Обращает внимание отсутствие в инвентаре Кременной II пластинок с выделенной ретушированными выемками головкой, треугольников и топориков. Бесспорные близкие культурные взаимосвязи индустрий Южных Ергеней, Джангара, Варфоломеевки I, Каиршакских стоянок отмечают практически все исследователи, основывавшие свои выводы не только на технико-типологическом анализе кремневого инвентаря, но и, как правило, весьма представительной керамике. Так, по мнению И.Б. Васильева, А.Т. Синюка, А.А. Выборнова и других ученых, выделяемая ими джангарско-тентексорская неолитическая культура имеет западную, кавказско-причерноморскую ориентацию, рассматривается ими как предшественница мариупольской культурно-исторической области (Васильев, Синюк, 1985. С. 32; Васильев, Выборнов, 1986. С. 10). В более поздних работах самарских археологов в рамках нижневолжской неолитической культурной области с накольчато-прочерченной керамикой выделяются две культурные группы (культуры): каиршакско-тентексорская в южной части Волго-Уральского междуречья и джангарско-варфоломеевская в Волжском правобережье (Васильев, Выборнов, 1986; Васильев, 1990, С. 6–11; Выборнов, 1990, С. 21–24; Иванов, Васильев, 1995. С. 118–123). И И.Б. Васильев, и А.А. Выборнов справедливо полагают, что уровень сходства нижневолжской историко-культурной общности выше с Азово-Черноморской (ракушечноярская, сурская, горнокрымская культуры), чем с культурным миром Восточного Прикаспия, Кызылкумов,

Казахстана, в котором ведущим культурным явлением выступает Кельтеминар. По мнению И.Б. Васильева, нижневолжская неолитическая культурная область относится к каспийско-причерноморскому кругу культур с накольчатой и накольчато-прочерченной керамикой (Иванов, Васильев, 1995. С. 121). Большая близость Каиршака к Варфоломеевке по сравнению с Тентексором была отмечена Е.В. Козиным (1990. С. 25). Эта идея разделяется П.М. Кольцовым, который является противником объединения Каиршака и Тентексора в одну культуру, хотя считает эти памятники принадлежащими к одной культурной традиции. К этой же традиции он относит выделяемую им джангарскую культуру и орловскую культуру, выделенную А.И. Юдиным (Кольцов, 1990. С. 62–65). Х.А. Амирханов отмечал, что в мезолите и неолите на просторах степей Предкавказья, Северо-Западного, Северного и Северо-Восточного Прикаспия существовал единый северокаспийский культурный ареал (Амирханов, 1987. С. 202).

Итак, культурная общность памятников Северного и Северо-Западного Прикаспия, степного Волго-Донского междуречья, а также степного Предкавказья в мезолите и неолите не оспаривается никем из специалистов. Проведенные сопоставления комплексов каменного инвентаря свидетельствуют о принадлежности Кременной II к нижневолжской неолитической культурной области. Учитывая очевидные аналогии Кременной II и памятников ее круга с платовоставской культурой, выделенной на территории Восточного Донбасса, можно сделать вывод о том, что границы на западе доходят до современного порубежья Украины и России. Недостаточная представительность керамики в составе находок Кременной II не дает возможности более полно проанализировать связи этого памятника с отдельными культурами, памятниками нижневолжской культурной области. Судя по результатам проведенного сравнения кремневых индустрий, уровень сходства Кременной II с каиршакскими комплексами и упомянутыми памятниками юга Ростовской обл., а возможно, и всего Предкавказья несколько выше, чем с материалами джангарско-варфоломеевской культуры. Показательно присутствие в материалах Кременной II параллелограммов типов, характерных для мезолитических и ранненеолитических индустрий Северного Прикаспия. Это дает основание предполагать формирование индустрии Кременной II не столько под влиянием связей с поздненеолитическим населением левобережной Волги, сколько в результате развития на сходной, очевидно, генетической основе, с каиршакскими индустриями. Определенным звеном в распространении традиций типа индустрии Кременной II, а вместе с ней и всей нижневолжской неолитической культурной области на запад следует теперь рассматривать комплексы платовоставской культуры, которые лучше характеризуют пограничье Азово-Черноморской и Нижневолжской культурных областей, нежели индустрия Кременной II.

Бесспорно, что без соответствующих керамических комплексов, сопровождающих рассматриваемый кремневый инвентарь, оценить справедливость высказанных предположений достаточно трудно. Полученные радиокарбонные датировки стоянки Кременная II, несмотря на значительный разрыв между ними, в целом согласуются с абсолютной хронологией опорных памятников нижневолжской неолитической культурной области. Так же, как и Кременная II, к концу V – началу IV тыс. некалиброванных лет или ко второй половине VI – первой половине V тыс. калиброванных лет до н. э. относится верхний слой Джангара (Кольцов, 1990. С. 45), средний слой Варфоломеевской стоянки (Юдин, 1998. С. 28). Близкую дату имеет культурный слой стоянки Каиршак III (Козин, 2000. С. 32) и, по-видимому, находящийся, по типологическим заключениям специалистов, хронологически между Тентексором I и Каиршаком III комплекс стоянки Каиршак I (Выборнов, Козин, 1988).

По составу фаунистических остатков материалы Кременной II близки специфическому набору фауны, типичному для неолита Прикаспия, степного Поволжья и южного Приуралья (Телегин, 1990. С. 85). В нем отсутствует свинья, лидирующее положение занимает лошадь и крупный рогатый скот, овца и коза – только на третьем месте. Если заключение О.П. Журавлева о присутствии в фаунистических остатках Кременной II костей домашней лошади верно, то это открывает определенные возможности для рассмотрения распространения доместицированных форм животных на рубеже V–IV тыс. до н.э. на территории Днепро-Донского междуречья и Северного Прикаспия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амирханов Х.А. Чохское поселение. М., 1987.

Васильев И.Б. Северный Прикаспий в эпоху мезолита, неолита и энеолита (основные итоги исследований) // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тез. всесоюз. конф. Куйбышев, 1990.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Нижнее Поволжье в эпоху камня и бронзы // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Комаров А.М. Мезолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б., Синюк А.Т. Энеолит Восточно-Европейской лесостепи. Куйбышев, 1985.

Выборнов А.А. Неолит Северного Прикаспия и его соотношение с культурами сопредельных территорий // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тез. всесоюз. конф.. Куйбышев, 1990.

Выборнов А.А., Козин Е.В. Неолитическая стоянка Каиршак I в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий. Методика микро-макроанализа древних орудий труда. СПб., 1997.

Горелік О.Ф. Нові пам'ятки мезоліту і неоліту на Сіверському Дінці // Археологія. 1979. Вып. 29.

Горелик А.Ф. Мезолит Северо-Восточного Причерноморья (вопросы культурно-хронологического членения) // Материалы каменного века на территории Украины. Киев, 1984а.

Горелик А.Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье // СА. 1984б. № 2.

Горелик А.Ф. Мезолит бассейна Северского Донца и Северо-Восточного Приазовья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986.

Горелик А.Ф. Сложение донецкой культуры и некоторые методологические проблемы "неолитизации" мезолитических культур // Археология и этнология Восточной Европы: Материалы и исследования. Одесса, 1997.

Залізняк Л. Передісторія України X–V тис. до н.е. Київ, 1998.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

Казакова Л.М. Новые мезолитические местонахождения на Нижнем Дону // Археологические раскопки на Дону. Ростов-на-Дону, 1973.

Козин Е.В. О культурном своеобразии памятников эпохи неолита Северного Прикаспия // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тез. всесоюз. конф. Куйбышев, 1990.

Козин Е.В. Хронология памятников неолита Северного Прикаспия // Хронология неолита Восточной Европы. Тез. конф. СПб., 2000.

Кольцов П.М. Неолитическое поселение Джангар // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Кольцов П.М. Хронология неолитических памятников Северо-Западного Прикаспия // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.

Мелентьев А.Н. Памятники сероглазовской культуры (неолит Северного Прикаспия) // КСИА. 1975. Вып. 141.

Мелентьев А.Н. Мезолит Северного Прикаспия (памятники сероглазовской культуры) // КСИА. 1977. Вып. 149.

Праслов Н.Д. Памятники каменного века Южных Ергеней // КСИА. 1971. Вып. 126.

Ромащенко Н.И. Исследование стоянки Кременная II и поселения Селезнев-III в 1998 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Вып. 16. Азов, 2000.

Телегин Д.Я. Возникновение и ранние этапы скотоводства в степном междуречье Днепра и Волги // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Тез. всесоюз. конф. Куйбышев, 1990.

Цыбрий А.В., Цыбрий В.В. Стоянка Кременная II // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г. Вып. 14. Азов, 1997.

Цыбрий А.В., Цыбрий В.В. Памятники каменного века в бассейне реки Рассыпной // Археологические записки. Вып. 1. Ростов-на-Дону, 2000.

Юдин А.И. Варфоломеевская неолитическая стоянка (Первые итоги исследования) // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев, 1988.

Юдин А.И. Общие тенденции в развитии культур Степного Поволжья и Нижнего Дона // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы. Ростов-на-Дону, 1998.

New Neolithic materials from the Lower Don basin

A. V. Tsybrij, A. F. Gorelik

Summary

The authors present the analysis of the materials from the excavations of the new Neolithic site – the camp Kremennaya II disposed in the Lower Don basin near the farmstead Zolotovsky (Milyutinsky district, Rostov region). The cultural deposit has yielded mainly flint artefacts; according to the radiocarbon determinations it dates from the late 5th – the early 4th millennia BC. The site demonstrates flint industry of blade type based on the technology of pressure knapping; its characteristic feature is the considerable share of geometric microliths: trapezoids, segments, and parallelograms, including the trapezes with flat dorsal retouch and the segments worked by Heluan retouch. The discussed materials are compatible with those of the Neolithic sites in the adjacent regions, which evidence their considerable similarity with the stone industries of the Neolithic sites of the North Caucasus piedmonts, North and North-Western Caspian littoral, and the Lower Donets. The sites in question are attributed to the Neolithic Lower Volga historical-cultural zone. The site Kremennaya II and the sites of Platovostavsskaya culture situated in Eastern Donbass form the western boundary of the zone, they are indirectly related to the cultural impetuses from the Near East, with the Azov-Pontic historical-cultural zone.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 77–83

СЫРЬЕВАЯ БАЗА ИНДУСТРИИ МАКРООРУДИЙ В НЕОЛИТЕ – РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ

© 2004 г. А. Ю. Тарасов
ИЯЛИ КарНЦ РАН, Петрозаводск

Среди природных ресурсов той или иной территории, существенных для экономики древнего населения, каменное сырье занимает не последнее место. Доступные горные породы определяют возможности использования различных технологий обработки и в значительной степени сам облик каменной индустрии.

В то же время древние обитатели региона ни в коем случае не являлись пассивными участниками взаимодействия с окружающей средой. Каждое человеческое сообщество вырабатывает свою модель такого взаимодействия, по-своему организует процесс поиска, добычи и утилизации каменного материала. Каждый коллектив осуществляет отбор наиболее подходящих пород из имеющихся в его местности или прилагает усилия по добыче сырья с соседних территорий, если качество местных материалов его не устраивает. В частности, различные стратегии обеспечения сырьем недавно были установлены для мезолитических культур в верхнем Поволжье (Жилин, 1998).

В предлагаемом обзоре делается попытка рассмотреть данный тезис на основании анализа только одной группы каменного инвентаря – группы макроорудий (макроформ). В нее включены виды орудий, преимущественно предназначенные для обработки дерева: топоры, тесла, долота, клинья, стамески, круммейсели. Кроме того, в рамках данной группы рассмотрены кирки, мотыги, клевцы, массивные стержни и макросверла, которые, за исключением кирок культуры сперрингс, очень немногочисленны. Эти инструменты как правило имеют значительные размеры (в длину до 10 см и более). Они изготовлены по технологии, предполагающей, что в процессе обработки с них скалывается множество отщепов, а также, за очень редким исключением, используется абразивная техника.

Основным фактором, оказавшим влияние на особенности локальной сырьевой базы, является расположение Карелии на восточной окраине Балтийского щита. В связи с полным отсутствием здесь запасов кремня, очень частым, а в отдельные периоды преобладающим было использование местных материалов. Среди них встречаются как некачественные породы, главным образом, кварц, так и материалы относительно высокого качества. Среди последних выделяется такая кремнистая порода, как лидит. Однако куски лидита довольно редко имеют достаточные для макроформ размеры, поэтому лидит также затруднительно использовать для изготовления рубящих орудий.

Тем не менее на этой территории имеются выходы пород, которые хорошо подходят для инструментов рассматриваемой группы (рис. 1). В регионах, располагающихся там, где близко к поверхности подходят очень древние кристаллические и метаморфические образования, можно встретить целый ряд пород, особенности внутренней структуры и состава которых отвечают основным требованиям прочности и возможности обработки. Прежде всего, это многочисленные разновидности сланцев, диабазов, базальтов, которые иногда объединяют под общим определением "зеленый камень" (greenstone) (Gjerland, 1990. P. 73).

Их способность к расщеплению варьируется от одной разновидности к другой, однако в целом уступает кремню и сходным с ним породам. Тем не менее, они обычно гораздо лучше поддаются таким способам воздействия, как пикетаж и абразивные техники (пиление, шлифование), поскольку составляющие их минералы часто уже раздроблены в результате метаморфических процессов (Cooper, 1979. P. 99). В силу своей "вязкости" орудия из таких пород меньше подвержены разлому, инициированному неудачным ударом по обрабатываемому предмету. Их лезвие обычно не может быть таким же острым, как лезвие кремневых инструментов, но вполне способно выполнять функции грубой "черновой" обработки дерева.

Для нашей территории особенное значение имеют две разновидности горных пород этого рода: сланцы и алевролиты.

Говоря о сланцах, всегда необходимо иметь в виду очень большое разнообразие отдельных горных пород из этой группы. Основным их свойством принято считать "сланцеватость", или способность расслаиваться на плитки (Геологический словарь, 1978. С. 338). Степень выраженности данного свойства различна, например у окремненных отдельностей сланцеватость может быть вообще незаметна. Не менее велики и различия

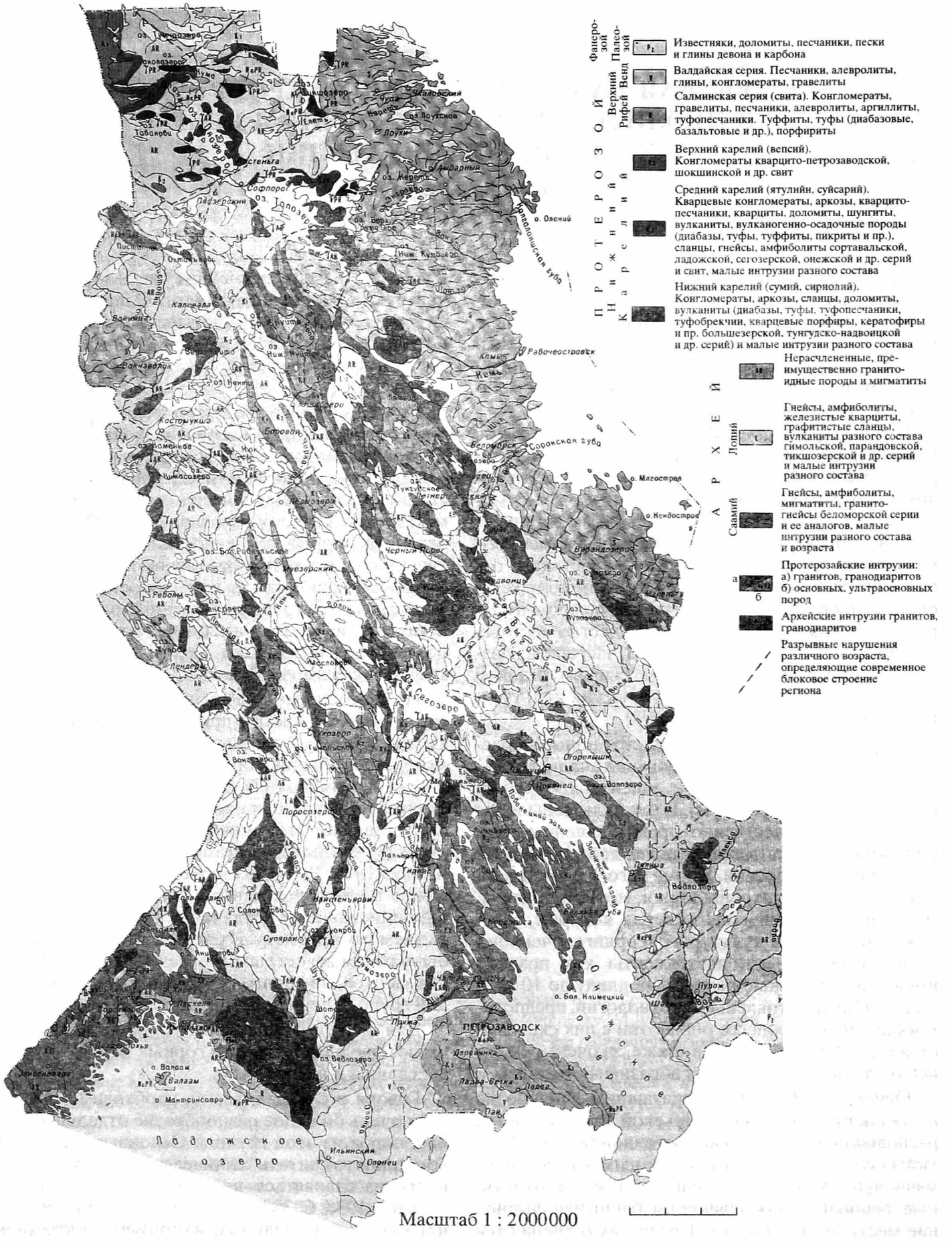

Рис. 1. Геологическая карта Республики Карелия (Атлас Карельской АССР. М., 1989. С. 9).

остальных характеристик – химического и минералогического состава, величины зерна, твердости (Борисов, 1963. С. 194–206; Геологический словарь, 1978. С. 338, 339).

Алевролит (который очень грубо можно определить как глинистый метаморфизованный песчаник) внешне очень похож на те разновидности сланцев, которые использовались для изготовления макроорудий. Однако ему в целом не свойственна сланцеватость, и степень зернистости данной породы обычно выше, чем у сланцев. Так же, как и сланцевые макроформы, алевролитовые изделия имеют серую или зеленую окраску. Поскольку точно различить эти породы можно только после петрографического анализа, алевролитовые вещи традиционно описываются как сланцевые. Однако использование карельских алевролитов в древности наряду со сланцами находит подтверждение (Журавлев, Горлов, 1979. С. 247, 248).

Точное описание разновидностей, использовавшихся древним населением Карелии, и привязка их к конкретным месторождениям невозможны без широкой программы петрографических исследований макроформ из древних поселений. Здесь же следует ограничиться несколькими замечаниями.

Территория, на которой могут быть встречены хорошо поддающиеся обработке сланцы и алевролиты, располагается в южной половине Карелии, в то время как в северной ее части имеются только кристаллические разновидности худшего качества.

Сырьевая база макроорудий достаточно подробно охарактеризована для Заонежья, где на поселениях обнаружены изделия, изготовленные из камня двух месторождений – Вегорукского и Мягрозерского (Журавлев, Горлов, 1979; Журавлев, 1988).

Следует иметь в виду, что сланцы и алевролиты широко распространены на территории южной Карелии в виде отдельных галек и валунов. Валуны, сложенные сланцами и алевролитами, могут достигать размеров, вполне достаточных для изготовления крупных орудий. В частности, в районе пос. Шуя на западном побережье Онежского озера, недалеко от г. Петрозаводска, где найдены стоянки (Фофаново VI, XIII, XIV), на которых производилось массовое изготовление макроформ, известны проявления подходящих пород[1] (Геология Карелии, 1987. С. 70; Кайряк, 1973. С. 46). Однако ближайшие скальные выходы располагаются примерно в 10 км, и доступные для добычи непосредственно с поверхности земли отдельности сырья представлены именно в валунной форме.

Иные породы применялись для производства карельских макроформ крайне редко. Прежде всего можно отметить отдельные случаи использования лидита. Такие орудия известны на поздних поселениях с керамикой сперрингс, таких как Сандермоха IV и Войнаволок XXVIII. Ряд лидитовых макроформ происходит с поселений эпохи энеолита. Такие вещи были обнаружены в коллекциях жилища с асбестовой керамикой на поселении Черная Губа IX, а также на поселениях Оровнаволок XVI, Войнаволок XXV, XXVII.

На поселениях с ямочно-гребенчатой керамикой, в первую очередь, иногда встречаются изделия из туфа или туфового сланца. Их отличает пятнистая окраска с преобладанием оттенков зеленого цвета, они твердые и крупнозернистые.

На поселении с поздней асбестовой керамикой Вигайнаволок II обнаружены макроформы, изготовленные из мягкой песчанистой породы. Все они относятся к русско-карельскому типу и были сделаны по технологии, предполагающей сложное расщепление. Мягкий песчаник является крайне некачественным сырьем для технологий такого рода, и его использование в данном случае остается непонятным.

Наконец, единичные вещи были изготовлены из кремня. Нужно отметить массивный кремневый бифас из поселения Горелый Мост VI с сетчатой и позднебеломорской керамикой, который мог быть использован в качестве топора. Они есть и на ряде других поселений. Возможно, интерпретация этих вещей как рубящих орудий ошибочна. При их обработке не использовалась шлифовка, и в качестве лезвия использовался естественный острый край отщепа.

Сланцы и алевролиты невозможно различить без проведения специального анализа. Поскольку среди обеих пород встречаются разновидности с отличающимися свойствами, при оценке сырьевой базы отдельных культур основное внимание уделено именно отдельным характеристикам. Отобранные признаки определяют возможности обработки и качество готовых инструментов. Их оценка не требует привлечения сложных методов анализа. В их число входят твердость, зернистость и сланцеватость.

Эти показатели, основным из которых следует считать твердость, оценены по трехбалльной шкале ("сильно", "средне", "слабо"). Достаточно точную оценку твердости можно провести следующим образом: порода, на которой возможно процарапать черту с помощью медного предмета, может считаться "мягкой" (2–3 по шкале Мооса). Та, которая позволяет процарапать черту железным предметом, является "средней" (4–5). Порода, которая этого не позволяет – "твердой" (6–7 по

[1] Сотрудницей Института Геологии КарНЦ РАН А.В. Первухиной был проведен петрографический анализ двух заготовок макроформ со стоянки Фофаново XIII. Их порода была определена как песчанистый туфоалевролит и кварц-полевошпатовый песчаник (углеродсодержащий метафилит).

Количество макроорудий, изготовленных из материалов с различными свойствами

Группы памятников	s	2sw	2sm	s2w	swm	sms	smw	s2m	w2s	wsw	wsm	2ws	w	2wm	wms	wmw	w2m	mws	m2s	msw	msm	m2w	mwm	2ms	2mw	m	Всего
SP	1	10	1	39	1	1	19	6	17	19	4	16	24	17	35	59	28	0	1	3	2	9	3	1	26	12	354
SP2	0	5	0	23	0	0	10	5	1	3	1	4	10	8	6	14	10	0	1	1	0	4	0	0	10	5	121
PI	0	9	0	38	2	0	21	3	0	6	2	18	1	7	0	12	5	0	0	6	1	3	1	2	14	6	157
CR	0	2	0	13	1	0	4	0	0	0	0	2	9	3	1	3	2	0	0	3	0	6	2	0	9	1	61
R		15		60	3		68	2	1	9	1	1	38	16	2	29	7	1		16		26	8		40	8	352
A1	0	15	0	61	3	1	105	0	0	0	1	1	3	0	0	9	0	0	0	3	0	1		0	13	1	217
A2	0	9	0	60	1	0	50	0	0	0	0	0	0	0	0	5	0	0	0	2	0	2	0	0	9	1	140
A3	0	3	0	5	31	0	0	0	0	0	1	1	2	1	0	1	0	0	0	1	0	0	0	0	3	0	49
A4	0	1	0	4	0	0	12	1	0	1	0	0	0	0	0	18	2	0	0	0	0	0	0	0	10	0	49
T	0	1	0	4	3	1	4	0	0	0	0	0	0	3	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	1	0	17

Обозначения групп памятников: **SP** – памятники сперрингс; **SP2** – сперрингс, но из выборки исключены данные по киркам, стержням и макросверлам; **PI** – памятники с ямочно-гребенчатой керамикой; **CR** – с гребенчато-ямочной и ромбоямочной керамикой; R – с ромбоямочной керамикой; **A1** – с асбестовой керамикой типа Войнаволок XXVII; **A2** – с ранней асбестовой керамикой типа Оровнаволок XVI; **A3** – с поздней асбестовой керамикой типа Оровнаволок XVI; **A4** – с асбестовой керамикой типа Палайгуба II; **T, I** – с керамикой сетчатой и лууконсаари. Обозначения качественных характеристик материала: s – "сильно"; m – "средне"; w – "слабо". Каждая отдельная запись составлена из одного или трех символов, обозначающих степень выраженности отдельных свойств породы в следующей последовательности: твердость, зернистость, сланцеватость (на графиках сланцеватость не указывается). Если все три параметра выражены в одинаковой степени, они обозначаются только одним символом (например, m – порода средняя по твердости, среднезернистая, среднесланцеватая). Если степень выраженности двух соседних свойств совпадает, вместо первого из них ставится цифра "2" (например, s2m – порода твердая, среднезернистая, среднесланцеватая).

шкале Мооса). Твердость породы обеспечивается присутствием в ее минералогическом составе зерен кварца.

Оценка зернистости и сланцеватости производилась "на глаз". Сланец, твердость которого оценена как "сильно", может почти столь же успешно, как и кремень, служить сырьем для качественных деревообрабатывающих инструментов. В то же время отдельности сырья, зернистость и сланцеватость которых признаны слабыми, также мало уступают кремнистым породам в способности к раковистому излому и расщеплению. Несмотря на это, степень близости не следует преувеличивать: обработка сланцев и алевролитов с помощью сложного расщепления является гораздо более трудным делом, чем применение сходной технологии на кремневом материале.

Мягкие породы легче поддаются абразивной обработке, но вместе с тем рабочие качества изготовленных из них инструментов гораздо ниже.

В настоящей работе использованы результаты анализа каменных макроформ из коллекций 58 памятников эпохи неолита – раннего железного века с чистыми комплексами. Результаты, полученные в ходе описания коллекций, представлены в таблице, где показано количество изделий отдельных групп памятников, относящихся к каждому из встреченных вариантов сочетаемости отдельных значений этих признаков. Данные с отдельных поселений объединены в большие выборки, соответствующие различным группам памятников.

Всего имеется девять совокупностей. Ранний неолит представляют две группы: памятники культуры сперрингс (14 поселений) и памятники с ямочно-гребенчатой керамикой (10). Поздний неолит – памятники с гребенчато- и ромбоямочной керамикой (5). В рамках этого же периода решено рассмотреть памятники с ромбоямочной керамикой (5). Несмотря на то, что на них обнаружены медные изделия, их каменный инвентарь имеет гораздо больше сходства с индустрией памятников из предыдущей группы, чем с энеолитической индустрией памятников с асбестовой керамикой.

Поскольку для энеолита с асбестовой керамикой разработана наиболее дробная хронологическая шкала, основанная на радиоуглеродных датировках (Жульников, 1999), для этого периода определены четыре группы памятников: с керамикой типа Войнаволок XXVII[2] (3 поселения), с ранней керамикой типа Оровнаволок XVI (4), с поздней керамикой типа Оровнаволок XVI (5), с керамикой типа Палайгуба II (4). Типы асбесто-

[2] Материалы с поселений Войнаволок XXIV, XXV и Челмужская коса XXI, происходящие из жилищ с разными типами асбестовой керамики, были разделены между разными выборками.

вой керамики перечислены в хронологическом порядке.

Наконец, в связи с крайне небольшим количеством каменных макроформ поздних периодов в последней выборке объединены материалы с поселений с сетчатой керамикой эпохи бронзы (9) и культуры лууконсаари раннего железного века (2).

При подсчетах объединялись данные по готовым орудиям и заготовкам. Для их анализа применен метод "соответствия" (correspondence analysis) (Hood, 1991. P. 197–200). Задача теста заключалась в установлении различий сырьевой базы, а также в выявлении групп, для которых характерна сходная база. Для укрупнения данных в расчет были приняты только варианты сочетаемости твердости и зернистости, поскольку эти признаки наиболее существенны. Кроме того, число ошибочных оценок для них должно быть меньше, чем для сланцеватости, которую сложнее адекватно оценить "на глаз".

Основное наблюдение, которое позволяет сделать график (рис. 2), заключается в том, что памятники с асбестовой керамикой типов Войнаволок XXVII и Оровнаволок XVI оказались отделены от остальных культур и почти единственные расположились по левую сторону от вертикальной оси. Этот же участок занимают изделия с твердым, мелко-, средне- и крупнозернистым материалом (качественным). Из таблицы видно, что изделия данных периодов отличает также очень слабая степень сланцеватости.

В эту же группу вошли памятники с сетчатой керамикой и керамикой лууконсаари. Макроформ на них очень немного, и результат анализа может быть случайным. Однако следует учесть, что само количество памятников, с которых они происходят, достаточно велико. Следовательно, если носители поздних культур все-таки изготавливали макроформы, они предпочитали использовать относительно качественный материал.

Следующая группа располагается сверху от горизонтальной оси, в нее входят памятники с керамикой сперрингс и с поздней асбестовой керамикой типа Палайгуба II. Таким образом, наблюдается различие в сырьевой базе между первым – третьим, с одной стороны, и последним этапом энеолита – с другой. Заметно, что группа выделяется по преобладанию изделий из мягкого среднезернистого камня (некачественного).

Большую долю среди макроорудий культуры сперрингс составляют кирки, предположительно не предназначенные для обработки дерева. Правомерно ожидать, что здесь требования к твердости сырья намного ниже, и подобный результат анализа объясняется именно этим. Для проверки такого предположения проведен повторный тест, во время которого из выборки для сперрингс были исключены кирки и их заготовки, а также мотыги, стержни и макросверла. В итоге дистанция между сперрингс и следующей группой (ямочно-гребенчатой, гребенчато- и ромбоямочной керамики) существенно сократилась. Памятники со сперрингс почти вошли в эту группу (рис. 2), но остались по другую сторону горизонтальной оси. Можно видеть, что и в новой выборке мягкие изделия составляют большинство.

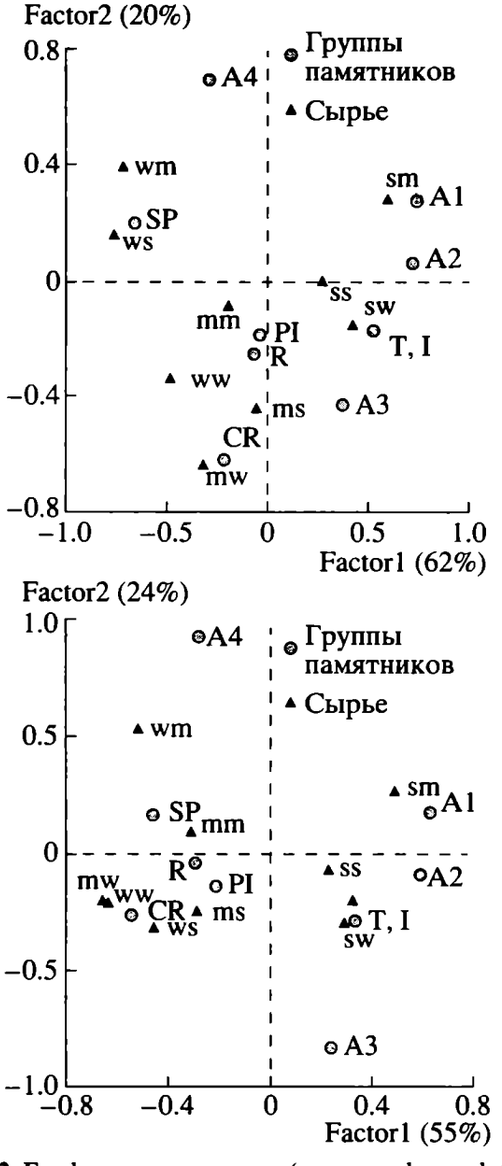

Рис. 2. Графики соответствия (correspondence plots). Слева – различия сырьевой базы макроорудий в комплексах неолита – раннего железного века. Справа – то же самое, но при исключении из выборки для культуры сперрингс всех кирок, макросверл и стержней (обозначения см. в пояснении к таблице).

Последняя группа отделяется от памятников с преобладанием мягкого сырья по горизонтальной оси, а от памятников с твердым сырьем по вертикальной оси и располагается в той области, где изделия со средней и небольшой твердостью (мелко- и крупнозернистые) распределены примерно одинаково.

Можно предложить следующую интерпретацию результатов анализа. Для культуры сперрингс, а также для позднего энеолита в наименьшей степени был свойственен намеренный отбор наиболее качественного сырья. Такой отбор, очевидно, производился в развитом и позднем неолите, однако население, жившее в эти периоды, либо не было еще способно обеспечить себя только качественными материалами, либо нередко предпочитало более мягкое сырье как лучше поддающееся абразивной обработке. Наконец, намеренный отбор исключительно качественного камня для макроорудий фиксируется для первого – третьего периодов энеолита, а также, возможно, для бронзового и раннего железного веков. При этом необходимо отметить, что если в энеолите отбирались крупные отдельности сырья, позволявшие изготавливать орудия, имеющие большую длину, то в последующие периоды макроформы изготавливались из мелких галек и плиток.

Больше половины выборки для энеолита второй половины III тыс. до н.э. составляют изделия, происходящие из мастерских на стоянках Фофаново VI, XIII, XIV на западном побережье Онежского озера. Многочисленные валуны, сложенные мягкими и средними разновидностями алевролитов, встречаются и в этом районе, но макроформы из них предпочитали не изготавливать. Иную модель демонстрируют материалы близлежащего поселения Фофаново VIII с ромбоямочной керамикой: изделий из среднего по твердости и твердого материала на них примерно одинаковое количество. Таким образом, отбор только качественного материала в эпоху энеолита был результатом целенаправленных действий человека.

Описанные изменения в сырьевой базе сопровождались рядом других явлений. В рамках индустрии макроорудий наблюдаются существенные изменения в технологии. В неолите применялись простые технические схемы, основанные на неупорядоченном использовании разнообразных несложных техник: пиления (особенно в культуре сперрингс) и различных вариантов краевой оббивки. В энеолите же использовалась сложная, стандартизованная технология изготовления орудий так называемого "русско-карельского" типа, основанная на технике удара через посредник и стадиальном расщеплении. Одновременно для макроорудий эпохи энеолита характерна наиболее тщательная обработка и наиболее значительные размеры. Все это вместе позволяет говорить об их высоком качестве сравнительно с изделиями остальных эпох.

Схожие явления характерны и для других групп каменного инвентаря. В неолите господствовали технологии получения отщепов невысокого качества со специально подготовленных нуклеусов. В энеолите, за исключением его позднего этапа, преобладала технология двусторонней обработки наконечников, отходы производства которых (сколы утончения бифасов) шли на изготовление мелких орудий с функциями резания, скобления и т.п. Соответственно изменилась и сырьевая база. В энеолите на территории южной половины Карелии, вплоть до конца III тыс. до н.э., перестали использовать местное некачественное сырье, прежде всего кварцевое, и индустрия ориентировалась на кремнистую породу местного происхождения – лидит и импортный кремень.

Как представляется, основной причиной таких преобразований могли стать изменения в степени мобильности населения, характерной для различных культур. Для энеолита зафиксирована развитая традиция строительства долговременных жилищ (Жульников, 1999. С. 32–39), что должно свидетельствовать о большой степени оседлости населения с асбестовой керамикой, по крайней мере на сезонной основе. С другой стороны, для ранненеолитической культуры сперрингс, носители которой использовали наиболее некачественное сырье для своих макроформ, можно предполагать довольно высокую мобильность. Жилища этой культуры на территории Карелии до настоящего времени надежно не выявляются (Витенкова, 1996. С. 67). Только на поселении Илекса V, возможно, имеются следы наземного сооружения (Косменко, 1992. С. 47, 48).

Большая степень оседлости в энеолите должна была сопровождаться усложнением организации общества, хотя пока сложно описать, в какой именно форме это происходило. Это в свою очередь, привело к более планомерной организации экономической жизни, более эффективной эксплуатации местных природных ресурсов. Частным отражением такого процесса являются изменения в сырьевой базе индустрии макроорудий, рассмотренные в настоящей работе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисов П.А. Каменные строительные материалы Карелии. Петрозаводск, 1963.

Витенкова И.Ф. Культура сперрингс // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996.

Геологический словарь. Изд. 2-е. Т. 2. М., 1978.

Геология Карелии. Л., 1987.

Жилин М.Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

Жульников А.М. Энеолит Карелии: Памятники с пористой и асбестовой керамикой. Петрозаводск, 1999.

Журавлев А.П. Сырьевая база сланцевых орудий Средней Карелии // КСИА. 1988. Вып. 193.

Журавлев А.П., Горлов В.И. Петрографическое изучение сланцевых орудий из археологических памятников Пегремы // СА. 1979. № 1.

Кайряк А.И. Бесовецкая серия в онежской структуре. Л., 1973.

Косменко М.Г. Многослойные поселения южной Карелии. Петрозаводск, 1992.

Coope G.R. The influence of geology on the manufacture of Neolithic and Bronze Age stone implements in the British Isles // CBA. Research Report. 1979. № 23.

Gjerland B. Raw materials used in the production of stone adzes and axes in western Norway // Universitetets Oldsaksmling. Arbok 1989/90. Oslo, 1990.

Hood B.C. Prehistoric foragers of the North Atlantic: Perspectives on lithic procurement and social complexity in the north Norwegian Stone Age and the Labrador maritime archaic. Massachusetts, 1991.

The resources of raw materials for production of macrotools in the Neolithic – the Early Iron Age in the territory of Karelia

A. Yu. Tarasov

Summary

The paper deals with the raw materials used for manufacturing large stone wood-working implements (macrotools) during the Neolithic – the Early Iron Age in the territory of Russian Karelia. The quality of these materials (slates and siltstones) can be mostly characterised by their hardness, grain, and cleavage property. The general features of the raw material resources of some Karelian culture were evaluated using the method of correspondence analysis. The analysis suggests that since the Early Neolithic (the sperrings culture) till the Chalcolithic (the sites containing asbestos-tempered pottery) a shift from utilising low-quality material to that based on high-quality one took place. Changes in raw material resources are of importance, as far as the information on social development of the early inhabitants of the discussed territory is concerned.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 84–99

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ДРЕВНЕЯМНОЙ ОБЩНОСТИ И ИСТОКИ КУРГАННЫХ КУЛЬТУР

© 2004 г. Е. Н. Черных, Л. Б. Орловская

Институт археологии РАН, Москва

Выделенная почти столетие назад В.А. Городцовым (1905; 1905а) древнеямная культура постепенно стала приобретать в литературе статус культурно-исторической общности[1] (Археология УССР, 1985. С. 336; Chernykh, 1992. P. 83–91; Моргунова, Кравцов, 1994. С. 3–8 и др. работы). Последнее по сути заставляло признавать или, по крайней мере, предполагать гораздо большую структурную сложность социального организма этих степных подвижных скотоводов. Правда, надежной и подробной демонстрации постулируемой его сложности авторы не проводили, и потому данная гипотеза, как правило, оставалась не вполне очевидной. Границы и признаки отдельных составлявших общность групп выглядели крайне расплывчатыми и мало определенными (см., например, Энеолит СССР, 1982. С. 326).

Скорее всего формулируемые предположения об усложненном характере структуры во многом – и едва ли не по преимуществу – были обусловлены впечатлениями от тех неохватных пространств восточноевропейской степи, где гнездились бессчетные курганные некрополи и отдельные захоронения данного этнокультурного организма. Ведь включаемые в древнеямную общность подкурганные погребения многими тысячами разбросаны по холмистым или плоским равнинам от Южного Урала (Мерперт, 1974; Моргунова, Кравцов, 1994; Васильев и др., 2000. С. 6–64) через приазовские и причерноморские степи (Археология УССР, 1985. С. 336–352) вплоть до низовьев Дуная, юго-восточной Румынии и северо-восточной Болгарии (Тодорова, 1979. С. 17, 70, 71. Карта 9; 1986. С. 230, 231. Табл. 35) и даже до Среднего Подунавья (Ecsedy, 1979). Расстояние по прямой линии между крайними восточной и западной точками общего ареала "ямников" достигает 2800–3000 км, а ширина его полосы с юга на север может доходить до 700–800 км. Общая площадь территориального охвата приближается или даже превосходит 1.5 млн. км^2!

Однако огромное число некрополей и гигантская площадь обитания сочетаются в древнеямной общности с невыразительной и в чем-то даже убогой вариабельностью самих погребальных памятников, бросающейся в глаза сравнительной бедностью и однообразием могильного инвентаря, а также крайней редкостью поселений. В целом на эту картину слабо влияют и редко встречающиеся относительно богатые инвентарем подкурганные захоронения вождей в некрополях типа Утевки I (Васильев и др., 2000. С. 27–29) или же Тамар-Уткуля VIII (Моргунова, Кравцов, 1994. С. 25, 26) в Волго-Уралье[2]. Обработка этого материала, как правило, не способствует надежным заключениям о реальных датах культурно-территориальных групп.

По всей вероятности, отмеченная выше специфика привела к тому, что высказываемые в литературе соображения по поводу релятивной и абсолютной хронологии чаще всего имеют своей базой весьма зыбкую основу стратиграфических наблюдений по взаимному расположению отдельных погребений в том или ином кургане. Крайне малоинформативным оказывается конструирование линий гипотетических связей и относительно-хронологических позиций различных территориальных групп древнеямных памятников.

Кажется даже, что еще и поныне не завершена дискуссия об эпохальной принадлежности древнеямной культуры (общности). Относить ли ее традиционно к медному веку (Энеолит СССР, 1982. С. 327–323; Археология УССР, 1985. С. 336 и сл.)? Или же, на основе системы ее глобальных связей (Gimbutas, 1973; Черных, 1978; Chernykh, 1992, P. 83–91; Васильев и др., 2000. С. 6–36), а также на базе многочисленных радиокарбоновых определений (Черных и др., 2000), – уже к веку ранней бронзы, на чем настаивают и авторы данной статьи.

В настоящей статье мы постараемся привлечь внимание исследователей к двум важным проблемам. Первая из них нацелена на выявление всей хронологической системы древнеямной общности на базе многочисленных радиоуглеродных датировок. Вторая проблема коснется истоков и времени зарождения курганного обряда в культурах бронзового века Восточной Европы. Однако если по важнейшим аспектам первой проблемы мы обра-

[1] Иногда такие обширные объединения именуют культурно-исторической областью (см., например, Энеолит СССР, 1982. С. 326; Васильев и др., 2000. С. 9), хотя, на наш взгляд, "область" всего более отражает категории географические, но не социальные.

[2] Напомним, что резкую обедненность ямных погребений инвентарем отмечали уже очень давно и самые разнообразные исследователи. В свое время, исходя из постулатов исторического материализма, А.П. Круглов и Г.В. Подгаецкий, например, пытались даже видеть в этом признаке отражение особо низкого социального статуса погребенных под степными курганами людей, вплоть до положения рабов (Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 135, 166, 167).

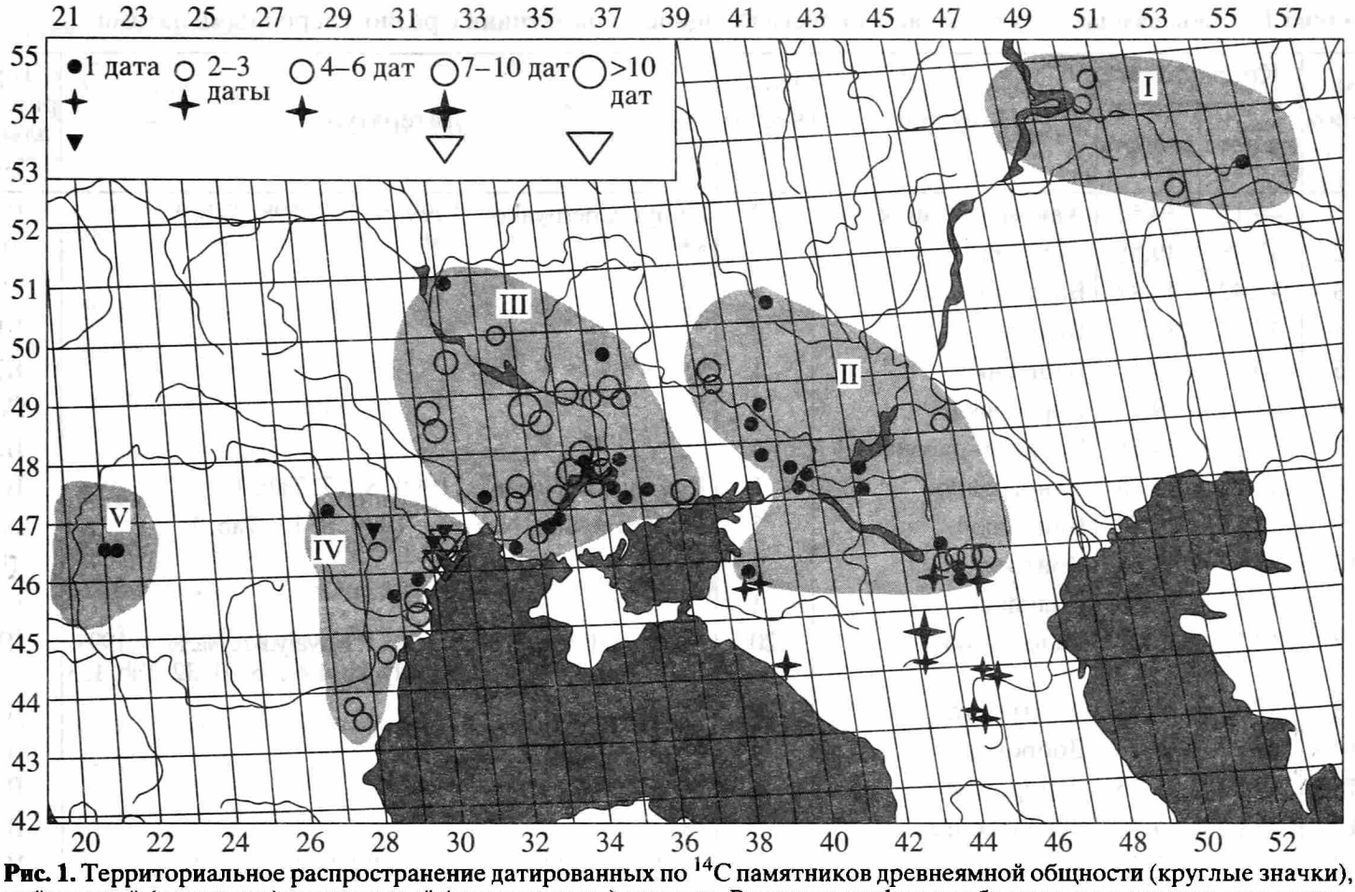

Рис. 1. Территориальное распространение датированных по ^{14}C памятников древнеямной общности (круглые значки), майкопской (звездочки) и усатовской (треугольники) культур. Римскими цифрами обозначены основные территориальные ареалы древнеямной общности.

тимся здесь ко всему доступному нам материалу, то вторая проблема будет затронута весьма лапидарно. В данном случае мы сделаем акцент на постановке вопросов, предложив несколько предварительно звучащих ответов на них. Ведь наличную базу сосредоточенных в наших руках источников пока нельзя считать достаточно исчерпывающей.

К настоящему времени удалось накопить значительный материал по радиоуглеродным датировкам древнеямных памятников большинства территориальных групп данной общности. В сводной работе 2000 г. о металлургических провинциях и радиоуглеродной хронологии было опубликовано 101 определение возраста из комплексов различных территориальных групп древнеямной общности (Черных и др., 2000. С. 18–30, 66–70. Табл. 6-А и 6-В)[3]. С момента выхода книги из печати наша база данных по древнеямной общности пополнилась еще 88 анализами, достигнув в общей сумме 189 определений, связанных с 66 археологическими памятниками (табл. 1, 2). Нам представляется, что – даже при условии гигантского пространственного охвата культуры древнеямных скотоводов – подобный банк данных достиг того предела, который позволяет приступить к выявлению основных контуров хронологической системы данной общности.

Из всей совокупности в 189 определений лишь два образца угля происходят из слоя поселения Михайловка. Все прочие 187 дат соотносятся с различными материалами из могильных комплексов, и потому данная статистика отражает реальную картину представительности основных категорий памятников древнеямной общности.

При настоящем уровне изученности в последней возможно наметить пять территориальных групп памятников; однако обеспеченность радиоуглеродными определениями каждой из них весьма неравноценна (рис. 1). При движении с востока на запад их последовательность такова: **I** – Волго-Уральская (бассейны Средней и Нижней Волги, а также Урала) – 8 дат[4]; **II** – Калмыкия и бассейн

[3] В упомянутой книге авторы не ставили задачу установления хронологии отдельных культур и общностей, ограничивая свое исследование более крупными социокультурными и территориально-производственными объединениями типа металлургических провинций и блоков родственных археологических культур (см. Черных и др., 2000. С. 4).

[4] В реальности датировок Волго-Уральской территориальной группы несколько больше. К сожалению, публикация некоторых дат из курганов Шумаевской группы (Моргунова и др., 2003) появилась после сдачи в печать настоящей статьи. К восьми указанным выше датировкам мы можем присовокупить еще четыре (Ле-6087, Ле-6089, Ле-6091 и ИГАН-2393). Общей картины ни для всей древнеямной общности, ни для Волго-Уральской группы они, однако, не изменили. Вместе с тем мы не принимали во внимание приводимые авторами статьи результаты анализа гумуса из погребений, а также гумуса под курганными насыпями.

Таблица 1. Древнеямная культурно-историческая общность: памятники с радиоуглеродными датами

№ памятника	Координаты		Памятник	Количество дат	Литература	Территориальная группа
	широта	долгота				
1	46.15	30.52	Аккембетский кург.	7	Szmyt, Chernyakov, 1999. S. 197, 198. Tab. 1	IV
2	47.88	39.58	Астахово	1	**	II
3	47.42	40.82	Балабинский I	1	***	II
4	47.37	34.92	Балки	3	**	III
5	50.97	31.1	Баштечки	1	**	III
6	45.77	29.57	Борисовка	1	**	IV
7	47.75	34.75	Верхнетарасовка	4	**	III
8	47.28	35.58	Виноградное	1	Kovalyukh, Nazarov, 1999. S. 17. Tab. 1	III
9	45.78	29.78	Вишневое	5	**; Kovalyukh, Nazarov, 1999. S. 17. Tab. 1	IV
10	48.67	39.68	Войтово	1	**	II
11	46.57	35.08	Волчанск	1	**	III
12	48.55	33.1	Головковка	20	Nikolova, 1999a. S. 86, 87. Tab. 1; Kovalyukh, Nazarov, 1999. S. 18. Tab. 2; Skripkin, Kovalyukh, 1999. S. 31, 32. Tab. 1, 3	III
13	47.73	34.42	Дмитровка	3	**	III
14	48.77	30.4	Доброводы	4	**	III
15	47.82	35.25	Запорожье	1	**	III
16	45.6	44.22	Зунда-Толга	2	**	II
17	47.32	37.48	Кременевка	5	**; Kovalyukh, Nazarov, 1999. S. 17. Tab. 1; Николова, 2001. С. 106	III
18	53.17	51.2	Кутулук I	2	**	I
19	46.8	33.53	Любимовка	1	**	III
20	45.67	44.7	Манджикины-1	4	**; Шишлина, 2002. С. 166; Шишлина и др., 2003. С. 81. Табл. 3	II
21	45.68	44.7	Манджикины-2	5	Шишлина и др., 2001. С. 120. Табл. 3	II
22	48.92	35.0	Миновка	2	**	III
23	49.68	30.95	Мироновка	5	Klochko, 1999. S. 168, 175, 177, 179	III
24	47.28	33.92	Михайловка*	2	**	III
25	48.8	34.42	Могилев	7	**	III
26	45.67	44.5	Му-Шарет-4	2	Шишлина и др., 2001. С. 120. Табл. 3; Шишлина, 2002. С. 166	II
27	49.57	35.4	Нагорное	1	**	III
28	53.92	50.95	Нижне-Орлянка I	2	**	I
29	48.57	39.5	Николаевка	1	**	II
30	47.3	31.75	Новая Одесса	1	**	III
31	45.82	29.67	Новоселица	6	**; Kovalyukh, Nazarov, 1999. S. 17. Tab. 1	IV
32	45.47	38.77	Олений	1	**	II
33	45.73	44.1	Островной	1	Шишлина и др., 2001. С. 120. Табл. 3; 2002. С. 260.	II
34	47.62	32.52	Отрадный	7	**; Kovalyukh, Nazarov, 1999. S. 17. Tab. 1	III
35	50.45	40.1	Павловск	1	**	II
36	49.0	35.32	Перещепино	4	**	III
37	52.27	54.87	Першин	1	**	I
38	47.28	27.72	Петрешты	1	Яровой, 2000. С. 24	IV
39	43.55	27.88	Плачидол	3	**	IV
40	46.5	33.13	Подокалиновка	2	**	III
41	43.67	27.53	Поручик Гешаново	3	**	IV
42	49.0	38.28	Привольное	3	**	II

Таблица 1. Окончание

№ памятника	Координаты		Памятник	Количество дат	Литература	Территориальная группа
	широта	долгота				
43	48.72	33.06	Протопоповка	6	Nikolova, 1999a, S. 87. Tab. 1; Kovalyukh, Nazarov, 1999. S. 18. Tab. 2; Skripkin, Kovalyukh, 1999. S. 32. Tab. 3	III
44	46.48	28.68	Саратены	3	Яровой, 2000. С. 18, 24	IV
45	49.38	38.12	Сватово	4	**	II
46	46.27	30.12	Семеновка	2	**	IV
47	49.98	35.58	Среднее Поднепровье	3	Сыволап, 2001. С. 116	III
48	47.12	35.47	Старобогдановка	1	**	III
49	47.8	34.68	Стрюковка	1	**	III
50	48.8	30.5	Тальянки	4	Klochko, Kruts, 1999. S. 73, 77, 78	III
51	47.28	40.47	Усьман	1	**	II
52	45.48	28.93	Утконосовка	1	**	IV
53	46.1	44.1	Хар-Зуха I	1	Шишлина, 2002. С. 166	II
54	47.38	32.25	Христофоровка	2	**	III
55	48.18	44.67	Цаца	3	**	II
56	46.85	33.4	Червоный Яр	1	**	III
57	48.93	35.85	Чернявщина	2	**	III
58	47.67	34.32	Чкалово	10	Nikolova, 1999b. S. 119, 120. Tab. 1; Skripkin, Kovalyukh, 1999. S. 31. Tab. 1	III
59	47.68	34.05	Шахта 22	4	Nikolova, 1999b. S. 120. Tab. 1; Skripkin, Kovalyukh, 1999. S. 32. Tab. 3	III
60	47.42	40.12	Шибельный	1	**	II
61	46.57	32.17	Широкая Балка	1	**	III
62	51.75	52.88	Шумаевский Одиночный II к-н	3	Моргунова и др., 2003. Табл. 1, 2	I
63	45.68	44.75	Шупта-1	1	Шишлина и др., 2001. С. 120. Табл. 3	II
64	44.7	28.67	Baia-Hamangia	3	**	IV
65	46.55	21.05	Baranhat	1	**	V
66	46.55	21.18	Kétegyháza	1	**	V
				Всего: 189		

* Поселение, все прочие – могильники.
** Даты опубликованы (см: Черных и др., 2000. Табл. 6-А, 6-В).
*** Авторы выражают признательность А.Н. Гею и О.А. Чичаговой за предоставленные, но еще не опубликованные результаты датировки.

Дона и Донца – 34 даты; **III** – Днепро-Бугская (преимущественно бассейн Днепра вплоть до Буга) – 110 дат[5]; **IV** – Дунайско-Днестровская (бассейны низовьев Дуная и Днестра, Буджакская степь) – 35 дат; наконец, **V** – Паннонская (восточная, степная Венгрия) – всего 2 даты. Следовательно, лишь три территориальные группы – вторая, третья и четвертая – отвечают тем количественным нормам, при которых статистический анализ способен обеспечить достаточно корректный и надежный результат.

[5] В этой группе мы столкнулись с некоторыми странностями при публикации изученных материалов (Сыволап, 2001. С. 116). Автор приводит шифры лаборатории, конвенционные даты, но остаются неизвестными комплексы, откуда был получен материал для анализа.

Таблица 2. Конвенционные и калиброванные даты комплексов древнеямной общности

№ памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.2%	95.4%
1	п. 13	Ки-6816	Дерево	3865 ± 50	2460–2280 (63.2%) 2250–2230 (5.0%)	2470–2190
1	п. 14	Ки-6817	Дерево	3920 ± 45	2470–2330 (66.0%) 2320–2310 (2.2%)	2560–2520 (4.2%) 2500–2280 (89.8%) 2250–2230 (1.4%)
1	п. 17	Ки-6818	Дерево	3840 ± 65	2460–2420 (4.0%) 2410–2190 (64.2%)	2470–2130 (93.8%) 2080–2050 (1.6%)
1	п. 17	Ки-6819	Кость чел.	3865 ± 60	2460–2280 (60.4%) 2250–2230 (5.5%) 2220–2200 (2.2%)	2480–2190 (91.3%) 2180–2140 (4.1%)
1	п. 21	Ки-6820	Дерево	3760 ± 45	2280–2250 (10.8%) 2230–2130 (44.9%) 2080–2040 (12.5%)	2310–2030
1	п. 22	Ки-6821	Дерево	3775 ± 60	2300–2130 (59.5%) 2080–2040 (8.7%)	2410–2020
1	п. 22	Ки-6822	Кость чел.	3810 ± 55	2400–2380 (2.5%) 2340–2190 (54.6%) 2180–2140 (11.2%)	2460–2130 (91.9%) 2080–2040 (3.5%)
3	к. 35, п. 13	ИГАН-2257	Дерево	4130 ± 30	2860–2810 (20.5%) 2750–2720 (12.5%) 2700–2620 (35.3%)	2870–2800 (26.5%) 2790–2580 (68.9%)
8	к. 15, п. 5	Ки-7129	Дерево	4145 ± 55	2870–2800 (19.4%) 2790–2620 (48.8%)	2880–2570
9	к. 17, п. 38	Ки-7126	Дерево	4105 ± 65	2860–2810 (16.4%) 2760–2720 (9.2%) 2710–2570 (41.3%) 2510–2500 (1.4%)	2880–2550 (87.2%) 2540–2490 (8.2%)
12	к. 3, п. 1	Ки-6718	Кость чел.	3920 ± 60	2480–2300	2580–2510 (8.8%) 2500–2270 (80.4%) 2260–2200 (6.2%)
12	к. 3, п. 1	Ки-6718а	Кость чел.	3905 ± 55	2470–2300	2560–2520 (3.2%) 2500–2200 (92.2%)
12	к. 5, п. 3	Ки-6730	Кость чел.	3960 ± 60	2570–2510 (19.5%) 2500–2400 (39.5%) 2380–2350 (9.2%)	2630–2280
12	к. 5, п. 3	Ки-6730а	Кость чел.	3925 ± 50	2480–2300	2570–2510 (7.8%) 2500–2280 (85.8%) 2250–2230 (1.8%)
12	к. 5, п. 5	Ки-6731	Кость чел.	4005 ± 55	2620–2610 (2.3%) 2580–2460 (65.9%)	2900–2800 (3.0%) 2700–2300 (92.4%)
12	к. 5, п. 5	Ки-7135	Кость чел.	4020 ± 70	2840–2810 (3.4%) 2670–2640 (3.2%) 2630–2450 (61.6%)	2900–2300
12	к. 6, п. 8	Ки-6719	Кость чел.	3970 ± 55	2580–2400 (64.6%) 2380–2350 (3.6%)	2630–2290

Таблица 2. Продолжение

№ памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.2%	95.4%
12	к. 6, п. 8	Ки-7133	Кость чел.	3960 ± 60	2570–2510 (19.5%) 2500–2400 (39.5%) 2380–2350 (9.2%)	2630–2280
12	к. 6, п. 9	Ки-6720	Кость чел.	3880 ± 55	2460–2290	2490–2190
12	к. 6, п. 11	Ки-6721	Кость чел.	3850 ± 55	2460–2420 (4.0%) 2410–2270 (45.2%) 2260–2200 (19.0%)	2470–2190 (90.9%) 2180–2140 (4.5%)
12	к. 7, п. 4	Ки-6722	Кость чел.	3980 ± 60	2580–2400 (65.5%) 2370–2350 (2.7%)	2850–2800 (1.0%) 2700–2250 (94.4%)
12	к. 7, п. 4	Ки-7136	Кость чел.	3940 ± 70	2560–2520 (9.4%) 2500–2300 (58.8%)	2620–2200
12	к. 11, п. 5	Ки-6723	Кость чел.	4030 ± 60	2660–2650 (1.1%) 2630–2460 (67.1%)	2900–2350
12	к. 11, п. 5	Ки-7134	Кость чел.	4035 ± 60	2830–2820 (1.3%) 2660–2650 (1.7%) 2630–2460 (65.1%)	2900–2350
12	к. 12, п. 3	Ки-6724	Кость чел.	3950 ± 50	2560–2520 (11.8%) 2500–2390 (43.9%) 2380–2340 (12.5%)	2580–2290
12	к. 14, п. 2	Ки-6727	Кость чел.	3910 ± 55	2470–2300	2570–2520 (4.6%) 2500–2270 (84.1%) 2260–2200 (6.7%)
12	к. 14, п. 5	Ки-6725	Кость чел.	3895 ± 55	2470–2300	2560–2530 (1.1%) 2500–2200 (94.3%)
12	к. 14, п. 6	Ки-6726	Кость чел.	3840 ± 50	2400–2370 (7.9%) 2350–2200 (60.3%)	2470–2190 (90.4%) 2180–2140 (5.0%)
12	к. 14, п. 7	Ки-6728	Кость чел.	3905 ± 55	2470–2300	2560–2520 (3.2%) 2500–2200 (92.2%)
12	к. 14, п. 9	Ки-6729	Кость чел.	3920 ± 50	2470–2330 (64.7%) 2320–2300 (3.5%)	2570–2520 (6.0%) 2500–2280 (86.2%) 2250–2230 (2.2%) 2220–2200 (1.0%)
17	к. 6, п. 6	Ки-7076	Кость чел.	4130 ± 70	2870–2800 (18.5%) 2780–2770 (2.6%) 2760–2580 (47.1%)	2890–2550 (90.8%) 2540–2490 (4.6%)
17	к. 6, п. 6	Ки-7124	Дерево	4325 ± 60	3020–2880	3300–2700
17	к. 6, п. 7	Ки-7077	Дерево	4170 ± 60	2880–2840 (13.2%) 2820–2660 (55.0%)	2890–2570
17	к. 6, п. 7	Ки-7125	Дерево	4365 ± 55	3090–3060 (5.5%) 3030–2900 (62.7%)	3310–3230 (5.7%) 3110–2880 (89.7%)
20	к. 14, п. 10	ИГАН-2402	Кость чел.	4240 ± 70	2920–2850 (25.4%) 2820–2680 (42.8%)	3020–2580
20	к.14, п.12	ИГАН-2492	Кость чел.	3930 ± 70	2560– 2530 (3.3%) 2500–2300 (64.9%)	2580–2200

Таблица 2. Продолжение

№ памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.2%	95.4%
21	к. 11, п. 2	ИГАН-2042	Дерево	3920 ± 70	2550–2540 (1.2%) 2490–2290 (67.0%)	2580–2190
21	к. 11, п. 2	ИГАН-2058	Кость	4070 ± 40	2840–2810 (8.0%) 2670–2560 (46.3%) 2540–2490 (13.9%)	2860–2810 (13.3%) 2750–2720 (3.1%) 2700–2470 (79.0%)
21	к. 11, п. 3	GrA-12690	Дерево	4060 ± 50	2840–2810 (6.0%) 2670–2640 (5.6%) 2630–2490 (55.7%) 2480–2470 (0.9%)	2860–2800 (11.9%) 2760–2720 (4.1%) 2710–2460 (79.4%)
21	к. 11, п. 3	ИГАН-2056	Кость	4050 ± 50	2830–2820 (2.6%) 2660–2650 (3.0%) 2630–2470 (62.6%)	2860–2810 (9.6%) 2750–2720 (2.5%) 2700–2460 (83.3%)
21	к. 11, п. 4	ИГАН-2057	Кость	3760 ± 40	2280–2250 (10.5%) 2230–2220 (3.6%) 2210–2130 (45.0%) 2080–2050 (9.1%)	2300–2030
23	к. 1, п. 8	Ки-6741	Дерево	4235 ± 60	2920–2850 (26.6%) 2820–2740 (31.1%) 2730–2690 (10.5%)	3010–2980 (1.3%) 2930–2620 (94.1%)
23	к. 2, п. 3	Ки-5826	Кость чел.	3875 ± 60	2460–2280 (66.1%) 2250–2230 (2.1%)	2490–2190 (92.9%) 2170–2140 (2.5%)
23	к. 2, п. 4	Ки-5825	Кость чел.	3810 ± 55	2400–2380 (2.5%) 2340–2190 (54.6%) 2180–2140 (11.2%)	2460–2130 (91.9%) 2080–2040 (3.5%)
23	к. 3, п. 1	Ки-5828	Кость чел.	4010 ± 60	2630–2460	2900–2800 (4.5%) 2750–2300 (90.9%)
23	к. 7, п. 2	Ки-5823	Кость чел.	3895 ± 60	2470–2290	2560–2520 (2.9%) 2500–2190 (92.5%)
26	к. 1, п. 4	ИГАН-1851	Дерево	4770 ± 120	3660–3490 (45.9%) 3470–3370 (22.3%)	3950–3300 (91.8%) 3250–3100 (3.6%)
26	к. 12, п. 1	ИГАН-2274		4440 ± 70	3330–3220 (25.9%) 3180–3150 (3.6%) 3120–3010 (27.9%) 2990–2920 (10.8%)	3350– 2910
31	к. 19, п. 19	Ки-7127	Дерево	4055 ± 60	2840–2810 (5.5%) 2670–2470 (62.7%)	2870–2800 (12.4%) 2790–2460 (83.0%)
31	к. 20, п. 8	Ки-7128	Дерево	4005 ± 50	2580–2460	2840–2810 (1.6%) 2670–2390 (91.0%) 2380–2340 (2.7%)
33	к. 3, п. 33	ИГАН-2106	Раст. п-стил.	3620 ± 260	2400–1600	2900–1300
34	к. 1, п. 21	Ки-7070	Дерево	3890 ± 65	2470–2280	2570–2520 (3.3%) 2500–2190 (90.6%) 2170–2140 (1.5%)
38	к. 1, п. 8	Лу-2474		4530 ± 50	3360–3300 (18.2%) 3240–3100 (50.0%)	3370–3080 (92.8%) 3070–3030 (2.6%)

Таблица 2. Продолжение

№ памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.2%	95.4%
43	к. 1, п. 2	Ки-6733	Кость чел.	3945 ± 50	2560–2530 (7.1%) 2500–2340 (61.1%)	2580–2280
43	к. 1, п. 3	Ки-6734	Кость чел.	3925 ± 55	2490–2300	2580–2270 (91.5%) 2260– 2200 (3.9%)
43	к. 1, п. 3	Ки-7131	Кость чел.	3910 ± 60	2490– 2300	2580–2270 (91.5%) 2260–2200 (3.9%)
43	к. 1, п. 4	Ки-6733а	Кость чел.	3945 ± 50	2560–2530 (7.1%) 2500–2340 (61.1%)	2580–2280
43	к. 1, п. 4	Ки-6732	Кость чел.	3890 ± 55	2470–2300	2500–2190
43	к. 1, п. 4	Ки-7130	Кость чел.	3920 ± 50	2470–2330 (64.7%) 2320–2300 (3.5%)	2570–2520 (6.0%) 2500–2280 (86.2%) 2250–2230 (2.2%) 2220–2200 (1.0%)
44	к. 1, п. 5	Лу-2459	Дерево	4360 ± 30	3020–2910	3090–3060 (5.0%) 3030–2900 (90.4%)
44	к. 1, п. 4	Лу-2476	Дерево	4480 ± 50	3340–3210 (41.2%) 3190–3150 (11.4%) 3140–3090 (13.1%) 3060–3040 (2.6%)	3360–3010 (94.4%) 2950–2930 (1.0%)
44	к. 2, п. 3	Лу-2477		4530 ± 40	3360–3310 (17.9%) 3240–3170 (27.6%) 3160–3100 (22.7%)	3370–3090
47		Ки-3139	Дерево	4450 ± 50	3330–3210 (32.0%) 3180–3150 (4.8%) 3120–3010 (31.3%)	3340–2920
47		Ки-4044	Дерево	4060 ± 60	2840–2810 (6.6%) 2670–2470 (61.6%)	2870–2800 (13.3%) 2790–2460 (82.1%)
47		Bln-4602	Дерево	4185 ± 46	2880–2850 (11.3%) 2820–2670 (56.9%)	2890–2620
50	к. 4, п. 1	Ки-6714	Кость чел.	3990 ± 50	2580–2460	2700–2300
50	к. 4, п. 2	Ки-6715	Кость чел.	3945 ± 50	2560–2530 (7.1%) 2500–2340 (61.1%)	2580–2280
50	к. 4, п. 3	Ки-6716	Кость чел.	3905 ± 60	2470–2300	2570–2520 (4.4%) 2500–2200 (91.0%)
50	к. 4, п. 4	Ки-6717	Кость чел.	3865 ± 50	2460–2280 (63.2%) 2250–2230 (5.0%)	2470–2190
53	к. 3, п. 2	OxA-4732		4480 ± 75	3340–3080 (61.1%) 3070–3030 (7.1%)	3370–2920
58	к. 11, п. 8	Ки-6827	Кость	3910 ± 45	2470–2330 (64.9%) 2320–2310 (3.3%)	2560–2530 (1.5%) 2500–2280 (90.3%) 2260–2230 (2.5%) 2220–2200 (1.2%)
58	к. 11, п. 8	Ки-6827а	Кость	3890 ± 50	2460–2300	2490–2200
58	к. 11, п. 9	Ки-6571	Кость	3985 ± 45	2580–2460	2630–2340

Таблица 2. Окончание

№ памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.2%	95.4%
58	к. 11, п. 9	Ки-6571а	Кость	4035 ± 50	2620–2470	2860–2810 (6.6%) 2750–2720 (1.3%) 2700–2450 (87.5%)
58	к. 11, п. 9	Ки-6828	Кость	3960 ± 50	2570–2520 (20.5%) 2500–2400 (40.4%) 2380–2350 (7.2%)	2580–2300
58	к. 11, п. 9	Ки-6828а	Кость	4010 ± 50	2580–2460	2840–2810 (2.2%) 2670–2390 (91.1%) 2380–2340 (2.1%)
58	к. 11, п. 11	Ки-6572	Кость	4060 ± 55	2840–2810 (6.2%) 2670–2470 (62.0%)	2870–2800 (12.6%) 2760–2460 (82.8%)
58	к. 11, п. 11	Ки-6572а	Кость	4005 ± 55	2620–2610 (2.3%) 2580–2460 (65.9%)	2900–2800 (3.0%) 2700–2300 (92.4%)
58	к. 11, п. 11	Ки-6829	Кость	3900 ± 55	2470–2300	2560–2530 (1.8%) 2500–2200 (93.6%)
58	к. 11, п. 11	Ки-6829а	Кость	3990 ± 50	2580–2460	2700–2300
59	к. 2, п. 6	Ки-6833	Кость	3900 ± 55	2470–2300	2560–2530 (1.8%) 2500–2200 (93.6%)
59	к. 2, п. 6	Ки-7132	Кость	3930 ± 70	2560–2530 (3.3%) 2500–2300 (64.9%)	2580–2200
59	к. 2, п. 9	Ки-6834	Кость	3970 ± 50	2580–2400 (65.5%) 2370–2350 (2.7%)	2620–2600 (1.1%) 2590–2300 (94.3%)
59	к. 2, п. 9	Ки-6834а	Кость	3930 ± 50	2490–2330 (65.3%) 2320–2300 (2.9%)	2580–2510 (9.8%) 2500–2280 (84.3%) 2250–2230 (1.4%)
62	п. 2	ИГАН-2448	Кость чел.	3980 ± 50	2580–2450 (64.9%) 2420–2400 (3.3%)	2630–2300
62	п. 2	Le-6090	Кость чел.	4060 ± 120	2870–2800 (10.7%) 2760–2460 (57.5%)	2900–2200
62	п. 2	Le-6088	Дерево	4100 ± 40	2860–2810 (18.6%) 2700–2570 (49.6%)	2870–2800 (21.9%) 2790–2560 (68.5%) 2530–2490 (5.0%)
63	к. 1, п. 2	ИГАН-1890	Кость	3860 ± 90	2470–2200	2600–2000

Примечание: "к." – курган, "п." – погребение.

Все 189 конвенционных определений подверглись калибровке с использованием компьютерной программы OxCal, version 3.5 (Ramsey, 2000). В настоящей статье мы не приводим тех – уже опубликованных – конвенционных определений 101 даты, которые были откалиброваны нами ранее по той же программе OxCal, но ее более ранней версии 2.18 (Черных и др., 2000. С. 8). Конкретные различия датировок в каждом определении весьма невелики и по сути не искажают общую картину распределения значений возраста для всей ямной общности. Именно поэтому мы ограничились здесь публикацией сведений о тех 66 памятниках, откуда поступал материал для радиоуглеродного анализа (табл. 1). В табл. 2 приведены значения 88 новых как конвенционных, так и калиброванных значений, полученных и зафиксированных авторами в последнее время.

Наиболее эффективным методом выявления основных хронологических параметров не только для древнеямной общности в целом, но также для каждой из трех упомянутых выше групп служит в примененной компьютерной программе расчет суммы вероятностей (sum probabilities) с определением диапазонов датировок в пределах одной или двух сигм (68.2% и 95.4% соответственно). Генеральная картина проведенных расчетов и фигур распределения демонстрируется на рис. 2.

Сумма вероятностей для всей древнеямной общности указывает на широкий диапазон 3600–1900 гг. до н.э. при 95.4% уровне, а также на более узкий – при 68.2% уровне – отрезок времени в 2950–2200 гг. до н.э. При этом авторы работы полагают, что последний гораздо более существен и важен для целей предлагаемого здесь исследования.

Совершенно очевидно, что установленный диапазон совокупности всех древнеямных дат полностью входит в те хронологические рамки культур и производственных центров времени раннего и среднего бронзовых веков (РБВ и СБВ), что составляли гигантскую систему Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП). Напомним, что сам диапазон ограничивался широкими пределами между XXXIII и XX / XIX вв. до н.э. (Черных и др., 2000. С. 29, 30). Однако при этом весьма существенно, что обе хронологические грани древнеямных датировок – нижняя и верхняя – не касаются или даже не приближаются к соответствующим временным граням Циркумпонтийской провинции, располагаясь ближе к середине генерального ареала временного диапазона. Иначе говоря, совокупные характеристики радиоуглеродной хронологии древнеямной общности заставляют предполагать ее отношение ко второй половине РБВ и первой половине СБВ указанной провинции.

Углубляясь в этом направлении, мы сталкиваемся с рядом чрезвычайно любопытных парадоксов при сопоставлении общего хронологического "древнеямного" диапазона с картиной датировок территориальных групп. Так, фактически до деталей совпадают в этой целостной картине фигура распределения и соответствующие хронологические диапазоны центральной и наиболее представительной в количественном отношении Днепро-Бугской группы. Однако на этом фоне почти полного соответствия совершенно неожиданно в обеих периферийных по отношению к центральной, но существенно менее представительных группах – Калмыко-Донской и Дунайско-Днестровской – весьма четко вычленяются более ранние комплексы. Это очевидно как при сравнении их с общей картиной, так и с данными Днепровской группы. Особую выразительность, пожалуй, представляет собой двухвершинная фигура распределения в Калмыко-Донской группе. Последнее отразилось даже на расчленении диапазона в одну сигму (рис. 2), где

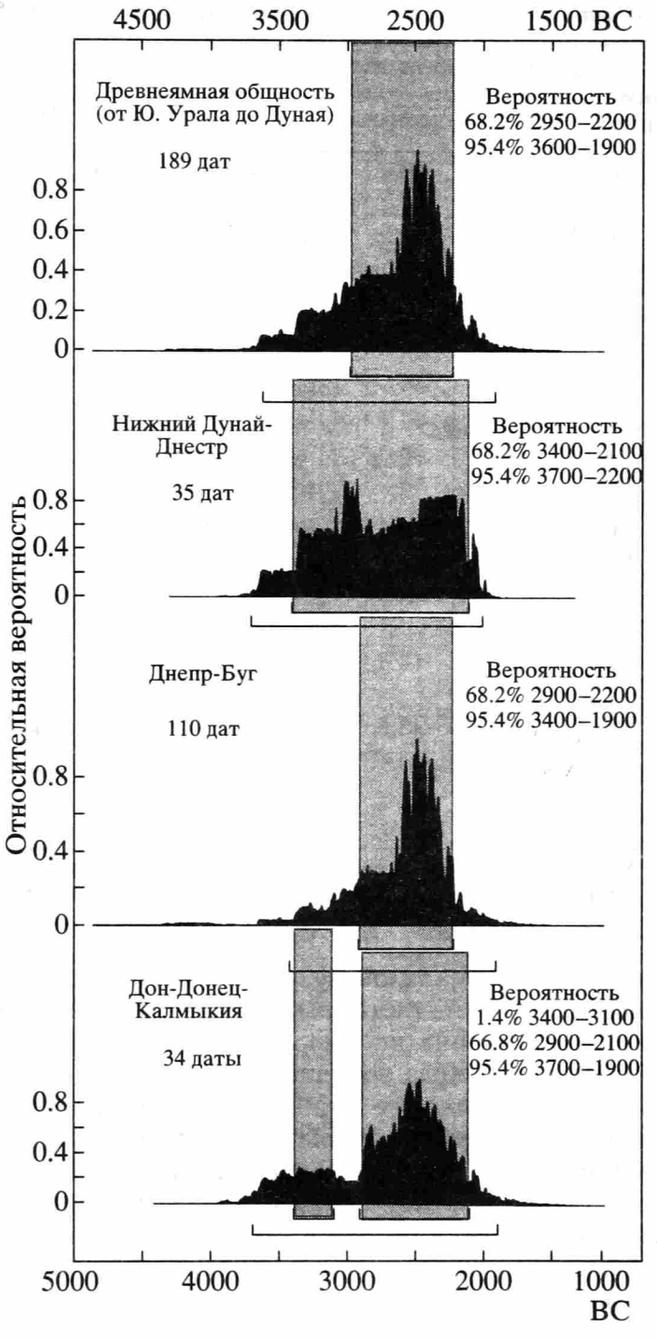

Рис. 2. Суммы вероятностей радиоуглеродных калиброванных датировок для всей древнеямной общности, а также трех территориальных групп этой общности.

наметился "пик" наиболее ранних дат с интервалом в 3400–3100 гг. до н.э. Все это не означает, что комплексы с ранними датировками отсутствуют в Днепровской группе, но их доля там несравненно менее заметна, нежели в периферийных ареалах.

Таким образом, даты по ^{14}C склоняют нас к выводу, что наиболее ранние подкурганные погребения сосредоточены отнюдь не в центре общности, но в ее периферийных районах; по крайней мере их доля там существенно более значима. Предложенное заключение можно подкрепить датировками еще одной периферийной – самой восточной в общности Волго-Уральской группы. Конечно,

Таблица 3. Усатовская (1–5) и майкопская (6–16) культуры: памятники с радиоуглеродными датировками

№ памятника	Координаты		Памятник	Категория памятника	Количество дат	Литература
	Широта	Долгота				
1	46.05	30.42	Аккембетский к-н	м-к	11	Szmyt, Chernyakov, 1999. S.197. Tab.1
2	46.83	28.42	Данку-2	м-к	1	**
3	46.32	30.3	Маяки	пос., м-к	8	**
4	46.27	30.12	Семеновка	м-к	1	Николова, 2001. С.106
5	46.52	30.65	Усатово	м-к	1	**
6	43.27	44.45	Брут	м-к	1	Ростунов, 2000. С.121
7	43.67	44.95	Галюгаево I	пос.	2	**
8	43.7	44.93	Галюгаево III	пос.	1	**
9	44.23	39.25	Гуамский грот	пос.	3	Трифонов, 2000. С. 261. Табл.
10	45.62	38.77	Днепровская I	м-к	1	Трифонов, 2000. С. 261. Табл.
11	43.33	44.43	Заманкул	м-к	2	Кореневский, 2001. С. 25
12	44.08	43.12	Иноземцево	м-к	1	Шишлина и др., 2003. С. 81. Табл. 2
13	44.5	40.33	Клады	м-к	9	**; Трифонов, 2000. С. 261. Табл.; Шишлина и др., 2003. С. 81. Табл. 2
14	45.67	44.7	Манджикины-1	м-к	2	Шишлина, 2002. С.166; Шишлина и др., 2003. С. 80. Табл. 1
15	45.5	38.8	Олений	м-к	1	**
16	45.72	43.98	Шарахалсун 6*	м-к	3	Яковлев, Самойленко, 2003. С. 83. Табл. 1; Шишлина и др., 2003. С. 80. Табл. 1
					Всего: 48	

* Условное отношение курганного могильника к майкопской культуре.
** Даты опубликованы: (см.: Черных и др., 2000. Табл. 6-А, 6-В, 8-А, 8-В).

малое число анализов не позволяет провести их полноценный статистический анализ, однако полученная картина вполне созвучна прежним наблюдениям. Сумма вероятностей немногочисленных волго-уральских "ямных" дат вполне определенно указывает на диапазон их датировок: при уровне в 68.2% возрастные рамки укладываются в границы 3350–2450 гг. до н.э., т.е близки ранней части совокупностей дат Калмыко-Донской и Дунайско-Днестровской групп. Кажется, что именно подобного рода датировки маркируют прежде всего те комплексы, которые полностью соответствуют времени РБВ[6]. Полученные на базе анализа всей совокупности ^{14}C-датировок древнеямной общности заключения входят в заметное противоречие с господствовавшими в литературе представлениями о характере и направлении экспансии ямных скотоводов – из центра к южным периферийным регионам (Мерперт, 1974. Рис. 1).

Итак, выясняется, что наиболее древние комплексы представляют весьма значительную долю прежде всего среди периферийных территориальных групп. Из этого факта, по всей вероятности, следует необходимость особого внимания к хронологии курганных культур, соседствующих с последними. И, конечно же, ранее всего из таковых должно указать, во-первых, на знаменитую майкопскую культуру – южного соседа Калмыко-Донской группы, а также, во-вторых, на культуру усатовскую, чьи курганы распространены в том же районе, где локализованы ямные некрополи четвертой, или Дунайско-Днестровской группы (рис. 1). Такое направление поиска приблизит нас к кругу вопросов сформулированной выше второй рассматриваемой здесь проблемы, т.е. истоков и времени зарождения курганного обряда в культурах бронзового века Восточной Европы.

К глубокому сожалению, базы данных ^{14}C-определений для обеих упомянутых культур невелики (табл. 3, 4). Майкопская культура представлена 26 определениями[7], 11 из которых были обработаны ранее (Черных и др., 2000. С. 66, 67,

[6] Мы не ставили здесь перед собой цель перечислить все наиболее ранние – согласно ^{14}C – комплексы во всех территориальных группах: это, безусловно, повело бы к избыточной сложности статьи. Однако ранние датировки легко обнаружить даже при беглом просмотре публикуемых здесь табл. 1 и 2, а также соответствующих данных в нашей книге "Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология" (Черных и др., 2000. С. 66–70. Табл. 6-А и 6-В)

[7] Некоторые публикации новых датировок майкопской культуры также не обошлись без досадных казусов. К примеру, В.Л. Ростунов (2000. С. 120, 121) предлагает читателю лишь некие "суммарные" данные о могильниках Заманкул и Брут, из неопределенных комплексов которых был отобран неясно какой (кость? уголь?..) материал для радиоуглеродного анализа. К тому же за рамками его работы остались сведения о лаборатории (или лабораториях?), где проводились исследования, а также соответствующие аналитические шифры.

Таблица 4. Конвенционные и калиброванные даты из комплексов усатовской (1–4) и майкопской (6–16) культур

№ памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.2%	95.4%
1	Жертвенник	Ки-6800	Кость животного	4170 ± 60	2880–2840 (13.2%) 2820–2660 (55.0%)	2890–2570
1	Жертвенник	Ки-6801	Кость животного	4095 ± 65	2860–2810 (15.1%) 2750–2720 (7.3%) 2700–2570 (41.5%) 2520–2490 (4.3%)	2880–2470
1	п. 6	Ки-6802	Кость чел.	4020 ± 65	2830–2820 (1.4%) 2660–2650 (1.8%) 2630–2460 (65.0%)	2900–2300
1	п. 6	Ки-6803	Кость чел.	4090 ± 60	2860–2810 (14.8%) 2750–2720 (4.4%) 2700–2560 (43.6%) 2520–2490 (5.3%)	2880–2800 (18.8%) 2790–2470 (76.6%)
1	п. 9	Ки-6804	Кость чел.	3990 ± 60	2620–2600 (2.2%) 2590–2450 (60.6%) 2430–2400 (4.0%) 2370–2350 (1.5%)	2850–2800 (1.7%) 2700–2250 (93.7%)
1	п. 10	Ки-6805	Кость чел.	3930 ± 55	2550–2540 (1.0%) 2490–2330 (63.9%) 2320–2300 (3.3%)	2580–2280 (92.4%) 2250–2230 (2.0%) 2220–2200 (1.0%)
1	п. 7	Ки-6806	Дерево	3975 ± 55	2580–2400 (65.6%) 2370–2350 (2.6%)	2630–2290
1	п. 7	Ки-6807	Кость чел.	3950 ± 60	2570–2520 (14.3%) 2500–2340 (53.9%)	2620–2280 (94.0%) 2250–2230 (1.4%)
1	п. 7	Ки-6808	Кость чел.	3935 ± 45	2550–2540 (2.1%) 2490–2340 (66.1%)	2570–2510 (10.2%) 2500–2290 (85.2%)
1	п. 23	Ки-6809	Кость чел.	3920 ± 60	2480–2300	2580–2510 (8.8%) 2500–2270 (80.4%) 2260–2200 (6.2%)
1	п. 24	Ки-6810	Кость чел.	3945 ± 50	2560–2530 (7.1%) 2500–2340 (61.1%)	2580–2280
4	к. 14, п. 6	Ки-7089		4135 ± 60	2870–2800 (19.4%) 2780–2770 (2.8%) 2760–2620 (43.4%) 2610–2590 (2.6%)	2890–2570 (93.4%) 2520–2490 (2.0%)
6	к. 3	ГИН?		5020 ± 30	3940–3870 (35.2%) 3810–3760 (29.4%) 3730–3710 (3.6%)	3950–3830 (44.7%) 3820–3700 (50.7%)
9	сл. 11	OxA-4471	Уголь	4905 ± 65	3770–3640	3940–3870 (4.2%) 3810–3620 (84.1%) 3590–3520 (7.1%)
9	сл. 12, кв. 187	Ле-4226	Уголь	4570 ± 200	3650–3600 (2.3%) 3550–3000 (65.9%)	3800 –2600

Таблица 4. Окончание

№ памятника	Комплекс	Шифр лаборатории	Материал	Конвенционная дата	Калиброванная дата до н.э. (вероятность)	
					68.2%	95.4%
9	сл. 12	Ле-4237	Кость	4495 ± 80	3350–3090 (66.7%) 3060–3040 (1.5%)	3400–2900
10	к. 2, п. 5–8–12	OxA-4707	Кость	4800 ± 80	3660–3510 (61.1%) 3410–3380 (7.1%)	3720–3360
11	к. 1, п. 70	ГИН-8034		4820 ± 70	3700–3510	3760–3490 (84.0%) 3460–3370 (11.4%)
11	к. 2, п. 60	ГИН-8424		4670 ± 35	3520–3400 (60.8%) 3390–3370 (7.4%)	3630–3600 (4.5%) 3530–3360 (90.9%)
12	к., осн. п.	GrA-21372	Кость	4630 ± 50	3520–3410 (51.1%) 3390–3350 (17.1%)	3650–3300 (89.3%) 3250–3100 (6.1%)
13	к. 1, п. 1	OxA-5063	Кость	4500 ± 60	3350–3090	3370–3010 (94.2%) 2950–2920 (1.2%)
13	к. 31, Жертвенник	GrA-21336	Кость	4810 ± 70	3660–3510	3720–3490 (81.1%) 3470–3370 (14.3%)
14	к. 14, п. 13	ИГАН-2400	Кость чел.	5100 ± 50	3970–3910 (23.3%) 3880–3800 (44.9%)	3990–3770
14	к. 14, п. 13	GrA-19521	Кость чел.	4940 ± 45	3770–3660	3890–3880 (1.2%) 3800–3640 (94.2%)
16*	к. 2, п. 17	ИГАН-2517	Кость чел.	5190 ± 70	4220–4190 (5.8%) 4160–4120 (5.3%) 4050–3940 (51.8%) 3860–3810 (5.3%)	4230–4180 (7.6%) 4170–3790 (87.8%)
16*	к. 5, п. 7	ИГАН-2399	Кость чел.	5090 ± 110	3990–3750 (66.2%) 3730–3710 (2.0%)	4250–3600
16*	к. 5, п. 7	GrA-19252	Кость чел.	4710 ± 100	3640–3550 (22.5%) 3540–3490 (14.6%) 3470–3370 (31.1%)	3750–3300 (89.7%) 3250–3100 (5.7%)

* Условное отношение комплексов к майкопской культуре; "к." – курган; "п." – погребение.

74, 75. Табл. 6-А и 6-В, 8-А и 8-В). Однако в число новых 15 дат были включены также три северных (для этой культуры) комплекса с территории Калмыкии (Шарахалсун 6), где в подкурганных погребальных катакомбах была обнаружена керамика майкопского типа (Яковлев, Самойленко, 2003. С. 74–83). Для нас очень важным в этой внешне странной комбинации признаков оказалось сочетание близкой к майкопским образцам керамики и обряда захоронения в подкурганной катакомбе.

Для усатовской культуры нам известны лишь 22 определения по ^{14}C; причем десять также были охарактеризованы в нашей книге 2000 г. (Черных и др., 2000. Табл. 6-А и 6-В). Скудость базы данных для обеих культур, конечно же, ограничивает наши возможности и диктует необходимость лишь осторожных предположений. Вместе с тем выявленная картина оказалась весьма выразительной.

При сопоставлении хронологии усатовской культуры с рамками датировок Дунайско-Днестровских (Буджакских) комплексов фигуры распределения сумм вероятностей совпадают едва ли не до деталей (рис. 3). Хронологический диапазон у древнеямных памятников данного региона несколько шире, чем для усатовских, но и количество определений у последних существенно меньшее. Следовательно, синхронность древнеямных и усатовских древностей в этом юго-западном и периферийном для всей общности регионе подтверждается вполне надежно. Из этого факта, впрочем, вытекает также и признание несколько более раннего возраста усатовских курганов в сравнении с основной массой погребальных сооружений в центральной Днепровской группе.

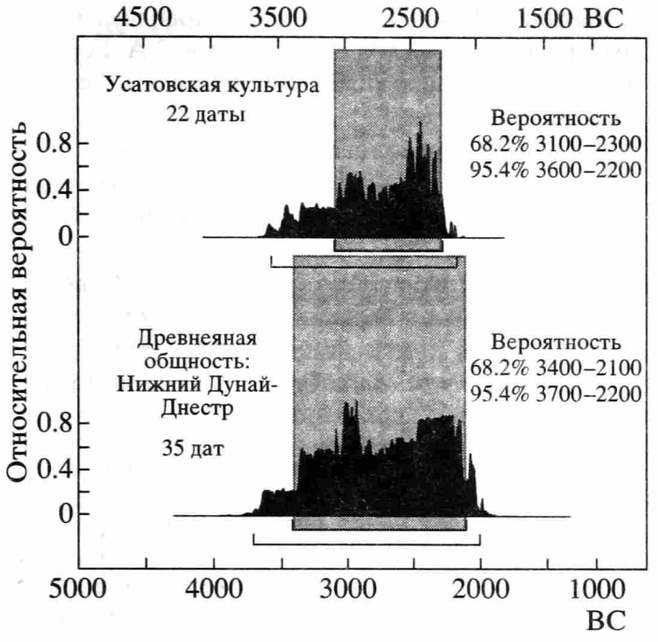

Рис. 3. Сопоставление сумм вероятностей радиоуглеродных калиброванных датировок для Дунайско-Днестровской группы древнеямной общности и усатовской культуры.

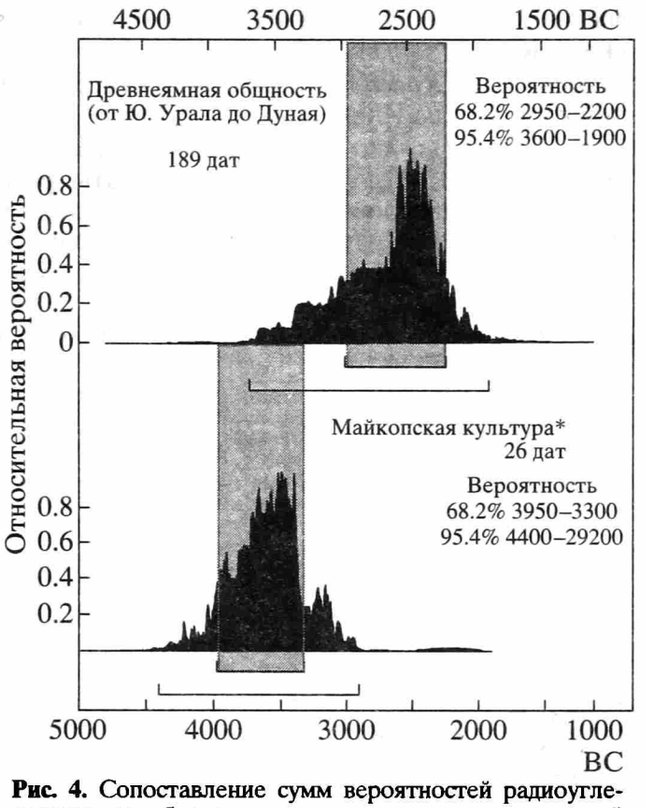

Рис. 4. Сопоставление сумм вероятностей радиоуглеродных калиброванных датировок для древнеямной общности и майкопской культуры.

* Три даты из двух комплексов отнесены к майкопской культуре условно (см. табл. 3 и 4).

Сопоставление ^{14}C-датировок майкопской группы с генеральной "древнеямной" (рис. 4) обнаруживает уже совершенно иную картину. Диапазон майкопской хронологии при 68% вероятности существенно более ранний: 3950–3300 гг. до н.э. Причем датировки в рамках названной вероятности даже не перекрывают друг друга. Следовательно, если эта – пока еще немногочисленная – база данных верно отражает базовые хронологические рамки знаменитой майкопской культуры, то нам придется привыкать к мысли, что традиция курганов зародилась существенно раньше. Что возникла она не в среде истинно степных культур типа ямной, но связана с майкопскими племенами Северного Кавказа и Предкавказья. Вполне вероятно, что именно по этой причине в Доно-Калмыцком регионе древнеямной общности обнаружена небольшая группа комплексов, заметно отличающаяся по возрасту от основной совокупности этих подкурганных захоронений. За этим потянется целая цепочка чрезвычайно важных вопросов о культурных, экономических и технологических взаимоотношениях кавказских и степных культур, о вероятной коррекции ряда существенных узлов всей системы ЦМП.

Предварительно же заметим, что в целом установленные здесь хронологические грани майкопской культуры существенно ближе к так называемой *прото-Циркумпонтийской группе*, ярче всего проявившейся на материалах Леванта и Месопотамии (Черных и др., 2000. С. 16–18, 60, 61). К ним прежде всего относятся урукские древности Двуречья, а также знаменитый клад Нахаль-Мишмар (Bar-Adon, 1971) из Палестины, относимый зачастую к культуре Гхасуль-Беершеба. Датировки этой *прото-ЦМП группы* не выходят за рамки 4300–3350 гг. до н.э. (при 68% вероятности).

Нам кажется целесообразным завершить предлагаемое исследование данным пассажем. Для более глубоких и широких заключений следует ожидать поступления дальнейших материалов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года // Тр. XII АС. М., 1905а.

Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии 1903 года // Тр. XII АС. М., 1905б.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья (Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии и символики погребальной практики). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2001.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.И. Родовое общество степей Восточной Европы // ИГАИМК. 1935. Вып. 119.

Мерперт Н.Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург, 1994.

Моргунова Н.Л., Хохлова О.С., Зайцева Г.И., Чичагова О.А., Гольева А.А. Результаты радиоуглеродного датирования археологических памятников Южного Приуралья (по материалам Шумаевских курганов) // Шумаевские курганы. Оренбург, 2003.

Николова А.В. Хронология ямной и катакомбной культур Степной Украины: некоторые вопросы датировки методом ^{14}C // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. междунар. науч. конф. "К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы". Самара, 2001.

Ростунов В.Л. Природно-климатический фактор в заселении предгорной степной зон Центрального Кавказа в эпоху ранней и средней бронзы // XXI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.

Сыволап М.П. Краткая характеристика памятников ямной культуры Среднего Поднепровья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. междунар. научн. конф. "К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы". Самара, 2001.

Тодорова Х. Энеолит Болгарии. София, 1979.

Тодорова Х. Каменно-медната епоха в България (пето хилядолетие преди новата ера). София, 1986.

Трифонов В.А. Курганы майкопского типа в Северо-Западном Иране // Судьба ученого. К 100-летию со дня рождения Бориса Александровича Артамонова. СПб., 2000.

Черных Е.Н. Металлургические провинции и периодизация эпохи раннего металла на территории СССР // СА. 1978. № 4.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Шишлина Н.И. Майкопские погребения Южных Ергеней // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 5. Волгоград, 2002.

Шишлина Н.И., Александровский А.Л., Чичагова О.А., ван дер Плихт Й. Хронологическая позиция ямной культуры Северо-Западного Прикаспия // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Матер. междунар. науч. конф. "К 100-летию периодизации В.А. Городцова бронзового века Восточной Европы". Самара, 2001.

Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Александровский А.Л., Сулержицкий Л.Д. Радиуглеродное датирование погребений эпохи бронзы – раннего железного века могильника Островной в Калмыкии // Могильник Островной. Итоги комплексного исследования памятников археологии Северо-Западного Прикаспия. М.; Элиста, 2002.

Шишлина Н.И., Чичагова О.А., Зазовская Э.П., ван дер Плихт Й. Радиоуглеродная хронология майкопских памятников Южных Ергеней // Чтения, посвященные 100-летию творческой деятельности В.А. Городцова в Государственном Историческом музее. Тез. конф. Ч. I. М., 2003.

Энеолит СССР. Археология СССР. М., 1982.

Яковлев А.В., Самойленко В.Г. Новые погребения с майкопской керамикой на северо-востоке Ставрополья // КСИА. 2003. Вып. 214.

Яровой Е.В. Скотоводческое население Северо-Западного Причерноморья эпохи раннего металла. Автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 2000.

Bar-Adon P. The Cave of the Treasure. The Finds from the Caves in Nahal Mishmar. Jerusalem, 1971.

Chernykh E.N. Ancient Metallurgy in the USSR. The Early Metal Age. Cambridge, 1992.

Ecsedy I. The People of the Pit-grave Kurgans in Eastern Hungary. Budapest, 1979.

Gimbutas M. The Beginnig of the Bronze Age in Europe and the Indo-Europeans: 3500–2500 B.C. // The Journal of Indo-Europeans Studies. 1973. V. 1. № 2.

Klochko V.I. Radiocarbon Chronology of the Early and Middle Bronze Age in the Middle Dnieper Region.The Myronivka Barrows // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

Klochko V.I., Kruts V.A. Radiocarbon Dates From The Yamnaya Culture Barrow at The Tripolye Culture "Giant Settlement" Near Talyanky // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

Kovalukh N.N., Nazarov S.V. Radiocarbon dating Calibration in Archaeological Studies // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

Nikolova A. V. Radiocarbon Dates from the Graves of the Yamnaya Culture at the Ingulets River (the Kirovohrad Region) // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999a.

Nikolova A.V. Radiocarbon Dating of Graves of the Yamnaya and Catacomb Cultures on the Dnieper Right Bank // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999b.

Ramsey C.B. OxCal Program v 3.5. University of Oxford. Radiocarbon Accelerator Unit. 2000 (see also: www.rlaha.ox.ac.uk).

Skripkin V.V., Kovalyukh N.N. Radiocarbon Ls Dating of Bone Micro-samples // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

Szmyt M., Chernyakov I.T. Radiocarbon Chronology of "Akkiembetskiy Kurgan". A Preliminary Report // Baltic-Pontic Studies. V. 7. The foundations of Radiocarbon Chronology of Cultures between the Vistula and Dnieper: 3150–1850 BC. Poznan, 1999.

The Radiocarbon Chronology of the Pit-Grave (Yamnaya) community and the Emergence of the Kurgan Cultures

E. N. Chernykh, L. B. Orlovskaya

Summary

Presently 189 calibrated radiocarbon dates are available for the many burial complexes of the Pit-Grave kurgan community (tab. 1, 2). These mortuary remains are distributed over a very vast region of the Eurasian steppes stretching from the southern Urals in the east to the Danube in the west and encompassing an area of more than 2 million square kilometres. The geographical distribution of the dated complexes is not uniform (Fig. 1, 2), and only three territorial groups have enough dates for correct chronological conclusions: 1) the Dnepr-Bug steppe; 2) the Kalmykia-Don-Donets basins and 3) the Lower Danube-Dnestr basins (Fig. 2). On the basis of the available dates, the chronological range of the Yamnaya community extends from 2950–2200 BC as a whole (68.2% sum probability). It is quite striking that the majority of the earliest dates come from all peripheral geographical groups (including the relatively few dates available for the Volga-Urals region). The central and most numerous dated complexes of the Dnepr-Bug region contain the largest share of the latest chronological values for the Pit-Grave community. The comparison of the Usatovo culture radiocarbon dates with those from the adjacent Lower Danube region demonstrates their overall contemporaneity (Fig. 3). The most interesting conclusion comes from the comparison of the Maikop culture dates (26 in all) with those of the Yamnaya community (Fig. 4). The sum probabilities of the Maikop dates reveal a clearly different chronological range and are considerebly earlier (3950–3300 BC) than those of the Yamnaya community. While this conclusion, which is based on a relatively limited number of dates for the Maikop culture sites, must still be regarded as preliminary, the currently available radiocarbon data strongly calls into question the place and time of emergence of the East-European steppe kurgan cultures.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 100–110

ДИСКУССИИ

МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВЕРЕТЬЕ. ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

© 2004 г. С. В. Ошибкина

Институт археологии РАН, Москва

К востоку от Онежского озера, в Восточном Прионежье, Северной экспедицией ИА РАН в течение 1978–1991 гг. открыта и исследована группа памятников эпохи мезолита, выделенных в культуру веретье. Позднее, в 1998–2000 гг. открыты новые стоянки, дополнившие историческую картину эпохи мезолита в регионе. В статье рассматриваются проблемы хронологии памятников, основанной на данных естественных дисциплин, и вероятная последовательность их существования. Происхождение населения культуры веретье остается спорным вопросом, обсуждение которого продолжается в специальной литературе.

Памятники культуры веретье находятся в бассейнах ледниковых озер Воже и Лача, приурочены к древним берегам бореального времени, в наше время отстоящим от береговой линии озер на 1–2 км. Культурные слои стоянок, как правило, залегают под торфяными отложениями, есть и редкие исключения. Территория культуры веретье имеет определенные очертания и представляет собой экологическую нишу с характерными природными условиями, привычными для населения, обитавшего в обширной зоне у южных побережий Анцилового озера бореального периода. К востоку от озерного края памятники культуры веретье не известны. Очевидно, условия существования в бассейнах больших северных рек оказались слишком суровыми, а биомасса лесов недостаточной, поэтому дальнейшее продвижение населения культуры веретье получило направление на северо-запад, а область многочисленных и разветвленных озерно-речных систем на южных территориях Карелии и Финляндии.

Освоение Восточного Прионежья стало возможным уже в позднем дриасе, когда после отступления ледника завершилось формирование рельефа и побережий озер. Тем не менее памятники мезолита известны здесь только с конца пребореального времени (погребение Песчаница), а основное заселение происходило в первой половине бореального периода. Поселения и стоянки культуры веретье, расположенные около оз. Лача, занимают устья рек того времени, причем ориентированы всегда на берега рек, прикрыты мысами от открытого озера, подверженного штормам. Исключение составляет стоянка Погостище 1, которая находится в 25 км от западного берега оз. Воже, на берегу реки, поэтому можно думать, что заселение озерных берегов и котловин было достаточно плотным, а места обитания разнообразными, что зависело от занятий населения. Сейчас среди памятников культуры веретье представлены постоянные поселения, где жители обитали круглый год, сезонные стоянки и могильники (рис. 1).

Веретье 1 является наиболее изученным памятником этой культуры и одним из наиболее древних. Поселение находится на левом берегу р. Кинемы, примерно в 1 км от ее впадения в оз. Лача с востока (Архангельская обл.) (рис. 1, В). Для определения времени существования этого поселения использованы данные естественных дисциплин, о чем будет сказано ниже, но особенно важна стратиграфия памятника, изученная по ряду разрезов на всей вскрытой площади культурного слоя (1474 м^2). Площадь памятника до начала раскопок представляла обширную заболоченную поляну, где дерн (20–30 см), слой черного торфа, переходящего к лесу в гумусированную почву (30–40 см), и лежащий ниже коричневый торф (40–60 см) были подтоплены, а на прибрежных участках находились на плаву. Остатки мезолитического поселения в виде развалов жилых строений, хозяйственных объектов и множества артефактов располагались на песчаном основании, занимали верхние 10–12 см песчаного слоя, не считая глубоко вбитых в песок жердей или кольев, сверху перекрыты коричневым торфом. Оставленное людьми поселение разрушалось в результате затопления, объемные части жилых сооружений оказались в воде, позднее в основании коричневого торфа. На некоторых участках прослежены линзы сапропеля, что подтверждает предположение о затоплении поселения водами озера, которое послужило причиной ухода жителей. Позднее здесь образовались болото и торфяник, местность стала необитаемой, а перекрывающие поселение торфяные отложения не содержат никаких культурных остатков. Таким образом, культурный слой мезолитического поселения вмещается в верхний горизонт песчаного основания и в нижний горизонт перекрывающего коричневого торфа. Памятник не имеет никаких повреждений поверхности, не повреждены и два

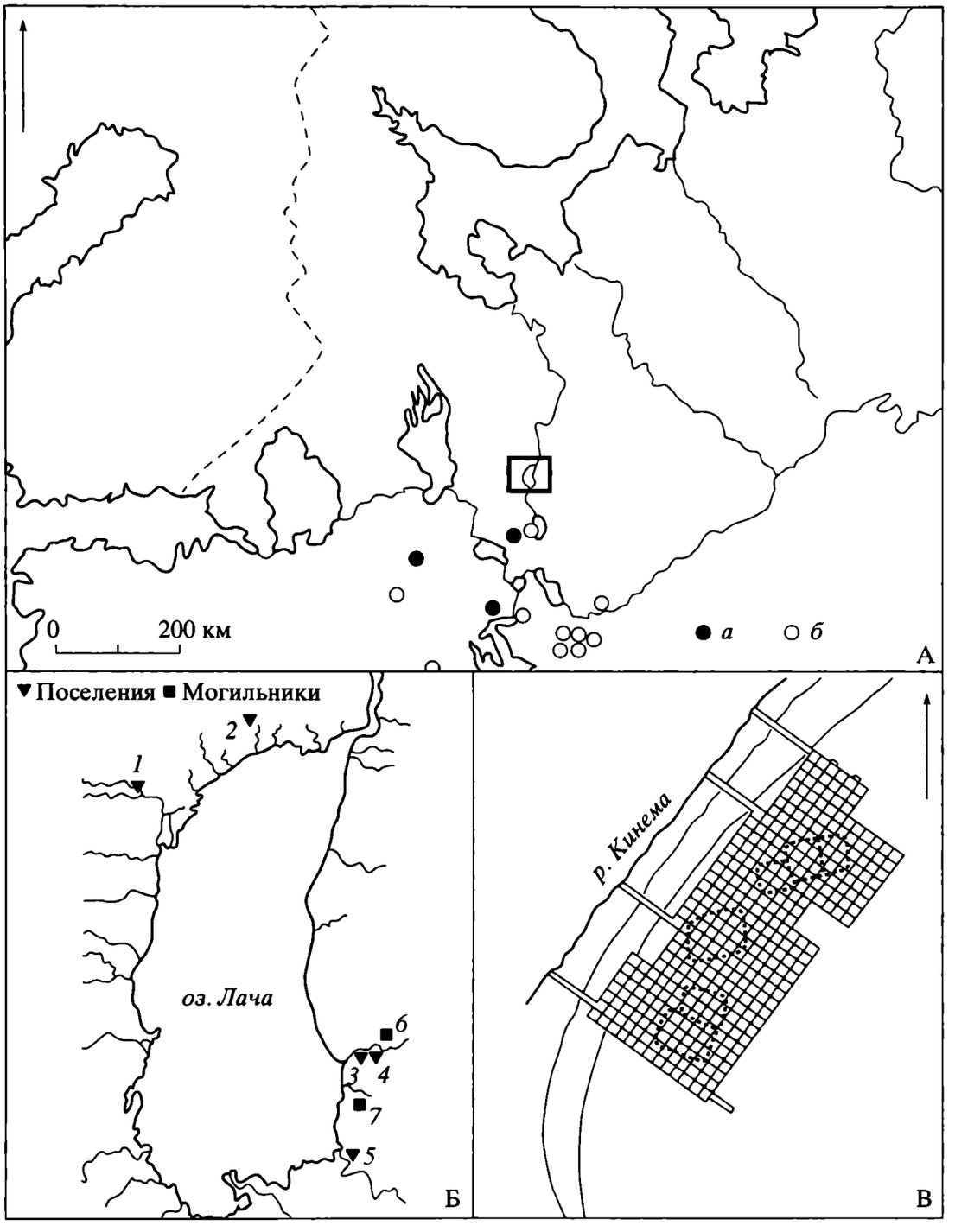

Рис. 1. Карта А. Памятники культуры веретье: *а* – исследованные раскопками; *б* – случайные находки. Выделена территория размещения основных памятников. Карта Б. Поселения и могильники на бореальных берегах оз. Лача: *1* – Сиянга; *2* – Лукинчиха; *3* – Веретье 1; *4* – Нижнее Веретье; *5* – Сухое; *6* – могильник Попово; *7* – могильник Песчаница. Карта В. Веретье 1, раскопы и очертания жилищ.

последовательно образовавшихся в разное время слоя торфа (Ошибкина, 1997. С. 15).

Серия из 12 радиокарбоновых дат, полученных по торфу (мелкие и крупные фракции отдельно), древесине, углю и костям животных показала некоторый разброс. На этом основании финским ученым К. Карпеланом недавно высказано предположение о вероятности неоднократного заселения этой местности. К пребореальному времени, по его мнению, относятся находки из песчаного слоя, затем в бореале существовало само поселение, последнее посещение могло быть уже в атлантическом периоде (Carpelan, 1999. P. 156–158). Примеры подобной стратиграфии на многослойных памятниках мезолита известны. Например, на стоянке Фризак в Северной Германии в стратиграфии прослежен ряд линз культурного слоя, оставленных при неоднократном посещении местности людьми и датированных короткими промежутками времени в течение пребореала–атлантикума

(Gramsch, 1987. S. 77–81). В отличие от Фризак, где линзы культурных слоев отчетливо видны в стратиграфии, слой Веретья 1 совершенно однороден, его мощность сравнительно невелика при высокой насыщенности культурными остатками. Песчаное основание, на котором располагалось поселение, содержит редкие артефакты, не имеющие отличий от остального вещественного материала. Поэтому нет данных для выделения на памятнике трех культурных слоев разного времени. Если принять во внимание радиокарбоновые даты Веретья 1, полученные только по углю и обработанным предметам, и исключить даты, полученные по дереву, возраст поселения определяется периодом 9600+/–80–8340+/–120, что позволяет отнести его к первой половине бореального периода (с учетом даты Либби). В калиброванном варианте (Зайцева и др., 1997. С. 122) даты образуют период от 8920–8620 до 7540–7290 лет назад (Cal BC), т.е. относят поселение к пребореалу–бореалу. Наиболее ранняя дата 9600+/–80 (ЛЕ 1469) или 8954–8602 (Cal BC) получена по углю и нуждается в проверке. Археологические материалы поселения по расположению в культурном слое и в стратиграфии, а также типологически не делятся на хронологические группы. Они имеют аналогии на прибориальной стоянке Пулли (Jaanits L., Jaanits K., 1978) и бореальной стоянке Кунда (Indreko, 1948), в бореальном слое Звейники II (Zagorska, 1981), в пребореальных и бореальных слоях многослойных стоянок Верхнего Поволжья (Жилин, 2001. С. 269–271). Очевидно, поселение Веретье 1 существовало в первой половине бореального периода, что не исключает возможного уточнения возраста и в дальнейшем его углубления до пребореала.

Для характеристики природного окружения поселения были проведены палинологические исследования. По результатам изучения колонки № 1 Н.А. Хотинским поселение отнесено к началу бореала, времени господства в регионе сосново-березовых лесов (Ошибкина, 1983. С. 163). Позднее Е.А. Спиридоновой (1997) исследованы спорово-пыльцевые отложения в колонке № 2, отобранной на максимально приближенном к реке участке (23 образца через 5 см; Ошибкина, 1997. Рис. 2). В итоге выделено девять спорово-пыльцевых комплексов. Из них непосредственно с культурным слоем поселения связаны комплексы I–III, между которыми отмечены постепенные изменения и отсутствуют перерывы в осадконакоплении. Первый комплекс (образцы 1, 2 из песка под культурным слоем) содержал пыльцу древесных пород (до 64%), среди которых господствуют береза и сосна, представлены ель (12.5%) и лиственница, среди травянистых пыльца злаков и осок, в первом образце обнаружено зерно ефедры, растения характерного для перигляциальной флоры. Слой датирован пребореальным временем. Второй комплекс (образцы 3–6, песчаная толща, включающая основание культурного слоя) содержал пыльцу древесных видов (60–70%), в том числе березы, сосны, ели (до 5.0%), лиственницы. Среди травянистых господствовали злаковые, есть осока. Сочетание бореальных сосново-березовых лесов и луговой растительности соответствовало природному окружению поселения. Третий комплекс (образцы 7–11 из основания коричневого торфа) содержал древесные (63–64%), в это время возрастает роль сосны, в образце 11 она господствует, второе место занимает древовидная береза, потом следует ель (среднее 5–6%). В образце 9 уже зафиксировано единичное появление пыльцы вяза. Комплекс характеризует конец бореального периода. В это время возрастает количество пыльцы водных и прибрежных растений, что говорит об усилении обводнения местности, увеличении водной поверхности и глубины водоемов, а также об улучшении климата и определенном потеплении (Спиридонова, 1997). Изучение изделий из дерева, проведенное О.Н. Чистяковой (около 90 предметов), показало, что в составе древесины, использованной жителями Веретья 1 при изготовлении луков, стрел, рукоятей топоров, прочих бытовых предметов, оказались исключительно породы, характерные для таежных лесов бореального периода – сосны, ели, березы и других. В их числе представлены изделия из кедра (Pinus sibirica), который произрастал в бореале на европейском Севере и встречается в виде реликтовых рощ в наше время. Можно вспомнить, что раньше находки изделий из кедра на стоянках каменного века считали доказательством прихода населения из Сибири. Фаунистические остатки также свидетельствуют об охоте на животных бореального времени, главным образом лося и бобра, также северного оленя, медведя, волка, песца, мелких пушных зверей, птиц и рыб, и не содержат теплолюбивых, появившихся в северных широтах только в неолите.

Вещественный материал поселения Веретье 1 отличается разнообразием и большим количеством специализированных орудий, предназначенных для охоты, рыболовства, обработки древесины и т.п. Каменный инвентарь состоит из многочисленных рубящих орудий из сланца, кристаллических пород и кремня. В их числе характерные формы (рис. 2, *13*, *14*), типичные для всех памятников культуры веретье. Кремневая технология основана на получении и использовании отщепов, пластины использованы в меньшей степени, хотя основная часть костяных и даже деревянных орудий оснащалась кремневыми пластинами. Наконечники на пластинах и вкладыши имеют аналогии на стоянках культуры кунда раннего периода, о чем сказано выше. То же относится к костяному вооружению и бытовым предметам (рис. 3), во множестве найденным на поселении. По характеру изделий из камня, кости, рога, древесины, по чис-

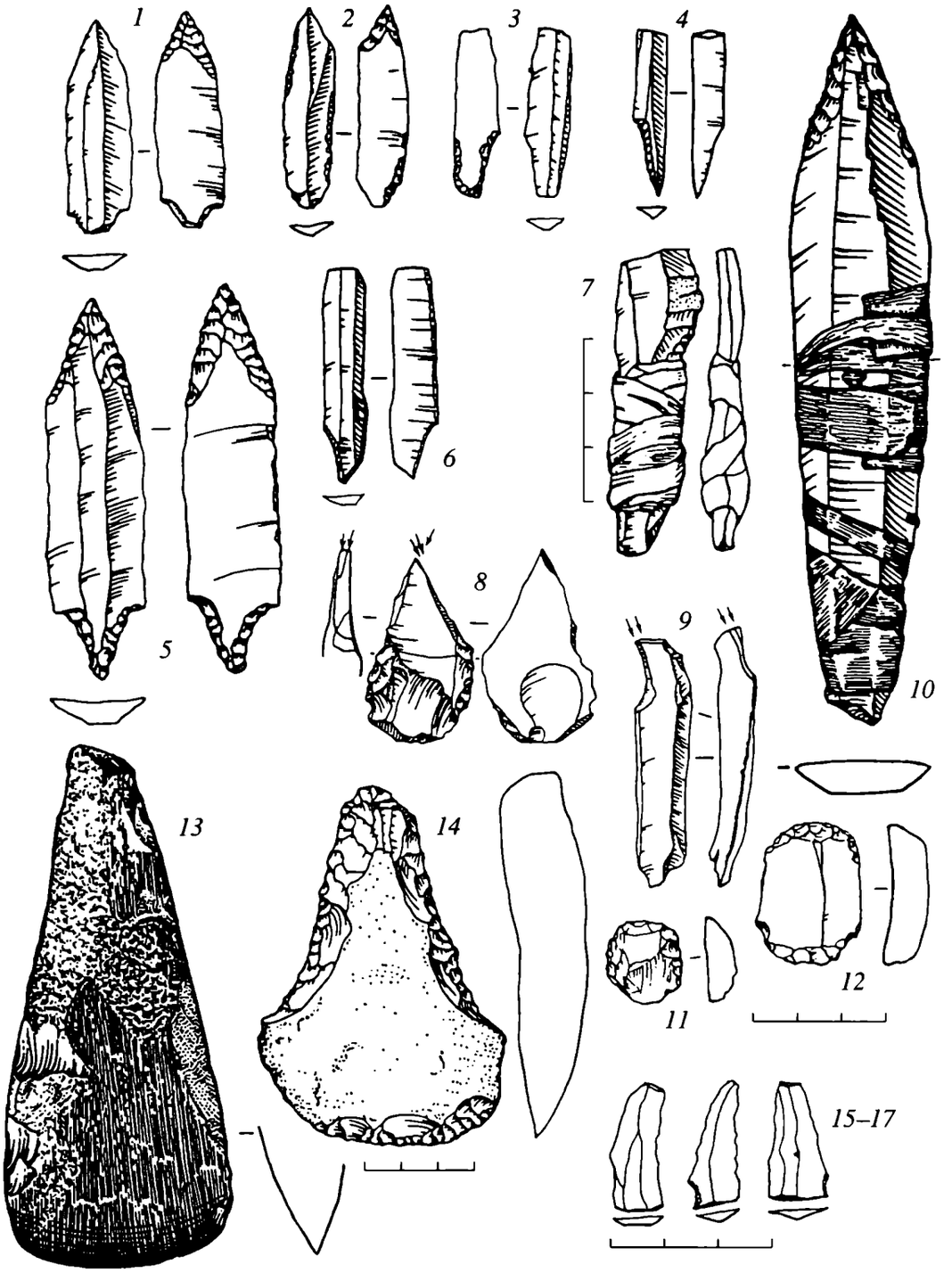

Рис. 2. Веретье 1. Каменные и кремневые орудия: *1–6* – наконечники и вкладыши; *7* – резец с берестяной оберткой рукоятки; *8, 9* – резцы (срединный и угловой); *10* – нож из кремневой пластины; *11, 12* – скребки; *13* – топор (лезвие); *14* – мотыга кремневая; *15–17* – лезвия (найдены внутри игольника из птичьей кости вместе с костяными иглами).

лу и качеству художественных изделий памятник, безусловно, является одним из наиболее ранних и представительных в культуре веретье.

Нижнее Веретье представляет собой нижний слой многослойной стоянки Веретье, исследованной раскопками М.Е. Фосс в 1929–1934 гг. и шурфами автора в 1989–1990 гг. Памятник находится на том же берегу р. Кинемы, что и Веретье 1, в 60–100 м от последнего выше по течению, на береговом возвышении. К моменту появления здесь мезолитической стоянки низкая площадка, где ранее находилось поселение Веретье 1, была уже заболочена. Культурный слой мезолитической стоянки, названной Нижним Веретьем, перекрыт отложениями стоянки неолита и поселения бронзового века, стерильных прослоек, упоминаемых М.Е. Фосс (1941), фактически нет, что привело к некоторому смешению артефактов. Шурфами

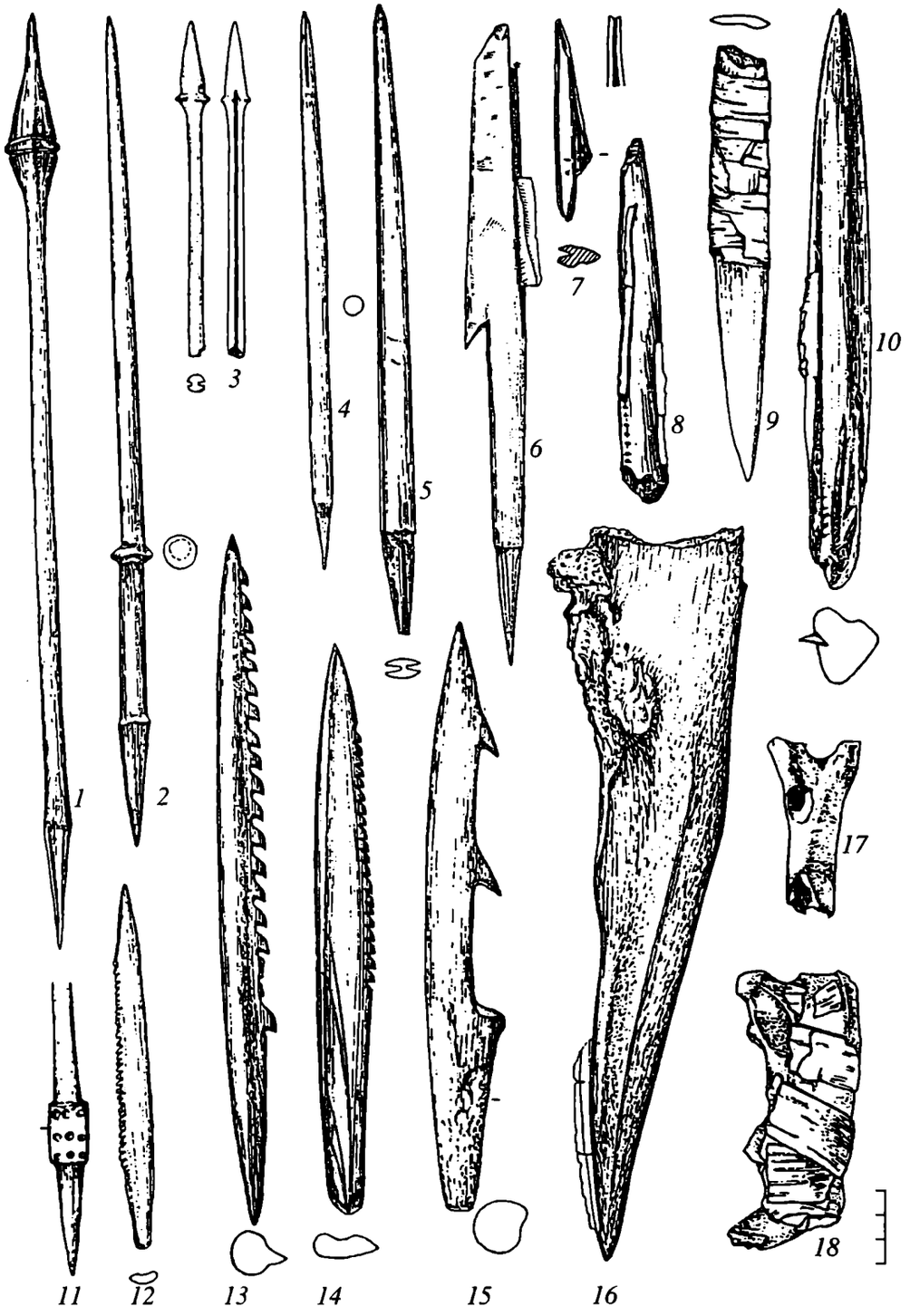

Рис. 3. Веретье 1. Орудия из кости: *1–7, 11* – наконечники стрел; *8* – орудие оснащенное лезвиями в винтообразном направлении; *9* – нож из ребра животного; *10* – наконечник копья с лезвием в пазу; *12–15* – зубчатые острия (гарпуны); *16* – кинжал из локтевой кости лося с кремневыми лезвиями на острие; *17* – изделие со сверлиной; *18* – резец из нижней челюсти бобра, рукоять обернута берестой.

последних лет удалось обнаружить новые участки стоянки, расположенные восточнее и выше по течению реки, обращенные к речному заливу. Культурный слой стоянки расположен на песчано-гравийном основании, его мощность возрастает к берегу реки, достигая 20–25 см в шурфе 4, глубина залегания слоя составляет здесь 140 см. Мезолитический слой перекрыт пачкой коричневых торфов бореального времени и черным торфом, образовавшимся в суббореале. В торфяных отложениях нет остатков поздних стоянок (рис. 4). У берега коричневый торф имеет максимальную мощность, между ним и культурным слоем стоянки выявлена прослойка разложившейся древесины, в том числе обработанной, окрашенной в яркий красноватый цвет. Возможно, здесь обнару-

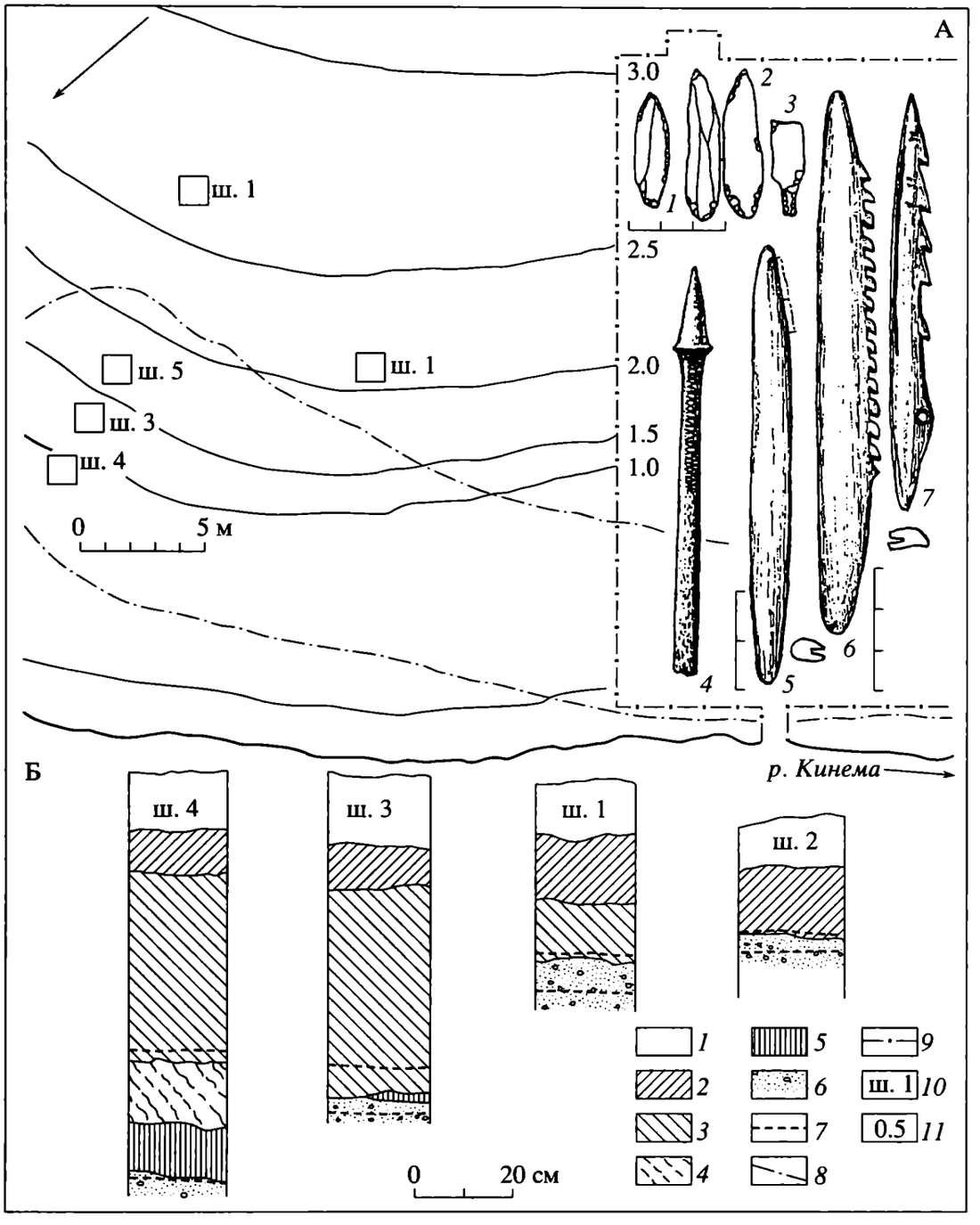

Рис. 4. Нижнее Веретье. Восточная часть раскопов 1929–1934 гг. и находки из них (А) *1–3* – кремневые, *4–7* – костяные орудия; шурфы 1989 г. (Б): *1* – дерн; *2* – гумусированная супесь; *3* – коричневый торф; *4* – красный торф; *5* – древесина; *6* – песок с гравием; *7* – культурный слой; *8* – предполагаемая граница стоянки; *9* – граница раскопов; *10* – № шурфа; *11* – размер горизонтали.

жены остатки жилых строений (Ошибкина, 2000. Р. 154). Изделия из кремня и кости, происходящие из раскопок 1929–1934 гг. (рис. 4, А; Фосс, 1941), и находки из шурфов на новом участке стоянки (рис. 5) совершенно аналогичны, в целом они соответствуют культуре веретье. Сырьем для изготовления орудий служили серый моренный кремень, сланец и кристаллические породы, господствует техника отщепа при небольшой доле пластинчатых изделий. Представлены крупные рубящие орудия, в том числе кремневые, наконечники стрел из кремневых пластин, из кости и дерева сделаны наконечники и однорядные зубчатые острия, принято оформление орудий орнаментом или метками, присутствуют художественные изделия.

При определении возраста Нижнего Веретья сохраняет значение спорово-пыльцевой анализ, сделанный С.Н. Тюремновым, хотя по его результатам стоянка тогда была датирована неолитом (Фосс, 1941. С. 23–27). Место отбора колонки не известно, однако, судя по опубликованной стратиграфии и детальному описанию, разрез помещался в 8 м от берега реки, в нижних квадратах

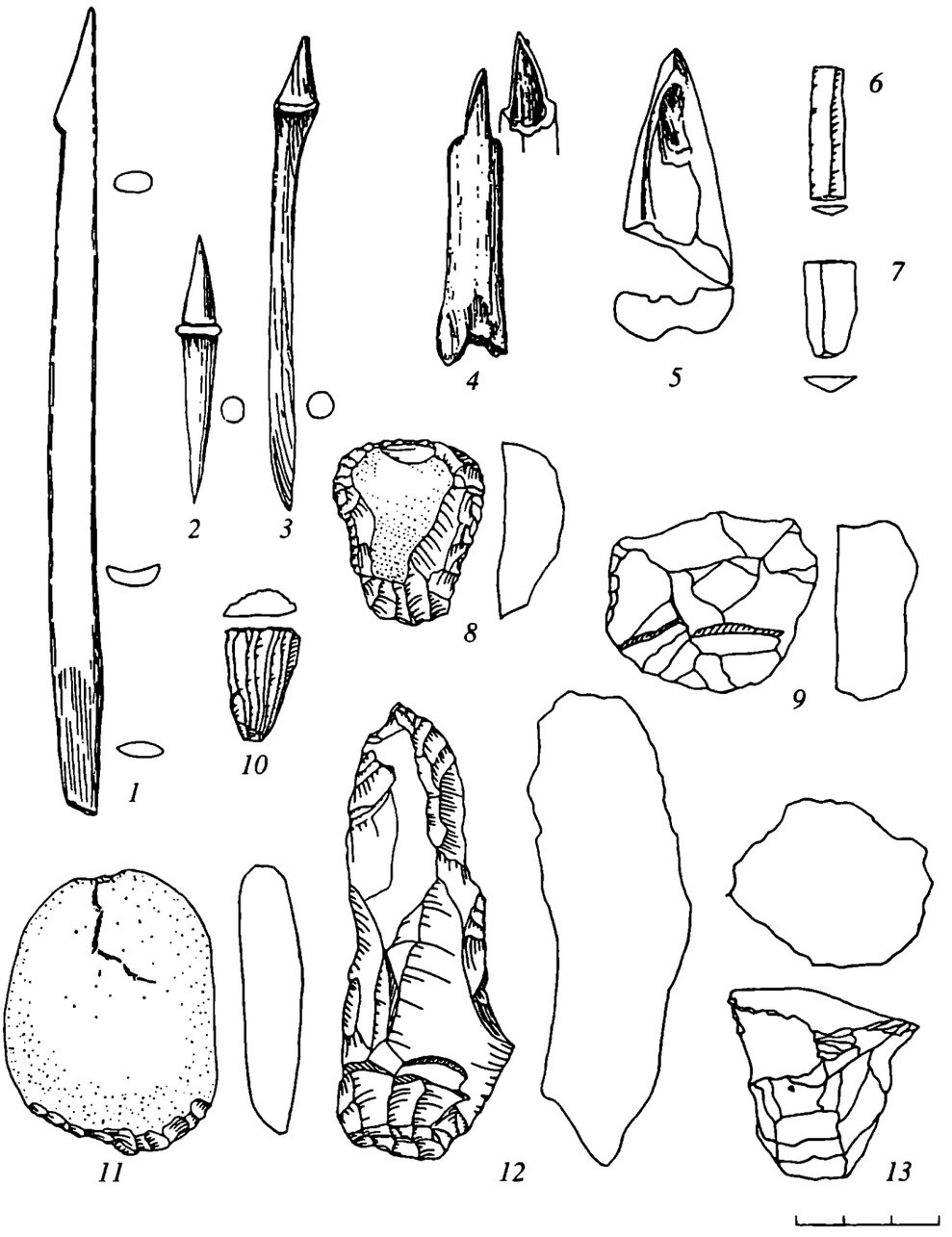

Рис. 5. Нижнее Веретье. Орудия из шурфов 1989 г.: *1* – зубчатое острие; *2* – наконечник костяной; *3* – деревянный наконечник; *4*, *5* – острия; *6*, *7* – пластины; *8*, *9* – скребки; *10*, *13* – нуклеусы; *11*, *12* – рубящие орудия.

раскопа. Остатки мезолитической стоянки располагались на песчано-галечном основании, вмещены в него на 10–15 см, перекрыты бурым или коричневым торфом (пачка из трех видов торфа общей мощностью 40 см), черным торфом и дерном. Над культурным слоем мезолита спорово-пыльцевой комплекс содержит 45% древесных пород, среди которых преобладает сосна, меньше березы и ели. Выше, в слое осокового торфа, появляется пыльца ольхи (Фосс, 1941. С. 26). При сравнении с Веретьем 1 становится очевидным, что согласно современным исследованиям подобное соотношение древесных пород соответствует спорово-пыльцевому комплексу III, где увеличивается роль сосны, появляется единично пыльца широколиственных вяза и лещины, распространено мезофильное разнотравье. Это время господства сосновых лесов в условиях улучшения климата в конце бореала. Археологические материалы Нижнего Веретья имеют близкое сходство с Веретьем 1 по составу, основным формам изделий, деталям. Некоторые особенности инвентаря и малое число каменных изделий можно считать результатом развития культуры веретье во времени, а также особенностями стоянки, которая могла быть всего лишь сезонной. Таким образом, Нижнее Веретье можно датировать второй половиной бореального периода.

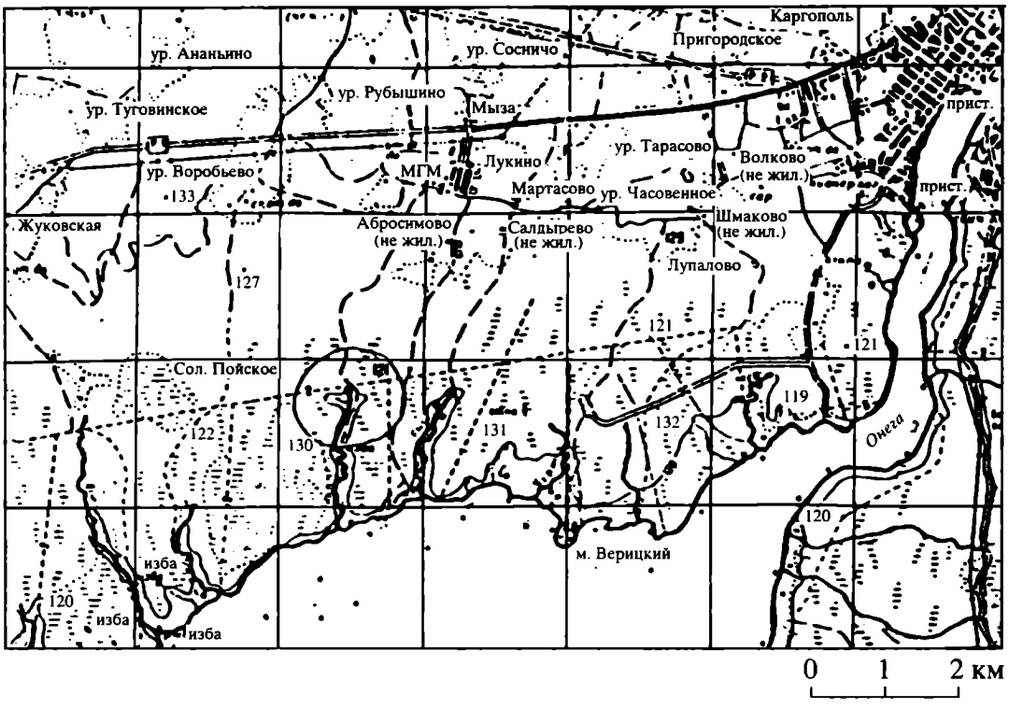
Сухое находится на правом берегу р. Ковжи, впадающей в оз. Лача с юго-востока, в 2.0 км от современного побережья. Песчаное возвышение

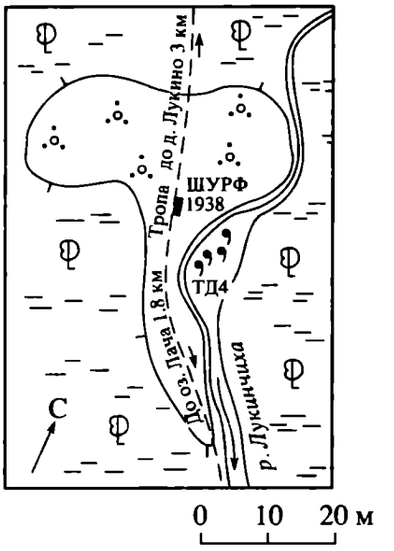
в местности Сухое заселялось неоднократно, поэтому мезолитический слой залегает в песчаной почве и перекрыт остатками стоянок неолита и бронзы. На вскрытой площади (390 м^2) обнаружены следы 4-5 жилых строений и других хозяйственных объектов поселения эпохи мезолита, перекрытых серией тонких прослоек, соответствующих врéменным посещениям, которые сменялись подъемом воды в озерно-речной системе и седиментацией. Поскольку памятник расположен на аллювиальных почвах, органические остатки сохранились в незначительном числе. Тем не менее среди каменного инвентаря, орудий из кости и рога, художественных изделий представлены вещи, аналогичные находкам в Веретье 1 (Ошибкина, 1997. С. 48, 31, 45, 76 и далее). Каменный инвентарь содержит острообушные топоры, шарообразные сверленые "навершия", кремневые пластины со скошенным ретушью концом. Среди костяных изделий представлены наконечники стрел биконической формы и игловидные, зубчатые острия, кинжалы с пазами и отверстием в обухе, широкие ножи из лопаток животных. Подобный набор орудий типичен для всех памятников культуры веретье. Аналогии ряду изделий известны в кремневом инвентаре Пулли (Jaanits L., Jaanits K., 1978. S. 59) и других "песчаных стоянок" культуры кунда (Ostrauskas, 2000. P. 173). Происходящий из Сухого костяной кинжал подобен орудию из погребения № 100 Оленеостровского могильника, датированного 9910+/–80 ГИН 4836 (возраст погребения у многих исследователей вызывает сомнения). На основании приведенных аналогий ранее поселение с жилищами в местности Сухое можно датировать бореальным периодом, скорее его первой половиной.

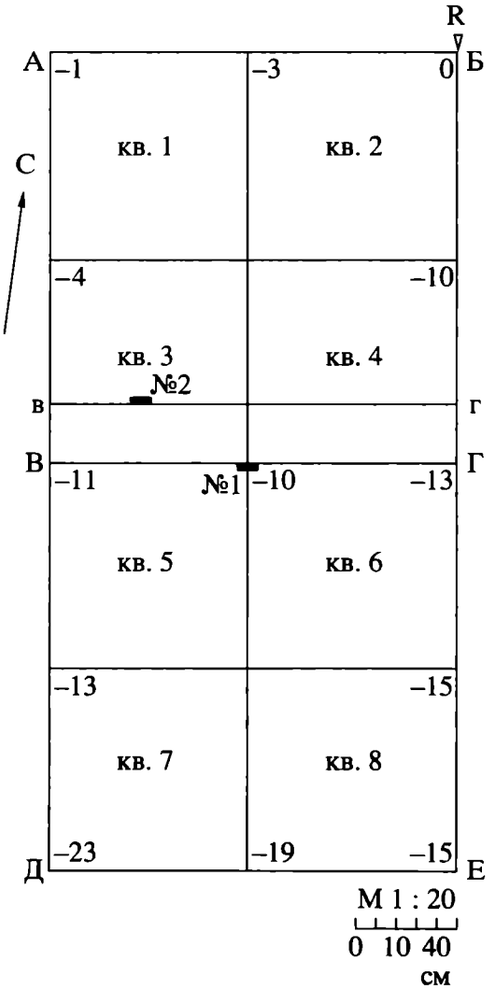
Лукинчиха представляет собой многослойный памятник, находится на северном берегу оз. Лача, в истоке р. Лукинчиха и в 1.8 км от побережья, на возвышении среди болотистой местности. Памятник исследован раскопками на 12 м^2 площади (Шевелев, 1999; Ошибкина, 2000. P. 163). Условия залегания культурного слоя стоянки мезолита те же, что и на других торфяниковых памятниках. Он расположен на песчаном основании и частично в оторфованном песке, под слоями коричневого бореального и черного суббореального торфов, перекрытых мощным болотистым дерном. Выше находятся остатки стоянок неолита, энеолита и эпохи бронзы, стерильных прослоек нет (рис. 6). В инвентаре преобладают изделия на отщепах серого кремня, основного материала, использованного людьми на всех стоянках культуры веретье, осколками и отщепами которого повсюду интенсивно насыщен культурный слой, в том числе и в Лукинчихе. Об использовании пластин можно судить по находке нуклеуса с негативами широких пластин. Найдена грубая мотыга из кристаллической породы, аналогичная орудиям из Веретья 1, среди костяных изделий есть игла для плетения сетей, зубчатые острия с отверстием у основания, подвески из резцов животных. Представляет интерес изогнутый роговой кинжал с резным елочным орнаментом на одной стороне. Кремневая индустрия и орудия из камня и кости характерны для культуры веретье. На стоянке отобраны две колонки для спорово-пыльцевого анализа. Восемь образцов почвы (рис. 6, колонка № 2) датированы по –C^{14}. Темная прослойка, вмещающая культурный слой мезолита, и подстилающий песок получили даты 6880+/–40 ГИН 10966 и 7630+/–40 ГИН 10967. Следовательно, стоянка относится к VI началу V тыс. до н.э. (некалиброванные даты) или периоду 6460–6418 и 5700–5600, второй половине VII – началу VI тыс. до н.э. (Cal BC), к концу бореала.

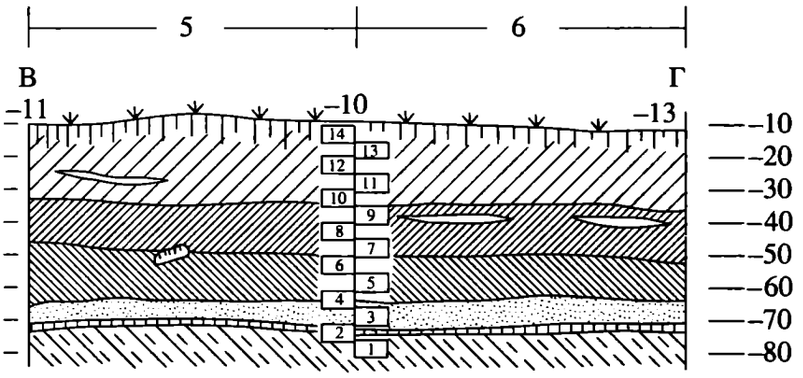
Погостище 1, единственная исследованная раскопками стоянка в бассейне оз. Воже, находится на левом берегу реки Модлоны, в 25 км от озера, что говорит об освоении мезолитическим населением не только берегов озер, но и глубинных участков бассейнов вдоль разветвленных речных систем. В раскопе (60 м^2) и шурфах А.Я. Брюсовым установлено, что под дерном, черным и бурым торфами, на глубине около 100 см от современной поверхности, в верхней части песчаного слоя залегал культурный слой мезолитической стоянки мощностью 12–15 см, в котором найдены крупные кремневые скребки с валунной коркой на спинке, отщепы, ретушеры, дисковидное "навершие", обломок зубчатого острия (гарпуна), костяной наконечник биконической формы, роговая муфта рубящего орудия (Брюсов, 1951. С. 46). Результаты палинологического анализа и состав фаунистических остатков позволяют отнести памятник к концу бореального периода, чему не противоречат археологические материалы, относящие Погостище 1 к культуре веретье на позднем этапе развития. Близкое сходство материалов Погостища 1 и Нижнего Веретья отмечал в свое время А.Я. Брюсов.

В западных районах Восточного Прионежья и вблизи от Онежского озера открыты мезолитические **памятники типа Андозера-М,** по имени эпонимной стоянки на северном берегу Андозера (Ошибкина, 1979. С. 26). Здесь под неолитическим культурным слоем обнаружен слой мезолитической стоянки, уходящий в сторону заболоченного берега озера. В слое найдены изделия из сланца и кремня, среди которых крупные рубящие орудия и наконечники из кремневых пластин, часто мелкие и неправильных очертаний. Техника обработки камня и набор орудий имеют определенное сходство с инвентарем культуры веретье, при этом отличаются своеобразием, позволяющим сопоставлять их с онежской культурой Карелии. На основании палинологических определений лежащего выше неолитического

Палинология			
Глубина от репера (см)	Глубина от пов-ти (см)	Номер образца	Арх. датир. культурн. слоя
–10 (–15)	0–5	14	
–15 (–20)	5–10	13	
–20 (–25)	10–15	12	
–25 (–30)	15–20	11	
–30 (–35)	20–25	10	
–35 (–40)	25–30	9	
–40 (–45)	30–35	8	Бронза
–45 (–50)	35–40	7	
–50 (–55)	40–45	6	
–55 (–60)	45–50	5	Неолит
–60 (–65)	50–55	4	
–65 (–70)	55–60	3	Мезолит
–70 (–75)	60–65	2	
–75 (–80)	65–70	1	

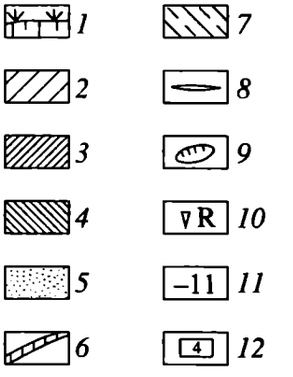

Рис. 6. Лукинчиха. Расположение памятника в истоке речки; стратиграфический разрез (глубина от репера); раскоп и место отбора палинологической колонки (№ 1): *1* – дерн; *2* – черный торф; *3* – коричневый торф; *4* – оторфованный песок; *5* – серый песок; *6* – прослойка темная с примесью органики; *7* – сапропель (?); *8* – древесина; *9* – камень; *10* – репер (0); *11* – глубины от репера; *12* – номер образца.

слоя, стоянка Андозеро-М была предварительно датирована VI тыс. до н.э. В настоящее время круг стоянок типа Андозеро-М расширился, открыты новые стоянки на р. Шексне, в верховьях р. Андоги, на Муромском озере в восточной Карелии (Косменко, Витенкова, 1980). Для шекснинских стоянок получены радиокарбоновые даты, которые помещают их во вторую половину бореального периода (Косорукова, 1998).

Существует предположение о генетической связи населения, оставившего памятники типа Андозера-М, с культурой веретье в ее позднем периоде. В этом случае можно допустить, что во второй половине бореала происходило постепенное продвижение групп охотников-собирателей в северо-западном направлении, что отвечает последовательности возникновения стоянок, имеющих радиокарбоновые датировки. В западной литературе это явление названо процессом колонизации северо-западных территорий (Carpelan, 1999. P. 157). Подобная гипотеза сформулирована в свое время В.И. Равдоникасом (1956) по результатам раскопок Оленеостровского могильника, где в погребениях, несомненно, присутствуют предметы аналогичные изделиям культуры веретье (Гурина, 1956. Рис. 35, 36, 38). Предполагалось, что группы родственного по происхождению и близкого по культуре населения обитали у восточных побережий Онежского озера и на смежных территориях в течение длительного времени и хоронили своих умерших на острове, "за водой".

На основной территории культуры веретье и вблизи от поселений открыты **могильники Попово и Песчаница.** Вещественный материал из погребений позволяет относить их к культуре веретье. Антропологические материалы, восстановление которых большей частью сделано И.И. Гохманом, дают представление о рассматриваемой группе древнего населения. В могильниках культуры веретье представлены архаические европеоиды, относительно высокорослые, с грацильным лицевым отделом, с развитой мускулатурой (Гохман, 1984; Беневоленская, 1990; Мамонова, 1995; Ошибкина, 1998). У палеоантропологов не вызывает сомнения близкое сходство описанного антропологического типа и европеоидной группы индивидуумов, составляющих наиболее многочисленную и древнюю группу Оленеостровского могильника, выделенную В.П. Якимовым (1960), сопоставлявшим их с антропологическими находками Северной Европы. Таким образом, находит подтверждение гипотеза о движении населения сначала вдоль южных побережий Анцилового озера в восточном направлении в течение пребореала, затем из Восточного Прионежья на северо-запад в направлении Ботнического залива в середине – второй половине бореала. В северо-восточном направлении заметной миграции как будто не было, хотя такая возможность не исключена. Известная торфяниковая стоянка Вис I, как полагает исследовавший ее Г.М. Буров (1967; Burow, 1973), связана своим происхождением с культурой веретье и прибалтийским мезолитом. Новые материалы памятников культуры веретье показывают, что их сходство с Вис I ограничивается чертами общими для мезолита, тогда как для действительно конкретных сопоставлений оснований недостаточно. Тем не менее очевидно, что на Крайнем Северо-Востоке Европы в мезолите сложились своеобразные культуры приуральской и западной традиции. Стоянка Вис I выделяется среди них известным своеобразием и чертами сходства с поздним мезолитом прибалтийского региона. С другой стороны, материалы из торфяника Вис I и стоянок парчевской культуры имеют общие черты, позволяющие относить их к культурам западной традиции (Волокитин, 1997. С. 106–118).

Культура веретье представляет собой яркое явление эпохи мезолита. На ее примере видно, что, начиная с пребореального периода, происходило активное освоение человеком северных широт, при этом в первую очередь были освоены побережья и бассейны озер ледникового происхождения. В бореальное время уже существовали постоянные поселения с организованной территорией, жилыми и хозяйственными постройками, площадками для работы с камнем и деревом. В небольшом отдалении от поселений на специально выделенных участках устраивались могильники, сложный погребальный обряд которых свидетельствует о сложившихся культурных традициях в отношении к умершим. Наряду с поселениями существовали временные стоянки промыслового характера. Судя по всему, древние сообщества имели определенную социальную структуру.

Время существования культуры веретье охватывает конец пребореального и весь бореальный периоды. На основании радиокарбоновых дат, спорово-пыльцевых анализов и аналогий археологического материала с датированными памятниками мезолита на сопредельных территориях определяется возникновение и существование в Восточном Прионежье поселений и связанных с ними могильников культуры веретье. К пребореалу относится могильник в местности Песчаница, к первой половине бореала Веретье 1 могильник Попово и поселение Сухое, ко второй половине бореала – Нижнее Веретье, к концу бореального периода – стоянка Лукинчиха.

О происхождении населения, оставившего памятники культуры веретье, существуют разные версии. Иногда считают, что генетически оно связано со свидерской культурой позднего палеолита, хотя их разделяет большой промежуток времени, значительное пространство и отсутствие характерных форм наконечников на пластинах, равно и техники обработки кремня, характерной

для свидерской культуры. Большинство исследователей придерживаются мнения, что культура веретье связана происхождением с культурой кунда или, в более широком смысле, с культурами мезолита балтийского круга (Kozlowski, 1975. P. 256, 257; Ошибкина, 1983; 1997; Carpelan, 1999; Ostrauskas, 2000).

Работа выполнена по гранту РГНФ № 030100698А.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Беневоленская Ю.Д. Расовый и микроэволюционный аспекты краниологии древнего населения Северо-Восточной Европы // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. Рига, 1990.

Брюсов А.Я. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // Поселения эпохи неолита и раннего металла на Севере Европейской части СССР. МИА. 1951. № 29.

Буров Г.М. Древний Синдор. М., 1967.

Волокитин А.В. Мезолит // Археология Республики Коми. М., 1997.

Гохман И.И. Новые палеантропологические находки эпохи мезолита в Каргополье // Проблемы антропологии древнего и современного населения севера Евразии. Л., 1984.

Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник // МИА. 1956. № 47.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

Зайцева Г.И., Тимофеев В.И., Загорская И., Ковалюх Н.Н. Радиоуглеродные даты памятников мезолита Восточной Европы // Радиоуглерод и археология. 14С. Вып. 2. СПб., 1997.

Косменко М.Г., Витенкова И.Ф. Мезолитический слой поселения Муромское 7 // СА. 1980. № 4.

Косорукова Н.В. Памятники типа Андозеро-М в бассейне Шексны // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998.

Мамонова Н.Н. Палеоантропологические материалы мезолита северных регионов России (предварительное сообщение) // Вопросы антропологии. Вып. 88. М., 1995.

Ошибкина С.В. Мезолитическая стоянка Андозеро-М // КСИА. 1979. Вып. 157.

Ошибкина С.В. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М., 1983.

Ошибкина С.В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.

Ашибкина С.В. Археологическая характеристика мезолитических могильников Европейского Севера России // Вестник антропологии. Вып. 5. М., 1998.

Ошибкина С.В. Культура веретье. Характеристика поселений // De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits. Tallinn, 2000.

Равдоникас В.И. Неолитический могильник на Южном Оленьем острове Онежского озера // Гурина Н.Н. Оленеостровский могильник. МИА. 1956. № 47. Введение.

Спиридонова Е.А. Заключение по результатам спорово-пыльцевого анализа стоянки Веретье 1 в Архангельской области // Ошибкина С.В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. Приложение 1. М., 1997.

Фосс М.Е. Стоянка Веретье. (Отчет Северной экспедиции ГИМ о раскопках 1929–1934 гг. торфяника в бассейне оз. Лача) // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XII.

Шевелев В.В. Новые памятники культуры веретье на озере Лача // РА. 1999. № 4.

Якимов В.П. Антропологические материалы из неолитического могильника на Южном Оленьем острове (Онежское озеро) // Сб. Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. 19. М.; Л., 1960.

Burow G.M. Die mesolithischen Kulturen im aussersten europaischen Nordosten // The Mesolithic in Europe. Warsaw, 1973.

Carpelan C. On the Postglacial Colonisation of Eastern Fennoscandia // Dig it Oll. Papers dedicated to Ari Siiriainen. Helsinki, 1999.

Gramsch B. Ausgrabungen auf dem mesolithischen Moorfundplatz bei Friesack, Bezirk Potsdam // Veroffentlichunden des Museums fur Ur- und Fruhgeschichte Potsdam. Bd. 21. Berlin, 1987.

Indreko R. Die mittlere Steinzeit in Estland. Stockholm, 1948.

Jaanits L., Jaanits K. Ausgrabungen der fruhmesolithischen Siedlung in Pulli // Toimetised Eesti NSV Teaduste Akademia, № 27. Tallinn, 1978.

Kozlowski S.K. Cultural Differentiation of Europe from 10th to 5th millennium B.C. Warsaw, 1975.

Ostrauskas T. Mesolithic Kunda culture. A glimpse from Lithuania // De temporibus antiqissimis ad honorem Lembit Jaanits. Tallinn, 2000.

Zagorska I. Das Fruehmesolithikum in Lettland // Mesolithikum in Europa. Berlin, 1981.

The Mesolithic culture Veret'ye. Chronology and periods

S. V. Oshibkina

Summary

Man's settling in the North had become possible in the Younger Dryas, nevertheless, the reliable traces of this process can be dated as late as the Preboreal period. In the final Preboreal – early Boreal the Mesolithic culture Veret'ye came into being in the territory eastward from the Lake Onega. The principal sites of the culture are located at the lakes Vozhe and Lacha, while the separate finds attributed to the culture mark penetration of the discussed group of hunters and gatherers from the south-west. The latter is confirmed by the analogies in the archaeological materials of the Baltic cultural circle and the data of physical anthropology. The author dwells upon the chronological position and sequence of emergence and functioning of the dwelling sites, camps, and cemeteries of the discussed Mesolithic culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 111–119

ДИСКУССИИ

СМЕШЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ИЛИ ТРАДИЦИЯ СМЕШЕНИЯ?
(Часть первая)

"Все смешалось в доме Облонских".
Л.Н. Толстой "Анна Каренина".

© 2004 г. А. Н. Сорокин
Институт археологии РАН, Москва

В отечественной литературе давно и прочно утвердился тезис о взаимодействии древних групп населения между собой. Контакты населения в древности представляются настолько очевидными, что практически не возникает желания усомниться в необходимости проверки тех оснований, на которых базируются эти выводы. Можно наугад открыть почти любую статью или монографию и прочесть: "Скудость имеющихся данных не позволяет предположить хорошо обоснованную *картину*[1] *взаимодействия развитых и архаичных археологических культур* ранней поры верхнего палеолита Восточной Европы. Все же ряд наблюдений говорит о том, что эти *культуры развивались не в изоляции, но в тесном взаимодействии друг с другом*" (Аникович, 1997. С. 151, 152). "*С трудом улавливаются признаки, позволяющие говорить о контактах между* одновременными архаичными и развитыми *культурами.* Ответственность пришлых "ориньякцев" за возникновение шательперрона признается большинством исследователей, но детальный типологический анализ шательперронских и ориньякских индустрий *выявляет скорее существенные различия, чем сходство, которое можно было бы однозначно трактовать как результат контактов*" (Аникович, 1997. С. 153); "Такая ситуация в мезолите Лесостепного Подонья свидетельствует о том, что на протяжении всей эпохи *формирование местных индустрий происходило в результате* сложного передвижения и вызванного этим *взаимодействия* самых разных *племен*, включая автохтонные этносы" (Бессуднов, 1997. С. 17); "Начиная с позднего палеолита, *на Урале происходили постоянные контакты* восточноевропейского, сибирского и среднеазиатского *населения*, что проявилось в сложении здесь своеобразного уральского смешанного антропологического типа – европеоидного с примесью монголоидности" (Голдина, 2001. С. 45); "Приведенные данные позволяют предположить существование в Приуралье в эпоху развитого и позднего мезолита единого этнокультурного пласта... В пределах этого региона имеются хронологические и локальные *особенности каменной индустрии, усиливающиеся в зонах контакта с соседними территориями* – Зауралья, Волго-Окского междуречья, Средней Волги... Как показывают исследования в других лесных зонах Восточной Европы, ... процессы *возникновения новых элементов в культуре обусловлены* многими факторами: геоморфологическими изменениями, *миграцией населения, его контактами*" (Гусенцова, 1993. С. 65–67). "Этот могильник отражает *процесс смешения пришлого населения с кремневым инвентарем, ... и местного населения с кварцево-сланцевым инвентарем*" (Жилин, 1999. С. 7). "Многие памятники позднего мезолита Среднего Поволжья ... сочетают в каменном инвентаре черты описанных культур: бутовской, камской, усть-камской, романовско-ильмурзинской, *население* которых *контактировало друг с другом в этом регионе*" (Жилин, 2001. С. 22). "*Часть коморницкого населения вступает в контакт с постсвидерским*, при этом происходит процесс взаимоассимиляции, *после чего появляется синкретическая таценки-кудлаевская культура*" (Кольцов, 2000. С. 59). "*...анализ голокаменского сырья* и его распространения *позволил установить существование контактов* особого рода. *Контакты между долговременными поселениями и мастерской* имели производственный характер. Причем *в этих контактах была скрыта информация и о социальной организации местного населения. Контакты между долговременными поселениями и кратковременными стоянками* носили уже другой характер – производственный... В комплексе Евсинихи присутствует наконечник стрелы, близкий к поствсвидерскому... По всей видимости, данная ситуация фиксирует *контакт уже культурного плана*, т.е. проникновение мезолитического населения с западного склона Урала" (Сериков, 2002. С. 110); "На этих озерах зафиксировано от 10 до 40 мезолитических памятников, однако голокаменское сырье обнаружено только на одном из них (на каждом озере). По своему качеству оно значительно уступает сланцам, халцедону, яшме, поэтому оно навряд ли могло служить объектом обмена. Зна-

[1] Здесь и далее курсив мой – *А.С.*

чит, оно попало на указанные озера вместе с его носителями, т.е. с членами "голокаменского племени"; следовательно, *данные контакты можно считать уже межплеменными* (Сериков, 2002. С. 111). "Васильево вписывается в круг мезолитических памятников Восточной Прибалтики и Прионежья и может быть датировано самым началом бореала... Бореальным временем датируются и те *аналогии, которые позволяют фиксировать контакты Васильево с бутовской культурой...*" (Сидоров, 2000. С. 123). "В мезолите *устанавливаются контакты носителей анетовской и гребениковской культур*, и их совместное продвижение прослеживается по междуречью Днестра и Дуная" (Смольянинова, 1990. С. 97). "...сухонская *культура или отделилась от бутовской* на поздних ступенях развития последней *или находилась с ней в постоянной и прочной связи, как с родственной группой населения*" (Кольцов, Жилин, 1999. С. 78); "*трапеции*, вероятно, *были заимствованы бутовским населением еще на ранних этапах его развития ... в иеневской культуре*" (Кольцов, Жилин, 1999. С. 71); "*В процессе* своего *существования и контактов с другими культурами бутовская культура постоянно обогащалась новыми элементами* или теряла старые, отжившие, уже ненужные формы. *Это естественный процесс развития любой культуры*, тем более мезолитической, *что связано* с подвижным образом жизни людей в это время и *постоянными контактами с носителями других культур*" (Кольцов, Жилин, 1999. С. 72); "...эти изделия определяют хронологию Лиственки и *свидетельствуют о контактах с иеневской культурой*. Поствидерские наконечники ... сделаны из кремня высокого качества, возможно, из местонахождений Верхней Волги, можно предположить, что *продолжаются контакты и с населением бутовских стоянок... Наличие* серии *долотовидных орудий может свидетельствовать о наличии связей с другими культурами* (кундская, мезолит Карелии)" (Косорукова, 1997. С. 17). "Местные общины на западе Украины могли обменивать обсидиан и другое сырье на продукты, которые у них были в избытке. *Результатами таких контактов, вероятно обмена, могли быть и орудия*. Так, А.П. Черныш зафиксировал на памятниках Среднего Поднестровья отдельные наконечники свидерского типа, предметы из хрусталя (Молодово V) и неместного кораллового известняка (Атаки VI). *Это может быть свидетельством обмена, заимствований*, других хозяйственных и близких операций между первобытными коллективами (Мацкевой, 1991. С. 108); "*группа памятников* типа Старуня 1 ... *сложилась в результате взаимодействия носителей свидерских черт и близких им культур с коллективами с геометрическими микролитами*, особенно с трапециями. Это обычно приводило к взаимоассимиляции и возникновению новой общности. Такое образование новых культур известно на многих территориях... Вероятно *и на территории запада Украины* на рубеже палеолита – мезолита и позднее *происходили подобные контакты*, а в ряде случаев и слияние различных культурных проявлений, *что приводило к созданию новых гибридных культур*" (Мацкевой, 1991. С. 123); "...уже с момента своего появления на территории Карелии *пришельцы завязывали тесные контакты с аборигенами* и заимствовали их навыки в технике производства орудий из местных пород камня... *Поселения пришельцев были в это время небольшими островками в море аборигенов, и это одна из основных причин их тесных контактов с местным населением*" (Панкрушев, 1978. С. 64); "*Стоянка* Олений Остров *содержит в своем инвентаре изделия аборигенов ... и поделки пришельцев. Это свидетельствует о смешанном составе ее обитателей...*" (Панкрушев, 1978. С. 65); "...изменения, в результате которых могильник утратил значение объединяющего и стабилизирующего фактора, не связываются с влиянием извне ни в виде миграционной волны нового населения, ни в каком-либо ином, при том, что *контакты с соседними*, в первую очередь кремненосными, *областями продолжали существовать*. Наиболее оживленными они были в период функционирования могильника, далее шли на убыль, но никогда полностью не прерывались" (Филатова, 2002. С. 205); "исследователи признают вероятным *принадлежность могильника особой группе* в рамках "кремневого мезолита", *выполнявшей роль посредников в обменных операциях и контактах с населением соседних областей* и представителями "местной кварцево-сланцевой культуры" (Филатова, 2002. С. 211).

Полагаю, нет нужды продолжать цитирование. Сказанного достаточно, чтобы показать, что утверждение о контактах населения является рядовым в литературе. Даже если оставить в стороне фактологическую основу и стилистические погрешности цитат, ясно, что фиксируемый археологами материал создает благодатную почву для вывода о "смешении традиций". При таком глобальном взаимодействии все и вся непонятным остается лишь одно: почему все-таки до сих пор существуют разные этносы? Не объяснимым остается и тот факт, что археологический материал различается между собой и не имеет следов абсолютной унификации. Возникает вопрос: не слишком ли часто случаи взаимной встречаемости разнородного археологического материала интерпретируются в качестве контактов населения и не имеют ли эти наблюдения какое-то другое, весьма прозаическое объяснение, например: "контакты вещей" в результате механического смешения материалов? Перефразируя известное выраже-

ние, уместно сказать: смешение традиций или традиция смешения? – вот в чем вопрос.

В самом деле, с чем мы в реальности чаще имеем дело, со смешением традиций населения или традицией смешения материала, говоря иначе, со взаимодействием людей или процессами, стандартно приводящими к "взаимодействию" вещей? Если судить по литературе, то ответ однозначен: процесс исторического развития – это процесс перманентного взаимодействия людей друг с другом. Но так ли это? Полагаю, что ответ на этот вопрос весьма актуален для мезолитоведения, более того, без него нельзя приблизиться к реконструкции прошлой действительности.

Археологический памятник формируется как социоприродный объект и существует до своего археологического изучения исключительно как объект природной среды. Это не может не определять ее, если не ведущей, то весьма существенной роли как в генезисе, так и "постпозиционной жизни" памятника. Накопленные к настоящему времени данные почвоведения и палеогеографии (Александровский, Мацкевой, 1989; Александровский и др., 1997; Величко и др., 1977; 1994; 1997; Гласко, Фоломеев, 1996; Демкин, 1997; Демкин и др., 1992; Долуханов, 1969; Кренке, Низовцев, 1997; Палеогеографическая основа..., 1994; Палеогеография Европы..., 1982; Развитие области..., 1996; Синицын, 1990; Спиридонова, Алешинская, 1996; 1999; Фоломеев и др., 1990; Хотинский, 1977; Хотинский и др., 1979) позволяют утверждать, что с памятниками действительно происходят метаморфозы, приводящие к существенной трансформации не только их культурных слоев, но и самой сущности источников. Объем статьи заставляет остановиться лишь на одном аспекте затронутой темы – роли почвенных процессов в синкретизме археологических источников или, учитывая специализацию автора, – проблеме синкретизма мезолитических источников.

Большая часть мезолитических стоянок Восточной Европы, включая наиболее выразительные из них, располагается на территориях зандровых низменностей. Изучение полесий Восточной Европы показывает, что для них абсолютно стандартна ситуация поликультурности. Все сравнительно полно исследованные регионы дают не просто примеры присутствия "чистых" памятников разных мезолитических культур, но и в них обязательно присутствуют памятники с би- и/или поликультурными признаками. Повторяемость полиморфных "комплексов" создает эффект их "объективной реальности". Тем не менее, опыт показывает, что в ряде случаев синкретические комплексы, даже при их повторяемости, возникают не в итоге взаимодействия древнего населения, а образуются как результат механического смешения артефактов. Приведу лишь несколько примеров.

Значительные коллекции собраны в Полесье на оз. Нобель. В них сочетаются типичные свидерские наконечники с высокими трапециями. Эти пункты вошли в археологическую литературу как памятники нобельского типа (Телегин, 1985). Однако исследования Л.Л. Зализняка (1989; 1991; Залізняк, 1999) показали, что в Полесье имеются "чистые" свидерские финально-палеолитические стоянки и мезолитические коморницкие, а все случаи сочетания находок этих культур – результат механической смешанности, а не культурной метисации.

На ряде мезолитических стоянок типа Студенок в Новгород-Северском полесье присутствует неолитическая керамика, а на неолитических стоянках типа Вырчище – мезолитоидный кремень. Это послужило основанием для вывода о генезисе неолита с ямочно-гребенчатой керамикой Украины из индустрии типа Студенок (Неприна и др., 1986). Источниковедческий анализ, выполненный автором, свидетельствует, что керамика с мезолитическим инвентарем не связана, а присутствующие на стоянках типа Вырчище мезолитические кремневые изделия – это механическая примесь.

На стоянке Песочный Ров в Новгород-Северском полесье М.В. Воеводским были встречены двусторонне обработанные изделия, которые он счел за своеобразный признак деснинской мезолитической культуры (Воеводский, Формозов, 1950). Работа с описями, проведенная автором, показала, что все эти предметы происходят из поздних ям и перекопов. Последующие раскопки этого памятника, проведенные Л.Л. Зализняком, подтвердили, что двусторонне обработанные изделия к мезолитическому комплексу отношения не имеют (Неприна и др., 1986).

В Юго-Восточном полесье на стоянке Тетерев 3 кукрекские вкладыши встречены совместно с постсвидерскими наконечниками (Зализняк, 1989. С. 61), на стоянке Приборск 3 аренсбургские наконечники найдены вместе с яниславицкими остриями (Зализняк, 1989. С. 56), в Бородянке 3в имеются яниславицкие острия и кукрекские вкладыши (Зализняк, 1989. С. 52), в Рудом Острове встречены яниславицкие острия и постсвидерские наконечники (Зализняк, 1989. С. 49), в Мартыновичах – аренсбургские наконечники и коморницкие острия (Зализняк, 1989. С. 41), на стоянке Мураги песочноровские наконечники найдены вместе с постсвидерскими наконечниками стрел (Неприна и др., 1986. С. 61), в Кудлаевке 6 – коморницкие и постсвидерские материалы (Зализняк, 1984) и т.д.

На стоянках Белорусского полесья Аврамов Бугор и Бабулин Бугор совместно залегают материалы аренсбургской, свидерской и песочноров-

ской культур (Калечиц, 1987), в Красновке – яниславицкой и кундской культур (Ксензов, 1996; 1997). Опущу другие многочисленные данные по территориям Украины и Белоруссии и приведу несколько примеров по зандрам России. При раскопках стоянки Рессета 3 в Жиздринском полесье было найдено фатьяновское погребение (Дукельский, Сорокин, 1986). Оно залегало на 140 см ниже основания культурного слоя. В заполнении помимо изделий эпох бронзы и мезолита находился развал неолитического сосуда. Данных об осознанном помещении разновременных находок в могильную яму нет, но одновременность их попадания туда очевидна. Более важна, однако, другая особенность: во время раскопок ни в плане, ни на профилях могильная яма эпохи бронзы не была заметна. Хотя, как установлено, она имела размер не менее 2 × 3 м. Этот пример красноречиво свидетельствует о самой главной специфике полесских памятников: глубокой геоморфологической переработке культурных слоев и полной неразличимости к моменту раскопок границ разновременных отложений. Что же говорить о возможности механического смешения на территории полесий отложений и находок одной эпохи?

Все "многослойные" поселения Мещерской низменности, особенно содержащие органику, такие как Черная Гора, Владыченская Береговая, Шагара 1 и 2, Совка 1 и 2, Ибердус и др., дают обилие разнокультурных и разновременных материалов, заключенных в однородную гумусированную толщу, находки из которой разделить даже типологически практически невозможно. Число "многослойных" поселений, где смешаны разновременные и разнокультурные материалы, столь велико, что сам этот термин теперь принято писать без кавычек. Фактически он превратился в свой антипод, т.е. из понятия "памятник с несколькими отдельными стратиграфическими слоями" в памятник, слои которого перемешаны. Но если подобная "многослойность" – это норма для "керамической эпохи", когда факт смешанности легко установим, то можно допустить, что и в бескерамическое время смешение разнокультурных материалов – если не норма, то явление вполне возможное. В самом деле, куда ни взглянуть, будь то Украина, Белоруссия или Россия, Днепровский, Волжский, Окский, Днестровский, Деснинский или Камский бассейны, Припятское, Волынское, Киевское, Юго-Восточное, Жиздринское или Мещерское полесья, Балахнинская низина или Камская низменность, монокультурность присуща лишь тем локальным участкам зандров, которые слабо исследованы. Эта же картина характерна и для других сходных с полесьями геоморфологических регионов, как, например, территории Украины – Причерноморская низменность, или юга России – Прикаспийская низменность. Нет нужды продолжать этот список: сказанного достаточно для вывода о всеобщности на территории полесий Восточной Европы памятников с синкретическими признаками. Очевидно также, что в ряде случаев при раскопках мы получаем не метисные, а именно смешанные материалы, что природа образования ряда комплексов с "поликультурными признаками" именно механическая, а никак не культурная. Объяснение этому факту вполне очевидное: на зандровых низменностях по рекам и особенно вокруг озер не так много удобных для заселения мест и люди вынуждены были неоднократно осваивать одни и те же участки. Конечно, топография и геоморфология конкретных мест претерпевала изменения и те из них, которые не оказывались у воды, люди переставали заселять. Тем не менее оставалось достаточное число и таких, которые не теряли своего практического значения в течение тысячелетий. Здесь и возникали объективные предпосылки для механического смешения материалов. Поэтому любой, сравнительно полно изученный регион дает примеры культурного многообразия и присутствия памятников с "поликультурными" признаками. В тех случаях, когда факт смешанности неочевиден, эти наблюдения традиционно интерпретируются как результат контактов населения, а регионы, где имеются поликультурные памятники, обозначаются термином "контактные зоны". Сам термин заимствован из этнографии, где он применяется для обозначения географического пространства, в пределах которого происходит взаимодействие различных этносов. Слово "контакт" в переводе с латинского языка означает соприкосновение, связь. Таким образом, этот термин призван обозначить особые географические территории на периферии качественно разных культурных явлений, своеобразные переходные зоны, где, с одной стороны, осуществляются обмен и передача культурных достижений, а с другой – этот процесс протекает в наиболее концентрированном виде (Андрианов, Чебоксаров, 1975; Арутюнов, 1982; Дергачев, 1990; Козлова, 1982).

Область применения этого термина в археологии гораздо уже, чем в этнографии, так как в археологии чрезвычайно мало признаков, по которым можно судить о фактах обмена и заимствования. Специфика понятия "контактная зона" в археологии состоит в том, что она не дана археологу непосредственно, а реконструируется в результате определенных исследовательских процедур. Впрочем, и для этнографов вопросы этнокультурных контактов и характер возникающих при этом связей, следы их воплощения и материализации представляют одну из самых сложных областей исследования, причем требуется фронтальное сопоставление всех данных (Чистов, 1993). Что же тогда говорить об археологии, где объектом исследования являются не сами процес-

сы взаимодействия народов, а всего лишь их специфические следы?

Анализ археологических данных территории Восточной Европы показывает, что практически отсутствуют регионы, не имеющие признаков "контактных зон". Значит, логично предположить, что имели место не массовые контакты разнокультурного и, по свидетельству социальной психологии, сплошь и рядом враждебного населения (Поршнев, 1979), а нечто другое, более реальное, но менее уловимое, чем при традиционном подходе, когда почти любой случай залегания разнокультурных находок в одном слое интерпретируется как факт взаимодействия оставившего их населения. Конечно, было бы нелепо вообще отвергать контакты населения в древности, но были ли они столь часты, чтобы число памятников с синкретическими признаками приближалось или даже превышало число памятников, где таких признаков нет? Ответ очевиден.

В момент функционирования мезолитической стоянки основная масса находок скапливалась на дневной поверхности. Естественно, что в процессе жизнедеятельности обитателей какая-то часть изделий втаптывалась в грунт, или, если рылись ямы и сооружались заглубленные жилища, опускалась ниже уровня дневной поверхности. Уже в процессе обитания и особенно после того, как люди уходили, материальные остатки перекрывались отложениями. В голоцене, как и в другие межледниковые эпохи, активны процессы почвообразования, поэтому культурный слой памятника неизбежно подвергался их воздействию: изменялась, если была, собственная окраска слоя, и находки "включались" в почвенный профиль. Это обстоятельство, а также известный "разлет" артефактов по вертикали приводили к тому, что находки "повисали" в заполнителе, и при раскопках они воспринимаются не иначе, как во взвешенном состоянии. Суть этого явления отражает широко употребляемый термин "горизонт залегания находок", призванный подчеркнуть отсутствие собственной окраски культурного слоя памятника и особенность пространственного распределения в нем находок. На деле, однако, это положение может быть и псевдовзвешенностью, т.е. находки продолжают сохранять ту структуру, которую они приобрели в момент формирования культурного слоя, хотя визуально они воспринимаются как утратившие контекст. Между тем наличие почвенных процессов позволяет говорить, что под их воздействием действительно могло происходить пространственное перемещение артефактов. Имеющиеся данные свидетельствуют, что естественная сортировка материалов затрагивала все памятники, но в одних случаях она приводила к частичной переработке их пространственной структуры, а в других – к полной. Если через какой-то промежуток времени на данном месте возникала другая стоянка, то разделенность артефактов по вертикали могла существовать лишь при наличии между двумя разными слоями стерильной прослойки, а также отсутствии почвенных процессов. В ряде случаев процессы разрушения слоев были столь интенсивны, что разновременные материалы не спасали от смешения даже стерильные прослойки. Тем не менее было бы ошибкой утверждать и обратное, что слои всех мезолитических памятников в итоге оказывались перемешанными. Просто ситуация, при которой находки могут быть перемещены, а слои смешаны, реальна, и с этой реальностью надо считаться как при полевых исследованиях, так и на уровне осмысления и интерпретации материала. В современных условиях для установления пространственной структуры памятника и определения "чистоты" материалов положительные результаты дает полевая методика фиксации находок по трем координатам с последующим построением трехмерных моделей (Аникович, 1987; Сорокин, 1989; Леонова, 1990; Борисенко и др., 1996).

Далее целесообразно рассмотреть теоретическую и археологическую вариативность взаимовстречаемости. Если на контрольной территории существовала одна группа населения, то теоретически и археологически будут встречены только монокультурные памятники, а различия между ними будут хронологическими и/или функциональными. Если на какой-либо территории обитали две разные группы населения, то могут быть найдены "чистые" памятники двух культур, а в случае контактов их населения – еще и "метисные", т.е. сочетающие в одном комплексе признаки разных традиций. Следовательно, всего будет представлено три "варианта культуры". Можно предположить, что какое-либо население контактировало с метисным населением, но результат "вторичной метисации" археологически выделить невозможно.

Если контактируют три разных группы населения, то могут быть найдены "чистые" памятники каждой из этих культур (А, Б, В) и четыре варианта коллекций с поликультурными признаками или "метисов первого порядка" (АБ, АВ, БВ, АБВ). При взаимодействии какого-либо населения с метисным населением может возникнуть еще не менее 12 "метисных вариантов второго порядка" и шести "метисных вариантов третьего порядка". Однако результаты и всех этих "повторных метисаций" археологически выделить невозможно, так как все они будут давать сочетания, состоящие в конечном итоге из компонентов "метисов первого порядка" (АБ, АВ, БВ, АБВ). При контакте четырех разных групп количество основных и "метисных комплексов первого порядка" возрастает до 10, а "метисов второго" и "третьего порядка" будет вдвое больше, чем при метисации трех куль-

тур, и т.д. по возрастающей. Все это, однако, идеальная картина. Более реальна ситуация, при которой не все группы населения взаимодействовали друг с другом, или та, при которой либо "чистые", либо "метисные" поселения могли не сохраниться или не быть раскопанными. Следовательно, археологическая вариативность определяется как реальными обстоятельствами формирования и бытования археологических источников, так и состоянием изученности конкретного региона.

Методологически важно то, что контактировать может только одновременно жившее население, а люди, отделенные друг от друга во времени, не могут непосредственно взаимодействовать друг с другом. Тем не менее *археологически довольно обычна ситуация, когда на одном памятнике в пределах одного слоя присутствуют заведомо разновременные материалы.* Это позволяет предположить, что метисные комплексы могут возникать и по не зависящим от человека причинам, например механического смешения материалов, т.е. образовываться в результате культурных и "внекультурных" процессов. Под "внекультурными" следует понимать случаи, которые вызваны естественными природными процессами, в отличие от культурных (генетических), т.е. таких, которые осуществлены непосредственно людьми. Специфика природных процессов состоит в том, что в них стандартно реализуется ситуация "контактов" разновременных изделий, как "чистых", так и метисных. Следовательно, если при культурном взаимодействии (аккультурации) метисные комплексы имеют признаки синхронных культур, то при механическом "взаимодействии" стандартно сочетание разновременных находок. Природа механического смешения по сути своей тоже двойственна: она может быть результатом деятельности людей (позднейшие перекопы) и результатом природных нарушений. Установив присутствие в одном комплексе разновременных материалов, мы можем считать это фактом механического смешения, а никак не продуктом культурных контактов. Такая простота теоретического вывода на практике не бывает столь же явной: различение "культурно" и "естественно" образованных комплексов упирается в слабую разработанность для восточно-европейского мезолита хронологии бытования разных типов вещей. Таким образом, различение характера контакта – культурного или природного – требует каких-то других признаков кроме сочетания разных культурных компонентов на одном памятнике. Ибо, несмотря на разницу природы этих явлений, их археологический результат одинаков: при раскопках археологом будет получена синкретическая коллекция. Разделение археологически наблюдаемых признаков на природные и историко-культурные возможно только при наличии в них "находок-маркеров" и/или гибридных (метисных) технологий, которые являются своеобразными "маркерами контактов" разных этносов. Их отсутствие в поликультурных комплексах указывает на естественную природу наблюдаемого явления (механическое смешение материалов). Напротив, присутствие "находок-маркеров" и/или метисных технологий со всей очевидностью свидетельствует о генетической связи, то есть факте аккультурации.

Нет сомнения, что контакты древнего населения начинались не с заимствования технологических приемов или мгновенного появления метисных предметов и технологий, а с обмена отдельными готовыми изделиями. Тем не менее, если на памятнике сочетаются только разные, в культурном отношении, находки и нет гибридных находок и/или технологий, неоправданно считать их бесспорным свидетельством культурного взаимодействия в силу высокой вероятности механического происхождения таких материалов. При нынешней изученности мезолита Восточной Европы и отсутствии значительных серий независимых дат, позволяющих строго синхронизировать отдельные памятники, нельзя отличить, когда имел место обмен вещами, а когда случайное смешение находок, оставленных подвижным мезолитическим населением, посетившим одно и тоже место. При этом ссылка на этнографические данные о самой возможности контактов разных этносов вряд ли уместна, так как мы не знаем ни конкретной численности древнего населения, проживавшего на любой территории, ни одинакового их возраста, т.е. была ли вообще возможность для взаимодействия разных групп населения. Калька этнографических данных на мезолит или палеолит в этом случае просто некорректна. По мере общественного развития население возрастало, и возможность возникновения контактов повышалась, но это не значит, что она была и реализовалась в древности постоянно. И это не значит, что любой синкретический памятник и даже серия таких памятников не смешаны механически. Традиционно, однако, само присутствие стоянок с би- или поликультурными признаками интерпретируется как свидетельство контакта. Уместно, однако, спросить, а на чем основывается такой вывод? Сказать, что только на интуиции конкретного исследователя, было бы справедливо лишь отчасти. Ведь археолог при раскопках действительно наблюдает и фиксирует эти "комплексы". Правда, сплошь и рядом бывает так, что сама используемая методика раскопок по штыкам, условным горизонтам или литологическим слоям приводит к тому, что памятник из стратифицированного становится смешанным, т.е. таким, пространственное распределение материалов на котором уничтожено полевым исследователем. В тех случаях, когда синкретические комплексы повторяются, создается подобие акси-

омы. Тем не менее это – либо ошибка, возникшая вследствие неверной интерпретации наблюдений и материалов, либо сознательное искажение фактов. Данный источниковедческий аспект всегда нужно иметь в виду, чтобы не абсолютизировать наблюдаемое, а четко понимать, с каким источником в каждом конкретном случае мы имеем дело, и каким метаморфозам он подвергся прежде, чем достался археологу-исследователю и археологу-читателю.

Источниковедческая критика и отсутствие четких критериев для различения процессов аккультурации и механического смешения обязывают воздерживаться от констатации обмена или контакта по тем материалам, в которых нет "*находок-маркеров*". Нет сомнения, что если контакты происходили, они неминуемо должны были реализоваться и материально. Ведь в результате обмена, т.е. эпизодических связей, сложения новой материальной культуры не будет. Новая культура – это не столько итог постоянного взаимодействия разных групп населения, сколько процесс их слияния, объединения и рождения нового качества. (Процесс образования культур путем "деления", несомненно, существовавший в истории, здесь не рассматривается, так как он не требует контакта популяций). Поскольку *сложение признаков может происходить и в результате естественных причин, то для установления факта культурного взаимодействия присутствие метисных изделий или технологий является обязательным. Отсутствие метисных форм на фоне массового числа памятников с поликультурными признаками – это свидетельство механической смешанности коллекций.*

Таким образом, ответ на вопрос, могут ли быть прослежены массовые контакты древнего населения при отсутствии "вещей-маркеров", напрашивается сам собой. Не могут. Присутствие на восточноевропейских зандровых низменностях многочисленных синкретических памятников заставляет предположить, что на всех этих территориях протекали вполне объективные, но неуловимые при традиционном подходе процессы, вызывавшие массовое, естественное образование поликультурных "комплексов". Очевидно, что в качестве такого глобального и объективного явления могут рассматриваться природные процессы. Их негативное воздействие и может быть тем механизмом, который вызывает трансформацию археологических памятников, приводит к образованию "синкретических" источников. Поскольку *процессы почвообразования и разрушения почвы – это природные явления, которые происходят в голоцене при известных условиях повсеместно* (Роде, Смирнов, 1972; Wood, Johnson, 1978), можно предположить, что *их воздействие не просто закономерно и проявляется повсюду, но именно они служат главной причиной метаморфоз, происходящих с памятниками.* Роль почвенных процессов в трансформации мезолитических источников будет рассмотрена во второй части данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., Бойцов И.А., Кренке Н.А. Почвы и культурный слой Москвы: строение, история развития, география // Изв. РАН. Сер. географ. 1997. № 3.

Александровский А.Л., Мацкевой Л.Г. Почвенно-стратиграфические условия залегания мезолита Западной Украины // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев, 1989.

Андрианов Б.В., Чебоксаров Н.Н. Историко-этнографические области (проблемы историко-этнографического районирования) // СЭ. 1975. № 3.

Аникович М.В. Всесоюзное совещание по методике полевых исследований памятников каменного века, посвященное столетию со дня рождения П.П. Ефименко // СА. 1987. № 1.

Аникович М.В. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Человек заселяет планету Земля. М., 1997.

Арутюнов С.А. Этнические общности доклассовой эпохи // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982.

Бессуднов А.Н. Мезолитические памятники лесостепного Подонья // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1997.

Борисенко В.И., Бубнов В.Ю., Смирнов А.С. Программный комплекс сопровождения археологических баз данных и анализа распределения массового материала в культурном слое поселений // Компьютеры в археологии. Матер. конф. "Опыт компьютерной обработки археологических материалов". Москва, апрель 1993 года. М., 1996.

Величко А.А., Андреев А.А., Климанов В.А. Динамика растительности и климата Северной Евразии в подледниковье и голоцене // Короткопериодичные и резкие ландшафтно-климатические изменения за последние 15 000 лет. М., 1994.

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997.

Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977.

Воеводский М.В., Формозов А.А. Стоянка Песочный Ров на реке Десне // КСИИМК. 1950. Вып. XXXV.

Гласко М.П., Фоломеев Б.А. Черепки – археологический и природный феномен долины Оки // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996.

Голдина Р.Д. Первоначальное заселение Урала древними людьми // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Березники, 2001.

Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск, 1993.

Демкин В.А., Лукашов А.В., Ковалевская И.С. Новые аспекты палеопочвенного изучения памятников археологии // РА. 1992. № 4.

Демкин В.А. Палеопочвоведение и археология. Пущино, 1997.

Дергачев В.А. О понятии "контактная зона" // Археологические культуры и культурная трансформация. Материалы методологического семинара ЛОИА АН СССР. Л., 1990.

Долуханов П.М. История Балтики. М., 1969.

Дукельский В.Ю., Сорокин А.Н. Фатьяновское погребение со стоянки Рессета 3 // КСИА. 1986. Вып. 185.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1999.

Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.

Зализняк Л.Л. Мезолит Юго-Восточного полесья. Киев, 1984.

Зализняк Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита. Киев, 1989.

Зализняк Л.Л. Население Полесья в мезолите. Киев, 1991.

Залізняк Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Европи. Київ, 1999.

Калечиц Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии. Минск, 1987.

Козлова К.И. Проблемы изучения контактных зон Среднего Поволжья // Вопросы этнографии Удмуртии. Ижевск, 1982.

Кольцов Л.В. О формах конца существования мезолитических культур Северной Европы // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.

Кольцов Л.В., Жилин М.Г. Мезолит Волго-Окского междуречья (памятники бутовской культуры). М., 1999.

Косорукова Н.В. Мезолит Молого-Шекснинского междуречья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1997.

Кренке Н.А., Низовцев В.А. Человек и ландшафт на территории Подмосковья в железном веке // История изучения, использования и охраны природных ресурсов Москвы и Московского региона. М., 1997.

Ксензов В.П. Мезолит Белорусского Подвинья // РА. 1996. № 3.

Ксензов В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси // РА. 1997. № 1.

Леонова Н.Б. Возможности планиграфии и микростратиграфии при современных полевых исследованиях // КСИА. 1990. Вып. 202.

Мацкевой Л.Г. Мезолит запада Украины. Киев, 1991.

Неприна В.И., Зализняк Л.Л., Кротова А.А. Памятники каменного века Левобережной Украины. Киев, 1986.

Палеогеографическая основа современных ландшафтов. М., 1994.

Палеогеография Европы за последние сто тысяч лет. Атлас-монография. М., 1982.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 1. Л., 1978.

Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979.

Развитие области многолетней мерзлоты и перигляциальной зоны Северной Евразии и условия расселения древнего человека. М., 1996.

Роде А.А., Смирнов В.И. Почвоведение. М., 1972.

Сериков Ю.Б. О контактах в мезолитической среде Среднего Зауралья // Уральский исторический вестник. Вып. 8. Екатеринбург, 2002.

Сидоров В.В. Васильево 1 – мезолитическая стоянка-мастерская // ТАС. Вып. 4. Т. 1. Тверь, 2000.

Синицын А.А. О признаках нарушений культурного слоя (по материалам стоянок, залегающих в костенковских гумусах) // КСИА. 1990. Вып. 202.

Смольянинова С.П. Палеолит и мезолит степного Побужья. Киев, 1990.

Сорокин А.Н. Исследования на новостройках и сохранность археологических памятниках // Новое в методике археологических работ на новостройках РСФСР. Тез. науч.-практ. семинара. Суздаль. 13–17 февраля 1989. М., 1989.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.А. Особенности формирования структуры растительного покрова Волго-Окского междуречья в эпоху мезолита // ТАС. Вып. 2. Тверь, 1996.

Спиридонова Е.А., Алешинская А.А. Опыт применения палинологического анализа для периодизации мезолита Волго-Окского междуречья // Забелинские научные чтения 1995–1996 гг. Исторический музей – энциклопедия отечественной истории и культуры. Тр. ГИМ. Вып. 103. М., 1999.

Телегин Д.Я. Памятники эпохи мезолита на территории Украинской ССР. Киев, 1985.

Филатова В.Ф. Оленеостровский могильник в системе мезолитических поселений Карелии // Археологические исследования в музее-заповеднике "Кижи". Кижский вестник. Вып. 7. Петрозаводск, 2002.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П. и др. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле. Материалы и исследования. Тр. ГИМ. Вып. 73. М., 1990.

Хотинский Н.А. Голоцен Северной Евразии. М, 1977.

Хотинский Н.А., Фоломеев Б.А., Гуман М.А. Археолого-палеогеографические исследования на Средней Оке // СА. 1979. № 3.

Чистов К.В. Взаимоотношения культур контактирующих этносов: влияния, взаимообмен, апперцепция, симбиоз, непроницаемость // Археологические изыскания. Вып. 11. Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Этнография и изучение культурных процессов. СПб, 1993.

Wood W.R., Johnson D.L. A survey of disturbance processes in archaeological site formation // Advances in Archaeological Method and Theory. V. 1. New York, 1978.

Mixture of traditions or the tradition of mixing? (Part I)

A. N. Sorokin

Summary

The theses concerning the contacts of population are commonly met in literature. Really, archaeological material provides favourable grounds for the conclusions on "mixture of traditions". But two questions naturally arise: 1) is it not too often that different archaeological materials discovered together are interpreted as the evidence of the population contacts, and 2) can such observations be explained in another, quite ordinary way, for example, as the "artefacts' contacts" caused by the material mechanically mixed up? Any archaeological site is formed as a socio-natural object, it exists as a purely natural structure until it undergoes excavations. Thus, natural environment should be viewed as the key factor both in the site genesis and its "post-positional" existence. The data of soil science and palaeogeography accumulated by now give grounds to state that the influence of environment leads not only to considerable transformations of the archaeological cultural deposits, but affects the very nature of the site as an archaeological source. The associations of syncretic character emerge mainly not as a result of interaction of the ancient population, but are formed by mechanical mixing up artefacts. The author considers natural processes as global and objective phenomenon with standard consequence of mechanically mixed up archaeological materials, the leading role of soil transformations is stressed. Their negative influence is not just of regular and global character, they are the basic reason of the metamorphoses archaeological sites undergo.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 120–125

ДИСКУССИИ

О ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

© 2004 г. Г. Ю. Стародубцев, А. В. Зорин, А. Г. Шпилев

Курский государственный областной музей археологии

Возникшая в начале 1990-х годов проблема незаконных раскопок за десятилетний период своего бурного становления и развития приобрела масштабы национальной трагедии. Основными причинами расцвета незаконных раскопок можно назвать несовершенство законодательства, доступность поискового оборудования, сложение слоя обеспеченных людей интересующихся древними предметами и, как это ни странно звучит, возросший интерес к отечественной истории. Большую роль сыграло также и то, что кладоискательское движение складывалось на базе клубов коллекционеров, изначально используя их организационные структуры и разветвленные связи.

О серьезности ситуации свидетельствуют материалы круглого стола, опубликованные в журнале "Российская археология" № 4 за 2002 г. К сожалению, о положении дел в Курской обл. там свидетельствовал материал, представленной С.П. Щавелевым, человеком, в общем-то далеким от проблем сохранения историко-археологического наследия, часто по-своему трактующим публикации в местной прессе.

Курская обл., в силу своего пограничного положения, оказалась в зоне внимания не только российских (Москва, Тула, Воронеж), но и украинских (Сумы) "специалистов" по несанкционированным раскопкам. К центрам местного кладоискательства можно отнести Курск, Курчатов и Рыльск, группы из которых не только активно "работают" на местных археологических памятниках, но и выезжают в соседние Брянскую, Белгородскую и Воронежские области. Администрация Курского государственного областного музея археологии неоднократно обращалась за помощью в УФСБ, УВД, Курскую таможню, ставила в известность областную администрацию, обращая их внимание на безостановочное разграбление памятников, называя имена руководителей и участников этих групп. Но, как правило, все это оставалось гласом вопиющего в пустыне.

Полнейшая безнаказанность приводит к тому, что курские кладоискатели становятся все более и более беззастенчивыми в своих действиях. Они приходят в музей с предложениями совместного исследования курских памятников на долевой основе. Получив же отказ, заявляют ученым: "Пока вы, нищие археологи, изыщете средства на раскопки хотя бы одного памятника, мы раскопаем всю Курскую область". Об амбициях этих людей свидетельствует и созданный ими сайт "Кладоискатель Черноземья", в котором демонстрируются "археологические, нумизматические, и другие находки, сделанные частными лицами на территории Курской области; их детальное описание, фото- и другая информация, медная и бронзовая пластика IX–XVII вв., продажа жителями Курска и области предметов коллекционирования". О том, что сайт рассчитан не только на жителей области, говорит такая услуга, как "бесплатная доставка в Москву или Санкт-Петербург, в другие города по договоренности". Интересно отметить, что названный в сайте контактный телефон принадлежит вполне официально действующему объединению – Курскому областному клубу нумизматов. Демонстрируются на сайте и предметы, фотографии которых вызывают у местных археологов настоящий шок. Среди них сребреник Владимира Святославича (1 тип, штемпель № 39), обнаруженный кладоискателями у д. Баницы (Льговский р-н), в "привычном для себя окружении брактеаподобных подвесок и подражаний куфическим дирхемам", а также сребреник Святополка, место находки которого неизвестно.

Следы еще одного сребреника из Курской обл. обнаружились недавно уже в Москве: 11 ноября 2002 г. через посредство Сберегательного банка РФ, ГИМ приобрел сребреник Владимира (Вестник ГИМ. 2002. № 4). Ранее эту монету предлагали для приобретения Курскому музею археологии за 1700 долл. Мы отказались от подобной сделки – и результат? В данном случае монету удалось приобрести ГИМу. Но с тем же успехом (и даже с большим) она могла уйти на сторону и пропасть без следа.

А.А. Формозов в своем выступлении на Круглом столе приводит пример с покупкой уникальной античной коллекции Эрмитажем: "под тем предлогом, что в противном случае все продадут за границу. Пусть лучше хорошие вещи останутся у нас. Доля смысла в этом есть, безусловно, но вот как вести себя в таких ситуациях – нужно подумать и какие-то рекомендации дать" (Незаконные раскопки... С. 79). Там же приводится и ряд других аналогичных случаев: "В результате разъяснительной работы среди коллекционеров два

клада были безвозмездно переданы в ГИМ и МГУ, еще один приобретен закупочной комиссией ГИМа" (Незаконные раскопки..., 2002. С. 84). Правильно ли это? Подобные случаи ведь не единичны, с ними сталкиваются многие.

В 2000 г. фондово-закупочной комиссией Курского музея археологии была приобретена коллекция арабских и джучидских монет, собранных на поселении, прилегающем к известному Ратскому городищу. К коллекции прилагалась схема памятника с нанесенными на нее местами находок каждой из монет. К слову сказать, владелец данной коллекции был вовсе не "некто господин Катышев", как утверждает С.П. Щавелев (Незаконные раскопки..., 2002. С. 86), почему-то полагая, будто курские археологи буквально состоят на службе у этого зловещего "профессора Мориарти" "черного" рынка древностей области", выполняя для него "экспертизу его добычи с курских городищ" и экспонируя "ее у себя для широкой публики на временной выставке "Старинные монеты России" в 1999 г.". Такая выставка, правда, действительно проходила тогда в музее, но экспонировалась на ней отнюдь не грабительская добыча "торговца антиквариатом", а обычная нумизматическая коллекция из 147 медных российских монет XVIII – начала XX в. Вряд ли это следует считать явлением более криминальным, чем ежегодные выставки коллекций курских филателистов, которые проходят в его же стенах.

Впрочем, речь сейчас не о том. Следовало ли отказаться и в данном случае? Где бы после этого "всплыли" эти 88 монет и 2 раковины каури? Следует ли вообще отказываться, если в руки музейных сотрудников хотя бы на время попадают редкие и просто уникальные предметы, если появляется возможность зарисовать и сфотографировать их? Или же лучше гордо "не заметить" этих вещей, отдав их судьбу целиком на откуп черному рынку? Или вызвать милицию и выслушать все, что может сказать разгневанный законопослушный гражданин, которого вдруг клеветнически обвиняют в неслыханных грехах, а он-то всего-навсего нашел какие-то вещицы у себя на огороде и принес их показать в музей? Или же, наконец, следует напасть на попавшегося под руку "кладоискателя", отобрать находки (если хватит сил!) и ... оказаться самому обвиненным в разбойном нападении с целью грабежа? Ничуть не утрируя, можно сказать, что других вариантов поведения в данной ситуации пока придумать сложно.

Встречи с грабителями "в полевых условиях" разнообразием вариантов также не блещут. Стоит вспомнить прозвучавшее выступление на Круглом столе: "Даже их [археологов] присутствие в Гнездове в разгар "черного сезона" (май–июнь) не может предотвратить разграбления ценностей: хорошо экипированные "черные археологи" с автомобилями, мобильными телефонами и оружием легко избавляются от назойливого внимания ученых. Мы чувствуем себя рядом с ними просто беззащитными" (Незаконные раскопки..., 2002. С. 84).

Аналогичная ситуация прослеживается не только в Гнездово. Ведь грабители в большинстве случаев ничуть не скрываются. Их имена, адреса и номера автомобилей зачастую известны, но что это дает? Даже в случаях задержания их во время сбора материала прямо на памятнике они через час-другой оказываются на свободе со своей добычей – милиция не находит в их действиях состава преступления и в лучшем случае штрафует за неуважение к представителям власти. В Курской обл. так происходило и на Липинском, и на Ратском археологических комплексах. Дело в том, что неоднократно высказываемое пожелание привлекать кладоискателей к судебной ответственности не укладывается, к глубокому сожалению, в нормы современного отечественного законодательства. Кладоискательство фактически легализовано ст. 233 Гражданского кодекса РФ, согласно которой собственниками клада являются лицо, "которому принадлежит имущество (земельный участок, строение и т.п.), где клад был сокрыт" и лицо, обнаружившее клад. Среди последних могут быть не только случайные люди, но и лица, целенаправленно "*производящие раскопки или поиск ценностей*". Под эту формулировку вполне попадают не только археологи, но и обычные грабители-кладоискатели. Правда, в этой же статье содержится пункт, согласно которому клад, содержащий "вещи, относящиеся к памятникам истории или культуры", подлежит передаче в государственную собственность за вознаграждение в размере 50% его стоимости. Однако это можно рассматривать скорее лишь как благое пожелание, поскольку такие клады, как правило, бесследно растворяются в бездне "черного" антикварного рынка.

Правда, необходимо отметить, что за уничтожение или повреждение памятников истории и культуры, взятых под охрану государства, ст. 243 УК РФ предусматривает наказание в виде штрафа в размере "от двухсот до пятисот минимальных размеров оплаты труда ... либо лишением свободы на срок до двух лет. Те же деяния, совершенные в отношении особо ценных объектов или памятников общероссийского значения, наказываются штрафом в размере от семисот до одной тысячи минимальных размеров оплаты труда ... либо лишением свободы на срок до пяти лет". Но эта статья может быть применена лишь в случае предоставления неопровержимых улик. Сделать же это весьма затруднительно, а подчас практически невозможно. Еще одной проблемой является ограбление кладоискателями невыявленных археологических памятников, на которые не распространяется действие этой статьи.

Правомерно провести сравнение: что будет с человеком, который занимается охотой в заповеднике? Общеизвестно – его объявят браконьером и поступят с ним соответственно. На то есть специальный закон, где предусмотрены меры наказания его нарушителей. А есть ли подобный закон относительно памятников археологии? И много ли существует археологических "заповедников" – не просто выявленных памятников, но еще и стоящих на госохране, имеющих свою охранную зону и свой штат "егерей"? Несомненно, приобретение браконьерски добытых предметов следует приравнять к элементарной скупке краденого, но случиться такое может лишь после того, как ограбляемые угодья получат надлежащую юридическую защиту. Тогда всякого субъекта, пытающегося сбыть с рук неизвестно откуда взятые им древности, можно будет с полным правом привлекать к ответственности. Тогда торговля древностями окончательно станет уделом черного рынка наряду с торговлей наркотиками (хотя, похоже, как и торговля наркотиками, никуда уже не исчезнет). Тогда романтические "кладоискатели" станут обычными "браконьерами", какими по сути и являются, тогда появится возможность обращаться с ними соответствующим образом.

Стоит, возможно, присмотреться и к зарубежному опыту. Ведь "черный рынок" древностей действует не только у нас. Как обстоит дело с охраной археологических памятников в тех же Соединенных Штатах? Там еще в 1906 г. президентом Т. Рузвельтом был подписан специальный "Акт о древностях" (Antiquities Act), согласно которому производить раскопки и сбор артефактов позволялось лишь специалистам, имеющим должную квалификацию и специальное разрешение, с последующей передачей материалов в открытые для широкой публики музеи. В 1935 г. был принят "Акт об исторических местах" (Historic Sites Act), принявший под федеральную охрану памятники истории и археологии, находящиеся на землях штатов, местных муниципалитетов и частных лиц. В 1960–1970-х годах последовала новая серия законов, благодаря которым был обеспечен действенный контроль над состоянием археологических памятников, введены в действие национальные и местные программы сохранения археологического наследия (National Historic Preservation Act, Archeological and Historic Preservation Act, Arhaeological Resources Protection Act). Результаты подобной целенаправленной политики можно теперь увидеть, даже бегло пролистав, например, журнал Департамента Национальных парков США "Common Ground", где специальный раздел посвящен именно новостям из сферы охраны памятников. Новости, публикуемые на этих страницах, выглядят довольно однообразно. Вот краткое изложение некоторых из них (Common Ground, spring 1996. V. 1. № 1. P. 8–11):

"Грабитель отправлен за решетку за невозвращение артефактов": 15 ноября 1996 г. некий Фредерик Дж. Линдауэр 61-го года из Мэнтона, Калифорния, был приговорен к двум годам заключения в федеральной тюрьме за нарушение приговора суда о возврате им артефактов, незаконно собранных на землях Лесного фонда Соединенных Штатов. В 1989 г. Линдауэр уже побывал под судом за незаконные раскопки поселения индейцев-яна, датируемого VI в. н.э., на территории Национального заповедника Лассен. Тогда его приговорили к 60 дням тюрьмы и годичному пребыванию под надзором полиции. Также он должен был возвратить Лесной службе США и племени яна собранные им предметы. Но затем выяснилось, что он утаил у себя около 2200 каменных орудий. Итогом стало вторичное судебное разбирательство и новый, более строгий приговор.

"Удача отвернулась от грабителей поля боя": В 1864 г. во время сражения при Олусти (Флорида) погибло более 2000 солдат армии северян и мятежников-конфедератов. Поле боя этого второстепенного сражения Гражданской войны имеет уникальное археологическое значение, поскольку в течение 130 лет после битвы все здесь оставалось в неизменном виде. Ныне оно находится под надзором Парковой службы штата Флорида, который осуществляет с 1982 г. единственный человек – рейнджер Фрэнк Логран. С некоторых пор он стал находить на поле пустые пачки из-под сигарет "Мальборо" и понял, что кто-то тайком посещает эту местность по ночам и систематически собирает рассеянные по полю предметы. Другими следами ночных визитов были ямки от 6 до 8 дюймов глубиной. За одну из ночей их появилось целых 176. Логран начал устраивать регулярные засады в окрестных зарослях и в январе 1995 г. его упорство увенчалось успехом. С помощью офицера Лесной службы Джима Эллиса и офицера Комиссии штата по охоте и рыболовству Дона Петтиджона Логран захватил врасплох пару грабителей, один из которых пытался отстреливаться. Оба преступника, 27-летний Рэндалл Эдвардс и 25-летний Дональд Хейден были схвачены, а следствие выявило и третьего сообщника, 23-летнего Рональда Пирсона. В его квартире был обнаружен склад похищенных раритетов: пуговиц, пуль, осколков ядер, поясных пряжек, предназначенных для продажи на черном рынке. Общая стоимость их превышала 3100 долл. Группа неоднократно совершала набеги на поле у Олусти, используя металлодетекторы и приборы ночного видения.

Далее тут же следует рассказ о приговоре за незаконные раскопки древних погребений (шесть с половиной лет тюрьмы преступнику, а также 4 месяца домашнего ареста и 3700 долл. штрафа для сообщника), о штрафе в 5000 долл. за соучастие в незаконной попытке продажи предметов, похи-

щенных с поля боя при Литтл-Бигхорн (преступник разоблачен агентом Национальной Парковой службы, действовавшим под видом покупателя – рыночная стоимость пуль, гильз, пуговиц и наконечников стрел составляла 15 000 долл.), о поимке еще двух "черных археологов" в Орегоне и т.д. Каждый номер ежемесячного журнала сообщает примерно о десятке подобных случаев – подробно, с указанием имен преступников, описанием нанесенного ими ущерба и с обоснованием приговора. При этом стоит обратить внимание на тот простой факт, что ловят злоумышленников отнюдь не профессиональные археологи, не музейные работники, не университетские профессора. Их ловят, выражаясь более привычными терминами, лесники, инспектора рыбнадзора, полицейские, сотрудники органов охраны памятников. Люди, непосредственно близкие к охраняемым объектам, исполняющие свои непосредственные обязанности, имеющие возможность противостоять даже вооруженным преступникам.

Впрочем, можно обратиться и к отечественной практике более чем вековой давности. Так, в середине XIX в. мониторинг историко-культурных ценностей был законодательно возложен на органы охраны правопорядка. В соответствии со статьей 792 "Свода губернских учреждений" "в случае, когда где-либо в стане будут найдены ...старые монеты и другие древности, или особенно замечательные произведения природы, становой пристав, узнав о том и получив сии древности ..., представляет оные в Полицейское Управление, для отсылки к губернскому начальству, и для объявления о забытых или потерянных вещах через Губернские ведомости. Становой пристав с тем вместе объявляет представившим ...найденные древности, что они непременно получат следующее им за то вознаграждение, по мере ценности представленной ими вещи, а именно: ... за древности всю настоящую цену золота, серебра или иного вещества, из коего они сделаны" (Полное собрание законов..., 1892. С. 164). Только благодаря добросовестной работе полицейских того времени мы обладаем сейчас информацией о находках кладов, о фактах обнаружения останков животных четвертичного периода, некоторых не дошедших до нашего времени памятников археологии.

Самым же действенным законодательным актом, направленным на сохранение археологического наследия, можно считать ст. 107-3 содержавшуюся в Уголовном Кодексе РСФСР 1925 г. Согласно п. 2 этой статьи ("Охрана памятников искусства, старины и природы") "должны быть установлены достаточные меры к охране археологических памятников (курганов, городищ, стоянок и т.п.) с тем, чтобы не производились никакие действия, разрушающие целость означенных памятников, а раскопки таковых производились бы исключительно на основании открытых листов, выдаваемых Отделом по делам музеев Главного управления научных учреждений Академического центра Народного Комиссариата Просвещения" (УК Р.С.Ф.С.Р., 1925. С. 186). В случае установленного бездействия власти, допустившей разрушение археологического памятника, к виновным применялись 1-я или 2-я части статьи 105. "1 часть предусматривает лишение свободы на срок не ниже 1 года со строгой изоляцией; 2 часть – в дисциплинарном порядке, с увольнением от должности, с возложением обязанности возместить причиненный деянием ущерб или загладить нанесенный вред или без таковых)" (УК Р.С.Ф.С.Р., 1925. С. 163). Вероятно, принятие законодательных актов, предусматривающих прямое наказание представителей исполнительной власти, допустивших уничтожение археологического объекта, целесообразно и в наше время.

На круглом столе прозвучала интересная мысль о постоянном мониторинге археологических памятников. Но памятник, просто регулярно посещаемый археологом (сколько их в каждой области на несколько тысяч только выявленных памятников?), отнюдь не будет гарантированно защищен от столь же регулярных наездов грабителей. Куда большую гарантию защищенности может дать появление *районных* инспекторов по охране памятников, имеющих надлежащие полномочия, опирающихся на четкие положения закона и поддерживающих тесный контакт с местными органами милиции. Особенно если часть средств, полученных от штрафов нарушителей, будет поступать непосредственно в фонды подобных районных инспекций. Тогда, пожалуй, ситуация сможет начать меняться в лучшую сторону.

Но что делать до тех пор? Следует ли полностью отказаться от любого рода контактов с представителями "кладоискателей" и тем самым лишиться возможности отслеживать их деятельность, спасать или хотя бы фиксировать их находки? Является ли подобная связь поощрением грабителей? Думается, что вряд ли. Грабители отнюдь не рассматривают музеи в качестве основных "рынков сбыта" своей добычи. Как правило, они не обращаются туда и за консультациями (по крайней мере в Курской обл.). Они самодостаточны и существуют параллельно музейной сфере. Если они и выходят на контакт с музейными работниками, то лишь в единичных случаях. Да и сами музеи в большинстве случаев не могут себе позволить затраты, необходимые для приобретения предметов у грабителей. Чаще, путем личных контактов, удается получить возможность хотя бы сфотографировать или зарисовать попавшие к ним вещи, ввести их тем самым в научный оборот. Подобная позиция, конечно, неприятна и уязвима для критики. Поэтому-то и следует принимать

срочные меры по коренному изменению положения дел в сфере охраны памятников.

В Курской обл. в последнее время, наконец, удается с трудом, но привлечь к этой наболевшей проблеме внимание общественности и руководства. Так 19 ноября 2002 г. в Курском государственном областном музее археологии по его инициативе был проведен круглый стол на тему "О состоянии сохранности исторического наследия Курской области, мерах по активизации работы правоохранительных органов в предупреждении и раскрытии посягательств на культурные ценности". В работе его приняли участие представители областных властных (комитет по культуре, комитет по природным ресурсам и геологии, департамент архитектуры и градостроительства) и силовых (УФСБ, УВД, Курская таможня) структур, руководители и сотрудники областных музеев (музея археологии, краеведческого музея, картинной галереи им. А.А. Дейнеки), Курского областного центра "Поиск", государственного педуниверситета, представители религиозных и общественных организаций, практически всех местных СМИ.

Во время круглого стола состоялся действительно откровенный и заинтересованный разговор о современном состоянии курских памятников истории, архитектуры и археологии, путях решения проблем, накопившихся в области сохранения историко-культурного наследия Курской обл. Результатом этой встречи явились разработка программы деятельности заинтересованных сторон на 2003 г. по принятию первоочередных мер по сохранению памятников истории и культуры области, по усилению взаимодействия различных органов и структур в защите национального достояния от уничтожения. Было решено, в частности, активизировать разработку охранных зон, подготовку и принятие региональных постановлений о сохранении объектов культурно-исторического наследия. После выполнения намеченной программы действий ни "кладоискатели", ни представители правоохранительных органов уже не смогут утверждать, будто нарушения закона не происходило, так как не были четко обозначены границы памятника. Кроме ряда перечисленных мероприятий совместно с областным комитетом по природным ресурсом и геологии началась работа над проектом создания историко-природного заповедника в верхнем течении р. Псёл. На этой территории, помимо сохранившегося практически в первозданном виде уголка природы, располагается уникальный памятник нашей истории эпохи Древней Руси – Гочевский археологический комплекс. Включение этого выдающегося памятника в рамки заповедника позволит более эффективно бороться с разрушающими его грабителями. Именно подобные конкретные меры помогут, надо надеяться, заложить основу для создания действенной системы охраны исторического наследия области.

Кроме того, в настоящее время как никогда необходима разъяснительная деятельность через наиболее доступные для обычного человека средства массовой информации, работа кропотливая, требующая терпения и умения находить баланс между интересами ученых и требованиями журналистов. Это, можно надеяться, поможет хоть немного сократить приток в ряды грабителей "молодого пополнения", сыграет свою роль в формировании общественного мнения. В данном случае вряд ли следует избегать общения с журналистами, представляющими массовые издания, пресловутую "желтую" прессу, следует лишь более тщательно контролировать их "творчество". В связи с этим не совсем понятно возмущение подобной деятельностью, высказанное на заседании круглого стола С.П. Щавелевым. Упомянутая им статья под "призывным" заголовком "Если вы хотите найти клад" содержит вовсе не "подробный рассказ ученого секретаря музея о находках и расхищении курянами монетных и вещевых кладов". На самом деле эта публикация посвящена пересказу курских преданий о кладах и народным приемам овладения ими. Сомнительно, что уважаемый докладчик действительно верит в то, что, последовав даваемым в статье советам, курские кладоискатели станут использовать вместо металлодетектора цветок черного папоротника или бросятся разыскивать пруд под Белгородом, над которым в Купальскую ночь поднимается светящийся столб с шепчущими голосами, указывающими на укрытый под водой клад. Да и заканчивается упомянутая статья однозначным предостережением к потенциальным кладоискателям не забывать, что "в поисках драгоценностей вы можете нанести невосполнимый ущерб археологическим памятникам".

Именно с просветительскими целями сотрудниками музея археологии была разработана серия популярных брошюр, посвященных историческим памятникам и прошлому Курского края, которые с успехом распространялись среди учителей и школьников города. К сожалению, музею не удалось отыскать средств на качественное и крупнотиражное их издание. В связи с этим приходится пока ограничиваться работой с журналистами, регулярными публикациями в местной периодике статей, посвященных как историческому прошлому края, так и результатам работ ежегодных археологических экспедиций на его территории (Степанов, 1996; Захарова, 1997; Носкина, 1997; Стародубцев, 1997; Шпилев, 1998; Шайкин, 1998; Енуков, 1998; Антипенко, 1999; 2000; 2001; 2002; Волобуева, 2000; Зорин, 2001; Рождественская, 2001; Рагунштейн, Смирнова, 2001; Шилов, Рагунштейн, Шилов, 2002; Палеева, 2002; Борисова, 2003; и т.д.). Это, пожалуй, и есть наиболее адекватный ответ появляющимся в областной

прессе антинаучным псевдокраеведческим публикациям.

На Востоке проклятьем считается пожелание родиться в эпоху перемен. Именно современному поколению российских исследователей (археологов, музейных сотрудников) выпало нелегкое бремя ответственности за сохранение национального богатства. Переломные моменты истории требуют от нас решительных, энергичных действий, а не пассивной обороны, неизбежно заканчивающейся поражением. Через Государственную Думу, Министерство культуры, Союз музеев, профессиональные ассоциации необходимо постоянно и кропотливо работать над принятием нужных обществу законов, направленных на охрану и сохранение национального достояния, одну за другой отсекая существующие лазейки для уничтожающих нашу историю дельцов, делая их занятие непривлекательным и опасным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антипенко Т. Степан Разин здесь не ночевал // Курская правда. 1999. 14 сентября.

Антипенко Т. Ужель тот самый летописный Ольгов? // Курская правда. 2000. 16 ноября.

Антипенко Т. С "черными" археологами борются // Курская правда. 2001. 26 января.

Антипенко Т. Спят курганы темные, но сон их тревожен... // Курская правда. 2002. 2 октября.

Борисова С. Чтобы стать христианами, курянам потребовалось 300 лет // Аргументы и факты – Курск. 2003. № 1–2 (1).

Волобуева А. Город-призрак хранит свои тайны // Курская правда. 2000. 3 марта.

Вестник ГИМ. 2002. № 4.

Енуков В. В. Непокорное Посемье. Об истории Липинского археологического комплекса – древнерусского города Липовечска // Все новости недели. 1998. 21 июля.

Захарова Т. Мы продлили жизнь города на сто лет // Молодая гвардия. 1997. 11 сентября.

Зорин А.В. Страницы времени. Археологические раскопки в Капыстичах, под Рыльском // Наш взгляд. 2001. 6 сентября.

Незаконные раскопки и археологическое наследие России // РА. 2002. № 4.

Носкина Н. Из глубины веков // Городские известия. 1997. 1 октября.

Палеева Р. Приписка в летописи изменила судьбу Курска // Хорошие новости. 2002. 22 мая.

Полное собрание законов Российской империи. Т.II. Ч. 2. СПб, 1892.

Рагуштейн А., Смирнова М. Древний Курск был крупным центром Киевской Руси // Друг для друга. 2001. 28 августа.

Рагуштейн А., Шилов К. "Черные" археологи грабят древние могилы // Друг для друга. 2002. 12 ноября.

Рождественская Н. Курск постарел на 38 лет // Курск. 2001. 22 августа.

Стародубцев Г. Ю. Гочевское городище // Псельские зори. 1997. 4 июня.

Степанов В. Археологический музей // Городские известия. 1996. 29 октября.

Уголовный кодекс Р.С.Ф.С.Р. М., 1925.

Шпилев А.Г. Археологи откопали вещи наших предков // Друг для друга. 1998. № 38 (206).

Шайкин Д. Не в каждом кургане лежит Тамерлан // Хорошие новости. 1998. 28 января.

Шпилев А.Г. Археологи откопали вещи наших предков // Друг для друга. 1998. № 38 (206).

Common Ground, spring 1996. V.1. № 1.

Concerning the problem of preservation of archaeological heritage

G. Yu. Starodubtsev, A. V. Zorin, A. G. Shpelev

Summary

The publicaiton deals with the problems of preservation of archaeological heritage in Russia, as an exempt Kursk region has been taken. The authors analyse such points as illicit excavations, necessity of counteraction against the groups of treasure-searchers, co-operation of the academic science and the mass media. They suggest solutions of some problems raised during the round table "Illicit excavations and archaeological heritage in Russia".

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 126–139

ПУБЛИКАЦИИ

КОМПЛЕКС ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА НА ГОРЕ МАЯК В САМАРСКОМ ЗАВОЛЖЬЕ

(предварительные результаты исследования)

© 2004 г. Л. В. Кузнецова*, А. А. Ластовский**, Д. А. Сташенков*, А. А. Хохлов**

*Самарский областной историко-краеведческий музей им. П.В. Алабина

**Самарский государственный педагогический университет

Левобережье Самарского Заволжья как контактная зона южных степных и северных лесных культур долгое время являлось одним из белых пятен раннеголоценовой истории. В 2001 г. у с. Сиделькино Челно-Вершинского р-на Самарской обл. в среднем течении р. Б. Черемшан, левого притока р. Волги, выявлен новый памятник каменного века.

В 1960-е годы казанскими археологами на горе Маяк, представляющей собой выступ правого коренного берега реки, было открыто поселение, отнесенное к именьковской культуре (Старостин, 1967). С 1980-х годов на горе разрабатывается карьер, уничтоживший значительную часть памятника. Начиная с 1995 г. Д.А. Сташенковым здесь проводятся охранные археологические раскопки селища и биритуального могильника первых веков н.э. (Сташенков, 1996; Кочкина, Сташенков, 2002). В 2001 г. карьер обнажил участок с поселением и могильником каменного века (далее поселение и могильник на горе Маяк) (рис. 1).

В 2002 г. на этом месте был разбит раскоп. (раскоп 6) площадью 40 м^2 вскрыт на глубину 60 см. В гумусном слое мощностью до 50 см содержатся культурные слои нескольких эпох. Слои перемешаны, вместе с каменными орудиями залегает раннесредневековая керамика. На ряде квадратов расчищен нижележащий слой щебнистого желтоватого суглинка, кое-где замещенный твердыми плитками известняка. Среди камней имеется скопление раздробленных костей животных, преимущественно лося. Исследование культурного слоя не закончено и будет продолжено.

Поселение на горе Маяк

Коллекция каменных орудий поселения на горе Маяк насчитывает около 600 предметов, выявленных на трех раскопах, расстояние между которыми достигает 100 м. Большинство находок сосредоточены на раскопе 6, преимущественно на глубине 20–40 см от современной поверхности. Небольшая часть каменных предметов, включая пластины и отщепы, встречена в заполнении могильных ям, что на стадии полевых исследований позволило выдвинуть предположение об отношении части каменных предметов из культурного слоя к раннеголоценовому времени.

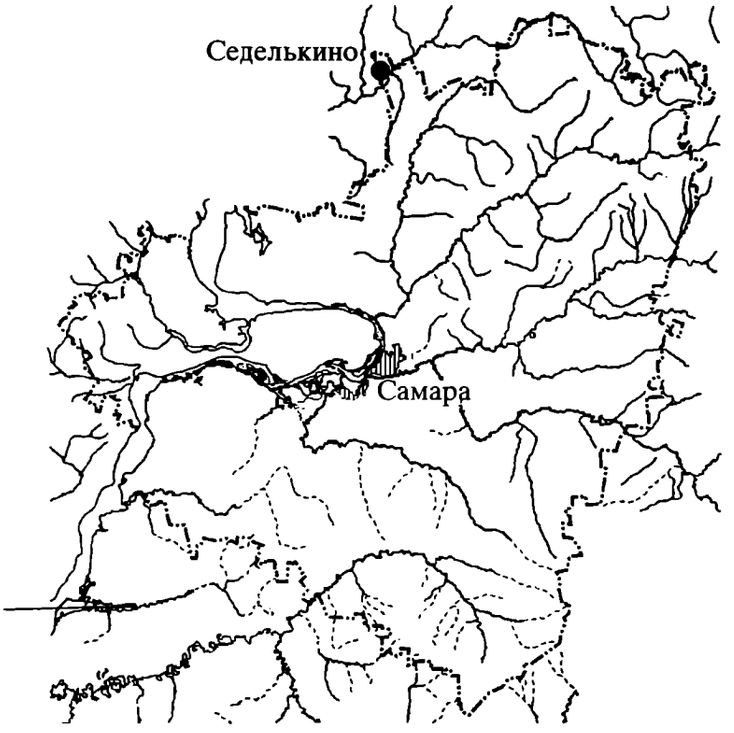
Сырьевой состав коллекции свидетельствует об использовании местного приуральского сырья: кремень светлых тонов, окремнелый известняк и яшмовидный кремень. Заметна доля серого полупрозрачного высококачественного халцедонового кремня. Изделия из кварцитопесчаника единичны. Все указанные разновидности сырья известны на памятниках каменного века бассейна р. Сок на территории Самарской обл. и встречаются в обнажениях коренных террас правого берега р. Сок. Месторождения халцедонового кремня имеются в правобережье р. Волги (возможно, на Самарской Луке или в Хвалынских горах).

Заметное количество каменных предметов обожжено, плотные сорта кремня имеют сетчатую трещиноватость, каверны, измененный естественный цвет. Другая часть каменных предметов, преимущественно из окремнелого известняка, имеет признаки разрушения, связанные с обезвоживанием и естественным растрескиванием. Примечательно, что большая часть предметов из серого халцедонового кремня в той или иной степени патинизирована и приобрела белую или белесую окраску.

Технико-типологический анализ позволяет выделять в составе коллекции несколько групп кремневого инвентаря: куски, конкреции, гальки – 22 экз.; нуклеусы – 4 экз.; техносколы – 46 экз.; отщепы – 257 экз.; пластины – 204 экз. и неопределимые осколки – 43 экз.

Судя по остаточным ядрищам и сколам подправки площадок нуклеусов, последние могли иметь торцовую или близкую к ней форму (рис. 2, *1–9*). Не исключено использование призматических ядрищ.

Для данного комплекса надежно определяется призматическая техника расщепления, ориентированная на получение пластин. Имеющиеся экземпляры отщепов получены как результат подправки или как несерийные сколы с более крупных орудий. Небольшие размеры кусков расщепляемого сырья и нуклеусов предопределили незначительные размеры получаемых сколов. Преобладают

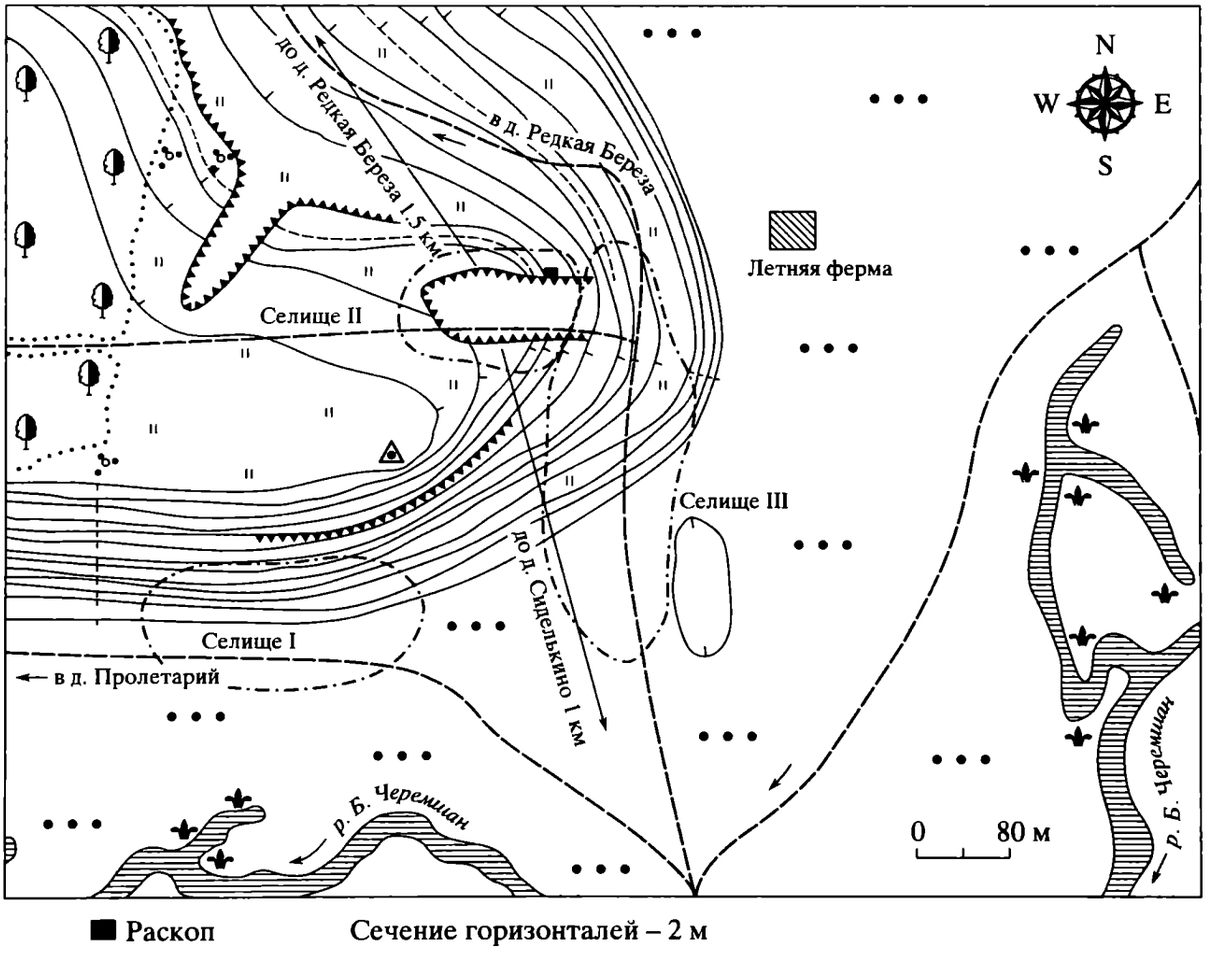

Рис. 1. Комплекс памятников на горе Маяк. Ситуационный и топографический планы.

отщепы с площадью поверхности 1.0–1.5 см^2. Более крупные отщепы, 3.0 см^2 и выше, единичны. Ширина более половины пластинчатых сколов находится в пределах 0.7–1.0 см (рис. 2, *10–24*). Имеющиеся единичные целые экземпляры пластин имеют длину не более 3.0 см. Как исключение вы-

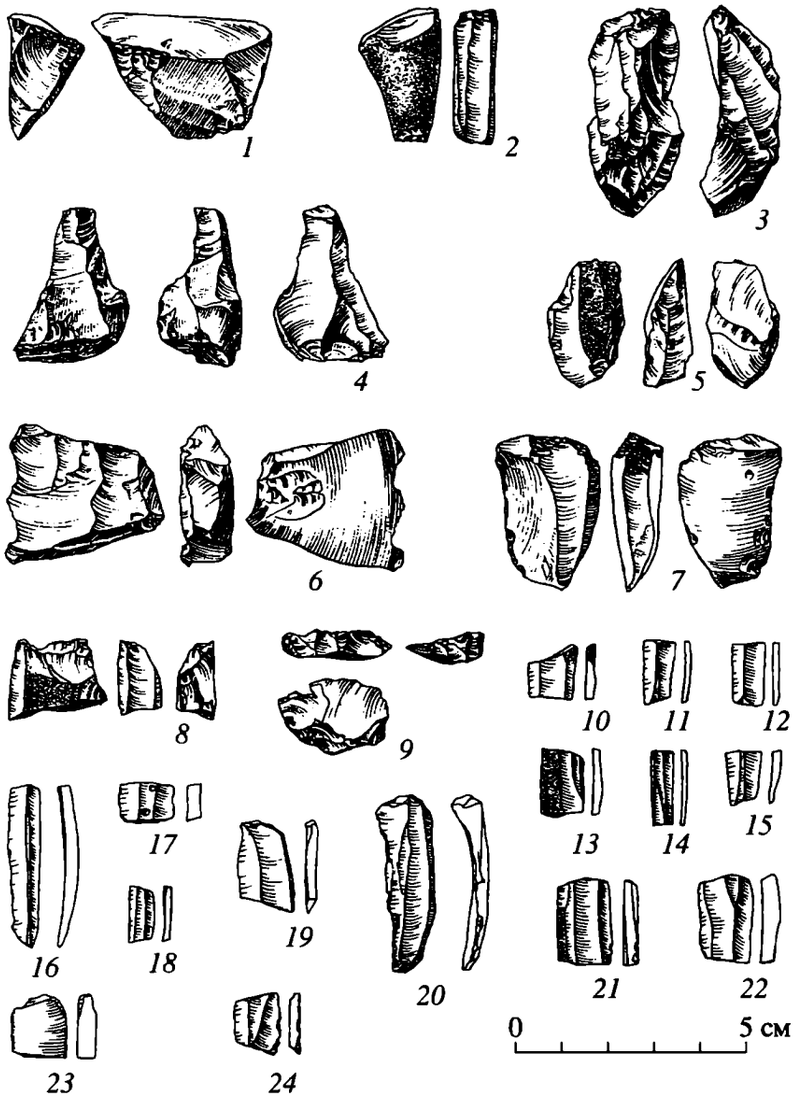

Рис. 2. Поселение на горе Маяк. Кремневый инвентарь.

глядит крупная пластина длиной 8.5 см. Что касается технологических сколов, то такие из них, как сколы подправки площадки нуклеусов или фронтальные сколы с нуклеусов, причинам выглядят крупнее большинства пластин и отщепов.

Судя по имеющимся сколам, а также по некоторым другим признакам можно утверждать, что расщепление велось по следующей технологической цепочке. Площадка скалывания нуклеусов в большинстве случаев оформлялась мелкими и мельчайшими, плоскими или краевыми сколами, преобладающими в массе технологических сколов. Таким образом, задавался необходимый угол скалывания, оптимально соответствующий нормальному отделению сколов-пластин. При необходимости поднимался рельеф скалывания с помощью боковых фронтальных сколов с нуклеуса. Зафиксирован прием устранения карниза или "бахромы", являющегося неизбежным следствием отделения предыдущих сколов. Для некоторых из сколов, отделявшихся после создания необходимой площадки на нуклеусе, зафиксирован прием скалывания ударом "в ребро". Это в равной степени может относиться как к пластинам и отщепам, так и к немногочисленным технологическим сколам.

С другой стороны, поскольку размеры большинства отделяемых сколов весьма небольшие, а размеры нуклеусов не всегда позволяли проводить слишком интенсивную их подправку, часть сколов отделялась с неподправленных площадок, и прием снятия карниза не применялся.

Независимо от предварительной подготовки площадок нуклеусов размеры площадок сколов можно разделить на широкие, крупные, средние и точечные.

Преобладают сколы с площадками среднего размера (форма и площадь относительно ширины и толщины самого скола 39%), немного меньше сколов с точечными (36%) и широкими площадками (24%).

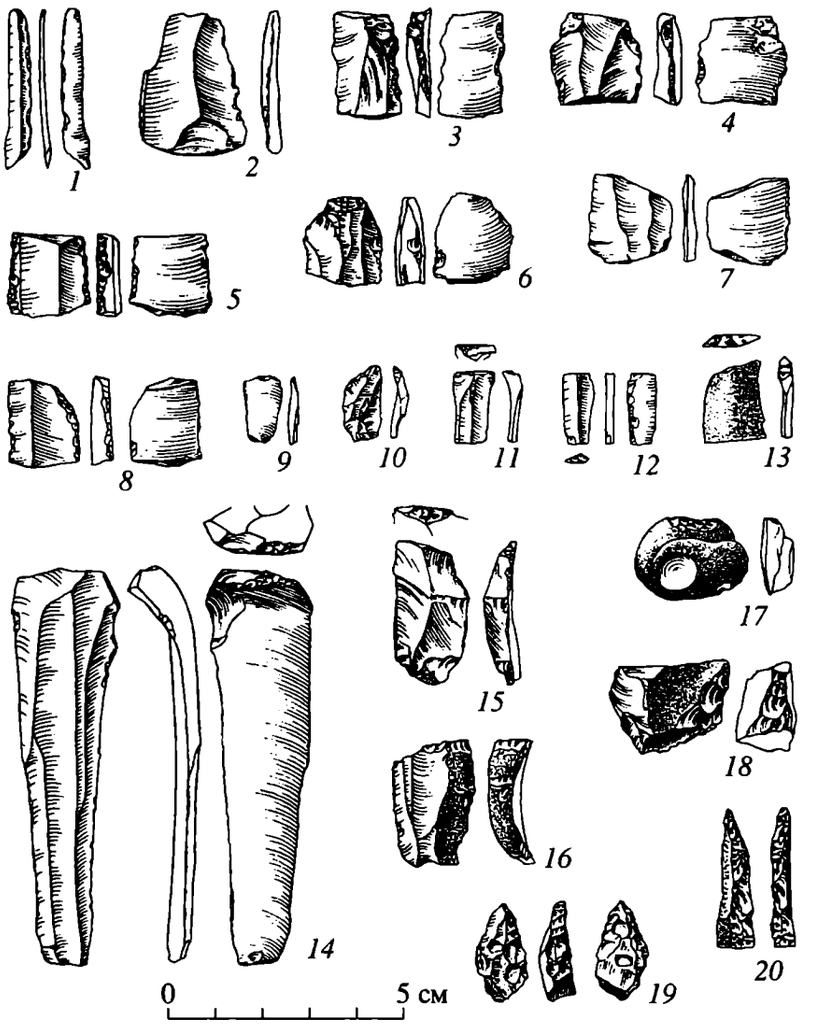

Рис. 3. Поселение на горе Маяк. Кремневый инвентарь.

Преобладание сколов со средними и точечными площадками позволяет поставить вопрос о применении отжимника для расщепления нуклеусов. Трассологический анализ (выполненный О.В. Михайловой) обнаруженного в заполнении погребения 3 мелкого пластинчатого скола из кости, свидетельствует о том, что пластинчатый скол мог быть получен именно при утилизации костяного отжимника.

В то же время в комплексе присутствует серия сколов, имеющих 2–4 ударные площадки и соответственное количество ударных бугорков. Уместно предположить, что они могли быть отделены только посредством нескольких ударов. Среди таких сколов преобладают отщепы, но представлена и пластина.

Значительная часть кремневых предметов (87 экз.), включая пластины, отщепы, техносколы, несет следы утилизации. Еще 28 пластин и отщепов являются собственно орудиями. Из пластин изготовлена и большая часть орудий, которые представлены скребками, резцами, перфораторами, наконечниками, комбинированными орудиями, предметами с ретушью или утилизации.

Среди утилизированных сколов преобладают пластины. Количественно преобладают изделия с ретушью, нанесенной намеренно или возникшей вследствие утилизации (рис. 2, *20–24*). О преднамеренном ретушировании краев пластин можно говорить в нескольких случаях (рис. 3, *3*, *5*, *8*). Две узкие пластинки могут рассматриваться как специально подготовленные вкладыши. У первого крутой ретушью притуплен конец, у второго полукрутой ретушью притуплен край (рис. 3, *12*; 4, 11). Утилизации подверглись края и концы сколов (рис. 3, *9–15*). В ряде случаев на углах пластин возникли сколы, по морфологии соответствующие резцовым сколам (рис. 4, *5–13*). Прочие заготовки использовались реже, хотя надо отметить несколько предметов с преднамеренной или утилитарной ретушью (рис. 3, *16–18*; 4, *1*, *2*). Заслуживает внимания массивный скол, возможно, продольный фронтальный, у которого, помимо утилизации краев, сбита площадка и ударный бугорок (спо-

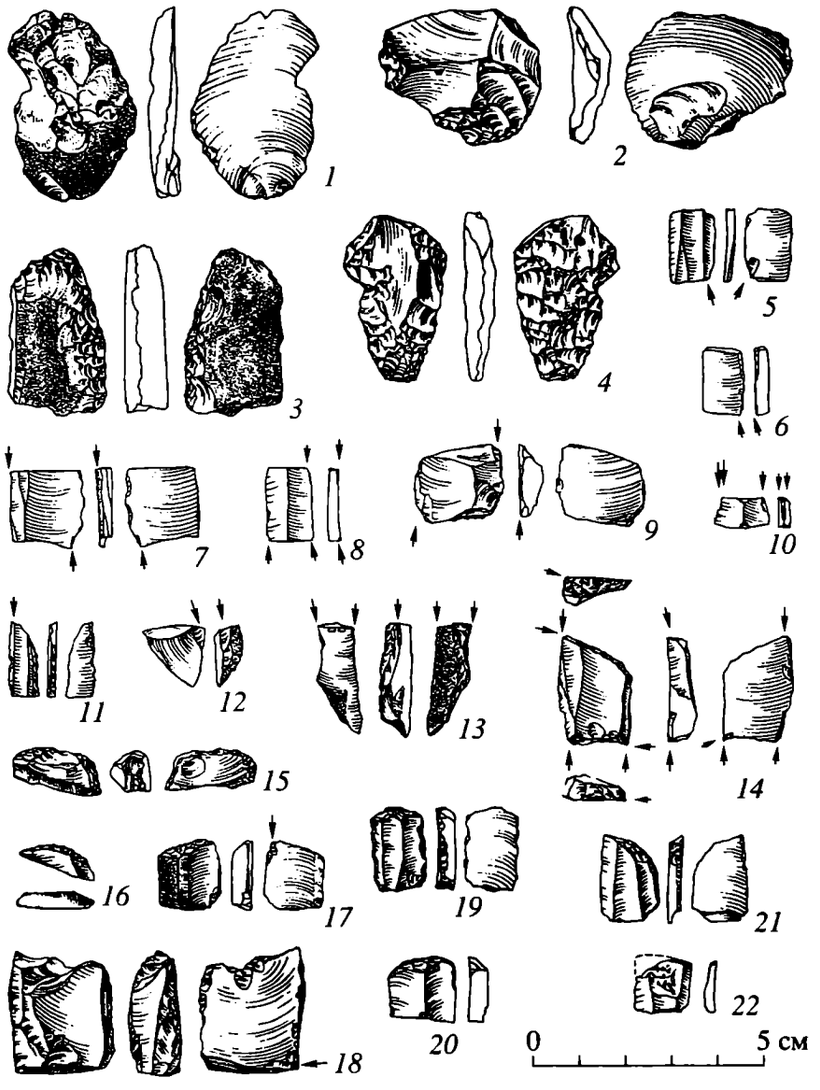

Рис. 4. Поселение на горе Маяк. Кремневый инвентарь.

соб усечения), а полученный край использовался как скобель или стамеска (рис. 4, *18*). Резцы единичны. Имеются два скола с рабочих краев скребков, первый из которых имеет предельно утилизированные рабочий и боковые края (рис. 4, *15*, *16*). В коллекции также представлена комбинация ретушного и двугранного резца, выполненная на пластине. Оба конца пластины круто усечены, один прямо, второй косо. По одному краю пластины нанесен плоский резцовый скол, а с него на косом усечении поверх ретуши нанесены еще три коротких резцовых скола. С прямого усечения по краям пластины нанесены два скола и еще один мелкий и короткий резцовый скол нанесен на площадке, поверх ретуши (рис. 4, *14*). Еще один отщеп с корочным покрытием спинки имеет резцовый скол, нанесенный со слома и отсекший площадку и бугорок отщепа (рис. 4, *12*).

Найденные скребки (5 экз., без учета экземпляров с отсеченным рабочим краем) относятся к типу концевых на пластинах. Они укороченные, со скошенным или слабо выпуклым рабочим краем, в одном случае с подправкой боковых краев. Скребок со скошенным лезвием имеет также псевдорезцовый скол, выполненный с рабочего края скребка (рис. 4, *17*, *19*, *20*, *22*). Один скребок угловой, но, судя по следам утилизации, им пытались работать и как концевым орудием (рис. 4, *21*). Имеющийся скребок на отщепе сломан, но является концевым, с ретушированными краями (?). Ретушь нерегулярная, пологая, далеко заходящая на спинку. Сохранившиеся часть лезвия и край сильно утилизированы и имеют слабую заполировку (рис. 5, *1*). Скребок высокой формы выполнен на обломке конкреции. Он обработан крутой и пологой ретушью по периметру так, что один конец имеет арковидную форму и по форме приближается к изделиям типа "ложкарь" (рис. 5, *2*).

Оба найденных перфоратора подверглись действию огня, поэтому об их первоначальной фор-

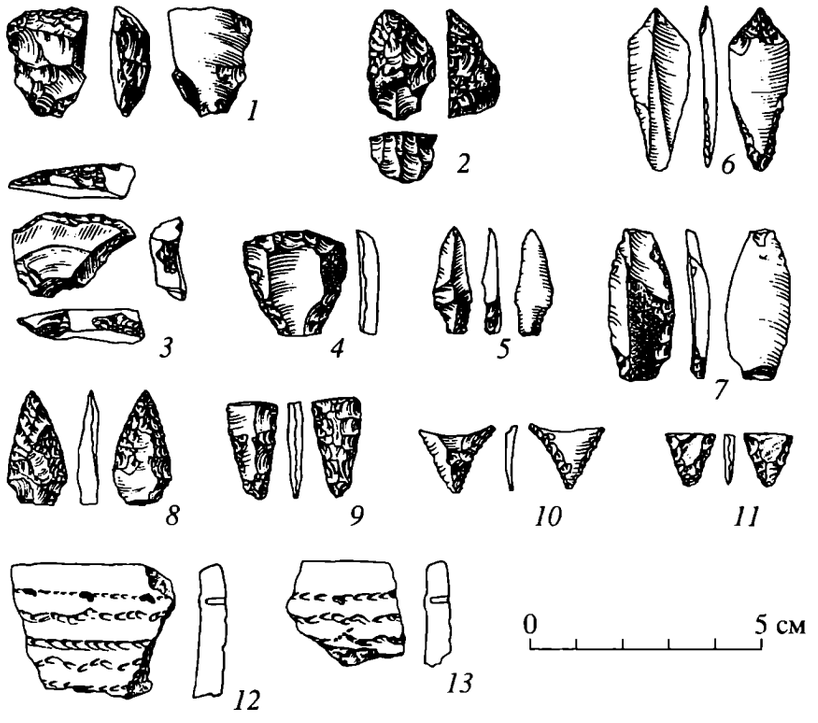

Рис. 5. Поселение на горе Маяк. Вещевой инвентарь. *1–11* – кремень; *12*, *13* – глина.

ме, размерах и технике обработки судить сложно. Один из них является сверлом, выполненным на обломке конкреции. Рабочий конец, оформлен противолежащей, полукрутой (рис. 3, *19*). Второе орудие изготовлено из ребристого скола, рабочий конец его слегка подправлен мелкой ретушью на спинке (рис. 3, *20*).

Имеются и комбинированные орудия. Первое представляет собой комбинацию скребка и скобеля, выполненную на усеченном отщепе. Скребковое лезвие нерегулярное, образовано вследствие работы орудием и соответствует очертаниям конца заготовки. Скобелевидный участок расположен на боковом крае отщепа и также повторяет конфигурацию края. Ударная площадка и бугорок отщепа отсечены двумя сколами (рис. 5, *3*). Второе орудие – комбинация скребка и предположительно острия (?), выполненное на широкой пластине или пластинчатом отщепе. Лезвие скребка слабо выпуклое, обработанное регулярной ретушью. Такой же ретушью обработаны края, примыкающие к основанию скребка. Оно выглядит как слом, и особенности обработки краев скребка у его основания позволяют предполагать утраченное острие (рис. 5, *4*).

Найдены два орудия с бифасиальной обработкой. Одно выполнено на кремневой плитке. Один край плитки ретуширован с двух сторон, второй оставлен как естественный обушок. Плоская ретушь присутствует также на одном из концов плитки. Изделие может являться разделочным ножом (рис. 4, *3*). Второе орудие представляет собой более выразительный бифас, хотя и производит впечатление незавершенного орудия. Обе поверхности обработаны плоской ретушью, причем одна сторона более интенсивно. Один конец орудия тщательно оформлен ретушью, второй оставлен почти без обработки (рис. 4, *4*).

Завершают набор каменных орудий наконечники и их обломки. Можно предполагать, что все они выполнены на пластинах. Найдены два целых наконечника. Один мелкий, длиной 2.2 см, с необработанным острием и черешком, выделенным противолежащей ретушью (рис. 5, *5*). Второй наконечник крупнее, длиной 3.4 см, с тщательно выделенным мелкой, плоской ретушью с брюшка треугольным острием. Насад наконечника обработан такой же ретушью, но не выделен (рис. 5, *6*). Остальные наконечники представлены обломками. У одного из них, изготовленного на пластинчатом сколе с орудия, не сохранились острие и насад. Но, судя по сохранившейся обработке, черешок был слабо выделен полукрутой ретушью со спинки. Один край наконечника имеет нерегулярную ретушь, возникшую вследствие утилизации. Возможно, утилизацией объясняется пришлифовка на данном экземпляре (рис. 5, *7*). У одного наконечника утрачен насад, но можно предположить, что он был слабо выделен и обработан со спинки и с брюшка по одному краю. Перо с двусторонней обработкой, причем одна сторона обработана интенсивнее, по всей поверхности, а вторая имеет только краевую, пологую ретушь (рис. 5, *8*). Остальные наконечники представлены

насадочными частями, обработанными плоской или полукрутой ретушью аналогично описанному выше экземпляру. Два насада обработаны с одной стороны по двум краям, а с противоположной стороны – по одному краю. Последний экземпляр насада наконечника обработан полукрутой краевой ретушью с двух сторон (рис. 5, *9–11*).

Кроме каменных изделий при раскопках памятника выявлены три фрагмента венчиков керамических сосудов, предположительно баночной формы. Толщина стенок 0.6 см. Срезы венчиков слабо скошены внутрь. На внешней поверхности светло-коричневого цвета имеется орнамент в виде глубоких наколов, выполненных овальным инструментом, возможно, костью. Эти наколы образуют "жемчужины" на внутренней поверхности сосудов. На внешней поверхности располагаются также горизонтальные или зигзагообразные строчечные ряды отступающих наколов, выполненных инструментом с треугольным концом (рис. 5, *12*, *13*).

Комплекс поселения обладает рядом особенностей. Общее количество кремневых предметов и орудий невелико. В составе коллекции представлены орудия охоты (вкладыши, наконечники) и обработки (скребки, резцы, ножи). Орудия, связанные с производством, не найдены. Применение резцовой техники наиболее выражено только в связи с подправкой скребковых лезвий. Почти во всех остальных случаях резцовые или, точнее, псевдорезцовые сколы связаны с утилизацией кремней (вкладыши), с использованием их как резцов без предварительной подготовки (без создания кромки путем снятия резцового скола). Такое сочетание признаков типично для кратковременных охотничьих стоянок.

Для данного памятника характерна техника крутого ретуширования, применяемая для обработки скребков. Техника пологой ретуши применяется шире – при изготовлении бифасиальных орудий, наконечников, подправки скребковых краев. Заметную долю составляет техника усечения или псевдоусечения (утилизация концов пластин и отщепов) заготовок.

Типологический состав комплекса беден. К изделиям, образующим типы, можно отнести усеченный скребок-скобель, вкладыши с притупленным краем и концом, угловой скребок, наконечники, комбинированные орудия: скребок-перфоратор, ретушной резец-двугранный резец. Возможно, отдельный тип составляют сколы с утилизацией на конце.

Безусловным индикатором при определении верхней даты данного комплекса является наличие керамики. Керамика, украшенная накольчатым орнаментом и наколами, дающими "жемчужины" на внутренней поверхности сосудов, известна на памятниках "средневолжской" культуры в Самарском Заволжье, относящихся ко второй половине неолита (Васильев, Выборнов, 1988. С. 19–36). Что касается кремневого инвентаря, то его отдельные типы имеют широкий диапазон датировок – от финального палеолита до позднего неолита. Отметим наличие архаичных типов кремневого инвентаря, таких как ретушные – двугранные резцы, усеченные изделия, скребок-острие и наконечники.

Исходя из технико-типологических особенностей данного комплекса, можно предположить наличие на памятнике по крайней мере двух культурных горизонтов, относящихся к раннему мезолиту и неолиту. Выраженная микролитичность нашего комплекса не противоречит представлениям об увеличении доли пластинчатого компонента в неолитических комплексах "средневолжской" культуры, что зафиксировано для памятников Красный Городок (Кузьмина, Ластовский, 1995. С. 25–50), Ильинка (Мамонов, 1988. С. 92–105), Виловатое (Васильев, и др., 1980. С. 182), Красный Яр VII.

Продолжение раскопок и накопление материала позволит определеннее говорить о связи поселения каменного века и выявленных на его территории погребений.

Могильник Гора Маяк

На территории памятника к настоящему времени исследованы три погребения, одно из которых оказалось парным[1]. Могильные ямы, расположенные на близком расстоянии друг от друга, имеют разную ориентировку. Они были углублены в материк (щебнистый мергель или цветные линзы глины) на 30–40 см. С уровня гумусного слоя поселения очертания ям не прослеживались.

Погребение 1 нарушено карьером, срезана его верхняя часть. В результате утрачены череп, верхняя половина грудной клетки с костями верхнего пояса конечностей и проксимальные половины плечевых костей погребенного (рис. 6, *1*; *7*).

Судя по положению сохранившихся костей, погребенного уложили на спину, головой на Ю–ЮЗ. Голени человека были отчленены и уложены параллельно бедрам. Пяточные кости находились под тазовыми костями. Верхняя суставная поверхность таранной кости имеет несколько продольных и диагональных порезов, при этом на нижней суставной поверхности большеберцовой кости они отсутствуют. Правая рука была вытянута и положена поверх туловища, кисть вытянутой левой руки оказалась под тазом.

В области колен и на левой половине таза погребенного были обнаружены фрагмент ножевидной пластины и осколок кремня с морозобойными кратерами на поверхности, подвеска из бокового резца лося и три нижних правых клыка соболя или куницы (рис. 6, *3–7*). Указанные пред-

[1] Первичное антропологическое обследование А.А. Хохлова.

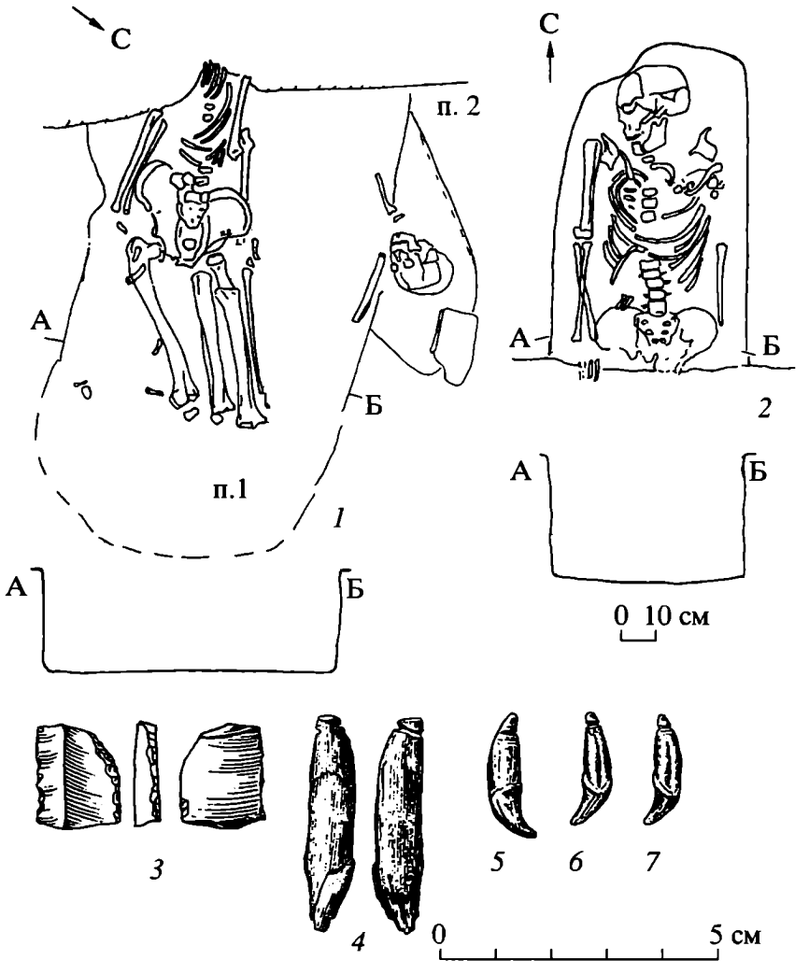

Рис. 6. Могильник на горе Маяк. *1* – план погребения 1 и 2; *2* – план погребения 3; *3–7* – инвентарь из погребения 1. *3* – кремень, *4–7* – кость.

меты не дают конкретной культурной и хронологической привязки, так как подвески из резцов или клыков животных с нарезкой в корневой части зуба являются типичным инвентарем для мезолитических памятников широкой территории.

В верхней части заполнения могильной ямы были обнаружены два предмета из трубчатой кости со следами продольного распила кремневым орудием. Следы износа указывают на их использование в качестве скребка для обработки шкур (трассологические определения О.В. Михайловой).

Погребение 2. Могильная яма была ориентирована по линии ЮЗ-СВ и была нарушено погребением 1, углубленным на 10 см ниже уровня дна погребения 2. Незатронутыми остались череп и фрагменты костей верхних конечностей, которые принадлежали ребенку 6–8 лет. Вероятно, ребенок лежал на левом боку (рис. 6, *1*).

Погребение 3. Могила была ориентирована по линии Ю–С. В ней находились скелеты от двух человек. Основной скелет принадлежал женщине, уложенной на спину. Кости нижних конечностей уничтожены карьером, а верхние были вытянуты вдоль позвоночного столба. Череп лежал на правой стороне, лицевой частью обращенной к западу. Второй скелет принадлежал ребенку грудного возраста и располагался в области левой плечевой кости основного скелета (рис. 6, *2*; *8*). Инвентарь в погребении отсутствовал. При просеивании заполнения могильной ямы на разных уровнях обнаружены 6 разрозненных кремневых предметов: мелкий отщеп, чешуйка, 4 фрагмента ножевидных пластин, в том числе со следами износа, и 2 костяные микропластинки-скола.

Типологически кремневый инвентарь из заполнения могильной ямы погребения 3 не отличается от встреченного на поселении. Однако вопрос о времени попадания этих предметов в засыпь могилы остается открытым.

Предполагается наличие других погребений рядом с уже исследованными. Стратиграфические наблюдения позволяют предположить, что мы имеем дело не с отдельными разнокультурными захоронениями, а с могильником, оставленным одним населением. В пользу этого предположения говорят также результаты антропологического

Рис. 7. Могильник на горе Маяк. Погребение 1. Вид с СВ.

Рис. 8. Могильник на горе Маяк. Погребение 3. Вид с В.

исследования, свидетельствующего о возможности генетического родства людей, захороненных в погребениях 1 и 3 (см. ниже).

Поскольку ни одно из погребений не дошло до нас в непотревоженном виде, вывод о характере погребального обряда на памятнике делать преждевременно.

В лаборатории ГИН РАН выполнен радиоуглеродный анализ костного материала из погребения 1 (GIN–11528: 10030 ± 50 BP). С учетом калибровки возраст захоронения удревняется примерно до 11 550 лет.

Вторая радиоуглеродная дата образца костей из погребения 1 получена в лаборатории Университета Брок (Канада). Некорректированный возраст – 9708 ± 60 радиуглеродных лет. Калибровка образцов в этом диапазоне увеличивает календарный возраст до 11175 ± 75 лет.

Из заполнения могильной ямы погребения 2 к.б.н. Е.В. Пономаренко были отобраны образцы на палинологический анализ (аналитик Г.Н. Шилова). Спорово-пыльцевые спектры свидетельствуют о распространении перигляциальных степей с полынью и маревыми во время совершения погребения.

Предварительные антропологические сведения о погребенных на Горе Маяк

Маяк 1 (Погребение 1) – мужчина, возраст ранний "adultus" (20–29 лет).

Имеются неполные плечевые кости (без проксимальных окончаний), кости предплечий, пястная кость кисти, неполные тазовые, длинные кости нижних конечностей (правая малоберцовая кость без нижнего эпифиза), пяточная, таранная, одна плюсневая кости и две проксимальных фаланги стопы.

Длинные кости левой и правой сторон гармоничны по размерам, средней массивности, большие по продольному диаметру, но малые по окружностям и указателям прочности. Следует отметить гиперплатимерию бедренных костей и платикнемию большеберцовых. Кости голеней значительно удлинены по отношению к бедренным. Судя по длинам костей предплечья, подобные тенденции по продольным пропорциям наблюдались и для верхних конечностей.

Рост, вычисленный на основе длин имеющихся трубчатых костей, по формулам разных авторов оценивается в пределах 177–187 см.

На обеих плечевых костях в области венечных ямок зафиксированы межмыщелковые отверстия, на правой кости одно, а на левой два.

Маяк 2 (Погребение 2) – ребенок 6–8 лет.

Скелет фрагментирован, целых костей нет. Наиболее полно по структуре представлен мозговой отдел черепа. Из костей лицевого отдела присутствуют неполные скуловые кости, медиальные участки верхнечелюстных костей, фрагмент левой половины нижней челюсти (тело от начала второго молочного моляра и ветвь), отдельные молочные и постоянные зубы.

Маяк 3 (Погребение 3) – женщина, возраст ранний "adultus" (20–29 лет).

Скелет неполный. Отсутствуют кости нижних конечностей. Сравнительно хорошо сохранился череп. Кости верхней конечности большой длины. Плечевая кость имеет очень малые окружности, причем на всем протяжении диафиза, в целом грацильна. В ее венечной впадине над суставным блоком фиксируется межмыщелковое отверстие. Приблизительный рост женщины при жизни, вычисленный по костям верхней конечности, был в пределах 167–175 см.

По пропорциям лучеплечевой указатель характеризуется мезатикеркией. Предплечье несколько удлинено относительно плеча. По суммарной длине ключиц ширина плеч определяется как большая. Череп реставрирован. На верхней челюсти с левой стороны отсутствуют три зуба – два резца и первый премоляр. Некоторые размеры черепа представлены в табл. 1.

Мозговой отдел характеризуется большими величинами сагиттальных диаметров и дуг (за исключением теменной части), высоким сводом. По указателям она долихокранная, гипсикранная и акрокранная. Лобная кость по наименьшему диаметру узкая, а в профиль, как и верхняя половина затылочной кости, имеет средний наклон. Макрорельеф мозговой коробки выражен достаточно сильно. Отмечается большое развитие надбровных дуг. Сосцевидные отростки некрупные. Затылочный бугор вместе с медиальными окончаниями верхних выйных линий формирует хорошо выраженную бугристость.

Спереди во фронтальной плоскости череп имеет близкое к эллипсу очертание. Лицевой отдел характеризуется крупными размерами. Его широтные диаметры особенно велики на фоне узкой спереди лобной кости и поперечных размеров мозговой коробки. При этом ширина лица на зигомаксиллярном уровне и ширина альвеолярной дуги средние. Абсолютно и относительно низкую величину демонстрирует высота орбиты. Грушевидное отверстие широкое. По указателям верхнелицевой индекс средний, орбиты хамэконхные, нос платиринный, симотический указатель малый, альвеолярная часть средняя. Носовая область характеризуется также очень малыми величинами носовых косточек, в целом вогнутой их спинкой, в профиль сравнительно большим выступанием, слабо приостренной формой основания этой части, незначительно развитым, узким и несколько направленным кверху подносовым шипом. Лицевой скелет сильно уплощен на верхнем уровне, в основном за счет крайне низкой локализации точки nasion, и резко профилирован на уровне зигомаксиллярных точек. В вертикальной плоскости лицевой отдел мезогнатный, а альвеолярная часть отличается умеренным прогнатизмом. Глубина клыковой ямки очень малая. Нижняя челюсть характеризуется большими линейными размерами. Подбородочный выступ не резко оконтуренный, равносторонний, сильно выступает в профиль.

Таблица 1. Краниометрические данные черепа Маяк 3

№ по Мартину	Признак	Размер
1	Продольный диаметр	184.0
8	Поперечный диаметр	135.0
20	Высотный диаметр от por.	118.0
9	Наименьшая ширина лба	87.0
11	Ширина основания черепа	120.0
45	Скуловой диаметр	133.0
48	Верхняя высота лица	71.0
51	Ширина орбиты от mf.	42.5
52	Высота орбиты	30.6
54	Ширина носа	26.6
55	Высота носа	51.7
Ss	Симотическая высота	1.7
Sc	Симотическая ширина	5.0
32	Угол наклона лба от n.	84°
72	Угол выступания лица	82°
77	Назомалярный угол	147°
Zm	Зигомаксиллярный угол	118°
75(1)	Угол выступания носа	25°

Скелеты взрослых индивидов из погребений на Горе Маяк принадлежали рослым, вероятно, невысокой плотности и несколько долихоидным по сложению людям. Наличие на плечевых костях обоих погребенных межмыщелковых отверстий – редко встречающегося дискретно варьирующего признака может рассматриваться как генетический маркер.

Бедренные кости мужчины характеризуются гиперплатимерией, а большеберцовые платикнемией. Такие особенности наряду с удлиненными голенями и предплечьями, высоким ростом были характерны для позднепалеолитических людей Европы (Дебец, 1967; Хрисанфова, 2000). Инте-

ресно, что по многим размерам и указателям имеющихся костей мужчина из погребения Маяк 1 незначительно отличался от хронологически более раннего мужчины из сунгирского захоронения (Бадер, 1984; Хрисанорова, 2000).

Общая характеристика женского черепа Маяк 3 в целом соответствует верхнепалеолитическому краниологическому комплексу Европы: преимущественно долихокрания, большие размеры черепной коробки, широкое, чаще низкое, ортогнатное лицо, низкие орбиты, преимущественно широкий, сильно выступающий нос, часто проявляющаяся некоторая уплощенность лицевого скелета на уровне орбит и назиона (Алексеев, 1978).

Таким образом, с учетом всех особенностей скелетов из погребений на горе Маяк можно предполагать, что характерные для восточно-европейских неоантропов верхнепалеолитического времени черты в отдельных районах могли сохраняться вплоть до начала голоцена.

Материалы из могильника Гора Маяк позволяют обратиться к проблеме расовой дивергенции. В антропологии существуют различные позиции по поводу интерпретации физических особенностей населения этой эпохи. Дискутируются вопросы о времени и месте сложения близких к современности расовых комплексов (Дебец, 1936; Дебец и др., 1951; Рогинский, 1949; 1951; Герасимов, 1955; Гохман, 1958; Бунак, 1959; Алексеев, 1961; Гусева, 1962; Денисова, 1997).

Можно отметить, что особенности посткраниальных скелетов Маяк 1 и Маяк 3 ближе к афроевропеоидному варианту и отличаются от монголоидных. Краниологический комплекс женщины Маяк 3 представляет специфическое сочетание признаков. Некоторые из них характерны в основном для европеоидных групп (долихокрания и высокий свод, очень малый зигомаксиллярный угол, низкие орбиты, большой угол выступания носа, сравнительно грацильные скуловые кости и некоторые другие).

С другой стороны, большие значения затылочно-теменного указателя, горизонтальной профилировки лба и назомалярного угла, низкое расположение носо-лобного шва, малые симотические величины и при этом заметная тенденция к редукции верхней трети левой носовой косточки, малые симотический указатель и глубина клыковой ямки, отсутствие выраженной скуловой вырезки в комплексе характерны для монголоидных популяций.

Таким образом, по имеющимся данным, люди из захоронений Маяк 1 и Маяк 3 характеризовались специфическими физическими особенностями, обнаруживающими параллели как в целом среди европеоидов, так и монголоидов. Сложно обозначить происхождение подобных промежуточных черт. Можно предполагать генетические связи этих людей с ранними, недифференцированными в расовом отношении восточно-европейскими неоантропами. Если же говорить о продолжении расовой дивергенции последних, то на примере людей из погребений на горе Маяк, вероятно, наблюдается обособление специфического антропологического типа.

При визуальной оценке "монголоидность" черепа проявляется в основном за счет специфики строения носовой области и, в частности, носовых костей. В то же время лобные отростки верхнечелюстных костей не развернуты латеральными краями кпереди, как часто бывает у монголоидов, и межглазничное расстояние небольшое. Учитывая это, а также особенности строения носовых косточек, можно обнаружить определенные параллели с морфологическим строением черепов последующих исторических эпох, происходящих с северных территорий Восточной Европы и Урала. В антропологической литературе они получали свои самостоятельные наименования – черепа "лесного неолита", типы сублапоноидный, субуральский, древнеуральский и т.д.

В этом контексте отметим, что на территории Среднего Поволжья и Прикамья в эпохи неолита-энеолита проживало население, в краниологическом типе которого сочетались признаки и европеоидов, и монголоидов, и, в единичных случаях, даже экваториалов. Речь идет о таких находках, как Съезжее (коллективное погребение), Мелля-тамак, Чекалино IVа, Чекалино IVб, Лебяжинка IV (Шевченко, 1980; Яблонский, 1992; Хохлов, 1996). Характерными чертами многих из этих черепов являются долихокрания, в основном узкий и прямой лоб, умеренно уплощенный на верхнеглазничном уровне лицевой отдел, специфические носовые кости. По сложению опорно-двигательного аппарата представители этого населения сравнительно грацильны (табл. 2). Возможно, часть физических свойств они унаследовали от своих хронологических предшественников, населявших те же районы. Другие же их специфичные черты, в том числе и меньшие ростовые характеристики, можно рассматривать и как привнесение иных генофондов, и как действие каких-либо факторов генетического или адаптивного характера, и как следствие эпохальных биосферных тенденций (пример для человеческого вида – грацилизация скелета, гармонизация черепа, брахикефализация).

По некоторым данным (Яблонский, 1992; 1998; Хохлов, 1996; 1998; Хохлов, Яблонский, 2000) можно предполагать, что коренное население юга Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья нео-энеолитической эпохи морфологически может быть соотнесено с так называемым древнеуральским (протоуралоидным) антропологическим пластом.

Таблица 2. Некоторые остеометрические данные скелетов из погребений № 1 и 3 горы Маяк

Признак		Погребение 1		Погребение 3	
		мужчина		женщина	
		правая	левая	правая	левая
	Плечевая кость				
1.	Наибольшая длина	–	–	341	–
5.	Наибольший диаметр середины диафиза	–	–	22.5	–
6.	Наименьший диаметр середины диафиза	–	–	14.0	–
7.	Наименьшая окружность	66.0	66.0	59.0	–
7а.	Окружность середины диафиза	–	–	60.0	–
6/5.	Указатель поперечного сечения диафиза	–	–	62.2	–
7/1.	Указатель прочности	–	–	17.3	–
	Лучевая кость				
1.	Наибольшая длина	272	272	259	–
2.	Физиологическая длина	254	253	240	–
3.	Наименьшая окружность	41.0	40.0	33.0	–
3/2.	Указатель прочности	16.1	15.8	13.7	–
	Локтевая кость				
1.	Наибольшая длина	293	293	284	–
2.	Физиологическая длина	259	259	247	–
3.	Наименьшая окружность	38.0	37.5	33.5	34.0
3/2.	Указатель прочности	14.7	14.5	13.6	–
	Бедренная кость				
1.	Наибольшая длина	492	492	–	–
2.	Общая длина в естественном положении	486	486	–	–
21.	Мыщелковая ширина	87.0	87.0	–	–
8.	Окружность середины диафиза	81.0	79.0	–	–
9.	Верхний поперечный диаметр диафиза	35.0	33.0	–	–
10.	Верхний сагиттальный диаметр диафиза	23.0	24.0	–	–
8/2.	Указатель массивности	16.7	16.3	–	–
10/9.	Указатель платимерии	65.7 гиперпл.	72.7 гиперпл.	–	–
	Большеберцовая кость				
1.	Полная длина	420	418	–	–
8а.	Сагиттальный диаметр на уровне питательного отверстия	38.0	38.0	–	–
9а.	Поперечный диаметр на уровне питательного отверстия	22.0	23.0	–	–
10.	Окружность середины диафиза	85.0	85.0	–	–
10в.	Наименьшая окружность	69.0	67.0	–	–
10в/1.	Указатель прочности	16.4	16.0	–	–
9а/8а.	Указатель платикнемии	57.9 платикн.	60.5 платикн.	–	–
	Ключица				
1.	Наибольшая длина	–	–	142.5	–
6.	Окружность	–	–	34.0	32.5
6/1.	Указатель прочности	–	–	23.9	–
	Указатели пропорций				
R_1/H_1	Лучеплечевой	–	–	75.9	–
R_1/T_1	Лучеберцовый	64.8	65.1	–	–
T_1/F_2	Берцово-бедренный	86.4	86.0	–	–
H_1/F_2	Плечебедренный	–	–	–	–
$H_1 + R_1/F_2 + T_1$	Интермембральный	–	–	–	–

Новые находки из Среднего Поволжья не противоречат такой постановке вопроса и углубляют время существования специфического антропологического пласта, обозначенного В.В. Бунаком (1956), до раннеголоценового времени. Однако более определенно об этом можно будет говорить после детального и всестороннего изучения этих неординарных находок.

Погребения на горе Маяк – одни из самых ранних погребений раннеголоценовой эпохи на территории Восточной Европы. Несомненно их значение для обсуждения важнейших проблем хозяйственно-культурной и биологической адаптации людей к специфическим постледниковым биогеоценозам Восточной Европы, проблем расогенеза древнейших евразийских популяций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.П. Краниологические материалы и проблема происхождения восточных латышей // СЭ. 1961. № 6.

Алексеев В.П. Палеоантропология земного шара и формирование человеческих рас. М., 1978.

Бадер О.Н. Палеолитические погребения и палеоантропологические находки на Сунгире // Сунгирь. Антропологическое исследование. М., 1984.

Бунак В.В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1.

Бунак В.В. Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас // Тр. ИЭ АН СССР. 1959. Т. 92.

Васильев И.Б., Выборнов А.А. Неолит Поволжья. Степь и лесостепь. Куйбышев, 1988.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., Габяшев Р.С. и др. Виловатовская стоянка в лесостепном Заволжье // Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980.

Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу // Тр. ИЭ. НС. 1955. Т. XXVIII.

Гохман И.И. Палеонтропологические материалы из ранненеолитического могильника Василевка II в Днепропетровском Надпорожье // СЭ. 1958. № 1.

Гусева И.С. О взаимосвязи назомолярного и зигомаксиллярного углов горизонтального профиля лицевого скелета у некоторых современных антропологических типов // ВА. 1962. Вып. 12.

Дебец Г.Ф. Брюнн-Пшедмост, Кро-Маньон и современные расы Европы // АЖ. 1936. № 3.

Дебец Г.Ф. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке // СА. 1967. № 3.

Дебец Г.Ф., Трофимова Т.А., Чебоксаров Н.Н. Проблема заселения Европы по антропологическим данным // Тр. Ин-та этнографии. Новая серия. Т. 16. Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951.

Денисова Р.Я. Проблема наличия монголоидного компонента в составе древнего населения Восточной Европы // Неолит лесной полосы Восточной Европы. Антропология сахтышских стоянок. М., 1997.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Археологический комплекс на горе Маяк // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Материалы вторых Халиковских чтений 29–30 мая 2002 г. Казань, 2002.

Кузьмина О.В., Ластовский А.А. Стоянка Красный Городок // Древние культуры лесостепного Заволжья. Самара, 1995.

Мамонов А.Е. Ильинская стоянка и некоторые проблемы неолита лесостепного Заволжья // Проблемы изучения раннего неолита лесной полосы Европейской части СССР. Ижевск, 1988.

Рогинский Я.Я. Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека // Тр. Ин-та этнографии. Новая Серия. Т. 16. Происхождение человека и древнее расселение человечества. М., 1951.

Рогинский Я.Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. М., 1949.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // САИ. 1967. Вып. Д1–32.

Сташенков Д.А. Памятники эпохи раннего средневековья у с. Сиделькино // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996.

Хохлов А.А. Новые краниологические материалы эпохи неолита с территории лесостепного Поволжья в связи с проблемой происхождения уральской расы // Вестник антропологии. Вып. 1. М., 1996.

Хохлов А.А. Палеоантропология пограничья лесостепи и степи Волго-Уралья в эпохи неолита-бронзы. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998.

Хохлов А.А., Яблонский Л.Т. Палеоантропология Волго-Уральского региона эпохи неолита-энеолита // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Каменный век. Самара, 2000.

Хрисанфова Е.Н. Посткраниальный скелет взрослого мужчины Сунгирь I // HOMO SUNGIRENSIS. Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования. М., 2000.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика населения черкаскульской культуры и вопросы его расогенеза // Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л., 1980.

Яблонский Л.Т. Палеоантропологические материалы к вопросу о формировании уральской расы (меллятамакские могильники) // Материалы к антропологии уральской расы. Уфа, 1992.

Яблонский Л.Т. Герасимов и краниология Восточной Европы эпохи неолита-энеолита // Вестник антропологии. № 5. М., 1998.

The cluster of the Stone Age sites on the mountain Mayak in Samara region on the Volga left bank

L. V. Kuznetsova, A. A. Lastovsky, D. A. Stashenkov, A. A. Khokhlov

Summary

In the paper are presented the preliminary results of the investigations of the cemetery and the settlement on the mountain Mayak on the Middle Volga. The cemetery is one of the earliest Mesolithic burial sites known in Eastern Europe. Burial 1 has yielded radiocarbon dates: GIN-11528 10030 ± 50 BP, and Brock University in Canada 9708 ± 60 BP. The recovered anthropological material is of great importance, it permits to raise and solve the vital problems of race genesis of the earliest European populations. Impressive collection of flint industry originates from the settlement. Having carried out technical and typological analyses of the settlement inventory, two chronological horizons were singled out: the Early Mesolithic and the Neolithic ones. The authors suppose that the site functioned for a short period of time as a hunters' camp.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 140–145

ПУБЛИКАЦИИ

РАННЕСАКСКИЕ БОЕВЫЕ ПОЯСА

© 2004 г. А. Д. Таиров

Челябинский государственный университет

Боевые или портупейные пояса из кожи, усиленные металлическими оковками, как одна из составных деталей раннесакского доспеха были в свое время достаточно подробно рассмотрены Б.А. Литвинским (1972. С. 129), М.В. Гореликом (1987. С. 127, 128) и В.Н. Добжанским (1990. С. 20–24). Накопленные за последние десятилетия материалы по ранним кочевникам Центральной и Северной Азии, прежде всего по номадам тасмолинской историко-этнографической общности урало-казахстанских степей, позволяют вновь вернуться к характеристике этой детали защитного вооружения.

Урало-казахстанские степи в пределах современных Южного Зауралья, Северного и Центрального Казахстана являлись, на наш взгляд, основным районом распространения портупейных поясов с бронзовыми или железными обоймами. Пояса такой конструкции объединены В.Н. Добжанским в тип I с бляхами-обоймами. Бытовали они, по его мнению, в VII–VI вв. до н.э., но встречаются еще и в погребениях V в. до н.э. (Добжанский, 1990. С. 21). Пояса этого типа были предварительно разделены нами на две группы (Боталов, Таиров, 1996. С. 131). Для первой группы характерны металлические обоймы прямоугольной формы с различным оформлением лицевой поверхности. Оборотная их сторона гладкая или прорезная, с одной или двумя петлями или петлевидными выступами. Вторая группа включает наборные пояса с металлическими фигурными Х-образными цельными или прорезными обоймами.

Пояса первой группы с бронзовыми или железными обоймами найдены в четырех южнозауральских погребениях (рис. 1): курган 4 Бобровского могильника, курган 1 могильника Николаевка II, курган 4 Варненской группы, погребении 3 кургана 2 могильника Иртяш 14 (рис. 1, *1–4*, *6*) (Матвеева, 1964. С. 213. Рис. 1, *5*; Таиров, 1987. С. 29. Рис. 2, *2*, *3*, *5–10*, *12–15*; Боталов, Таиров, 1996. С. 122. Рис. 10, *7–16*; 6, *11–20*; Гаврилюк, Таиров, 2002. С. 19–22. Рис. 1, *3*, *6*, *9*). Еще один пояс с бронзовыми обоймами обнаружен случайно в Троицком районе Челябинской области (его точное местонахождение неизвестно) (Боталов, Таиров, 1996. Рис. 10, *18–20*).

Из Центрального Казахстана происходят четыре таких пояса: курган 1 могильника Тасмола VI, курганы 1 и 3 могильника Нурманбет IV, курган 12 могильника Майкубень 3 (рис. 1, *7–9*) (Маргулан и др., 1966. Рис. 28, *1*, *7*; 39, *1*, *2*; Бейсенов, 2001. Рис. 2, *1*). Все они датируются в рамках VII–VI вв. до н.э. В майкубенском кургане к поясу, имеющему семь бронзовых обойм, был подвешен колчан, содержащий пять бронзовых трехгранных черешковых наконечников стрел и бронзовый нож с кольцевидным навершием. Колчан подвешивался к бронзовому крюку, который с помощью сыромятного ремешка, украшенного двумя бронзовыми пронизями, и бронзового стержня крепился к поясу. С поясом также связаны крупная бронзовая цилиндрическая пронизь и две бронзовые конусовидные ворворки. Помимо этого, при погребенном найдены две плоские пластинчатые накладки и бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник стрелы (Бейсенов, 2001. С. 69–71. Рис. 2, *1–4*).

Вторая группа портупейных поясов включает два пояса с бронзовыми фигурными Х-образными обоймами: из курган 1 могильника Тасмола II в Центральном Казахстане, из кургана 2 могильника Алыпкаш в Северном Казахстане (рис. 1, *10*, *12*) (Маргулан и др., 1966. Рис. 39, *3*; Хабдулина, 1993. С. 40. Рис. 3, *9*).

Курган 1 могильника Тасмола II, поясной набор из которого наряду с Х-образными имеет две прямоугольные обоймы, характерные для наборов первой группы, М.К. Кадырбаев отнес ко второму этапу тасмолинской культуры Центрального Казахстана (V–III вв. до н.э.). Однако сочетание в материалах этого погребального комплекса двухлопастных, трехгранных ("скифских") втульчатых и трехлопастного черешкового наконечников стрел позволяет датировать его концом VI вв. до н.э. (Медведская, 1972. С. 81, 82, 89), хотя не исключено и самое начало V в. до н.э. Этой дате (конец VI – начало V в. до н.э.) не противоречат ни погребальный обряд, ни остальной инвентарь кургана (Маргулан и др., 1966. С. 349–352. Рис. 43, *2–8*, *12*, *15*). В кургане 2 могильника Алыпкаш помимо поясного набора найдены биметаллический нож с кольцевым навершием, трехлопастные втульчатые ("скифские") наконечники стрел и один втульчатый двухлопастной овальный с утяжеленным ромбическим окончанием головки (Хабдулина, 1993. С. 40. Рис. 3, *2–8*). Последние и опреде-

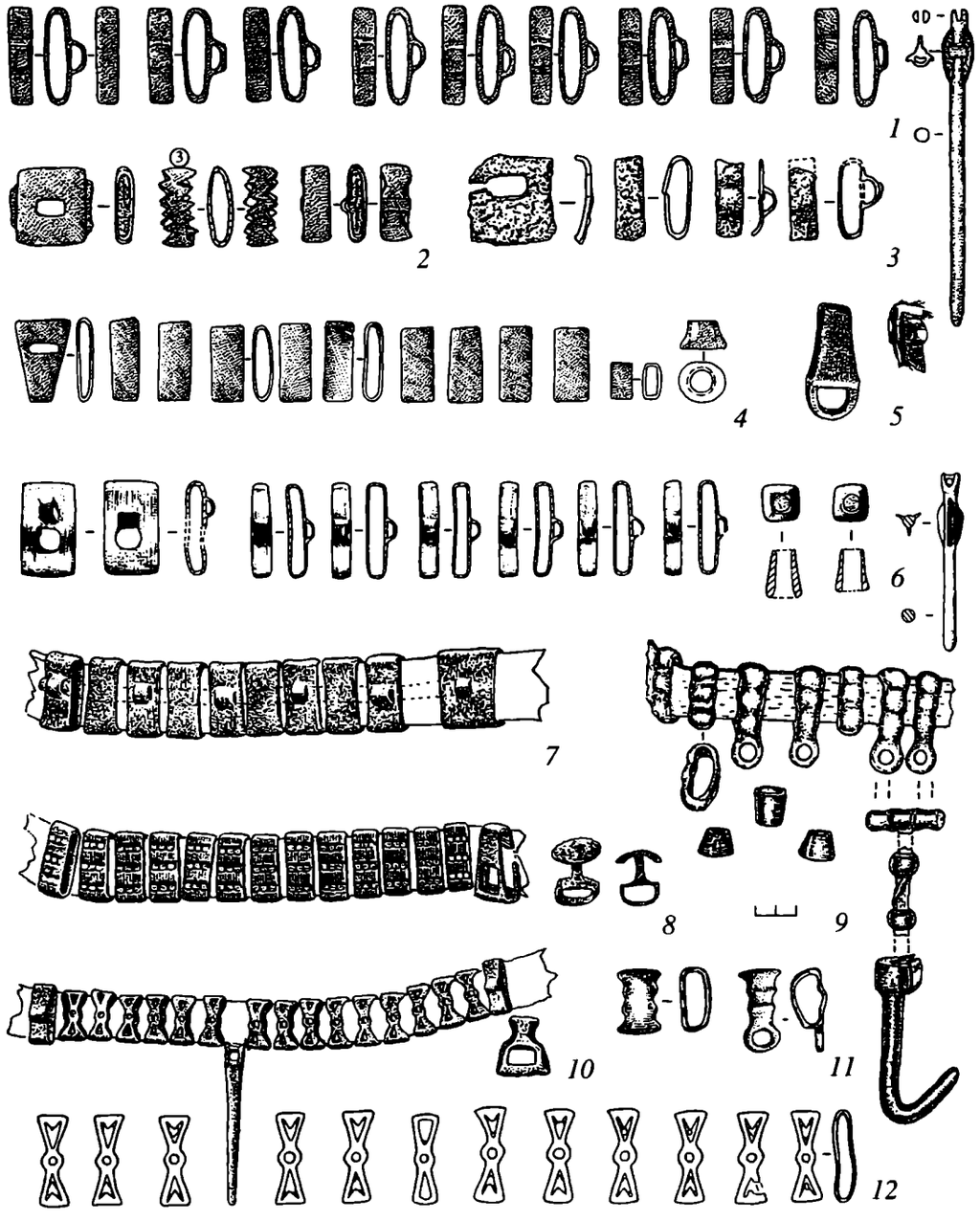

Рис. 1. Наборные пояса раннесакского времени Южного Зауралья, Приаралья, Северного и Центрального Казахстана. *1* – мог-к Бобровский, кург. 4; *2* – случайная находка, Троицкий р-н, Челябинская обл.; *3* – Варненская группа курганов, кург. 4; *4* – мог-к Николаевка II, кург. 1; *5* – мог-к Тасмола VI, кург. 1 (Маргулан и др., 1966. Рис. 28, *1*, *7*); *6* – мог-к Иртяш 14, кург. 2, погр. 3; *7* – мог-к Нурманбет IV, кург. 1 (Маргулан и др., 1966. Рис. 39, *2*); *8* – мог-к Нурманбет IV, кург. 3 (Маргулан и др., 1966. Рис. 39, *1*); *9* – мог-к Майкубень 3, кург. 12 (Бейсенов, 2001. Рис. 2, *1*); *10* – мог-к Тасмола II, кург. 1 (Маргулан и др., 1966. Рис. 39, *3*); *11* – мог-к Южный Тагискен, кург. 42 (Итина, Яблонский, 1997. Рис. 25, *1*, *3*); *12* – мог-к Алыпкаш, кург. 2 (Хабдулина, 1994, Табл. 20, *9*); *1*, *2*, *4–12* – бронза; *3* – железо.

ляют время сооружения кургана – не ранее середины VI в. до н.э. и не позднее начала V в. до н.э.

Боевые пояса первой группы, с обоймами прямоугольной формы, помимо урало-казахстанских степей, происходят также из погребения 704 Старшего Ахмыловского могильника в Марийском Поволжье (рис. 2, *8*, *9*), кургана 37 могильника Южный Тагискен в Юго-Восточном Приаралье (рис. 1, *11*), кургана 4 могильника Можуташ II и кургана 7 могильника Тегермансу I на Восточном Памире (рис. 2, *2*, *3*) (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 105, *1д*, *1р*; Итина, Яблонский, 1997. С. 68. Рис. 25, *1*, *3*; Литвинский, 1972. Табл. 21, *7*, *8*, *10*, *11*; 45). Все они датируются в рамках VIII–VI вв. до н.э.

В пределах VI–V вв. до н.э., скорее VI в. до н.э., можно, как представляется, датировать и курган 6 могильника Кызык-Телань I на Алтае, где найден пояс с обоймами первой группы (рис. 2, *5*). А.С. Суразаков отнес курган к пазырыкскому этапу (V–III вв. до н.э.) пазырыкской культуры Горного Алтая (Суразаков, 1983. С. 46. Рис. 5, *2*). Однако все обоймы этого пояса, даже с петлей в

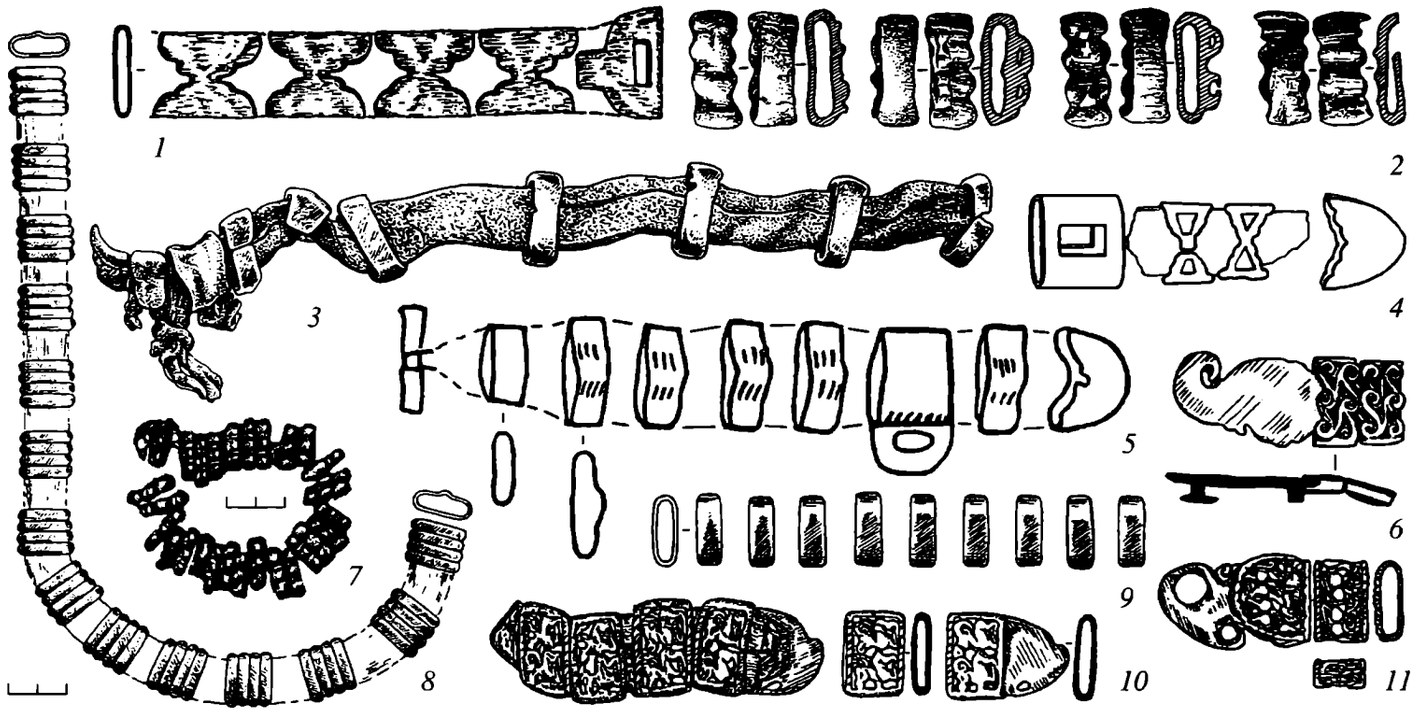

Рис. 2. Наборные пояса раннесакского времени Прикамья, Памира, Восточного Казахстана, Алтая и Тувы. *1* – кург. у с. Пьяный Яр (Алехин и др., 1992. Рис. 1); *2* – мог-к Тегермансу I, кург. 7 (Литвинский, 1972. Табл. 21, *7*, *8*, *10*, *11*); *3* – мог-к Можуташ II, кург. *4* (Литвинский, 1972. Табл. 45); *4* – кург. у с. Вавилово (Киселев, 1951. Табл. XXIX, 7); *5* – мог-к Кызык-Телань I, кург. 6 (Суразаков, 1983. Рис. 5, *2*); *6* – мог-к Демир-Суг II, кург. 1, погр. 1 (Семенов, 2001. Рис. 2, *13*); 7 – могила в Усть-Куэнгинской пади (Гришин, 1981. Рис. 42, *4*); *8*, *9* – Старший Ахмыловский могильник, погр. 704 (Патрушев, Халиков, 1982. Табл. 105, *1д*, *1р*); *10* – мог-к Сыпучий Яр, кург. 4, погр. 1 (Семенов, 2001. Рис. 2, *8–10*); *11* – мог-к Усть-Хадынных I, кург. 4, могила 3 (Виноградов, 1980. Рис. 1; Семенов, 2001. Рис. 2, *12*). *1* – серебро: *2–11* – бронза.

основании, аналогичны обоймам из памятников VII–VI вв. до н.э. (Тасмола VI, курган 1, Южный Тагискен, курган 37) (Маргулан и др., 1966. Рис. 28, *7*; Итина, Яблонский, 1997. Рис. 24, *3*). Наконечник же ремня, аналогичный наконечнику из Вавилово, ограничивает нижнюю дату комплекса кургана второй половиной VI в. до н.э.

В Туве в кургане 4 могильника Усть-Хадынных I (VII в. до н.э.) вместе с кожаным поясом с бронзовыми обоймами первой группы (прямоугольные) (рис. 2, *11*) найден бронзовый чекан с круглым в сечении бойком, заканчивающимся четырехгранным острием, с втулкой, охваченной рельефным ободком, равным по ширине диаметру бойка и обушка, и с головкой хищной птицы в углу между втулкой и бойком (Виноградов, 1980. Рис. 1; Семенов, 2001. Рис. 2, *12*). По своей форме он очень близок чекану из кургана 2 могильника Иртяш 14 в Южном Зауралье, где также обнаружен пояс с обоймами первой группы (Гаврилюк, Таиров, 2002. Рис. 1, *1*, *2*). Остатки поясов с бронзовыми прямоугольными обоймами найдены еще в трех памятниках Тувы. На обеих сторонах обойм из погребении 1 кургана 4 могильника Сыпучий Яр (не позднее рубежа VII–VI вв. до н.э.) изображены пары горных баранов (рис. 2, *10*). Обоймы пояса этого же времени из погребения 1 кургана 1 могильника Демир-Суг II украшены с двух сторон переплетением S-овидных фигур (рис. 2, *6*) (Семенов, 2001. С. 167–170. Рис. 2, *8–13*). Третий пояс с бронзовыми обоймами в комплексе с бронзовым чеканом и набором из 10 стрел происходит из кургана 2 могильника Сарыг-Булун (Чугунов, 2000. С. 215). Следует подчеркнуть, что обоймы поясов, найденных в Туве, украшены изображениями животных или сложным геометрическим орнаментом. Эта деталь отличает тувинские пояса от одновременных им поясов из других регионов Евразии.

Несколько отличается от всех описанных выше пояс из плиточной могилы в Усть-Куэнгинской пади в Забайкалье (рис. 2, *7*), датируемой VII–VI вв. до н.э. Обоймы его, во-первых, значительно меньших размеров, во-вторых, украшены тремя примыкающими друг к другу полусферическими выпуклостями (Гришин, 1981. С. 129. Рис. 42, *4*; Добжанский, 1990. С. 21. Табл. VI, *1*). Последняя деталь сближает его с поясом из кургана 12 могильника Майкубень 3.

Вторая группа портупейных поясов (с фигурными Х-образными обоймами), включает, помимо поясов из могильников Тасмола II и Алыпкаш, еще два: из курганов у сел Вавилово (Вавилонка) и Пьяный Яр близ Семипалатинска (рис. 2, *1*, *4*)

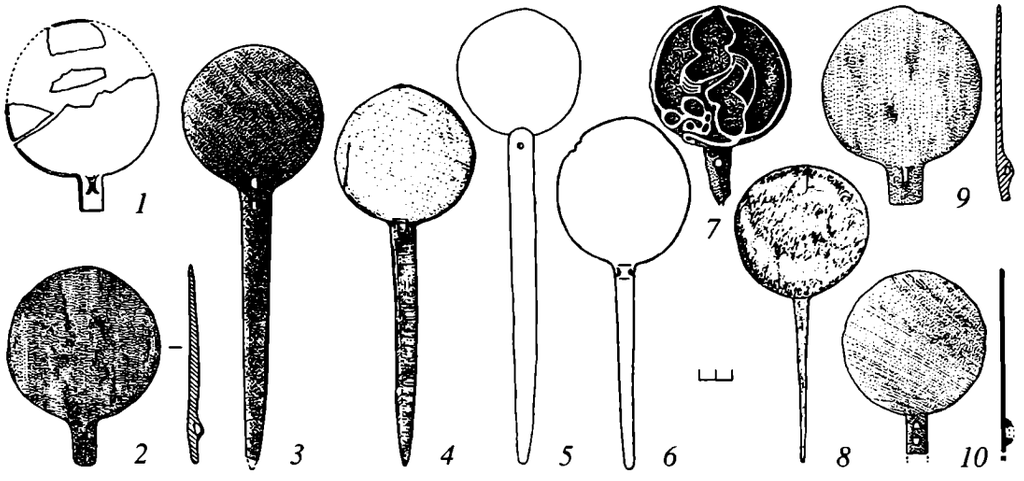

Рис. 3. Раннесакские зеркала с боковой ручкой. *1* – кург. у с. Вавилово (Киселев, 1951. Табл. XXIX, *9*); *2* – мог-к Конурсу, кург. 2 (Хабдулина, 1994. Табл. 57, *5*); *3* – мог-к Бобровский, кург. 4; *5* – мог-к Уйгарак, кург. 21 (Вишневская, 1973. Табл. VI, *4*); *6* – Маринское, Северный Казахстан (Грязнов, 1956. Рис. 3, *8*); *7* – с. Измайловка, кург. (Ермолаева, 1985. Рис. 1 на с. 510); *8* – кург. у с. Пьяный Яр (Алехин и др., 1992. Рис. 1); *9* – мог-к Графские развалины, кург. 9 (Хабдулина, 1994. Табл. 57, *1*); *10* – мог-к Давлетшино, кург. 1 (Савельев, 2000. Рис. 2, *1*).

(Киселев, 1951. Табл. XXIX, *7*; Алехин и др., 1992. Рис. 1).

Из разграбленного кургана у села Вавилово помимо пояса с бронзовыми обоймами происходят железный кинжал с брусковидным навершием и "крыльевидным перекрестием", бронзовый нож, оселок, пять бронзовых трехгранных черешковых наконечников стрел, зеркало с короткой боковой ручкой и петелькой на ней и ряд других предметов (Киселев, 1951. С. 298–300. Табл. XXIX, *1–10*). Этот курган, так же как и курган 6 могильника Туяхта, где найдена подквадратная прорезная обойма, почти аналогичная вавилонской, С.В. Киселев датировал II стадией майэмирской культуры (Киселев, 1951. С. 292, 300). Л.С. Марсадолов вполне обоснованно, на наш взгляд, пересмотрел хронологию многих курганов Саяно-Алтая. Для пазырыкского этапа истории ранних кочевников Алтая им предложены хронологические рамки VI–IV вв. до н.э., а курган 6 могильника Туяхта датирован второй половиной VI – первой половиной V вв. до н.э. (Марсадолов, 2000. С. 23). Очевидно, что к этому же времени следует относить и курган у села Вавилово. Наличие же бронзовых трехгранных черешковых наконечников стрел и отсутствие трехлопастных втульчатых "скифского" типа заставляет ограничить хронологические рамки кургана у села Вавилово второй половиной VI в. до н.э. Следует также отметить, что в этом комплексе найдено зеркало, североказахстанские аналогии которому М.К. Хабдулина (1994. С. 59, 69) датирует VII–VI вв. до н.э.

Из погребения в каменном ящике у села Пьяный Яр помимо пояса с серебряными обоймами, близкими по форме вавилонским, происходят железный кинжал усть-буконского типа, рукоять которого обложена серебряными пластинами, бронзовое зеркало с длинной (ножевидной – ?) ручкой, плоский подпрямоугольный оселок, бронзовые втульчатые наконечники стрел пулевидной формы и ряд других предметов. По мнению авторов публикации, данное погребение "относится к концу скифской эпохи – началу гунно-сарматского времени (рубеж эр)" (Алехин и др., 1992. С. 128. Рис. 1), с чем, в свете изложенного выше, достаточно трудно согласиться. Скорее всего этот комплекс хронологически близок комплексу Вавилово.

Зеркало из погребения у села Пьяный Яр входит в достаточно редкую группу зеркал с длинной ножевидной боковой ручкой (рис. 3, *8*). Нам известно еще пять подобных зеркал (рис. 3, *3–6*, *10*): три из Южного Зауралья (Бобровский, курган 4; Иртяш 14, курган 2, погребение 3; Давлетшино, курган 1), одно из Северного Казахстана (случайная находка у села Маринское близ города Кокчетава) и одно из Юго-Восточного Приаралья (Уйгарак, курган 21) (Боталов, Таиров, 1996. Рис. 10, *2*; Савельев, 2000. С. 18. Рис. 2, 1; Грязнов, 1956. Рис. 3, *8*; Вишневская, 1973. Табл. VI, *4*). Четыре из них (Бобровское, Маринское, Иртяшское, Давлетшинское) имеют петельки в основании ручки, пятое (Уйгарак) – отверстие. Причем из шести зеркал пять (помимо давлетшинского) найдены в комплексе с кинжалами (Матвеева, 1964. Рис. 1, *1*; Боталов, Таиров, 1996. Рис. 10, *6*; Вишневская, 1973. Табл. VI, *1*; Грязнов, 1956. С. 11. Рис. 3, *2*; Алехин и др., 1992. Рис. 1). Возможно, к этому же типу зеркал принадлежит и зеркало из могильника у села Измайловка в Восточном Казахстане (рис. 3, *7*). По форме и размерам оно близко зеркалу из Уйгарака. Так же как уйгаракское, оно имеет отверстие в месте перехода ручки в диск. На оборотной стороне диска измайловского зеркала помещено изображение свернувшегося в

кольцо кошачьего хищника. Однако ручка этого зеркала, судя по рисунку, сохранилась не полностью, что и затрудняет однозначное определение его типологической принадлежности (Ермолаева, 1985. С. 510. Рис. 1; Боковенко, Заднепровский, 1992. Рис. 57, *18*; Кубарев, 2002. С. 66. Рис. 1, *5*).

По конструктивным особенностям зеркала с ножевидной ручкой близки зеркалам с короткой боковой ручкой и петелькой на одной из сторон ручки из погребений в кургане 9 могильника Графские развалины и кургана 2 могильника Конурсу из Северного Казахстана (рис. 3, *2*, *9*), датируемым VII–VI вв. до н.э. (Хабдулина, 1994. С. 59, 69. Табл. 57, *1*, *5*) и погребения в кургане у с. Вавилово в Восточном Казахстане (рис. 3, *1*) (Киселев, 1947. Рис. 9, *21*; 1951. Табл. XXIX, *9*).

Кроме того, по набору инвентаря – кинжал, нож, зеркало с боковой ручкой, бронзовые наконечники стрел, наборный пояс с бронзовыми обоймами – погребения у сел Вавилово и Пьяный Яр близки ряду погребений VII–VI вв. до н.э. из Южного Зауралья, Центрального Казахстана и Приаралья. Это погребения в кургане 4 Бобровского могильника и кургане 2 могильника Иртяш XIV в Южном Зауралье (Матвеева, 1964. С. 214. Рис. 1; Боталов, Таиров, 1996. Рис. 10; Гаврилюк, Таиров, 2002. С. 19–22), кургане 1 могильника Нурманбет IV в Центральном Казахстане (Маргулан и др., 1966. С. 343, 344. Рис. 38; 39, *2*), в кургане 21 могильника Уйгарак (Вишневская, 1973. С. 18. Рис. 8. Табл. V).

Подводя итог данному обзору, следует отметить, что в Центральной и Северной Азии традиция украшения кожаных поясов металлом впервые фиксируется лишь в раннесакское время, хотя сама идея их украшения прослеживается уже в эпоху поздней бронзы. Однако, как отмечает В.Н. Добжанский, специально занимавшийся наборными поясами кочевников Азии, "...несмотря на значительные усилия, предпринятые археологами по изучению культур этого времени в Южной Сибири и Центральной Азии, пока не выявлены погребальные комплексы, в которых были бы зафиксированы наборные пояса" (Добжанский, 1990. С. 17). В связи с этим хотелось бы обратить внимание на материалы, полученные китайскими археологами при раскопках могильника Шанцуньлин – "государственного кладбища" удела Го (Северное Го), функционировавшего в период правления Сюань-вана (827–782 гг. до н.э.). Среди многочисленного погребального инвентаря здесь найдены изделия "северного происхождения": бронзовые зеркала, панцирные пластины и, подчеркнем особо, пояс, "набранный из 12 золотых бляшек". Как отмечает С.А. Комиссаров, "наборный пояс – явление для Китая уникальное, тогда как в более позднюю эпоху оно широко представлено среди народов северной степной зоны" (Комиссаров, 1995. С. 67, 68).

Исходя из хронологии боевых или портупейных поясов, можно попытаться наметить общую линию их развития в восточных районах Евразии. VIII–VI вв. до н.э. – время распространения поясов с прямоугольными обоймами с разнообразным оформлением лицевой и оборотной сторон. Во второй половине VI в. до н.э. появляются пояса с фигурными Х-образными обоймами, но бытуют они непродолжительное время – до начала V в. до н.э. включительно. После чего пояса с бляхами-обоймами прекращают свое существование (Добжанский, 1990. С. 21). В VI в. до н.э., скорее всего во второй его половине, на смену обоймам приходят накладные бляхи различной формы, в том числе и украшенные изображениями в зверином стиле. Причем изготавливались они уже не только в металле, но и в дереве, и в кости (Добжанский, 1990. С. 22–24). В это же время появляются и пояса, имеющие всего одну бронзовую или железную прорезную обойму, которая выполняла скорее всего роль пряжки. Они бытуют на более широкой территории, чем пояса предыдущего вида, и в более широких хронологических рамках: вплоть до II в. до н.э.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алехин Ю.П., Демин М.А., Илюшин А.М. Исследования 1989 г. в Семипалатинской области // Маргулановские чтения. 1990 Сб. матер. конф. Ч. 1. М., 1992.

Бейсенов А.З. Майкубенские курганы середины I тысячелетия до н.э. в Центральном Казахстане // Изв. МОН РК, НАН РК. Сер. обществ. наук. 2001. № 1.

Боковенко Н.А., Заднепровский Ю.А. Ранние кочевники Восточного Казахстана // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992.

Боталов С.Г., Таиров А.Д. Памятники раннего железного века в окрестностях села Варна // Мат. по археологии и этнографии Южного Урала. Тр. музея-заповедника Аркаим. Челябинск, 1996.

Виноградов А.В. Памятники алды-бельской культуры в Туве // Новейшие исследования по археологии Тувы и этногенезу тувинцев. Кызыл, 1980.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сыр-Дарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака) // ТХАЭЭ. 1973. Т. VIII.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Кочевническое погребение VII в. до н.э. в ареале иткульской культуры // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Тез. докл. регион. науч.-практ. конф. Челябинск, 2002.

Горелик М.В. Сакский доспех // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. М., 1987.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М., 1981.

Грязнов М.П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников // КСИИМК. 1956. Вып. 61.

Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. Новосибирск, 1990.

Ермолаева А.С. Исследования на левом берегу Иртыша в восточном Казахстане // АО–1983. 1985.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М., 1997.

Киселев С.В. Алтай в скифское время // ВДИ. 1947. № 2.

Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.

Комиссаров С.А. Новая датировка начала железного века в Китае // Ш годовая итоговая сессия Института археологии и этнографии СО РАН. Ноябрь 1995 г. Тез. докл. Новосибирск, 1995.

Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 3 (11).

Литвинский Б.А. Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972.

Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): Автореф. дис. ... докт. культурологии. СПб, 2000.

Матвеева Г.И. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка // АЭБ. 1964. Т. II.

Медведская И.Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана // СА. 1972. № 3.

Патрушев В.С., Халиков А.Х. Волжские ананьинцы (Старший Ахмыловский могильник). М., 1982.

Савельев Н.С. Каменные курганы восточных предгорий Южного Урала и некоторые вопросы формирования прохоровской культуры // Уфимский археологический вестник. Вып. 2. Уфа, 2000.

Семенов Вл.А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. СПб, 2001.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань I (к вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. Горно-Алтайск, 1983.

Таиров А.Д. Новые памятники раннего железного века из Южного Зауралья // Ранний железный век и средневековье Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1987.

Хабдулина М.К. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993.

Хабдулина М.К. Степное Приишимье в эпоху раннего железа. Алматы, 1994.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. СПб, 2000.

The battle belts of the early Saki

A. D. Tairov

Summary

The author presents a review of the finds of the battle belts furnished with metal plaques-settings originating from the Northern and Central Asia and attributed to the early Saki. All the belts are divided into two groups: 1) the belts with the rectangular settings, and 2) those with X-shaped ones. It is pointed out that the tradition of decorating leather belts with metal first emerged in the early Saki time. In the 8th – the 6th cc. BC the belts decorated with the settings of the first type were popular. The belts with the settings of the second type came into being in the second part of the 6th c. BC and functioned till the early 5th c. BC. In the second part of the 6th c. BC metal settings were replaced with the plaques of different shapes made of metal, wood, or antler.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 146–148

ПУБЛИКАЦИИ

БРОНЗОВЫЙ КОТЕЛ ИЗ ЖУТОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

© 2004 г. И. В. Сергацков

Волгоградский государственный университет, Волгоград

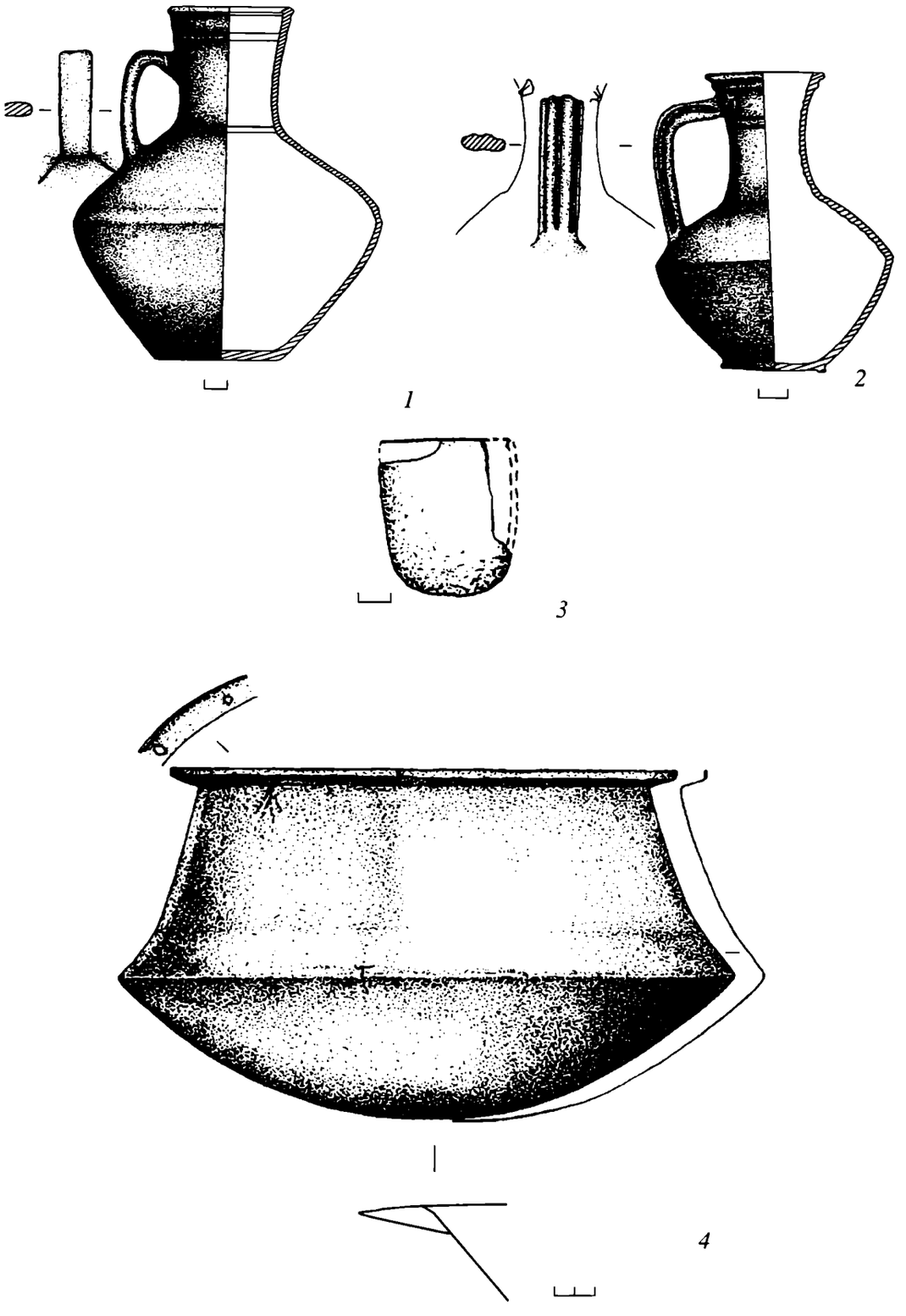
Большая часть римских импортов в восточноевропейских степях сконцентрирована в курганах среднесарматского времени. Начиная с I в. н. э. поступление античного импорта, в частности металлической посуды, в Сарматию приобретает массовый характер. Это явление исследователями связывается с военно-политической активностью аланов, именно в это время появившихся в Восточной Европе (Raev, 1986. P. 58–63; Раев, 1994. С. 24, 25; Скрипкин, 1997. С. 32–36; Сергацков, 1994. С. 19–27; Sergackov, 1994. P. 263–277). Иногда среди массового материала попадаются довольно редкие вещи, представляющие значительный интерес для изучения культурно-экономических контактов сарматов с окружающим миром. Одной из таких находок и посвящена эта статья.

В 1974 г. при доследовании Жутовского курганного могильника, расположенного на правом берегу р. Есауловский Аксай, близ пос. Октябрьский Волгоградской обл., В.И. Мамонтовым был раскопан курган № 75, в котором обнаружен бронзовый котел. Насыпь имела небольшие размеры: диаметр 18 м, высота 0.7 м. В центре кургана обнаружена подквадратная яма, углами ориентированная по сторонам света. Погребение разграблено, в нем найдены осколки большого красноглиняного гончарного кувшина (рисунок, *1*), фрагменты еще одного кувшина, горло и плечики которого покрыты красным лаком (рисунок, *2*) и фрагментированная лепная курильница цилиндрической формы (рисунок, *3*).

Рядом с могилой на ее южном крае найден сильно смятый бронзовый кованый котел, вероятно, выброшенный из нее грабителями. Установить его первоначальную форму без сложных реставрационных работ было практически невозможно, поэтому его реконструкция в отчете В.И. Мамонтова была неверной. В свое время мной он был определен как котелок типа "Debelt" и датирован I – началом II в. н. э. (Сергацков, 2000. С. 122). Лишь в 2002 г. сосуд был реставрирован научным сотрудником Волгоградского областного краеведческого музея А.Г. Черемушниковым. Он был выправлен и очищен от окислов. Котел имеет округлое дно, четко выраженное ребро в нижней части корпуса, сужающееся к устью тулово с прогнутыми стенками и профилированный край. Он отогнут наружу и имеет вертикальный, слегка утолщенный венчик. Наибольший диаметр тулова 32.4 см, диаметр по венчику 26.6 см, высота котла 18.8 см. Толщина стенок 1–1.5 мм, дна – 2 мм. По краю котла на противоположных сторонах попарно пробито по два отверстия для крепления ручек. Возможно, под венчиком сосуд опоясывал обод, но он был утрачен еще в древности. Внутри и снаружи хорошо видны следы ковки. На дне с наружной стороны острым орудием процарапана тамга из трех прямых линий, своими очертаниями напоминающая букву Я. В целом сосуд хорошей сохранности (рисунок, *4*).

Котел из Жутовского могильника принадлежит к довольно редкому для Восточной Европы типу сосудов. Первоначальное отнесение его к типу "Debelt" (Сергацков, 2000. С. 122) следует признать ошибочным. Наиболее близкую аналогию ему составляет кованый котел из Садового кургана (Капошина, 1969. С. 77. Рис. 22). Правда, технологически они несколько различаются – жутовский сосуд цельнокованый, а котел из Садового кургана склепан по ребру из двух полос металла.

В связи с жутовской находкой возникают два главных вопроса: время и место производства таких сосудов. С.И. Капошина датировала котел из Садового кургана I в. н. э. и определила его как кельтский (Капошина, 1969. С. 78, 79). Если с такой датой в целом можно согласиться, то несостоятельность определения сосуда была убедительно показана Б.А. Раевым (Raev, 1986. P. 5, 6, 25, 26). Котел из Садового кургана так же, как и из Жутово относится к типу "Kongen". Ф. Бен, опубликовавший сосуд из Кёнгена, не приводит его точной даты. Лишь время разрушения лимеса (около 260 г. н. э.) может считаться для него terminus ante quem (Behn, 1936. S. 126). В указанной статье и речи не идет о кельтском происхождении такой посуды. Б.А. Раев, основываясь на наблюдениях Х. Эггерса, датировал котел из Садового кургана периодом В 2 (Raev, 1986. P. 26). Время существования в Восточной Европе таких сосудов, вероятно, захватывает и III в. н. э. Об этом может свидетельствовать находка в могильнике Солянка I в Волгоградском Заволжье, морфологически очень близкого жутовскому экземпляру маленького котелочка, к которому была приделана железная рукоять (Скворцов, 2001. Рис. 1, *3*). Комплекс, из

Находки из кургана № 75 Жутовского могильника: *1*, *2* – кувшины; *3* – курильница; *4* – бронзовый котел.

которого он происходит, твердо датируется второй половиной II – началом III в. н. э.

Курган № 75 Жутовского могильника, откуда происходит публикуемый котел, принадлежит к числу среднесарматских памятников. Гончарная посуда, в частности краснолаковый кувшин (рисунок, *2*), позволяет датировать его второй половиной I – началом II в. н. э. Краснолаковый кувшин очень близок даже в деталях сосуду из кургана № 3 Соколовского могильника (Раев, 1985. С. 18. Рис. 18, *1*). Такая посуда хорошо известна в античных памятниках Причерноморья и позднескифских комплексах Крыма I – II вв. н. э. (Античные государства.., 1984. Табл. CXLVIII, *14*; Зу-

барь, 1982. Рис. 45; Высотская, 1994. Табл. 14, *23*; 16, *14*; 18, *1*). Таким образом, дата кургана № 75 полностью соответствует датировке котла и подтверждает соображения Х. Эггерса и Б.А. Раева по поводу времени производства такой посуды.

Гораздо сложнее вопрос о месте производства котлов рассматриваемого типа. Б.А. Раев предполагал их провинциальное, возможно, галльское происхождение, хотя не исключал вероятности изготовления такой посуды в Италии (Raev, 1986. P. 26). Думается, больше оснований имеет первое предположение. Так, в Помпеях известно довольно большое количество бронзовых кованых котлов, близких жутовскому экземпляру, но они сопоставимы с сосудами типа "Debelt", а не "Kongen", – у них отсутствует такой типообразующий признак, как прогнутость стенок (Tassinari, 1993. Tab. U). Это обстоятельство, а также картографирование находок, – Прествик Кар (Англия), Вормс (Франция), Кёнген (Германия) – может указывать именно на провинциальное, а не италийское происхождение котлов типа "Kongen".

Большой интерес представляет тамга, прочерченная на дне котла. Нанесение знаков на сосуды – обычай широко известный у сарматов. Тамга из Жутово оригинальна, точных аналогий ей я не знаю. Знаки такой схемы отсутствуют в недавно вышедшей наиболее полной сводке тамг С.А. Яценко (Яценко, 2001). Схематически близкий жутовскому знак имеется на мраморном льве № 2 из Ольвии (Драчук, 1975. Табл. IX, *632*). Впрочем, у меня нет полной уверенности в правильности приведенной аналогии. Думается, публикуемый знак должен служить предметом исследования специалистов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Античные государства Северного Причерноморья. Археология СССР. М., 1984.

Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.

Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северопонтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.

Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982.

Капошина С.И. Кельтский котел из Садового кургана у Новочеркасска // КСИА. 1969. Вып. 116.

Раев Б.А. Каталог археологических коллекций (Соколовский курганный могильник). Новочеркасск, 1985.

Раев Б.А. Аланы и Рим: археологические реалии в историческом контексте // Античная цивилизация и варварский мир. Тез. докладов IV археологич. семинара. Новочеркасск, 1994.

Сергацков И.В. Сарматы Волго-Донских степей и Рим в первых веках нашей эры // Проблемы всеобщей истории. Волгоград, 1994.

Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.

Скворцов Н.Б. Археологическое исследование курганного могильника Солянка I // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 4. Волгоград, 2001.

Скрипкин А.С. Этюды по истории и культуре сарматов. Волгоград, 1997.

Яценко С.А. Знаки-тамги ираноязычных народов древности и раннего средневековья. М., 2001.

Behn F. Drei Bronzegefasse der fruhen Volkoerwanderungszeit von Bensheim, Starkenburg. // "Germania". 1936.

Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR. International Series. 278. Oxford, 1986.

Sergackov I.V. The Sarmatians of Volga-Don Steppes and Rome in the First Centuries AD // Archaeol. Steppes. Methods and Strategies. Napoli, 1994.

Tassinari S. Il Vasellame Bronzeo di Pompei. Roma, 1993.

Bronze cauldron from the cemetery Zhutovsky, Volgograd region

I. V. Sergatskov

Summary

In the paper the author clears the origin and morphological characteristic of the metal vessel discovered by V.I. Mamontov in Zhutovsky cemetery, barrow 75. The site is situated on the right bank of the River Esaulovsky Aksai, near the settlement Oktyabr'sky (Volgograd region). The cauldron is attributed to Kondep type, it refers by its origin to the Roman provinces, apparently, the Gaul and dates back to the 1st – the 3rd cc. AD. The finds of this type are extremely rare in the Sarmatian burials. Only two such cases have been accounted for.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 149–153

ПУБЛИКАЦИИ

БРОНЗОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ФИГУРКИ С ТЕРРИТОРИИ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ

© 2004 г. Я. Б. Березин*, С. Н. Савенко**

* ГУП "Наследие", Ставрополь,

** Государственный краеведческий музей, Ставрополь

Среди разнообразных археологических находок особое внимание всегда привлекали редкие образцы изделий художественного творчества древних и средневековых мастеров, в частности бронзовая пластика. К числу таких уникальных предметов относятся три довольно крупных фигурки, случайно обнаруженные в разных местах Ставропольского края. Анализ металла предметов не проводился, "бронзовыми" они названы по внешним признакам, в определенной мере условно. Их нумерация и описание приводятся в соответствии со временем поступления предметов в музейные коллекции или получения данных о них специалистами.

Фигурка 1 (рис. 1). Фрагмент антропоморфной фигурки с горы Стрижамент в центральной части Ставропольского края. Обнаружена в 1960 г., передана в фонды Ставропольского государственного краеведческого музея Г.Н.Прозрителева и Г.К Праве (основной фонд 15039, акт № 70 от 28.04.1967 года). Обстоятельства находки остались неизвестными. Предмет представляет собой обломанную верхнюю часть человеческой фигурки, сохранившаяся высота 14.8 см. Возможно, статуэтка изображает женщину или существо с женскими чертами в облике. На эту мысль наводит высокая, рельефно выступающая вперед верхняя часть туловища – женская грудь?

Голова в фас округлая, широколицая, с коническим сужением в верхней части, в профиль уплощенная. Затылочная часть сохранилась не полностью. Глаза трактованы сквозными прорезями неправильной, подромбовидной формы. Они расположены в верхней части головы, на переходе к конусовидному сужению, правый несколько ниже левого. Нос и вертикальные складки кожи возле носа намечены слабо прочерченными линиями, образующими треугольники. Рот – сквозное отверстие сегментовидной формы как бы приоткрыт. Губы намечены плоскими овальными площадками, образовавшимися в ходе пропила прорези рта. С обеих сторон головы, в наиболее широком ее месте находятся небольшие плоские уши. Они отлиты вместе с остальной фигуркой, имеют прямоугольную форму, расположены вертикально. В нижней части левого уха сделано небольшое сквозное отверстие, правое в центре разорвано более крупным отверстием. На нижней части лица выделен широкий уплощенный овальный подбородок. На суженой верхней части головы находится накладной пластинчатый предмет с тремя выступами в верхней части. Вероятно, это головной убор. Общая высота головы с головным убором 8.2 см, ширина 7.4 см, ширина в профиль 3.8 см. Размеры головного убора: высота 2 см, ширина 3.3 см, толщина 0.5 см.

Голова почти сразу (шея выражена слабо) переходит в верхнюю часть туловища, сохранившуюся примерно до пояса. Туловище имеет подтреугольные в плане, уплощенно-конические расширения на месте плеч. Спина уплощена (сохранилась частично), грудная часть рельефно выступает вперед, переходы выступа к туловищу заовалены. На средней части груди, поперек ее, почти горизонтально, с небольшим наклоном вправо рельефом изображена локтевая часть руки со сжатой в кулак кистью. Вторую руку, возможно, предполагали изобразить тоже согнутой и заведенной за спину. Однако она отсутствует и только намечена двумя прочерченными линиями. На правом боку, внизу, у края сохранившейся части туловища находится прочерченный значок – "галочка", обращенная углом вниз.

Левая сторона оборотной части туловища не сохранилась. Размеры сохранившейся части туловища: высота 6.7 см, ширина между плечевыми выступами 8.8 см, наибольшая ширина в профиль 5.4 см. Фигурка литая, полая внутри, толщина стенок 1–1.4 мм. "Головной убор" и левая рука накладные. Поверхность покрыта плотной темной, серозеленой патиной.

Фигурка 2 (рис. 2). Статуэтка всадника на крупном животном (голова обломана) из окрестностей Кисловодска. Обнаружена в конце 1970-х – начале 1980-х годов жителем города Ессентуков Н.Ф. Зеленским и в 1994 г. принесена в Кисловодский краеведческий музей для продажи. Тогда же С.Н. Савенко (на тот момент директор музея) сделал рисунки и фотографии предмета. Приобрести статуэтку не удалось, ее нахождение в настоящий момент неизвестно. Общая высота изделия 16.5 см.

Всадник расположен на спине животного, ближе к шее. Сидит прямо, с ровной спиной. Ноги прямые с обеих сторон туловища животного, уплощены и непропорционально укорочены. Левая стопа находится несколько выше правой.

Голова овальной формы с конусовидным сужением в верхней части. Ее ширина в фас боль-

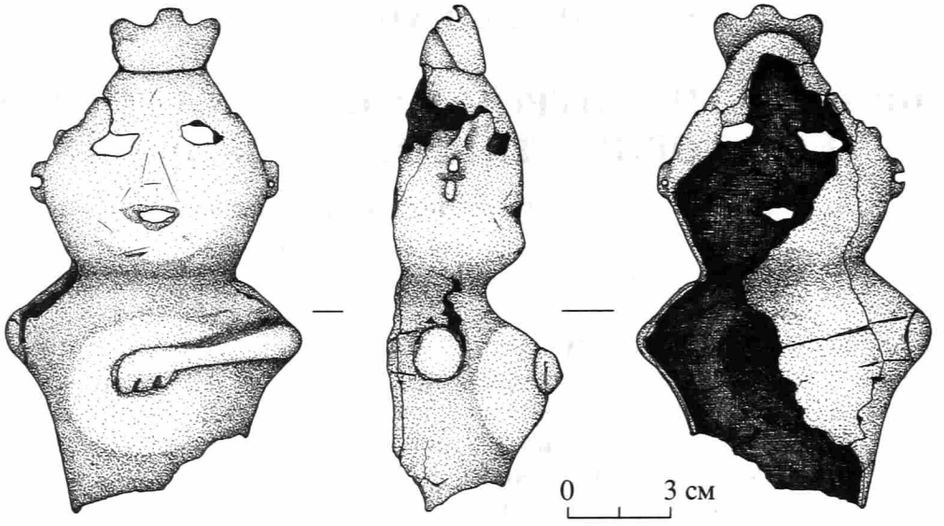

Рис. 1. Фрагмент антропоморфной фигурки с горы Стрижамент в центральной части Ставропольского края.

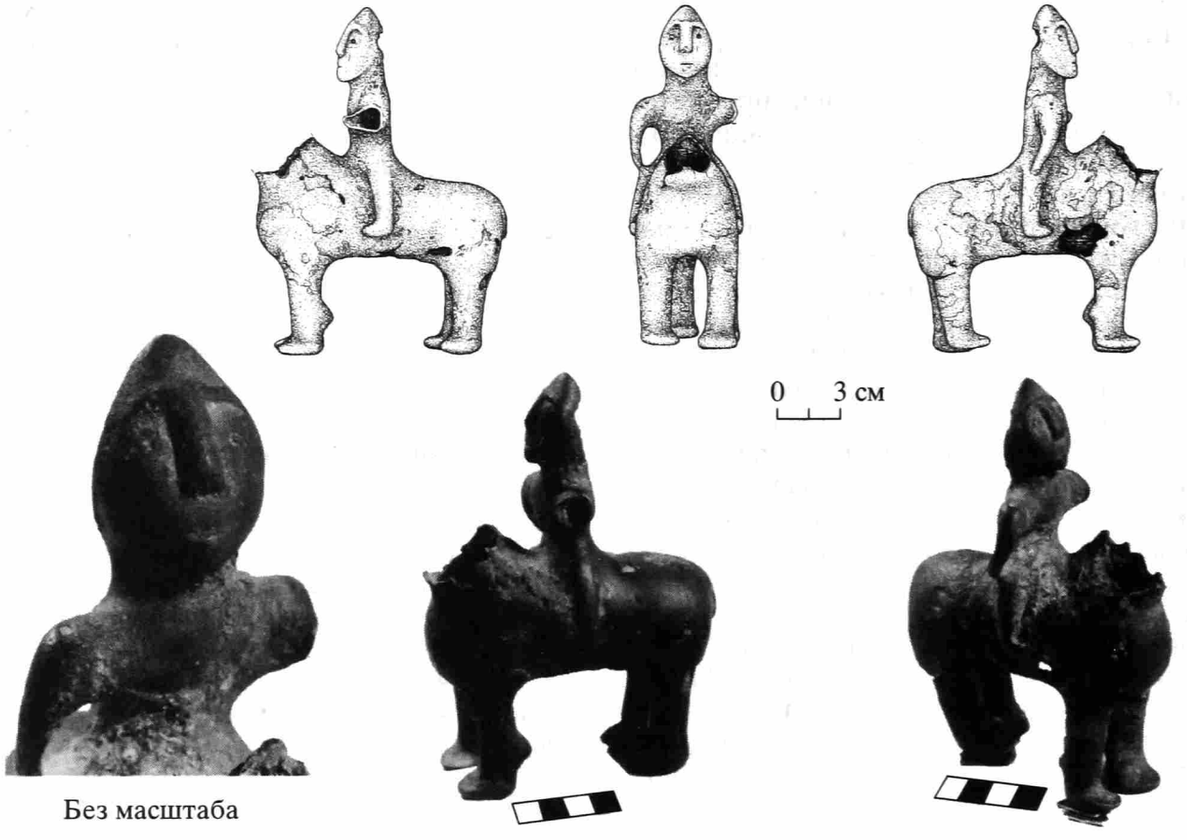

Рис. 2. Статуэтка всадника из окрестностей Кисловодска.

ше, чем в профиль. На лицевой части рельефно трактованы дуговидные брови, крупный, прямой, утолщенный нос. Глаза выделены углубленным контуром. Правый намечен слабо, он округлый. Левый удлиненно – каплевидный. Глаза расположены на одинаковом расстоянии от носа и бровей. Рот прямой, вдавленный, обозначена нижняя губа. Подбородок выделен овальным сужением, несколько выдвинут вперед. Затылочная часть сохранилась не полностью. Высота головы 3.5 см, ширина в фас 2.7 см, в профиль 2.3 см.

У человеческой фигурки толстая и достаточно высокая шея, переходящая в уплощенное туловище. Плечи четко выделены. Правая рука несколько согнута в локте. Нечетко трактованная ладонь заведена назад. По характеру изображения плеча можно предположить, что левая рука была отведена от туловища и, возможно, поднята. К сожалению, эта рука обломана. Общая высота сидящей фигуры 11.1 см, ширина в плечах 4.8 см, ширина в профиль на уровне груди 2.4 см.

Туловище и ноги животного значительно более массивные по сравнению с фигуркой всадни-

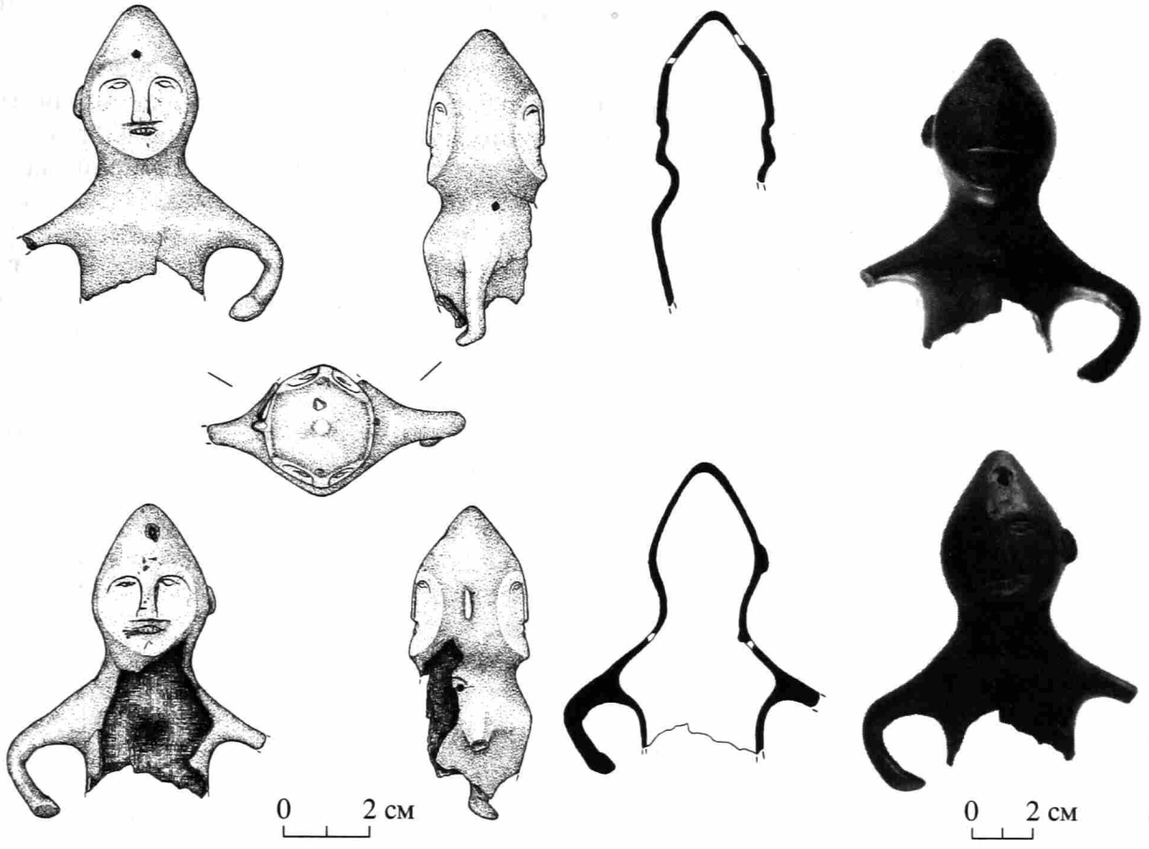

Рис. 3. Часть статуэтки двуликого антропоморфного существа из с. Воздвиженского Апанасенковского района.

ка. Шея в сечении подтреугольная. По трактовке нижней части ног животного в них можно предположить лапы крупного кошачьего хищника. Все четыре ноги изображены прямыми, передние разведены, стопы задних сведены вместе. Хвост короткий, прижат к крупу. Голова обломана, справа в нижней передней части тулова пролом. Высота животного в холке 10.2 см, длина туловища 12.2 см, ширина 4.9 см. Фигурка литая, полая внутри, толщина стенок 2–4 мм. В средней части брюха животного – отверстие литника. Металл покрыт плотной патиной серо-зеленого цвета с пятнами ярко-зеленого оттенка.

Фигурка 3 (рис. 3). Часть статуэтки двуликого антропоморфного существа из села Воздвиженского Апанасенковского района. Была найдена в конце 70-х годов прошлого века. А.Н. Немченко. Со слов находчика, статуэтка происходила из снесенного кургана, была обнаружена в яме прямоугольной формы на глубине примерно 2 м от подошвы насыпи кургана. Передана Я.Б. Березину, в настоящее время находится в музее ГУП "Наследие" министерства культуры Ставропольского края. Общая высота сохранившейся части статуэтки 11.5 см.

Сторона статуэтки с внешним разворотом ладони сохранившейся руки условно определяется нами как лицевая. Вполне вероятно, что вторая, обломанная, рука имела аналогичную форму, но была обращена ладонью в противоположную сторону. В этом случае стороны статуэтки должны были быть равнозначными. Мы их делим на лицевую и оборотную условно, для удобства описания.

Голова статуэтки вытянуто – овальная, верхняя часть суживается на конус. Сверху она представляет практически правильный шестиугольник. Личины расположены симметрично. Фигурка имеет только одно плоское ухо подтрапециевидной формы со сглаженным контуром. Ухо расположено вертикально и перпендикулярно боковой поверхности головы.

Носы и щеки личин уплощены. Носы примерно одной формы, прямые, широкие, несколько расширенные книзу. Брови дуговидные, выполнены линией, переходящей в контур носа. Изображение глаз отличается мелкими несущественными деталями. Они посажены близко к бровям, уплощенно-овальной формы, на внешних краях изогнутые линии – "реснички". Глаза выполнены прочерченными линиями.

Под носом на обеих сторонах сделана горизонтальная прочерченная линия с концами, существенно выходящими за края крыльев носа. Возможно, так трактованы усы. Рот прочерчен вдавленной линией, изображен приоткрытым, с обозначенными зубами. На лицевой стороне – небольшое округлое отверстие в центральной части лба. На оборотной стороне отверстие более грубое, с неровными краями и расположено несколько выше. Здесь же у правого угла рта три расходящихся веером полоски. В средней части подбородка прочерченный значок в виде несимметричной "галочки", направ-

ленной углом вверх. Высота головы 5.8 см, ширина в двух плоскостях 4.1 и 4.3 см.

Шея выделенная, невысокая, переходит в покатые плечи и туловище. Центральная часть груди на лицевой стороне выполнена в виде выпуклости с плоской вершиной. Оборотная сторона тулова не сохранилась. Левая рука согнута в локте, отведена от туловища, обращена ладонью внутрь. Максимальная ширина туловища под руками 4.6 см.

Статуэтка литая, голова и туловище полые, руки цельнометаллические. Толщина стенок от 2.5 до 3.8 мм. Поверхность плотно патинирована, темного серо-зеленого цвета.

Каждый из приведенных предметов относится к числу редких, уникальных художественных изделий. Но наряду со своеобразием между ними существует и некоторое сходство. Все они обладают конически суженными в верхней части головами. Неоднозначно трактованные руки согнуты в локтях. Технологически все фигурки выполнены одинаково.

Определенное иконографическое сходство имеют статуэтки 2 и 3. Брови и почти прямые широкие носы в первом случае переданы единым рельефным блоком, во втором – одной прочерченной линией, а эффект рельефности достигается подтреугольной в сечении формой лицевой части головы. Статуэтки 1 и 3 сходны по форме, расположению ушей и одинаковой трактовке грудной части фигурок.

Несмотря на достаточную редкость подобных изделий на соседних со Ставрополем и более отдаленных территориях они известны уже со второй половины XIX – начала XX в. (Лихачев, 1876. С. 18, 46–47; Спицын, 1909. С. 142–152 и другие). Одной из наиболее обстоятельных разработок по изучению антропоморфных фигурок сходных типов является статья А.Х.Халикова о маклашевской всаднице (Халиков, 1971. С. 106–117). Ко времени ее выхода в 1971 году не было известно ни одной находки с Северного Кавказа.

В последнее время пополнился как общий список введенных в научный оборот статуэток (Ларенок, 1994. С. 93–94), так и опубликована одна очень интересная статуэтка всадника из станицы Атаманской Краснодарского края (Пьянков, 2000. С. 128–134). С частью опубликованных изделий наши фигурки обнаруживают значительное морфологическое и семантическое сходство. Так, фигурка 3 имеет аналогии в статуэтке двуликого существа из с. Змиево-Городище Чистопольского района Республики Татарстан (Халиков, 1971. С. 112. Рис. 8). По форме, расположению ушных раковин и отверстий в них фигурка сближается как с всадником из станицы Атаманской (Пьянков, 2000. С. 130. Рис. 1), так и с экземпляром, опубликованным А.А. Спицыным (1909. Рис. 1, *7*). Сближает статуэтки техника изображения носа и бровей одним рельефным блоком, как на нашей фигурке 2. Часто встречаются однорукие фигурки. В нашей подборке изначально отсутствует рука только на фигурке 1, но и обломанные руки на других статуэтках могут иметь сходный ритуальный смысл.

Обращает на себя внимание и одноухость фигурки 3. Эта особенность также повторяется в аналогичных изделиях, например в "уродце" из с. Перегрузное Октябрьского района Волгоградской области (Цуцкин, 1975. С. 84. Рис. 2), и в уже упомянутой статуэтке из с. Змиево-Городище.

Интересным и связанным с нашей темой предметом является "бронзовая личина", обнаруженная в 1973 г. учительницей школы совхоза Дергачевский Дергачевского района Саратовской области (Галкин, 1974. С. 153–156), которая также, на наш взгляд, могла быть частью статуэтки. Форма и характер изображения носа и бровей (за исключением насечек на бровях), а также уха с отверстием иконографически близки нашим фигуркам.

Особого внимания заслуживает семантическая связь фигурки из района Кисловодска с маклашевской всадницей и подобными ей изделиями. Мы считаем, что "кисловодский" всадник также мог восседать на крупном кошачьем хищнике. Это предположение основано на отмеченных выше особенностях изображения лап животного.

Таким образом, есть все основания относить представленные бронзовые антропоморфные фигурки из Ставропольского края к кругу изделий, называемых в научной литературе "уродцами", и связать их с творчеством средневековых тюркских мастеров или с пожеланиями заказчиков тюркского происхождения. Наиболее возможная датировка фигурок в пределах VIII–X вв. Это время расцвета Хазарского каганата и усиления международных культурных связей, осуществляемых в его границах и через его территорию.

Некоторым своеобразием отличается статуэтка 1. Форма лица (расширенная, округло-уплощенная), отсутствие бровей, форма намеченного носа, характер выполнения глаз и рта – все это отличает ее от большинства ранее известных "уродцев". Уникальной особенностью является и накладной трехконечный головной убор. По мнению директора Ставропольского краеведческого музея Н.А. Охонько – это корона.

Трехконечные головные уборы встречаются в раннесредневековом изобразительном искусстве Урала, Западной Сибири, Алтая, Казахстана. К числу наиболее ранних находок с изображениями персонажей в трехконечных головных уборах относится литая бляха из светлой бронзы с композицией из трех воинственных фигур, случайно найденная в районе Шайтанского мыса на левом берегу р. Северная Сосьва, в 2.5 км выше по течению от Березова (Приобье) и опубликованная в 1906 г. А.А. Спициным (Гемуев, Сагалаев, 1989. С. 85, 86). В последующем в Пермском крае и Приобье выявлен целый ряд серебряных блюд и ковшей с вторичными гравированными изображениями мужских фигур с двумя саблями и более

короткими и прямыми клинками в трехконечных головных уборах (Гемуев и др., 1989. С. 98–104).

Хорошо известна и согдийская чаша VII–VIII вв. н.э. с изображениями двух сражающихся воинов (ритуальный поединок !?), обнаруженная близ деревни Кулыгаш Пермской губернии (Артамонов, 1962. С. 182). Интересная сцена "коленопреклонения" изображена на валуне – изваянии одного из тюркских погребений могильника Кудыргэ на Алтае, обнаруженном во время раскопок С.И. Руденко и А.Н. Глухова в середине 20-х годов прошлого века (Руденко, Глухов, 1927. С. 18). Более обстоятельная публикация находки и интерпретация композиции, включающей женщину в трехрогом головном уборе представлена в работе А.А. Гавриловой (1965. С. 18–21). Трехрогие головные уборы известны и на каменных изваяниях Семиречья (Ахинжаков, 1978. С. 71–77).

Трехрогие головные уборы трактуются как шаманские короны, шлемы, шлемы-короны, символы ритуальной и социальной принадлежности владельцев и связываются с духовными воззрениями, социально-политическими идеями и художественным творчеством тюркских и угорских племен. В этом же интерпретационном поле, как отмечалось выше, находятся и фигурки "уродцев". Но по иконографическим деталям трактовки лица фигурка со Стрижамента не находит четких аналогий и в рассматриваемых изображениях с трехрогими головными уборами. Нам представляется, что детали трактовки лица могли выражать и подчеркивать монголоидность изображенного персонажа.

Монголоидность присутствовала в облике тюркоязычных племен эпохи раннего средневековья. Отражена она и в изображениях, в частности на каменных изваяниях древних тюрок (см., например, Шер, 1966; Степи Евразии.., 1981. С. 127, 128. Рис. 22, 23 и др.). Но и в них полных иконографических аналогий нашей фигурке мы не нашли.

В связи с последним обстоятельством в качестве рабочей гипотезы рассматривалось предположение о возможном более позднем по отношению к большинству "уродцев" времени производства данного изделия. При этом привлекалась и отвергнутая большинством современных исследователей точка зрения А.А. Спицына о связи бронзовых статуэток со временем Золотой Орды и с монгольским обычаем изготовления онгонов (Спицын, 1909. С. 147–152). Анализировались также изображения монгольских женщин в особых головных уборах "бокках". В некоторых их этих уборов можно увидеть трехконечную структуру (Додэ, 2001. С. 59. Рис. 39; Мыськов, 1995. С. 37. Рис. 1, *1*). Для однозначных выводов нет достаточных оснований, но нам представляется, что не следует полностью отбрасывать мысль о том, что отдельные статуэтки могли отражать преемственность раннесредневековых духовных и художественных традиций в более поздний хронологический период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артамонов М.И. История хазар. Л., 1962.

Ахинжаков С.М. Об этнической принадлежности каменных изваяний в "трехрогих" головных уборах из Семиречья // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата, 1978.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М; Л., 1965.

Галкин Л.Л. К вопросу о связях степного Заволжья с Кавказом в хазарское время // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., Наука, 1974.

Гемуев И.Н., Сагалаев А.М., Соловьев А.И. Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.

Доде З.В. Средневековый костюм народов Северного Кавказа. М., 2001.

Ларенок П.А. Бронзовая фигурка всадника из Морозовского песчаного карьера // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 г. Вып. 13. Азов, 1994.

Лихачев А.Ф. Бытовые памятники Волжской Булгарии. СПб., 1876.

Мыськов Е.П. О некоторых типах головных уборов населения Золотой Орды // РА. 1995. № 2.

Пьянков А.В. Бронзовый всадник из станицы Атаманской Краснодарского края // Донская археология. 2000. № 3–4.

Руденко С., Глухов А. Могильник Кудыргэ на Алтае // Материалы по этнографии. 1927. Т. III. Вып. 2.

Спицын А.А. Уродливые медные статуэтки // ИАК. 1909. Вып. 29.

Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981.

Халиков А.Х. Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1.

Цуцкин Е.В. Бронзовый "уродец", найденный у с. Перегрузное // Историко-краеведческие записки. Вып. 3. Волгоград, 1975.

Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М:, Л; 1966.

New finds of bronze anthropomorphic figurines in the territory of Stavropol krai

Ya. B. Berezin, S. N. Savenko

The authors publish three bronze statuettes found in Stavropol krai (the North Caucasus). All the figurines are occasional finds. Two of them have been partly preserved and represent the upper patr of human body, the third figurine depict a rider. The statuettes of the discussed type are known in archaeological publications under the conditional term "freaks". According to the authors, the figurines refer to the cultural circle of the medieval Turkic tribes, their chronology should be determined within the 8th–the 10th cc. Probably, figurine No. 1 may be dated to some later period.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 154–166

ПУБЛИКАЦИИ

СОСНОВСКОЕ СЕЛИЩЕ
(о керамике Среднего Поочья в XI в.)

© 2004 г. В. Ю. Коваль

Институт археологии РАН, Москва

В 1975 г. Р.Л. Розенфельдтом было впервые обследовано славянское поселение, расположенное в 2 км к юго-западу от села Сосновка в Озерском районе Московской области. Памятник был открыт краеведом из г. Озеры, фамилия которого не приведена в отчете. Этим анонимным краеведом были также найдены 14 известняковых литейных форм (Розенфельдт, 1976. С. 85), рисунки и описание которых в отчете Р.Л. Розенфельдта отсутствуют, а местонахождение их в настоящее время неизвестно (вероятно, они остались в собственности находчика и безвозвратно пропали для науки). Вместе с литейными формами была найдена керамика, которую Р.Л. Розенфельдт определил как принадлежащую "роменской культуре" (Розенфельдт, 1975. С. 21). Все находки происходили из промоины, образовавшейся на пойменной площадке после сильного паводка. Тогда же был снят схематический план памятника, располагавшегося на участке поймы (!) правого берега р. Оки (Розенфельдт, 1975. Рис. 136). Никаких иных сведений о памятнике в отчете приведено не было, однако в печатной информации он был назван "селищем роменской культуры", а литейные формы датированы IX–X вв. (Розенфельдт, 1976. С. 85). Впоследствии "селище Сосновка" было включено Т.Н. Никольской в свод поселений земли вятичей с датировкой IX–X вв. (Никольская, 1981. С. 57. Рис. 1а. № 233). В новом своде памятников археологии России памятник числится как "селище 6" у с. Сосновка с еще более широкой датой – четвертая четверть I тыс. н.э. (Археологическая карта..., 1997. С. 139. № 2327).

В результате обследования района расположения памятника в 1991–1997 гг. нами было установлено, что на участке, обозначенном Р.Л. Розенфельдтом как площадка селища, культурный слой отсутствует (здесь, на высоте 3–4 м от уровня воды в р. Оке залегают суглинистые пойменные отложения), однако это место вплотную примыкает к территории славянского селища Сосновка IV[1], размещающегося на пологом склоне, сложенном песками (рис. 1, I). Заметим, что на правобережье Оки между устьями рек Смедва и Осетр этот пункт является одним из трех, где в непосредственной близости от берега Оки залегают песчаные грунты, причем во всех трех пунктах обнаружены раннеславянские поселения. Как же керамика и литейные формы могли оказаться в пойме? Возможно, здесь, несколько в стороне от поселения, находился производственный комплекс, перекрытый наносами и вскрытый промоиной, которая при последующих паводках была затянута грунтом, что было отмечено уже в 1979 г. (Розенфельдт, 1979. С. 17). Нельзя исключать также того, что на пойме располагался ранний участок поселения, перекрытый аллювиальными наносами. Во всяком случае, в близлежащем бассейне Верхней Волги поселения на поймах существовали именно в IX–XI вв., когда климатические и гидрологические условия тому благоприятствовали (поймы в этот период не затапливались) (Олейников, 1992. С. 76–80). Подобная же ситуация могла сложиться тогда и в бассейне Оки, располагающемся в той же самой климатической зоне.

Поскольку датировка поселения у села Сосновка и определение его культурной принадлежности были проведены в свое время на основании случайных находок, которые к тому же не сохранились, потребовалось дополнительное изучение памятника. В процессе обследования площадки селища Сосновка IV было установлено, что славянское поселение здесь располагается на месте неукрепленного поселения дьяковской культуры (рис. 1), от которого в культурном слое сохранились измельченные обломки лепной "сетчатой" и "гладкостенной" керамики, изготовленной из красножгущейся глины с примесью большого количества песка и крупной дресвы. Для более полного изучения памятника в 1997 г. был заложен шурф, в котором удалось исследовать углубленную в материк яму 1. В 2001 г. вплотную к шурфу был разбит раскоп, вскрывший еще 6 ям, однако ни в одной из них не оказалось столь представительного комплекса керамики и находок, как в яме 1. Все ямы на участке раскопок были перекрыты сильно переотложенным культурным слоем мощностью от 20 до 30 см, в котором встречались как обломки сосудов эпохи раннего железного века (составлявшие не более 5% керамики этого слоя), так и славянская керамика, причем лепная и круговая посуда

[1] В своде археологических памятников этому селищу, открытому нами в 1991 г., присвоен порядковый номер 4 (Археологическая карта..., 1997. С. 138. № 2325).

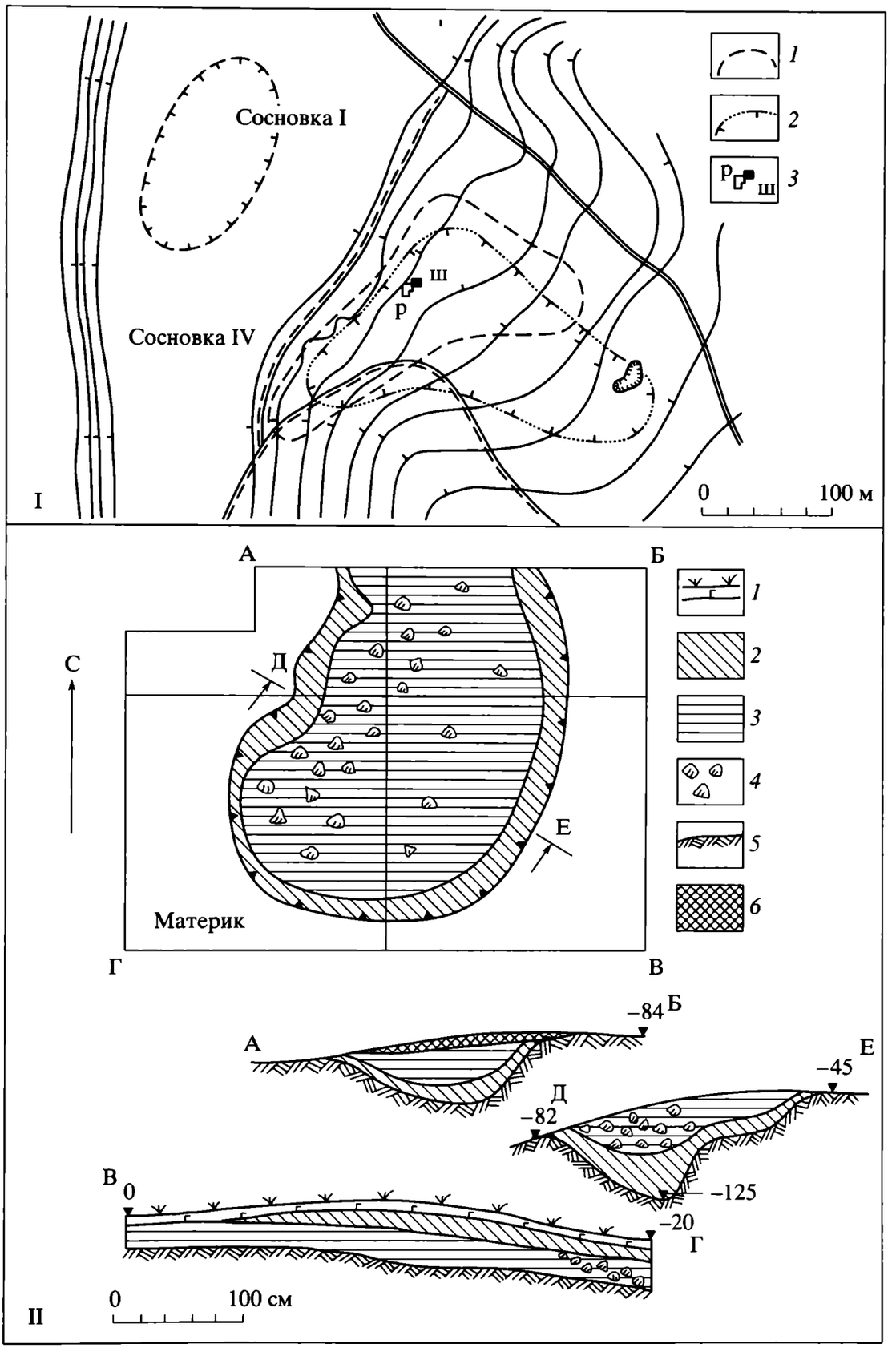

Рис. 1. I. План Сосновского селища: *1* – селище Сосновка IV. Зона распространения лепной керамики эпохи раннего железного века; *2* – зона распространения лепной и раннекруговой славянской керамики; *3* – месторасположение шурфа 1997 г. (Ш) и раскопа 2001 г. (Р). II. План и профили шурфа 1997 г. с ямой 1: *1* – дерн; *2* – коричневый (слабогумусированный) песок; *3* – черный (сильногумусированный) песок; *4* – камни; *5* – материк; *6* – переотложенный грунт.

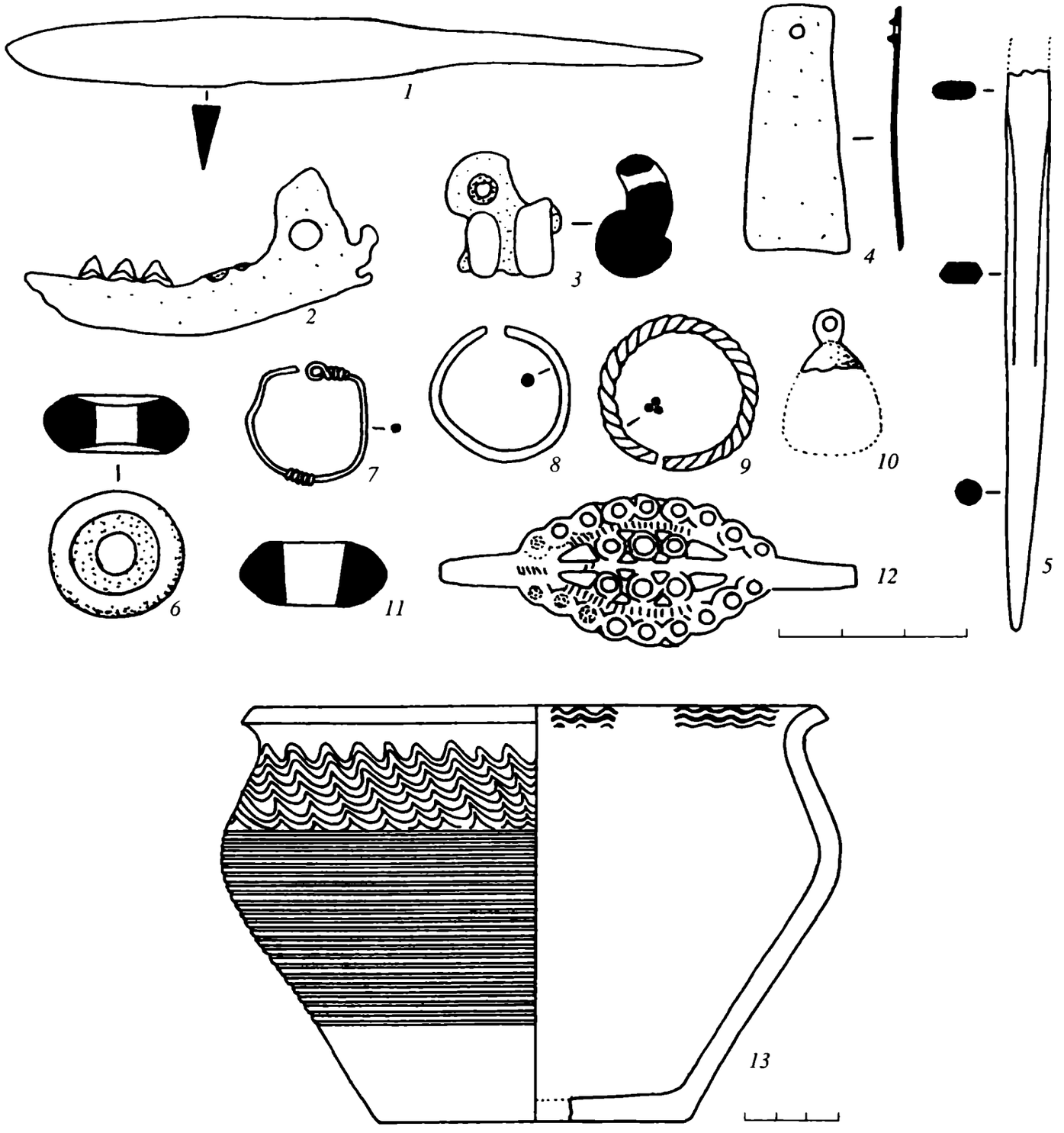

Рис. 2. Находки из культурного слоя Сосновского селища (*6*, *8*, *9*, *11*, *12*) и заполнения ямы 1 (*1–5*, *7*, *10*, *13*). *1*, *5* – железо; *2*, *3* – кость; *4*, *7–10*, *12* – бронза; *6*, *11* – камень; *13* – керамика.

присутствовали в равной пропорции. Наряду с толстостенной раннекруговой посудой в этом слое встречена и развитая круговая керамика, характеризовавшаяся меньшей толщиной стенок и более качественным (как правило, полным) обжигом. В этом же слое были найдены уплощенные пряслица из розового овручского шифера (пирофилитового сланца) (рис. 2, *6*, *11*), бронзовое перстнеобразное височное кольцо (рис. 2, *8*) и бронзовые перстни – витой тройной обрубленно-конечный и решетчатый "многовосьмерочный" (рис. 2, *9*, *12*). Оба перстня принадлежат к относительно редко встречающимся типам (Недошивина, 1967. С. 269), датирующимся от XI до XIII вв. (Лесман, 1990.

С. 51; Сумина, 1999. С. 177) и распространенным на обширной территории. В частности, многовосьмерочные перстни известны на Днепровском Левобережье (Булычов, 1899. Табл. XXX, *7*) и в верховьях Дона, где подобный перстень был встречен в погребении первой половины XIII в. (Гоняный, Недошивина, 1991. С. 249, 250. Рис. 4, *9*). Таким образом, находки из культурного слоя селища имеют достаточно широкие рамки бытования, укладывающиеся в интервал XI–XIII вв. В то же время среди керамического материала из этого слоя полностью отсутствовала характерная круговая керамика, производившаяся в близлежащем (всего 1 км к югу) городе Ростиславле, возникшем в середине XII в. На всех окружавших город сельских поселениях XII–XIII вв., даже на тех, что были удалены от него на 15–20 км, посуда ростиславльского производства составляла подавляющую долю керамического материала (Коваль, 1993. С. 74). Следовательно, верхняя дата Сосновского селища не заходит выше середины XII в.

Яма 1 имела овальную форму (размеры 3.5 × 2 м) и была сориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ, параллельно нижнему краю площадки селища, выходившему на пойменный луг (рис. 1, II). Глубина ямы достигала 80 см в ее центральной части, стенки были наклонными и в них фиксировались углубления от двух опорных столбов. По всем этим признакам объект может быть интерпретирован в качестве остатков подпольной ямы, находившейся внутри жилого дома. Культурные остатки концентрировались лишь в верхней части заполнения ямы, где залегал сильно гумусированный грунт, насыщенный углями, мелкими кусками печины, а также большим количеством известняковых камней. Наряду с керамикой здесь обнаружены кости свиньи, крупного рогатого скота, лошади, собаки, сухопутных и водоплавающих птиц, рыбы. Такое заполнение свидетельствует о том, что на финальном этапе своего существования это углубление использовалось в качестве мусорной ямы.

Вещевые находки из ямы 1 включали обломок железного инструмента (рис. 2, *5*), ушко бронзового бубенчика (рис. 2, *10*), бронзовую проволочную серьгу (?), один конец которой был завязан в петлю (рис. 2, *7*), медную трапециевидную пластинчатую подвеску с пробитым отверстием (рис. 2, *4*), амулеты из просверленных нижней челюсти соболя или куницы и пястной кости бобра (рис. 2, *2*, *3*), а также железный нож (рис. 2, *1*). Большинство из этих находок не имеет узких датировок, однако обломок бубенчика, судя по сохранившейся части, принадлежал литому изделию грушевидной формы с крестовидной прорезью, т.е. мог датироваться не ранее конца X в. (Седова, 1997. С. 70). Нож относится к группе I по Р.С. Минасяну, распространенной в Восточной Европе во второй половине I тыс. н.э., до XI в. включительно (Минасян, 1980. С. 69. Рис. 1). Трапециевидная подвеска находит аналогии в позднедьяковских древностях Подмосковья и в рязано-окских могильниках (Кренке, 1984. Рис. 2, *4*; Финно-угры..., 1987, Табл. XXXIX, *12*; Кравченко, 1974. Рис. 40), в святилище третьей четверти I тыс. н.э. на Северном мысу Старорязанского городища (Розенфельдт, 1974. С. 111. Рис. 10, *5*, *16*, *33*, *38*, *39*), но могла принадлежать и славянскому украшению. Трапециевидные подвески иных пропорций известны, например, в новгородских сопках и на синхронных им поселениях X–XI вв. (Платонова, 2002. С. 192).

Для уточнения даты ямы 1 можно привлечь вещевые находки, собранные в соседних с ней объектах (ямы 2–7) на раскопе 2001 г. (их синхронность вытекает из схожести керамического материала): несколько обломков бронзовых крестопрорезных бубенчиков, датирующихся в основном XI в., не позднее первой половины XII в. (Мальм, Фехнер, 1967. С. 136; Лесман, 1990. С. 60); "треугольная" бусина из непрозрачного стекла – красно-коричневого с тремя "глазками" голубого цвета, относящаяся к XI – нач. XII вв. (Фехнер, 1959. Прил. VI; Валиулина, 2000. С. 57, 58); бронзовый перстень с рельефной "косичкой", принадлежащий к типу "пластинчатых прямых закраинных", датирующихся в пределах XI в. (Недошивина, 1967. С. 272. Рис. 32, *10*; Седова, 1981. С. 127. Рис. 47, *16*); бронзовая бутылковидная привеска. Подобные привески были распространены у финно-угорского населения Волго-Окского междуречья во второй половине I тыс. н.э., однако на исследуемом селище материалы этого периода (прежде всего керамические) отсутствуют, так что связывать эту привеску с дославянским поселением пока нет оснований. На славянских же шумящих украшениях такие привески встречаются только у одной группы изделий, датируемой X – перв. пол. XI вв., распространенной в Волго-Клязьминском междуречье и окрестностях Мурома (Рябинин, 1981. С. 34, 35. Табл. XV–XVII).

Таким образом, находки из соседних с ямой 1 объектов относятся к XI в., а значит и для нее можно принять ту же дату. Однако эта дата может быть еще более сужена путем анализа керамического комплекса. В заполнении ямы 1 присутствовала как лепная (329 обломков), так и круговая посуда (205 обломков)[2], соотношение между которыми (см. таблицу) было близко пропорции, зафиксированной в комплексах подмосковных селищ середины – второй половины XI в. (Ждановo-1, Новое Сьяново-3), исследованных археологической экспедицией ГИМ в долине р. Пахры (Гоняный, 1999. С. 142; Шполянский, 1999. С. 143) и надежно датированных по большим сериям вещевых находок. На подмосковных селищах соотношение

[2] Количество находок керамики здесь вполне достаточно для получения достоверных статистических выводов.

Соотношение лепной и круговой керамики в культурном слое селища и яме 1

Керамика	Культурный слой селища*	Яма 1
Лепная (без керамики дьяковской культуры), % к общему объему керамики	40.6	59.8
в том числе из формовочной массы с:		
шамотом (% к общему количеству лепной керамики)	77.2	55.3
из них с примесью шамота и дресвы	47.8	20.4
орнаментированная	6.6	13.9
Круговая (% к общему объему керамики)	53.7	38.4
В том числе раннекруговая (% к общему количеству круговой керамики)	75.6	84.9
Орнаментированная	66.9	78.7
Из них керамика с волнистым орнаментом	23.5	43.8
Развитая круговая керамика (% к общему количеству круговой керамики)	24.4	15.1

* Показатели рассчитаны по данным, полученным в результате раскопок 1997 и 2001 гг. Общее число образцов керамики из слоя 1 составляет 335 ед., в том числе 155 обломков лепной и 180 обломков круговой керамики.

между лепной и круговой керамикой было примерно равным, однако оно колебалось в различных комплексах, причем в хозяйственных постройках доля лепной керамики была значительно выше, достигая 75% (Гоняный, 1999. С. 142).

Ближайшие аналогии раннекруговой керамике Сосновского селища обнаруживаются на тех же подмосковных селищах середины – втор. пол. XI в. Жданово-1 и Новое Сьяново-3 (Гоняный, 1999. С. 144. Рис. 5, *1*, *4*, *8*, *9*; Шполянский, 1999. Рис. 2, *3–8*), а также на подмосковных селищах Заозерье (датируется не ранее рубежа X–XI вв.) и Дьяково-пойма (наиболее вероятная датировка которого – пер. пол. XII в.) (Тавлинцева, 1996. С. 51. Рис. 3, *1*, *2*, *4*, *5*; Кренке, 1992. С. 12. Рис. 7, *4–9*). Так же, как в Сосновке, в Подмосковье эта керамика изготавливалась из красножгущихся глин с примесью дресвы и не имела клейм на днищах. Интересно, что даже орнаментация была схожей – при явном доминировании линейного орнамента доля волнистого (включая сочетания волн и линий) составляла около 30% (Гоняный, 1999. С. 142. Табл. 2). Это очень высокий показатель, резко отличающий данную керамическую группу от развитой круговой керамики (так называемой "курганной"), бытовавшей в Северо-Восточной Руси в XII в. и характеризовавшейся почти полным отсутствием волнистого орнамента. Даже сам рисунок волн на раннекруговой посуде Подмосковья и Поочья был практически идентичен: волна наносилась быстрыми резкими движениями, что делало ее очень плотной (рис. 2, *13*; 3, *5–7*; 4, *1*). Отметим и тот немаловажный момент, что доля орнаментированных обломков среди раннекруговой керамики в Подмосковье и Поочье также была примерно одинаковой – 67 и 67–79% соответственно.

Что касается лепной керамики, то она в Поочье и Москворечье имела как сходство, так и ряд отличий (о них см. ниже). Сходство прослеживается в профилировке горшков (высоких пропорций с выпуклыми плечиками и резко отогнутыми наружу венчиками) и в орнаментации краев венчиков защипами, пальцево-ногтевыми вдавлениями, нарезами, отпечатками гребенчатого штампа (называемого исследователями также "веревочным", "гусеничным" или отпечатками "веревочки, намотанной на палочку")[3]. Лепная керамика орнаментировалась, как правило, довольно скупо. Здесь следует отметить, что и по этому показателю между керамикой Подмосковья и Поочья прослеживается сходство: удельный вес орнаментированной лепной керамики на подмосковных селищах составлял в среднем 10.5% (Гоняный, 1999. Табл. 2), на Сосновском селище – от 6% в культурном слое до 14% в комплексе ямы 1 (см. таблицу).

Перечисленные здесь черты сходства между керамическими комплексами Сосновского селища и подмосковных поселений позволяют предполагать их синхронность в пределах середины – второй половины XI в. Единственное существенное различие между этими памятниками состоит в присутствии на Сосновском селище развитой круговой керамики, изготовленной из слабоожелезненных (т.е. розоватых тонов, реже – красных и в единичных случаях – белых) глин с примесями песка и мелкой дресвы, прошедших более качественный (однако все же неполный) окислительный обжиг (на изломе они трехслойные, с черной или серой полосой посередине). Профилировка венчиков горшков в этой группе (рис. 4, *6–8*, *11*, *12*) резко отличается от всех разновидностей раннекруговой посуды, а доминирующим типом выступают так называемые "манжетовидные" венчики (рис. 4, *7*, *8*), характерные для керамики Днепров-

[3] В дальнейшем будем называть такой штамп "гребенчатым" без дополняющих пояснений.

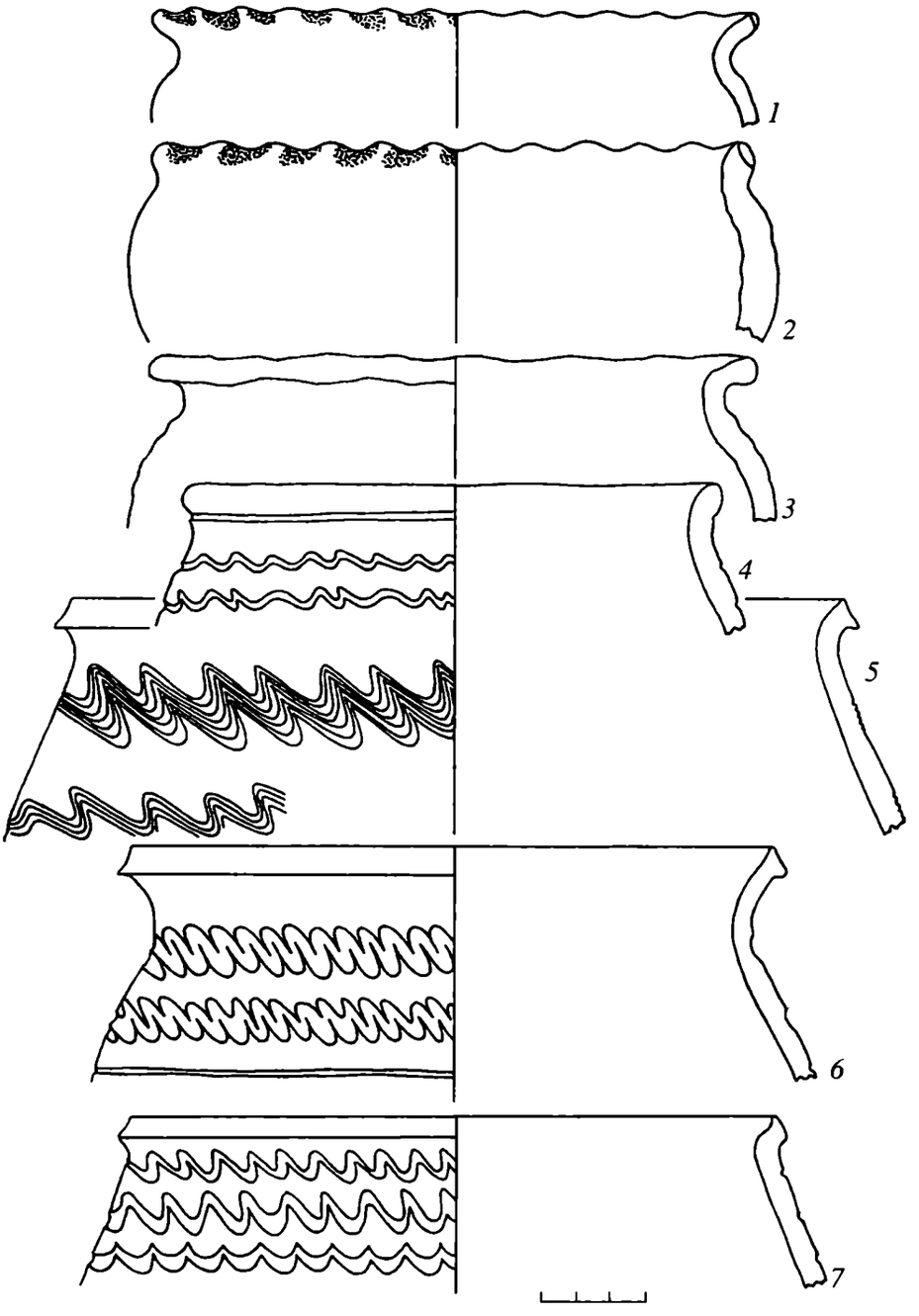

Рис. 3. Лепная (*1–3*) и раннекруговая (*4–7*) славянская керамика из ямы 1.

ского Левобережья XI в. Профилировка встреченных в яме 1 венчиков этого типа находит прямые аналогии в сосудах середины XI – нач. XII вв. из указанного региона (Кучера и др., 1984. Рис. 1, *17*, *22*, *23*; Моргунов, 1996. Рис. 7, *4–6*; Григорьев, 2000. Рис. 60, *2*, *20*; Сарачев, 2000. Рис. 62, 63, тип 6). Таким образом, и эта керамическая группа дает ту же дату комплекса из ямы 1 – середина – втор. пол. XI в.

Эта же дата вытекает и из сравнения керамического комплекса ямы 1 с комплексами близлежащего поселения Городна II на устье р. Осетр, датированными нами ранее в пределах второй половины XI – первой половины XII вв. (Коваль, 2001. С. 65. Табл. 1). По соотношению лепной и круговой керамики исследованные комплексы этих двух памятников весьма близки, что свидетельствует об их синхронности. При этом на Сосновском селище доля лепной керамики была все же несколько выше, чем в Городне (60% против 25–36%), кроме того, здесь в 2–3 раза шире была представлена керамика из формовочных масс с шамотной примесью. Поскольку тут рассматриваются соседние памятники, разделенные расстоянием всего в 15 км, наиболее вероятной причиной такого различия может быть разница в их хронологии, однако незначительность этого различия свидетельствует соответственно о небольшом временном разрыве. Учитывая ярко выра-

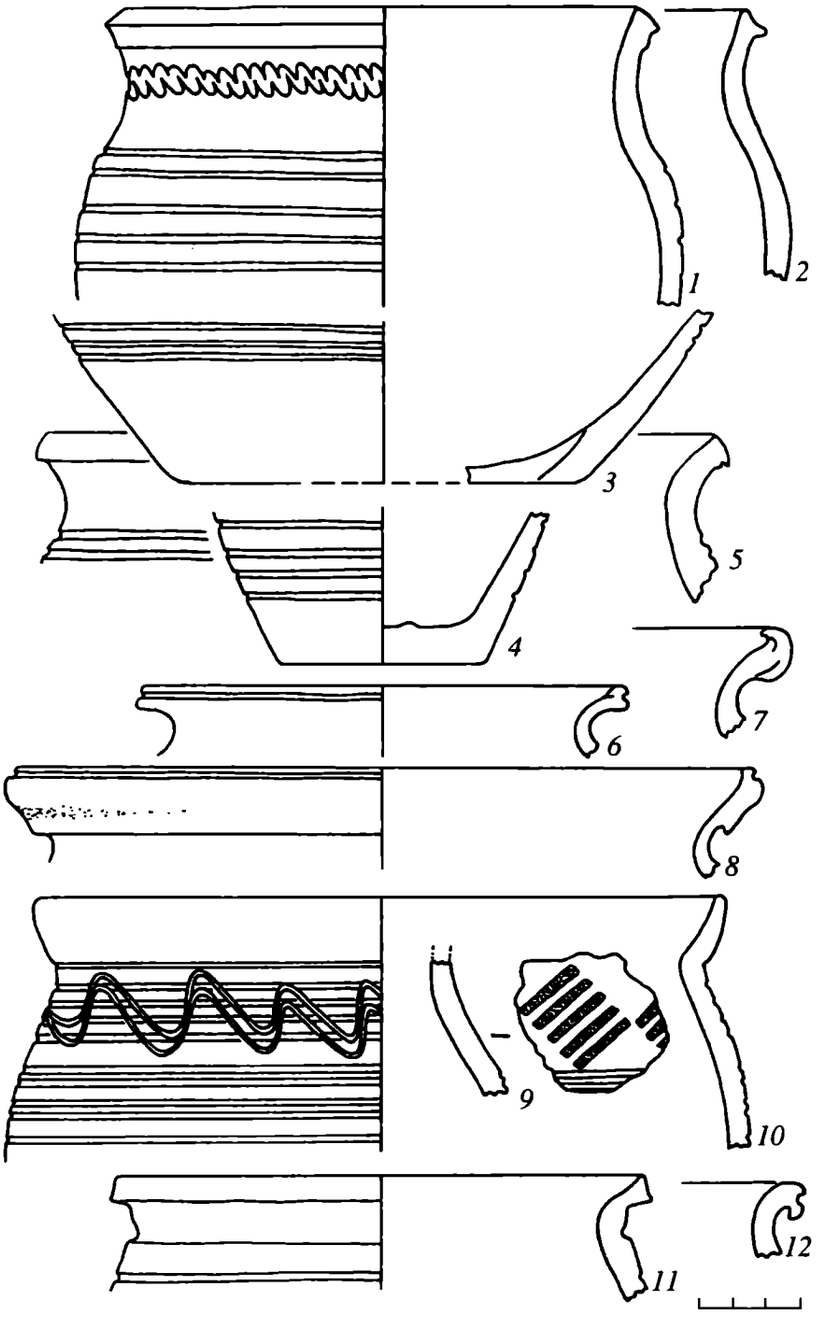

Рис. 4. Раннекруговая (*1–5, 9, 10*) и развитая круговая (*6–8, 11, 12*) керамика из ямы 1.

женную тенденцию к постепенному вытеснению из керамического производства формовочных масс с примесью шамота (к середине XII в. эти массы в Волго-Окском междуречье полностью выходят из применения) и замены их на массы с добавками дресвы, комплекс ямы 1 Сосновского селища следует рассматривать как относительно более ранний по отношению к комплексам Городны II. Все это позволяет датировать первый серединой – второй половиной XI в., а дату вторых сузить до конца XI – первой половины XII вв.

Поскольку дата исследуемого комплекса Сосновского селища установлена достаточно твердо, целесообразно дать более полное описание присутствующей в нем керамики, полезное для дальнейшей работы по хронологизации керамических комплексов Поочья и соседних территорий.

Лепная керамика. Как уже было отмечено выше, бóльшая часть лепной керамики Сосновского селища изготавливалась из формовочных масс, в состав которых входил шамот крупной и средней фракции (с зернами поперечником от 1 до 3 мм). Около 1/3 всей лепной керамики здесь производилось из формовочной массы, приготовленной по рецепту "глина + шамот" без каких-либо иных примесей (см. таблицу). Следует обратить внимание на то, что среди лепной керамики, изготовленной из формовочных масс, содержавших шамот,

более трети образцов содержали также примесь дресвы (как правило, мелкой). По этой характеристике лепная посуда Сосновского селища заметно отличалась от керамики синхронных подмосковных селищ, где пользовались только глиной с примесью дресвы (Гоняный, 1999. С. 141; Тавлинцева, 1996. С. 48)[4]. Данное расхождение, возможно, указывает на разные пути формирования традиций керамического производства в Москворечье и Поочье, связанные с освоением этих регионов различными контингентами славянского населения – носителями таких традиций (известно, в частности, что в заселении Москворечья принимали участие группировки кривичей и радимичей) (Гоняный, 1999. С. 144).

В орнаментации лепной керамики Сосновского селища абсолютно преобладали композиции, оттиснутые гребенчатым ("веревочным") штампом (85% орнаментированных обломков), что само по себе является поздним признаком, характерным, в частности, для финального этапа роменской культуры, приходящимся как раз на XI в. (Винников, 1978. С. 60; 1995. С. 83; Узянов, 1982. С. 130). Наряду с этим доминирующим типом декора (рис. 5, *9*; *6*), были встречены полосы нарезов (рис. 7, *2*), ямочные вдавления (рис. 7, *1*) и даже волнистый орнамент (рис. 5, *2*, *3*), представляющий попытку копирования декора круговой посуды. Края венчиков также украшались гребенчатым штампом, защипами или пальцевыми вдавлениями. Широкое применение гребенчатого штампа для украшения венчиков горшков составляет еще одно отличие поокской лепной керамики середины XI в. от москворецкой. Из 14 орнаментированных венчиков отпечатками гребенчатых штампов здесь были украшены края 8 сосудов, тогда как на селище Заозерье в Москворечье – 2 из 18 образцов (Тавлинцева, 1996. С. 48). Редкостность такой орнаментации отмечается и для памятников в долине Пахры (Шполянский, 1999. С. 143).

Днища горшков формовались на Сосновском селище без подсыпок, однако в двух случаях была отмечена подсыпка дресвы. На одном днище было встречено глубокое и крупное по размерам (6 × 4 см) прямоугольное вдавление (рис. 7, *4*), которое невозможно связывать со следами гончарного круга (во-первых, это днище не имело ни малейших следов правки на круге, во-вторых, подобные вдавления отсутствовали на днищах раннекруговых сосудов). Отметим также два днища с ложными поддонами, относившиеся к сосудам, сформованным из теста с примесями шамота (рис. 5, *7*) и мелкой дресвы (рис. 5, *8*). Подобная профилировка днищ изредка встречается у горшков, изготовленных в традициях роменской и боршевской культур (Ляпушкин, 1958. Рис. 24, *3*; Винников, 1995. Рис. 27, *12*, *16*; 33, *12*; 35, *9*, *11*).

Единственный полный профиль горшка, который удалось реконструировать, принадлежал сосуду стройных пропорций с выделенным плечиком (рис. 7, *3*), который находит аналогии в керамике роменской и боршевской культур (Ляпушкин, 1958. Рис. 18, *2*; Седов, 1982. Табл. XV, *15*, XXXXII, *14*; Винников, 1995. Рис. 25, *11*; 26, *2*). Горшок был изготовлен из глины с примесью мелкого песка и крупной дресвы. Близкую профилировку имели еще два горшка, от которых сохранились крупные обломки, но эти сосуды были сделаны из другого теста – с примесью шамота (рис. 7, *1*) и мелкой дресвы (рис. 5, *2*).

Основная масса лепных горшков имела характерную профилировку верхней части с выпуклыми плечиками и отогнутыми наружу невысокими венчиками (угол наклона колебался от 30 до 50° к вертикали, высота венчиков не превышает 20 см). Наряду с таким преобладающим типом горшка встречены и округлобокие сосуды с плавно отогнутым венчиком (рис. 5, *1*) и даже одна тюльпановидная форма (рис. 5, *4*). Особенно интересен один венчик с резко отогнутым краем, профилировка которого ясно показывает на попытку копирования формы кругового горшка (рис. 3, *3*).

Горшки были практически единственной формой посуды на селище. Исключение составляет лишь обломок миниатюрной "сковородки" диаметром около 10 см (рис. 7, *5*). Сковородки таких размеров встречаются крайне редко, однако они все же известны в ареале роменской культуры (Ляпушкин, 1958. С. 42) и на поселениях верхнеокских вятичей (городище Воротынцево близ Новосиля) (Никольская, 1981. Рис. 7, *10*).

В целом лепная керамика Сосновского селища оказывается родственной керамике роменской и боршевской культур, равно, как и керамике верхнеокских вятичей (Никольская, 1981. Рис. 5, *7*, *19*). При этом на современном уровне изученности керамики этих культур (в силу отсутствия статистических данных обработки керамики по регионам) нельзя установить, какая из них оказала главенствующее влияние на традицию изготовления глиняной посуды в Среднем Поочье. Поэтому называть лепную керамику подобного облика "роменской" или напрямую связывать с роменской культурой поселения в Волго-Окском междуречье, где встречена такая керамика (Розенфельдт, 1976. С. 85; Юшко, 1998. С. 334), мы считаем несколько преждевременным. Хотя сама по себе такая атрибуция представляется вполне возможной, она требует развернутой системы доказательств, основанных на учете всех возможных признаков (керамика, вещевой инвентарь, домостроительство, топография поселений).

[4] На селище Заозерье наряду с дресвой в нескольких образцах отмечено присутствие мелкого шамота.

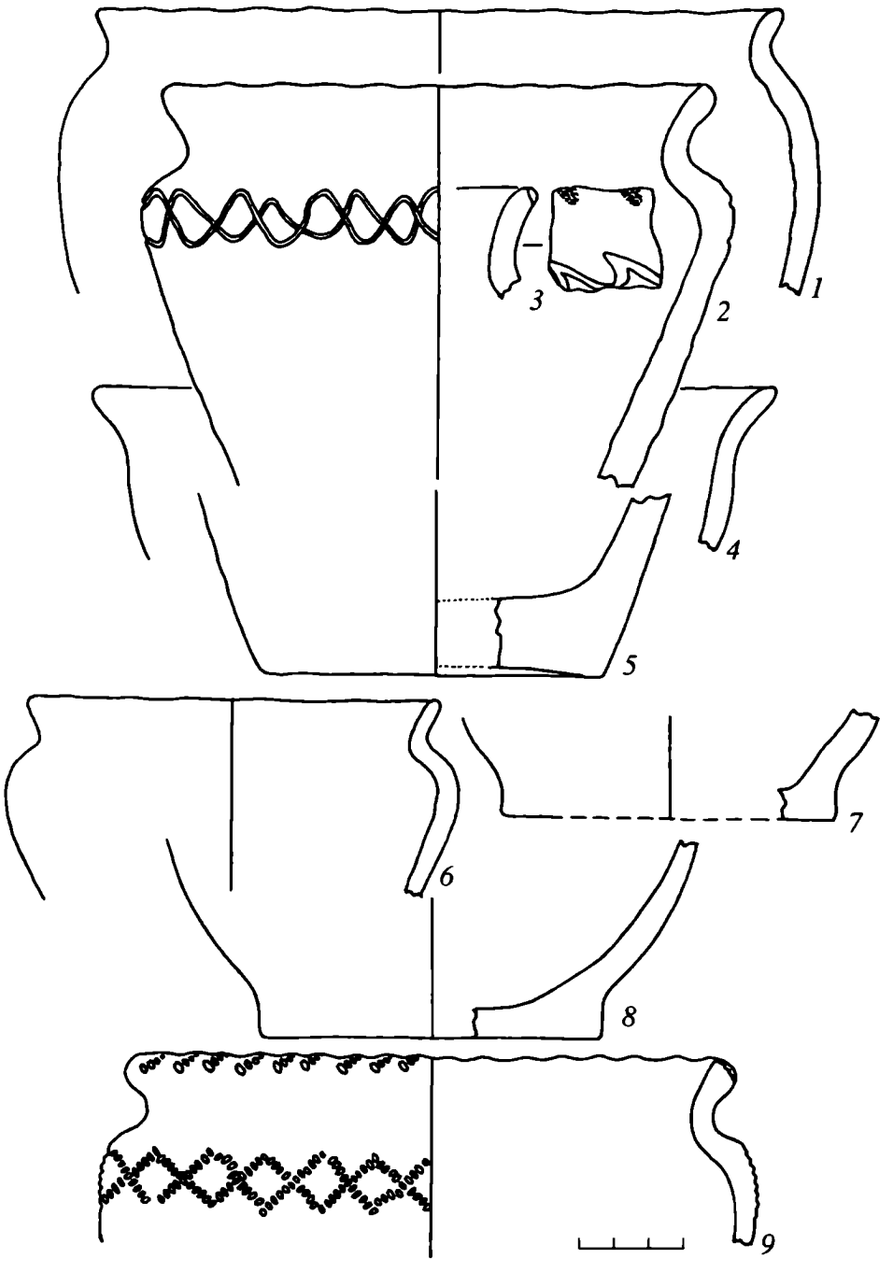

Рис. 5. Лепная славянская керамика из ямы 1.

Раннекруговая керамика. Данный термин условно применен нами по отношению к керамике, которая уже далеко ушла от первых этапов освоения гончарного круга (РФК-1, 2 по А.А. Бобринскому), однако была изготовлена еще на далеко не совершенном гончарном круге на этапе РФК-3 и сильно уступала развитой круговой керамике XI–XIII вв., изготавливавшейся в городских центрах Древней Руси. Раннекруговую керамику Сосновского селища характеризовали следующие черты:

1) вся она формовалась из сильноожелезненных, ярко-красных в обжиге глин, однако полный окислительный обжиг фиксировался лишь на 1/5 обломков сосудов, все остальные образцы характеризовались неполным обжигом (как правило, двуслойным, с черной полосой по внутренней поверхности сосуда);

2) изготовление сосудов из формовочной массы с примесями песка и дресвы – мелкой или крупной (рецепты с включением в тесто шамота встречены здесь всего у 5% обломков);

3) единственной встреченной формой сосудов были горшки относительно небольших размеров (высота не более 20 см, максимальный диаметр не более 30 см), с массивным днищем и толстыми (от 0.5 до 1 см) стенками;

4) примитивная профилировка слабо отогнутых венчиков, края которых обрабатывались срезом (перпендикулярным стенке) и не подвергались какой-либо дополнительной деформации (заворо-

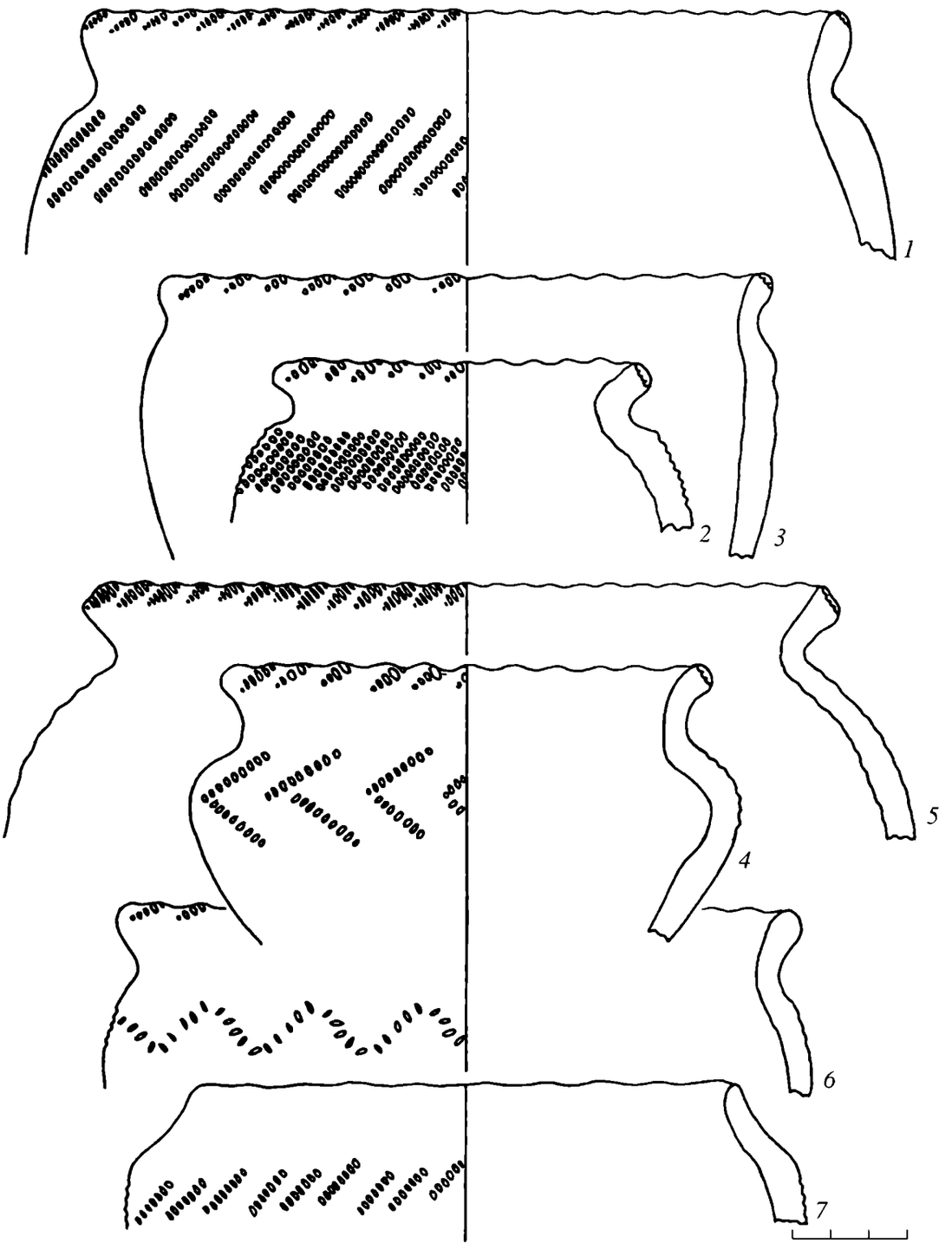

Рис. 6. Лепная славянская керамика из ямы 1.

ту или профилировке края), столь характерной для русской керамики XII–XIII вв.;

5) формовка днищ горшков на подсыпках из золы или дресвы (в равном числе случаев);

6) практически полное отсутствие штампованного орнамента – встречен лишь 1 обломок стенки горшка с отпечатками оригинального штампа (рис. 4, *9*).

Особое внимание привлекает к себе декор раннекруговой керамики, в которой доля волнистого орнамента составляла 20%, а вместе с сочетаниями волнистого и линейного орнаментов – 44% (см. таблицу). Столь широкое распространение волнистого орнамента резко отличает раннекруговую керамику Сосновского селища не только от посуды Ростиславля Рязанского середины XII в., но и вообще от развитой круговой керамики Волго-Окского междуречья. Зато эта черта роднит ее с раннекруговой посудой Подмосковья (см. выше). По-видимому, все сосуды этой группы декорировались путем сочетания линейного и волнистого

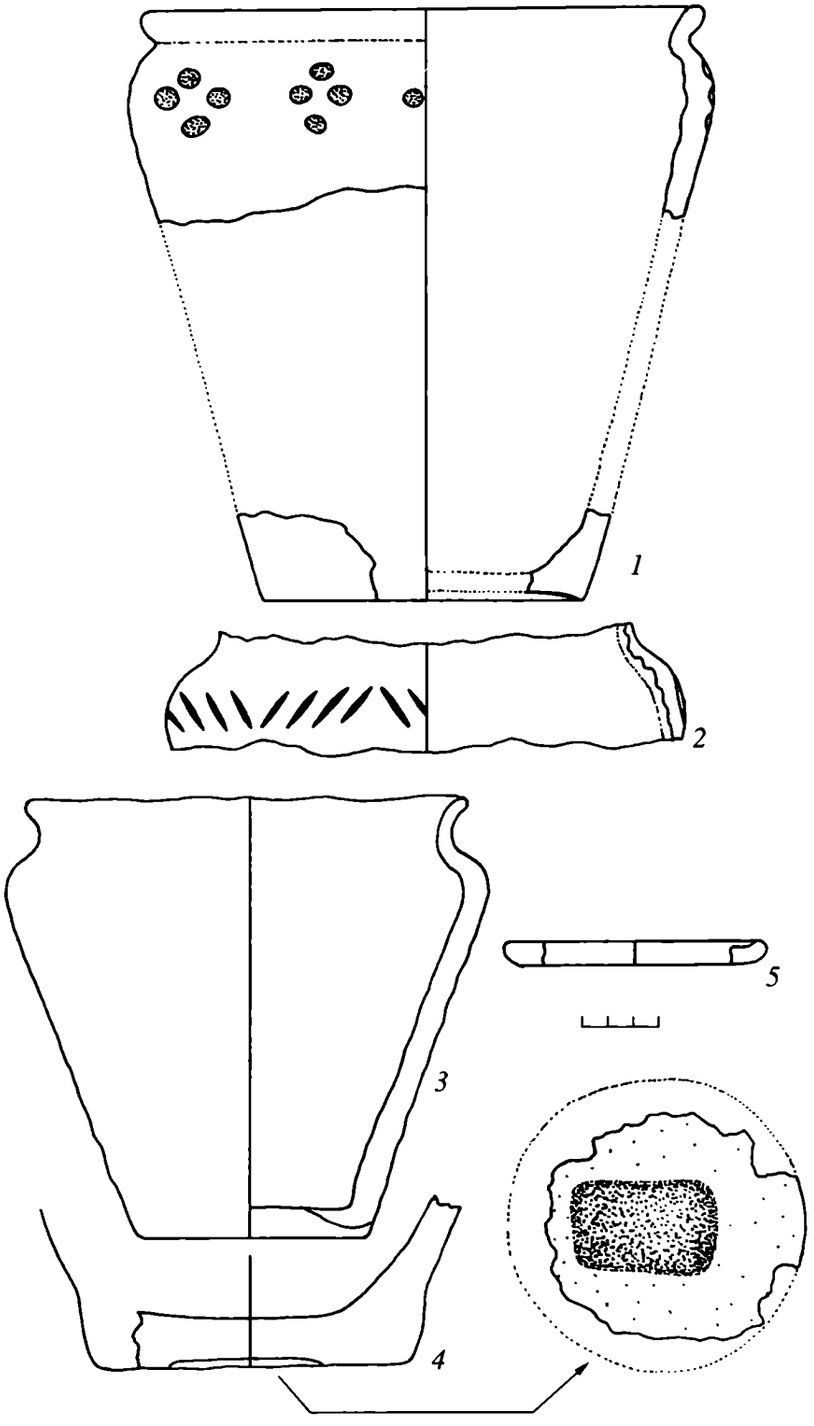

Рис. 7. Лепная славянская керамика из ямы 1.

орнаментов, наносившихся палочкой или гребенкой.

Единственной целой формой, собранной в яме 1 из обломков, стал горшок биконического профиля довольно низких пропорций (рис. 2, *13*), декор которого как раз и демонстрирует основной тип орнаментации сосудов: вся верхняя часть плечиков вплоть до основания венчика у него покрыта волнистым орнаментом, нанесенным широкой многозубой гребенкой, в то время как средняя и нижняя часть тулова почти до самого дна были украшены сплошным линейным рифлением (подобный же декор присутствует на раннекруговом горшке из постройки, датированной XI–XII вв., исследованной на селище Беницы в долине Протвы (Успенская, 1964, Рис. 3, *3*)). Судя по обломкам, большинство раннекруговых горшков на Сосновском селище принадлежали этому же морфологическому типу (рис. 3, *5–7*). Интересной особенностью описываемого горшка был волнистый орнамент на внутренней стороне венчика (рис. 2, *13*), выполненный гребенкой, однако не в виде сплош-

ной полосы, а отдельными отрезками длиной 2–4 см. Наряду с биусеченноконическими формами следует отметить присутствие горшков иной профилировки (рис. 4, *1*, *2*). Особенно интересен один из них, резко выделяющийся на общем фоне конструкцией венчика, орнаментацией и серым цветом поверхности (рис. 4, *10*).

Обращает на себя внимание глубокое различие лепной и раннекруговой посуды Сосновского селища по всем признакам: используемым формовочным массам, профилировке горшков, орнаментации. Все это свидетельствует о том, что сама гончарная традиция здесь не вытекала из опыта изготовления лепной посуды, а была привнесенной. К сожалению, облик раннекруговой посуды региона Верхней Оки и ареала роменской культуры остается не вполне ясным. На этих территориях известны различные по формам и орнаментации сосуды, среди которых имеются биусеченноконические горшки (Ляпушкин, 1958. Рис. 20, 21; Григорьев, 2000. Рис. 17, *6*, *9*; 51), однако нет данных о том, являются ли последние типичными для указанных регионов или представлены уникальными образцами. Отмеченное выше сходство раннекруговой керамики Среднего Поочья и Подмосковья, возможно, указывает на "северное" направление внедрения такой традиции. В этой связи нельзя не указать на ближайшее сходство горшков из Сосновки по форме и орнаментации с керамикой северо-западных районов Руси, в частности, с теми типами посуды Рюрикова городища, которые восходят к западнославянским (фельдбергским и гросс-раденским) прототипам (Горюнова, 1997. С. 155–163. Рис. 4, *1*; 6, *6–8*). Разумеется, для Поочья XI в. немыслимо заимствование западнославянских форм керамики IX–X вв., однако нельзя полностью исключать возможности проникновения сюда некоторых традиций гончарства Северо-Западной Руси.

Нет оснований сомневаться в том, что Сосновское селище – остатки поселения одной из групп в составе летописного племени вятичей, занимавшей берега Оки в ее среднем течении накануне образования Рязанского княжества и разделения Волго-Окского междуречья между Ростовским, Смоленским и Рязанским княжествами. Делать окончательные выводы о происхождении этой группы пока, разумеется, рано. Имеющиеся материалы свидетельствуют лишь о том, что ее основу составляло население, родственное славянам – носителям роменской и боршевской культур. В то же время возможно участие в сложении среднеокских вятичей и каких-то иных славянских групп, происходивших из более северных областей Руси. Установление исходных районов миграций может быть проведено только после скрупулезного изучения керамики этих районов (ее основных статистических характеристик). Единственным свидетельством в пользу юго-западного (верхнеокского или еще более дальнего) происхождения обитателей Сосновского селища является присутствие на нем керамики Днепровского Левобережья с "манжетовидными" венчиками, которая могла быть привезена с собой мигрантами либо доставлена позже в качестве товара. Присутствие небольшого количества древнерусской гончарной керамики такого облика неизменно фиксируется на поселениях роменской культуры в северской земле в X–XI вв. (Григорьев, 2000. С. 41–47).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическая карта России. Московская область. Ч. 4. М., 1997.

Булычов Н.И. Журнал раскопок на части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899.

Валиулина С.И. Стеклянные бусы как источник по международным связям Волжских Булгар в VIII – начале XIII вв. // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары. СПб., 2000.

Винников А.З. Орнаментация боршевской керамики // Древняя Русь и славяне. М., 1978.

Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI вв.). Воронеж, 1995.

Гоняный М.И. Археологические памятники начального этапа славянской колонизации среднего течения р. Пахры в Подмосковье // Тр. ГИМ. 1999. Вып. 111.

Гоняный М.И., Недошивина Н.Г. К вопросу о вятичах на верхнем Дону // СА. 1991. № 1.

Горюнова В.М. Развитие гончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволховья. СПб., 1997.

Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начале XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.

Коваль В.Ю. Археологические исследования Ростиславльского стана // Древние памятники Окского бассейна. Рязань, 1993.

Коваль В.Ю. Поселение в устье Осетра близ Коломны // КСИА. 2001. Вып. 212.

Кравченко Т.А. Шатрищенский могильник (по раскопкам 1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М., 1974.

Кренке Н.А. Раскопки Дьякова городища в 1981 г. // КСИА. 1984. Вып. 178.

Кренке Н.А. Селище Дьяково-пойма – древнерусская деревня XI–XII вв. в Коломенском // Коломенское. Материалы и исследования. Вып. 3. М., 1992.

Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беляева С.А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья. Киев, 1984.

Лесман Ю.М. Хронология ювелирных изделий Новгорода X–XIV вв. // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА. 1958. № 74.

Мальм В.А., Фехнер М.В. Привески-бубенчики // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.

Минасян Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья // АСГЭ. 1980. Вып. 21.

Моргунов Ю.Ю. Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск, 1996.

Недошивина Н.Г. Перстни // Тр. ГИМ. 1967. Вып. 43.

Никольская Т.Н. Земля вятичей. М., 1981.

Олейников О.М. Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 6. Новгород, 1992.

Платонова Н.И. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.

Розенфельдт И.Г. Северный мыс городища Старой Рязани // Археология Рязанской земли. М., 1974.

Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании археологических памятников Московской области в 1975 г. // Архив ИА РАН. 1975. Р–1. № 5876.

Розенфельдт Р.Л. Разведки и раскопки в Московской области // АО 1975 года. М., 1976.

Розенфельдт Р.Л. Отчет об обследовании состояния археологических памятников Московской области в 1979 г. // Архив ИА РАН. 1979. Р–1. № 7862.

Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. // САИ. 1981. Вып. Е1-60.

Сарачев И.Г. Типология венчиков древнерусских горшков Днепровского Левобережья // Григорьев А.В. Северская земля в VIII – начало XI в. по археологическим данным. Тула, 2000.

Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982.

Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Седова М.В. Украшения из меди и сплавов // Древняя Русь: быт и культура. М., 1997.

Сумина И.А. Металлические перстни средневекового Белозерья // Тр. ГИМ. 1999. Вып. 111.

Тавлинцева Е.Ю. Результаты раскопок селища Заозерье-2 1993–1995 гг. // Тр. Музея истории города Москвы. Вып. 9. М., 1996.

Узянов А.А. Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археологии в изучении древних производств. М., 1982.

Фехнер М.В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Тр. ГИМ. 1956. Вып. 32.

Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987.

Шполянский С.В. Новые данные по хронологии памятников начального этапа славянской колонизации Москворечья // Тр. ГИМ. 1999. Вып. 103.

Юшко А.А. Ранние славяне в Подмосковье // Историческая археология. Традиции и перспективы. М., 1998.

The open settlement Sosnovka (On the pottery of the Middle Oka region in the 11th c.)

V. Yu. Koval'

Summary

In the article the author presents results of the excavations conducted at the open settlement situated near the village Sosnovka on the River Oka bank (Moscow region). The investigated construction has yielded handmade and early wheel-made pottery of the middle and the second part of the 11th c. Hand-made pottery was manufactured according to the traditions characteristic of the Slavs settling the lands from the Desna basin to the Upper Don basin – the Severyanians and the Vyatichians. As for wheel-made pottery, it strongly differs from hand-made vessels in shapes, composition of clay paste, and decoration. The origin of this manufacturing tradition has not been cleared yet.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 167–172

ИСТОРИЯ НАУКИ

СЕРЕБРЯНЫЙ ГОЛОС ВЕРНОСТИ
(к 100-летию Евгения Игнатьевича Крупнова)

© 2004 г. В. И. Козенкова

Институт археологии РАН, Москва

Вставай Архо, бери лопату
Вперед, вперед во мглу веков
Гремите гулкие раскаты
Неутомимых голосов.

Д.Г. Редер
из "Археологического гимна" 30-х годов

В марте 2003 г. в Государственном Историческом музее собрался большой форум археологов, посвященный 120-летию научной деятельности патриарха русской и советской археологии Василия Алексеевича Городцова. При осмотре экспозиции архивных материалов, подготовленных к конференции, мое особое внимание привлекла групповая фотография. На ней был изображен В.А.Городцов в кругу своих учеников 30-х годов. Многих из этих, уже известных в науке людей, я помнила еще по первым моим шагам в археологии.

Но особое место в моей научной биографии принадлежало статному, черноволосому, красивому молодому человеку, стоявшему в последнем ряду снимка рядом с Б.А. Рыбаковым, – Евгению Игнатьевичу Крупнову. Я когда-то видела это фото в семье Крупновых, с которой была связана близким знакомством на протяжении более 40 лет, особенно после безвременной кончины Евгения Игнатьевича в сентябре 1970 г.

16 марта 2004 г. ему исполнилось бы 100 лет. Последние десять лет жизни Евгения Игнатьвича для меня – результативная полевая и научная деятельность под его руководством в составе Северо-Кавказской Археологической экспедиции (СКАЭ) Института археологии. Остальные 30 лет после кончины Е.И. Крупнова – большая дружба с его верным и любимым другом – его вдовой Валентиной Михайловной Подгорновой-Крупновой. Именно у нее, в ее комнате, мы каждый год в день смерти Евгения Игнатьевича рассматривали вместе многие и многие фотографии, запечатлевшие наиболее яркие вехи его жизни, их совместной жизни.

О Евгении Игнатьевиче как о большом заслуженном ученом и общественном деятеле, как об отзывчивом и сердечном человеке опубликованы обстоятельные статьи и очерки (Мунчаев, 1964. С. 3–7; Кузнецов, 1973. С. 1–7; Чернецов, 1973. С. 8–18; Козенкова, 1994. С. 191–196; Мунчаев, 2000. С. 139–143; 2002. С. 26–31). В этом кратком memoria захотелось коснуться другой стороны его жизни, не менее важной в определении судьбы, чем внешние реалии. Эта сторона – счастливый и многолетний брак с единственной женщиной: любимым другом, деятельной, компетентной и заинтересованной помощницей в главном деле, матерью его детей, верной хранительницей памяти о нем долгие годы, вплоть до собственной кончины в январе 2003 г. Об этом как-то не принято писать в научном журнале. Но здесь особый случай, вполне уместный в рамках знаменательной даты.

Есть супружеские пары, о которых говорят: две половинки нашли друг друга. Именно таким бесценным подарком для молодых Евгения и Валентины оказалась археологическая экспедиция В.А. Городцова, где и произошли их встреча и первое знакомство. Казалось бы, разные во многом люди. Она – коренная москвичка со столичным менталитетом, ироничная, внешне сдержанная, но тем не менее с каким-то притягательным светским шармом и добросердечностью. И он, родившийся в Моздоке, на Северном Кавказе, как говорится, из простонародья, с широко распахнутой душой ко всем, кто с ним соприкасался. Всю жизнь импульсивный и динамичный в любом деле, за которое брался. Будь то идея, или организация экспедиции, или просто добывание стройматериалов и продуктов при обустройстве археологического лагеря. И тем не менее среди оригинальных и блиставших острословием и умом, заядлых спорщиков и певцов, студентов участников городцовской экспедиции, таких как Б.А. Рыбаков, Д.А. Крайнов, С.В. Киселев, Д.Г. Редер, Б.Н. Граков и многих, многих других, она потянулась к нему. А он в кругу таких ослепительных красавиц как Т.С. Пассек, Л.А. Евтюхова, О.А. Кривцова, Е.Н. Горюнова разглядел именно ее.

Все, кто хотя бы раз попадал в ауру этой счастливой пары, понимали, что это – редкая гармония

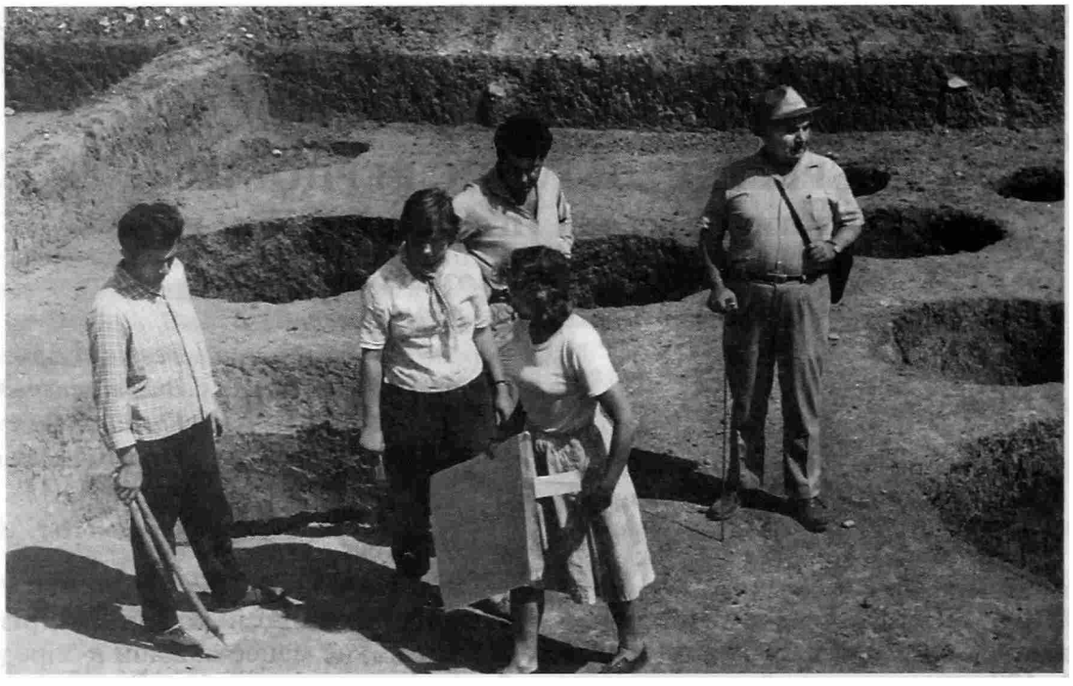

Рис. 1. Сержень-Юрт. Раскопки поселения. 1965 г.

душ: по тому как они понимали друг друга без слов, как заинтересованно относились к настроениям, вкусам и делам друг друга. Вспоминаю экспедицию 1961 г. Раскопки поселения в Сержень-Юрте в Чечне. Вечером после знойного, трудного дня занимаемся с Анной Александровной Ирусалимской камералкой, а Евгений Игнатьевич здесь же за столом что-то пишет в дневнике, а потом, прервавшись, зачитывает нам открытку, присланную ему Валентиной Михайловной из Венеции, где она была в это время в туристической поездке. На крошечном поле открытки лаконично, емко и эмоционально она делится всем, что увидела в Италии. И еще тогда меня поразила удивительная цельность и свежесть чувств этой в общем-то уже немолодой пары.

Валентина Михайловна не стала археологом, хотя какое-то время работала в ГИМе, однако на долгие годы сохранила дружеские связи времен молодости и те неписаные устои, "городцовские" устои, воспринятые вместе с Евгением Игнатьевичем: методичность в любом деле, верность и постоянство в обретенной дружбе. Это единство взглядов также скрепляло их союз, служило залогом долгих личных отношений, сложившихся с некоторыми людьми еще в молодые годы, особенно с Б.А. Рыбаковым, Д.А. Крайновым, Н.В. Пятышевой.

У Евгения Игнатьевича всю жизнь был обширный круг друзей и знакомых, причем не только среди коллег-археологов из Москвы, но и в кругу историков, биологов, нефтяников, литераторов и музейных работников Кавказа. И, конечно, в этот круг входили более десятка его учеников из разных республик Кавказского региона. И всех их встречало в доме широкое гостеприимство и щедрое радушие хозяйки и хозяина. Дом встречал любого гостя ослепительной чистотой интерьера (причем явно не сиюминутно нанесенной) и изысканным столом с ослепительно белой хрустящей скатертью и красивой посудой. И это не было довольством напоказ, а органичный стиль жизнь. А в центре стола обязательно штоф с как будто живой веточкой полыни, опущенной в сладковатую водку. Кажется этот напиток назывался – "семеновкой" – по имени известного кавказского историка и этнографа Л.П. Семенова, изобретателя рецепта этого питья. Профессор Л.П. Семенов был первым учителем Е.И. Крупнова по исследованию родного края и руководителем его первых археологических экскурсий в высокогорные районы Осетии и Ингушетии в конце 30-х годов XX в.

Делать людям маленькие праздники – это вообще было любимым занятием Евгения Игнатьевича. Вспоминая годы экспедиции, не могу не отметить его постоянное внимание к окружающим. Все мы, начальники отрядов СКАЭ, очень любили, когда Евгений Игнатьевич, последовательно объезжая все объекты раскопок, появлялся в каждом отряде и несколько дней жил в археологическим лагере (рис. 1–2). Не припомню ни одного случая, чтобы он появился без какого-либо подарка. Как правило, это были либо горы конфет, высыпавшиеся на общий стол, или торт из Грозного, или что-нибудь еще вкусненькое, что скрашивало нашу повседневную еду, а иногда какое-нибудь хорошее вино. Хотя в те далекие годы в экспедиции, по крайней мере в СКАЭ, спиртным не злоупотребляли, может быть, потому, что и сам начальник не был пристрастен к выпивке,

Рис. 2. Сержень-Юрт. Е.И. Крупнов среди участников экспедиции. 1963 г.

Рис. 3. Сремска Митровица. Югославия. 1965.

причем без каких-либо назиданий в адрес других. О приезде главного начальника как-то очень быстро узнавал весь аул Сержень-Юрт. И вечером "на огонек" в археологический лагерь, который располагался долгие годы в так называемом "дорожном доме", а точнее в дорожной Станции постройки конца XIX в. на горном тракте Крепость Грозная – Крепость Ведено в Веденском ущелье, приходили местные старейшины и вообще уважаемые люди села, чтобы узнать новости и поговорить о наболевшем. Евгений Игнатьевич никогда не избегал этих встреч. Вспоминаю, что несколько таких общений было в местном сельском клубе. Особенно запомнилась его встреча с жителями Сержень-Юрта после заграничной поездки в 1963 г. по странам Ближнего Востока в связи с присуждением ученому международной премии известного общественного деятеля и писателя

Ливана – Саида Акля. Много Евгений Игнатьевич рассказывал и о поездках в Сирию, Турцию, Ирак и Югославию. В научной поездке в Югославию в 1965 г. посчастливилось принять участие с Е.И. Крупновым и мне. Это было незабываемое путешествие группы археологов Института археологии Москвы и его отделения в Ленинграде. В течение месяца мы знакомились с археологическими памятниками на территории Сербии, Словении, Хорватии и на побережье Далмации. В этой поездке Евгений Игнатьевич был душой нашего археологического братства: неутомимым, веселым и непритязательным. Мы не только осматривали археологические памятники в Белграде, Сплите, Дубровнике, Загребе, но и встречались с местными специалистами и обменивались опытом (рис. 3). Опытом, заложенным, по большому счету, школой В.А. Городцова, верность принципам, которой была верна и Валентина Михайловна Подгорнова-Крупнова.

Все годы после кончины Евгения Игнатьевича она поддерживала самые тесные связи со всем кругом археологического братства, живо интересовалась новостями в археологии, новыми книгами из этой области. Все, кто приезжал в Москву с Кавказа, непременно бывали в гостях в этом теплом доме. В.И. Подгорнова-Крупнова вела обширную переписку с коллегами и учениками Евгения Игнатьевича, поддерживала отношения с музейными работниками Северного Кавказа, в особенности с Чечено-Ингушским краеведческим музеем, с сотрудниками которого сохранялись долгие годы дружеские отношения. Многие археологи-кавказоведы посылали оттиски своих научных статей и многочисленные вырезки из местных газет со статьями и заметками о Е.И. Крупнове, а также с упоминанием археологических исследований в регионе.

Огромную работу Валентина Михайловна предприняла по квалифицированной разборке и сортировке обширного архива Е.И. Крупнова. Мне пришлось помогать ей в этом деле, но помощь относилась больше не к трудоемкой части работы, а касалась консультаций по идентификации фамилий авторов некоторых писем. Научная библиотека Е.И. Крупнова была безвозмездно передана семьей Е.И. Крупнова Чечено-Ингушскому научно-исследовательскому институту истории, языка и литературы. Но, к великой горечи всех, кто был знаком с ее бесценным содержанием, вся она дотла сгорела в Грозном в огне чудовищной и безответственной войны в Чечне в 1994 г.

Уникальные фотографии конца 20–30-х годов XX в., времени молодости Евгения Игнатьевича, запечатлевшие многочисленные поездки по Северному Кавказу, были переданы его вдовой в фонды alma mater – Историческому музею. Тщательно приведены в порядок и переданы в архив Института археологии РАН рукописное и эпистолярное наследие ученого. Эпистолярная часть архива отражает неоспоримый факт огромной тяги очень многих людей к Евгению Игнатьевичу, обусловленной подлинным, а не формальным интересом к адресатам. И они это чувствовали. Частый и обстоятельный обмен письмами и открытками – это целая область, характеризующая заинтересованный тон и культуру его душевного настроя в общении с самыми разными людьми. Доброжелательный стиль писем Евгения Игнатьевича привлекал его постоянных респондентов, заставлял не только писать о деле, но и делиться своими личными переживаниями; излагать не только деловые просьбы, но и просить советов при решении жизненных проблем. Архивные рукописные черновики, написанные таким знакомым неподражаемым, кудреватым, "веселым" почерком, с исключительно правильным правописанием, показывают, с какой серьезностью и продуманностью относился Евгений Игнатьевич к ответам на присланную корреспонденцию, особенно когда письма требовали выдержанного, бережного отношения к человеку, несмотря на обидный тон присланного послания. Даже в манере этих ответов звенит серебром верность "лицейскому братству" школы В.А. Городцова. Полевые исследования СКАЭ охватывали огромную территорию многих республик Северного Кавказа и вовлекали в свою орбиту большое число разных по характеру и миропониманию местных специалистов историков. Отвечая на излишне амбициозное письмо одного из таких местных специалистов, который написал, что принимать участие в работе экспедиции его "обязывает служба, начальство и, наконец, даже руководство нашего Обкома КПСС...", Евгений Игнатьевич спокойно и нелицеприятно заметил: "Было бы правильнее, на мой взгляд, сказать, что Вас должны обязывать прежде всего долг специалиста и подлинный интерес к археологии... Подберите в этом году больше людей, сообразуясь со средствами, но надо, чтобы выделенные люди действительно были полезными в работе, а не балластом для экспедиции".

Такой же обязательностью была пронизана в последние годы жизни и вся деятельность Валентины Михайловны Подгорновой-Крупновой не только в сохранении памяти о Евгении Игнатьевиче, но и в сохранении традиций и принципов ее археологической молодости. Е.И. Крупнов похоронен на Новодевичьем кладбище, совсем недалеко от места погребения своего учителя Василия Алексеевича Городцова. Каждую осень, пока были силы, Валентина Михайловна в день смерти мужа посещала кладбище, чтобы привести в порядок могилу, очистить от нападавшей листвы цветник, вымыть обелиск... И каждый раз она звонила мне по телефону и взволнованно сетовала в каком небрежении находится могила В.А. Городцова. И это не были просто бесплодные разговоры. Не-

Рис. 4. Моздок, Северная Осетия. IV Крупновские чтения 1974 г. Открытие памятной доски на доме, где родился Е.И. Крупнов. Выступает Муса Багаев.

однократно эта почти 90-летняя женщина находила силы для переговоров с руководством нашего Института, с руководством ГИМа, побуждала к этому делу и меня. И в конечном счете она добилась твердого обещания от директора Исторического музея А.И. Шкурко, что, несмотря на отсутствие средств, вызванных долгосрочным ремонтом и разрухой последних лет, могила В.А. Городцова будет приведена силами музейщиков в порядок. И это обещание выполнено.

С неизменным, я бы сказала, с профессиональным вниманием относилась Валентина Михайловна и к работе уже более 30 лет. Постоянного оргкомитета по проведению Крупновских чтений – конференции по археологии и древней истории Северного Кавказа. В 2004 г. она в двадцать третий раз состоится в Москве. Неоднократно В.М. Подгорнова-Крупнова непосредственно принимала участие в работе самой конференции в разных республиках северокавказского региона. Именно тогда мне пришлось особенно тесно общаться с этой душевной, необыкновенно эрудированной женщиной. Валентина Михайловна неизменно присутствовала на заседаниях от начала до конца, а вечером мы обсуждали прослушанные доклады. Особенно запомнилась поездка в 1974 г. в город Моздок, на родину Евгения Игнатьевича. Здесь силами Северо-Осетинского научно-исследовательского института истории, экономики, языка и литературы и местного городского музея прошли IV Крупновские чтения в связи с 70-летием ученого. В память о своем знаменитом земляке местные власти приняли постановление о присвоении одной из улиц имени Е.И. Крупнова. Запомнились многие проникновенные выступления при открытии памятной доски на доме, где родился Е.И. Крупнов (рис. 4). И главной в прозвучавших выступлениях

Рис. 5. Санаторий "Узкое", 1970 г. Е.И. Крупнов и В.М. Подгорнова-Крупнова. Рядом один из последних учеников М. Багаев.

была благодарность за неиссякаемую энергию, которую прилагал ученый к укреплению сотрудничества кавказоведов разных национальностей в деле процветания любимой науки о древнейшем прошлом родного края. Сейчас особенно больно думать об этом после нелепых и чудовищных террористических актов, потрясающих Северный Кавказ, в том числе и родину Евгения Игнатьевича – город Моздок.

До конца жизни и Евгений Игнатьевич, и его верная половинка, Валентина Михайловна (рис. 5), держали во всем высокую нравственную планку, соблюдая завет В.А. Городцова "всегда быть готовым к добрым делам, полезным обществу и самому себе". Этим словам учителя они были верны до последнего часа в служении любимому делу, дому и близким.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Козенкова В.И. Евгений Игнатьевич Крупнов (к 90-летию со дня рождения) // СА. 1994. № 1.

Кузнецов В.А. Евгений Игнатьевич Крупнов // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

Мунчаев Р.М. К 60-летию Евгения Игнатьевича Крупнова // СА. 1964. № 1.

Мунчаев Р.М. Крупнов Евгений Игнатьевич (1904–1970) // Институт археологии: история и современность. М., 2000.

Мунчаев Р.М. К истории археологического изучения Чечни (из итогов работ Северокавказской экспедиции в 1957–1968 гг.) // Культура Чечни. История и современные проблемы. М., 2002.

Чернецов А.В. Список печатных работ Е.И. Крупнова // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 173–174

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Янин В.Л. "У истоков новгородской государственности". Великий Новгород, 2001. 515 с. с илл.

Небольшая книга В.Л. Янина представляет новый взгляд на одну из традиционных и вместе с тем темных проблем новгородской и русской средневековой истории – проблему становления "вечевого строя", при котором новгородский князь оказался вынужденным делить свою власть с посадником и стоящими за ним аристократическими ("боярскими") кланами. При видимой исчерпанности данных "архивных" письменных источников едва ли не каждый сезон раскопок в Новгороде заставляет формулировать новые взгляды и на данные старых источников, и на русскую историю в целом.

Это в полной мере относится и к работам 1998–99 гг. на Троицком раскопе, исторической интерпретации находок на котором посвящена рецензируемая книга. Здесь, на огромной (1400 м^2) усадьбе "Е" был вскрыт настил середины XII в. (130 м^2) и обнаружено большое количество берестяных грамот, преднамеренно уничтоженных перед попаданием в слой. Тексты грамот связаны с судебными тяжбами, что дает исследователю основание усматривать в усадьбе "общественный" (судебный) комплекс. То, что упомянутыми в грамотах вершителями суда были новгородцы (в том числе посадники, имена которых известны из других источников), дает основания полагать, что на усадьбе творился не княжеский, а смесной суд (ибо князь не имел права "кончать суд без посадника", да и происходил суд не на княжом дворе).

Казалось бы, археология очередной раз "подтверждает" историю: формирование смесного суда традиционно увязывалось с "революцией" 1136 г., когда новгородцы изгнали вскормленного ими князя Всеволода Мстиславича, внука самого Мономаха. Однако ранняя дендродата "судебного" настила (1126 г.) заставляет Янина обратиться к поиску событий, предшествовавших "революции" 1136 г. Выясняется, что в 1126 г. Всеволод пребывал в Киеве, оставив вместо себя младенца сына Ивора (носившего крещальное имя Иоанн), и по возвращении должен был вновь договариваться с новгородцами, которые успели при малолетнем князе сформировать смесной суд. Князь не имел домениальных владений в Новгородской округе: Мстислав выделил своему сыну Всеволоду земли из Смоленского княжества, а призванный на место Всеволода Святослав Ольгович получил от новгородцев земли в далеком Заволочье.

На вопрос о том, как содержали князей новгородцы до возникновения домениальных владений, помогает ответить еще одна категория новгородских находок: деревянные пломбы-цилиндры, которыми опечатывалась собираемая с новгородских волостей дань, собраны в основном (40 экз.) на той же усадьбе. Их интерпретация и каталог содержатся в книге. На пломбах отмечалось, какая доля доходов шла собирателю податей – мечнику (емцу), какая – князю. Дата пломб – по преимуществу XI в. Это означает, что система, отмеченная докончаниями новгородцев с князьями, при которой князь не имел права держать новгородских волостей "своими мужами", а подати должны были собирать "мужи новгородские", сложилась не в XIII в. (древнейшее из дошедших докончаний относится к 1264 г.), а по крайне мере в XI в. Князю шел лишь "дар" от волостей. Вместе с тем в напластованиях середины – второй пол. XII в. пломбы-цилиндры пока не найдены. Это может означать, что способ доставки податей изменился с формированием вотчинной системы – незачем было опечатывать дань в волостях, подати взимались с вотчинников в самом Новгороде. В специальной главке рассматривается формирование административной системы Новгородской земли, при которой князь лишался прав на контроль над периферийными территориями, в том числе (вопреки уставу 1137 г. Святослава Ольговича) власти над Обонежским и Бежецким рядом.

Таким образом, фиксируемые на основе новых материалов этапы формирования "вечевого строя" включают контроль новгородцев над сбором податей с Новгородской земли, создание института избираемых посадников в конце XI в., запрет князю и его дружине иметь вотчины в Новгородской земле, создание в 1126 г. смесного суда, формирование в середине XII в. системы "внешних" пограничных волостей, в отношении которых специально оговаривался суверенитет Новгорода.

Эта реконструкция представляется вполне логичной и убедительной, хотя определенные исторические моменты становления вечевого строя, естественно, нуждаются в дальнейшем исследовании. В частности, князь, в том числе Всеволод Мстиславич, действительно был ограничен в возможностях эксплуатации Новгородской земли: домениальные владения были выделены ему из земель Смоленского княжества. Но в описании Новгородской первой летописи первое обвинение, которое предъявили князю на вече в 1136 г. новгородцы, заключалось в том, что тот "не блюдеть смердъ" (НПЛ, 2000. С. 24), эксплуатирует податное население (политическая измена Новгороду – желание уйти в Переяславль – упомянута на втором месте).

Собственно об "истоках" новгородской государственности В.Л. Янин говорит с естественной осторожностью, допуская, что ее "вечевые" основы заложили не только некие "грамоты" Ярослава Мудрого, к которым апеллировала новгородская традиция, но и первый договор с Рюриком, призванным в Новгород "рядить по праву" с дружиной, прозвавшейся русью. Эта "официальная" доктрина, сложившаяся в начальном летописании к концу XI в., была принята и в Киеве, и в Новгороде. Правда, в редакции Новгородской первой летописи специально говорилось о словенах, кривичах и мери как о "новгородских людях" (что свидетельствует об амбициях новгородского книжника XIII в.), но завершение легенды о призвании варяжских князей совпадает в Новгородской первой и Лаврентьевской летописях: новгородские люди – "от рода варяжска", что должно было отмечать самостоятельность, независимость от "русских" князей, обосновавшихся на юге, первичность Новгородской волости. Показательно, что рассказ о правлении Рюрика, о раздаче их мужам городов – Ростова, Полоцка, Белоозера (где, кстати, найден цилиндр-пломба) – опущен в Новгородской летописи, которая не сообщает даже о смерти первого князя. Этот прецедент не представлялся актуальным для новгородского летописца. Зато очередной новгородский эпизод с призванием князя содержится во всех ранних летописях. В 970 г. Святослав, отправляющийся в Переяславец, сажает Ярополка в

Киеве, Олега – у древлян, новгородские же люди просят себе князя: "аще не поидет к нам, то мы налезем собе князя". Князем, согласившимся идти в столицу, ставшую периферией, стал Владимир. Угроза новгородцев уже содержит представление о "вольности в князьях": Константин Багрянородный сообщает, что при жизни отца (до 945 г.) сам Святослав сидел в Новгороде, во "внешней Росии", и новгородцы, очевидно, продолжали считать его своим князем, пока он не собрался на Дунай.

Первые киевские князья держали своих сыновей в Новгороде (исключение – Ярополк, который послал туда своих посадников), но в конце X в. происходит важное для истории отношений князя и Новгорода событие. Судя по археологическим данным, резиденция князя – во всяком случае его варяжская дружина – располагалась сначала на Городище. Ярослав Мудрый садится в самом городе – на Ярославовом дворище. Это приводит к конфликту между горожанами и варягами, и только угроза потерять "своего" князя в княжеских усобицах заставила новгородцев объединиться с варяжской дружиной Ярослава. Ярослав утвердился в Киеве, но, согласно Новгородской летописи, дал новгородцам грамоту, по которой им и следовало "ходить" – Русскую правду. Первая же статья Правды Ярослава, очевидно, представляет собой существенный этап в развитии "вечевого строя": в ней представитель княжеской дружины – русин, будь то гридь, купец, ябетник, мечник или изгой – уравнивался в правах с новгородцем-словенином; их "головы" оценивались одинаково – в 40 гривен. Далее специально оговариваются права варягов и колбягов, но уже как иностранцев. Речь действительно может идти об иностранцах, а не о русских дружинниках варяжского происхождения: судя по новгородской антропонимии, варяги интегрировались в состав новгородского общества (Мельникова, 1999). Это существенно, в частности, и с точки зрения происхождения традиции деревянных цилиндров-пломб, которыми пользовались мечники-новгородцы.

В.Л. Янин указывает две аналогии новгородским пломбам: цилиндр XI в. из Волина и две находки из Дублина. Для изображения хищной птицы на волинской находке исследователь находит параллель в орнаментике восточноевропейских трапециевидных подвесок: отметим еще одну любопытную параллель – небольшой деревянный цилиндрик (правда, без отверстий для пломбирования) из "большого дома" Земляного городища в Старой Ладоге, в слое 860-х годов, т.е. времени летописного призвания варяжских князей. Размеры цилиндра, указанные в публикации (Рябинин, 1985. С. 71, 72. Рис. 28, 21) явно неточны: его длина, судя по масштабу, никак не может равняться 15 мм – она превышает 5 см, что сближает ладожский цилиндр с новгородскими. Схематическая птица на цилиндре, явно имевшем некое символическое значение, выполнена в характерном скандинавском стиле, этот "птичий" мотив был широко распространен на Балтике и в Восточной Европе (Кулаков, 1988). Скандинавские черты орнаментики на дублинских цилиндрах еще более яркие (С. 63. Рис. 20).

Новгородские находки, благодаря блестящей интерпретации Янина, в свою очередь проливают свет на ситуацию на Балтике и даже в Атлантике: цилиндр из Волина интерпретировали как амулет (хотя и отмечалась его связь с государственной символикой – пястовским орлом и т.п. – Filipowiak, 1979. S. 118), ныне назначение волинского и дублинских цилиндров как пломб можно считать установленным. Существенно, что и в Волине (и у балтийских славян в целом – Leciejewicz, 1981), и в Дублине (Роэсдаль, 2001. С. 194–202) скандинавы также интегрировались в состав местных элит, как и в Новгороде.

Книга В.Л. Янина очередной раз демонстрирует актуальность археологии для реконструкции истории. Естественно, эта реконструкция будет уточняться с новыми находками.

Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН "История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кулаков В.И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX–XI вв. // СА. 1988. № 3.

Мельникова Е.А. Скандинавские личные имена в новгородских берестяных грамотах // Славяноведение. 1999. № 2.

НПЛ: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.

Роэсдаль Э. Мир викингов. СПб, 2001.

Рябинин Е.А. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище в 1973–1975 гг.)// Средневековая Ладога. Л., 1985.

Filipowiak W. Wolinska kacina // Z otchlanyi wiekow. 1970. № 2.

Leciejewicz L. Slowianie zachodni i normanowie we wzajemnych stosunkach kulturowych we wcseznym sredniowiechu // Pomorania antiqua. 1981. T. X.

Институт славяноведения РАН, Москва

В.Я. Петрухин

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2004, № 1, с. 175–191

ХРОНИКА

XXII КРУПНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (Ессентуки – Кисловодск, 2002)

© 2004 г. В. И. Козенкова, С. Н. Савенко

Международная конференция, связанная с именем крупнейшего археолога-кавказоведа России Евгения Игнатьевича Крупнова, состоялась 23–27 апреля 2002 г. Основная тематика XXII "Крупновских чтений" была определена на предыдущей конференции и обозначена двумя главными темами: "Проблема этнополитических и культурных взаимосвязей горцев Северного Кавказа с населением Юго-Восточной Европы в древности и средневековье" и "Кавказские Минеральные воды в историко-археологическом аспекте". Последняя тема была обусловлена тем, что местом проведения конференции были выбраны города Ессентуки и Кисловодск накануне 200-летнего юбилея региона Кавминвод – не только знаменитой курортной зоны, но и уникального в археологическом отношении анклава России.

Для участия в конференции прибыли ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Ростова-на-Дону, Краснодара, Армавира, Ставрополя, Нальчика, Владикавказа, Черкесска, Назрани, Грозного, Махачкалы, Киева (Украина), Баку (Азербайджан), Кана (Франция). Активно проявили себя и местные специалисты из всех городов региона (Пятигорск, Железноводск, Минводы).

В опубликованном к началу конференции сборнике тезисов докладов значатся научные доклады и сообщения 78 ученых: не только археологов, но и историков архитектуры, а также специалистов в области лингвистики, антропологии и палеозоологии.

Официальное открытие конференции состоялось в г. Ессентуки в зале администрации Кавминвод. С приветственным словом к участникам обратили руководители региона. Приветственные телеграммы прислали дирекция Института археологии РАН и семья Е.И. Крупнова. Работа началась заседанием "круглого стола" в присутствии местной общественности в лице преподавателей учебных заведений, музейных и библиотечных работников, учащихся и средств массовой информации. Тема "круглого стола" была посвящена роли археологического наследия района Кавминвод в изучении древностей Северного Кавказа и Восточной Европы. Кроме того, были обсуждены злободневные для археологической российской науки в целом вопросы хищнического разграбления частными лицами и "черными археологами" археологических памятников и возможности правовой охраны этого государственного достояния. По всем этим проблемам выступили ведущие археологи (В.П. Любин, В.А. Кузнецов, С.Н. Кореневский, С.Л. Дударев, С.Н. Бурков, М.С. Гаджиев, М.Х. Багаев, В.И. Козенкова, А.Л. Нечитайло и другие), а также местные краеведы. В связи с невиданным размахом грабительских раскопок в регионе в последние годы предложено составить и принять обращение к органам власти и местного самоуправления для защиты бесценных объектов культуры.

Работа конференции проходила в форме пленарных и секционных заседаний. На двух пленарных заседаниях в музее им. В.П. Шпаковского в г. Ессентуки и в помещении филиала Ростовского государственного экономического университета в г. Кисловодск было заслушано 15 докладов. Первое пленарное заседание 24 апреля было посвящено теме "Кавказские Минеральные воды в историко-археологическом аспекте", по которой прозвучали восемь докладов.

С.Н. Савенко (Кисловодск) в докладе "Этапы развития Кавминвод и летопись археологического изучения региона" предложил историографическую периодизацию исследования региона за 200 лет, выделив 16 периодов с 1803 г. по настоящее время. Автором отмечены наиболее активные работы, связанные с именами местных краеведов (Н.Н. Михайлов, Н.М. Егоров, В.В. Бобин, А.П. Рунич) и специалистов-археологов (С.Н. Замятнин, Е.И. Крупнов, М.П. Абрамова, С.Н. Кореневский, В.И. Козенкова, Г.Е. Афанасьев, В.Б. Ковалевская и др.).

М.Е. Колесникова (Ставрополь) в докладе "Источниковедение и археология Кавказских Минеральных вод (вторая пол. XIX в.)" сделала акцент на первоначальном этапе накопления археологических данных, в особенности после V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 г. По мнению докладчика, началу обстоятельного изучения Кавминвод способствовали постоянные приезды "на воды" выдающихся деятелей искусства и культуры, ученых. Они создавали особую благополучную обстановку для превращения курортного региона в центр общественной и культурной жизни.

Кр. Пиле (Кан, Франция) посвятил свое выступление теме "Может ли археология давать информацию этнического порядка". В нем на основе накопленных с XIX в. материалов в Западной Европе и на юге России были подняты вопросы о роли миграций в формировании этнической карты Европы и о возникновении полихромного стиля "клаузоне" и его роли в появлении идеи "культурного космополитизма" в V веке. Докладчик высказывает предположение, что в наблюдаемых фактах проявляется распространение аристократической культуры сначала с востока на запад, а затем в обратном направлении.

А.Л. Нечитайло (Киев, Украина) предложила доклад "Основы общности культур степного энеолита (V тыс. до н.э.)". В нем на большом фактическом материале показано, с точки зрения докладчика, единообразие культур от Дуная до Эмбы и Терека, чему способствовали не только миграции, но и единые условия степного существования. По мнению А.Л. Нечитайло, такие условия позволяют говорить о существовании "европейской степной энеолитической общности или области", в которую ею включены суворовская, новоданиловская, предкавказская и нижневолжские культурные группы эпохи энеолита.

Д.С. Коробов (Москва) в докладе "База данных "Археологические памятники Кисловодской котловины" подвел итог работы, проделанной Кисловодским отрядом Института археологии РАН с 1996 по 2000 г. в рамках проекта по созданию географо-информационной системы (ГИС) "Кисловодск". Итогом деятельности большого коллектива специалистов под руководством Г.Е. Афанасьева стало выявление

и фиксация около 800 памятников разных хронологических периодов, вошедшие в созданную автором доклада базу данных.

Я.И. Березин и С.Н. Кореневский (Кисловодск, Москва) посвятили общий доклад "Курганный могильник Иноземцево I" результатам исследования 8 курганов с 104 захоронениями разных хронологических периодов. С.Н. Кореневский особо подробно остановился на результатах раскопок памятников эпохи бронзы, которые позволили сделать ряд принципиально новых заключений о характере памятников, в особенности этнокультурного порядка.

С.Н. Дударев (Армавир) в совместном с *А.Б. Белинским* (Ставрополь) докладе "К палеоантропологической и палеодемографической характеристике Клин-Яра раннекобанской эпохи" подробно остановился на итогах изучения антропологических данных из кобанского могильника Клин-Яр Ш. По мнению авторов доклада, использование новых источников позволяет более полно охарактеризовать своеобразие быта местного кобанского общества.

Е.И. Нарожный (Армавир) в докладе "О "пятигорских черкесах", которые совершают богослужение на славянском языке" (историко-археологическая версия)" проанализировал в комплексе письменные и археологические данные, позволившие выстроить еще одну версию появления в Пятигорье "черкесов". Автор доклада полагает, что в начале XVI века имела место миграция на Кавминводы различных групп протоадыгского этноса со стороны Приазовья, и предлагает уточненную картину освоения территории современных Кавминвод, где население уже к 1500 г. было полиэтничным.

Многие положения прочитанных на первом пленарном заседании докладов вызвали оживленную полемику и ряд вопросов. Так, отвечая на вопросы Т.А. Габуева и М.С. Гаджиева, Кристиан Пиле уточнил некоторые свои позиции относительно вещей в стиле "клаузоне". Отвечая на вопрос, заданный В.А. Кузнецовым, о семи деформированных черепах из Сен-Мартен де Фонтоне, он объяснил их присутствие в могильнике влиянием с востока, без конкретной привязки к определенному этносу. Много вопросов вызвал доклад А.Л. Нечитайло. Л.Т. Яблонский, Н.И. Шишлина, Н.Л. Моргунова, М.Г. Гаджиев усомнились в "степной общности" энеолитических групп, имевших значительные различия в погребальном обряде и массовой материальной культуре.

В дискуссии по прослушанным сообщениям первого дня приняли участие Л.Т. Яблонский, С.Н. Кореневский, М.М. Герасимова, С.Н. Савенко, В.И. Козенкова. Отметив положительное начало в работе "Крупновских чтений" и оценив значение некоторых докладов (Колесниковой, Пиле, Коробова, Нарожного), основное внимание выступавшие уделили докладам Нечитайло, Белинского и Дударева. Так, касаясь доклада А.Л. Нечитайло, С.Н. Кореневский и Л.Т. Яблонский скептически отнеслись к гипотезе о "степной общности". Скорее можно говорить об области со схожими признаками в погребальной обрядности у разных групп. Не был обойден и дискуссионный вопрос об абсолютной хронологии энеолитических памятников, которые, в связи с появившимися результатами калиброванных дат, сильно удревняются, что, по мнению Л.Т. Яблонского, не может не вызывать сомнения. Возражая ему, С.Н. Кореневский заметил, что вопрос хронологии энеолита – очень сложная тема. Доверять или не доверять калиброванным датам – довольно субъективное суждение. В настоящий момент ясно, что поправки нужны, причем, чем глубже даты, тем более они достоверны. Резко полемичные замечания в адрес доклада А.Б. Белинского и С.Л. Дударева были высказаны М.М. Герасимовой. Она полагает, что слабой стороной его является расхождение между широковещательными выводами и малочисленностью конкретных антропологических материалов. Не согласилась она и с прямолинейным мнением о южных корнях происхождения кобанцев только по форме черепов. Весомые контраргументы аналогичного характера содержало выступление Л.Т. Яблонского, которое касалось вообще подчас непрофессиональной интерпретации антропологических материалов археологами, особенно когда это касается воссоздания физического облика и демографических выкладок. Эту точку зрения поддержал С.Н. Кореневский, считая, что данные антропологии необходимо привлекать с большой осторожностью, поскольку незначительные количественные выборки делают демографические построения ненадежными. В защиту положений доклада А.Б. Белинского и С.Л. Дударева высказались С.Н. Савенко и В.И. Козенкова. По мнению С.Н. Савенко, антропологические данные, приведенные в докладе, конечно, небольшие для объективных выводов, но и их необходимо учитывать. Кроме того, предварительное оглашение итогов полезно, хотя бы ради критики специалистов-антропологов. По мнению В.И. Козенковой, доклад интересен многими новыми предположениями, которые построены не на антропологии. Без опыта комплексного использования всех материалов невозможно историческое моделирование, а без этого археология превращается в простое вещеведение.

Более зрелищный характер носили доклады утреннего заседания второго дня конференции 25 апреля, которое проходило в Кисловодске в прекрасно оснащенной аудитории филиала Ростовского ГЭУ. Заслушано семь сообщений, причем два из них, М.С. Гаджиева и В.И. Козенковой, были представлены в форме видеозарисовок – опыт, впервые продемонстрированный на "Крупновских чтениях".

В.И. Козенкова (Москва) в сообщении "О еще одном шедевре, который мы потеряли" рассказала о сенсационных находках из грабительских раскопок в Надтеречном районе Чечни. Речь шла о двух разновременных комплексах вещей из одного кургана. Первый комплекс состоял из вещей примерно второй пол. III тыс. до н.э., предположительно из основного погребения майкопской культуры (сосуды, бронзовый кинжал и бронзовая вилка и др.). Второй включал предметы из престижного захоронения, примерно конца IV–III вв. до н.э. Погребальный инвентарь состоял из ювелирных изделий, бронзового зеркала и глиняных кувшинов и мисок, типичных для сарматского периода Предкавказья. Особенно выделялись золотая многовитковая гривна с изображением головки змеи, многовитковые золотые перстни, серьги с подвесками на цепочках, золотая зубчатая оковка края деревянного сосуда и уникальные браслеты с тремя фигурками идущих друг за другом лошадей.

М.С. Гаджиев (Махачкала) вне программы продемонстрировал видеокассету с изображением великолепных находок из Хасавюртовского района, также добытых грабителями. Среди предметов золотая многовитковая гривна, один конец которой оформлен в виде лежащего хищника, фрагменты золотой обивки сосуда с тисненым орнаментом, в котором просматривались антропоморфные изображения и бронзовый котел на ножке. Весь состав предметов свидетельствовал, что было разрушено погребение сарматского периода конца I тыс. до н.э.

Л.Т. Яблонский (Москва) в фундаментально подготовленном совместно с М.М. Герасимовой и Д.В. Пежемским докладе "К антропологии майкопской культуры" изложил результаты исследования черепов из погребений майкопского круга. На основе сравнительного анализа северокавказских антропологических материалов с данными палеоантропологии из европейских энеолитических памятников и Переднего и Среднего Востока докладчиком было сделано

заключение об антропологической неоднородности населения майкопской культуры, в формировании которого могли принимать участие переднеазиатские элементы, а также древнее население степной полосы.

В.П. Любин (Санкт-Петербург) в докладе "Первые находки среднего и нижнего палеолита на Ставрополье", подготовленном совместно с Е.В. Беляевой, познакомил участников "Крупновских чтений" с материалами сенсационного характера, свидетельствующими об открытии первых на территории Ставрополья местонахождений нижнего палеолита у горы Кинжал. Продемонстрированы ашельские изделия (дисковидный нуклеус и нуклевидный скребок) неизвестные здесь до настоящего времени. Материалы обнаружены в результате работ совместной палеолитической экспедиции ИИМК РАН (С.-Петербург) и ГУП "Наследие" (Ставрополь) в 2001 г. По мнению В.П. Любина, обнаруженное местонахождение на Кавминводах может быть древнейшим в России, так как предварительный возраст находок определяется временем в 500–400 тыс. лет тому назад.

З.В. Доде (Ставрополь) в докладе "Женская одежда из позднесредневековых осетинских склеповых могильников в коллекции Б.А. Куфтина" блистательно показала перспективность этнографических данных для ретроспекции костюма народов Северного Кавказа от конца XIX – начала XX вв. до аланского периода VII–X вв. Автором восстанавливается достоверная картина широких связей центральнокавказского населения с районами Среднего Востока и Малой Азии, и даже с Центральной Европой.

А.П. Мошинский (Москва) в докладе "Протокобанская эпоха на Северном Кавказе" обосновал в обобщенном виде свою гипотезу о сущности понятия "протокобанская эпоха", выделив в этом периоде три этапа на основе собственных многолетних раскопок в Дигории могильника Кари Цагат. А.П. Мошинский предполагает наличие в центральной части Кавказа, как впоследствии и в кобанской, особой культурно-исторической протокобанской области, в которой "относительно синхронно был распространен целый ряд сходных традиций".

Второй доклад *А.П. Мошинского*, подготовленный совместно с *Л.Д. Мазуром*, "Культовый комплекс у сел. Лезгор" завершал общее утреннее заседание. Сообщение было посвящено исследованию нового уникального культового комплекса, связанного с почитанием Луны. По мнению докладчиков, комплекс возник в середине II тыс. до н.э.

Большинство вопросов по прослушанным докладам относилось к Л.Т. Яблонскому (Н.Л. Моргунова, Н.И. Шишлина, М.С. Гаджиев) и касались конкретных особенностей антропологических данных по Поволжью и Дагестану.

Продолжение утреннего заседания второго дня конференции состоялось в двух секциях: "Археология региона с древнейших времен до конца I тысячелетия до н.э." и "Археология Северного Кавказа I–II тысячелетия н.э.".

На первой секции (председатель С.Л. Дударев) были заслушаны три доклада, главным образом по ранним периодам эпохи бронзы.

С.Н. Кореневский (Москва) в докладе, подготовленном совместно с В.Л. Ростуновым (Владикавказ), "Новые данные о "больших" майкопских курганах в республике Северная Осетия–Алания" изложил результаты исследования трех крупных курганов майкопской культуры у сел. Заманкул и Брут, раскопанных в 1993–1996 гг. Проанализированы конструктивные особенности и способы сооружения объектов. В докладе приведены многочисленные аналогии материалам заманкульских курганов в разных частях ареала майкопской культуры и дано заключение о связи их с галюгаевско-серегинским вариантом МНО.

Т.И. Ахундов (Баку, Азербайджан) в докладе "Древнейшая металлургия Кавказа и проблемы ее периодизации на Южном Кавказе" попытался внести поправку в определение понятия "энеолит" в Закавказье. Ранний этап раннеземледельческих традиций Южного Кавказа он предлагает относить к так называемому раннекерамическому, а поздний – к раннеметаллургическому неолиту. Куроаракская культура предстает как бронзово-каменная эпоха, т.е. переходная от камня к бронзе, и может быть обозначена как бронзолит.

В.Л. Ростунов (Владикавказ) в докладе "Новые памятники ранней бронзы в предгорной зоне Северной Осетии (поселения Редант I и Редант II) остановился на результатах экспедиции 1995–1996 гг. в районе горы Лысая близ Дарьяльского ущелья. Керамика из поселений близка по ряду признаков с керамикой из памятников Арагвского ущелья и с материалами типа Цопи-Гинчи. Дата поселений вторая пол. IV – рубеж IV–III тысячелетий до н.э. По мнению В.Л. Ростунова, полученные данные позволяют говорить об истоках формирования долинского варианта МНО.

На утреннем заседании этого же дня в секции "Археология Северного Кавказа I–II тыс. н.э." были заслушаны три доклада: М.П. Абрамовой, В.И. Косяненко и М.М. Герасимовой.

М.П. Абрамова (Москва) в докладе "Пути формирования новых этнических группировок на Северном Кавказе в первые века н.э." тщательно проанализировала особенности формирования этнических группировок в Терско-Сунженском междуречье и Приморском Дагестане, которые влияют на специфику культуры более поздних сообществ, расселившихся в очерченной зоне.

В.И. Косяненко (Ростов-на-Дону) в сообщении "Мел в погребальном обряде некрополя Кобякова городища (раскопки 1956–1962 гг.)" рассказала о находках мела в могилах как особом ритуале женских и детских погребений I–II вв. В.И.Косяненко связывает такой ритуал с культурой собственно сарматов и трактует куски мела как имитацию меловой подсыпки.

М.М. Герасимова (Москва) в докладе "Средневековое население Куртатинского ущелья (Северная Осетия) по антропологическим данным" изложила результаты изучения черепов XIII–XIV и XVI–XVII вв. из-под скальных навесов у сел. Дзивгис. Ретроспективное сопоставление особенностей разновременных антропологических данных позволило М.М. Герасимовой высказать предположение, что процесс формирования физических особенностей осетин имел длительную протяженность и выраженную специфику в отдельных этнолокальных группах и даже в рамках отдельных обществ.

По прослушанным докладам и сообщениям были заданы вопросы, а также состоялся обмен мнениями. Отметив интересную концепцию М.П. Абрамовой, Т.А. Габуев и Ю.К. Гугуев не согласились с однозначной атрибуцией материалов, показанных докладчиком. По мнению Т.А. Габуева, в этом плане интересны материалы III–IV вв. на территории от Беслана до Брута. Ю.К. Гугуев упор на даты III–IV вв. считает неправомерным, так как раскопки Зилгинского городища и Алханкалинского могильника дают материалы II в., а посуда близких форм имеется в могильнике Танаиса даже с первой пол. II в. В то же время М.С. Гаджиев отметил важность доклада М.П. Абрамовой в той части, где говорится о связи Львовских могильников с прикаспийскими. Некоторые пожелания были высказаны и по докладу М.М. Герасимовой, в частности предложено сопоставить серии черепов людей

с традиционными брачными отношениями и те, что имелись в соседних общинах. Однако основное обсуждение всех утренних сообщений и докладов второго дня в обеих секциях было продолжено на вечерних заседаниях, состоявшихся в музее "Крепость" в Кисловодске.

На заседании первой секции были заслушаны восемь докладов, от обобщающих до более конкретных, посвященных анализу отдельных категорий материальной культуры.

М.С. Гаджиев (Махачкала) в совместном с Р.Г. Магомедовым докладе "Топрах-кала – поселение куро-аракской культуры на Северо-Восточном Кавказе" сообщил о результатах работ Дербентской экспедиции в 1999–2001 гг., при которых были вскрыты два строительных горизонта, относящихся к куро-аракской культуре. Памятник предварительно датирован в пределах первой половины III тыс. до н.э. и имеет много общего с куро-аракскими памятниками Северо-Восточного Азербайджана.

Н.Л. Моргунова (Оренбург) в докладе "Металлургия ямной культуры Приуралья и кавказские связи" познакомила участников заседания с результатами исследования металлических изделий ямной культуры с территории Оренбуржья, которые по составу сплавов близки к кавказским. Однако, несмотря на морфологические параллели, автор полагает, что приуральский очаг металлургии был вполне самостоятельным.

Н.И. Шишлина (Москва) в соавторстве с *М.А. Новиковым* и *А.Г. Девятовым* представила на обсуждение доклад "Палеоботанические исследования по материалам эпохи бронзы Северо-западного Прикаспия". Анализ растительных остатков, взятых при раскопках курганных насыпей и погребений, а также поселений на территории Калмыкии, выявил присутствие в исследованных памятниках только диких растений. Причем некоторые растения играли определенную роль в погребальном ритуале.

М.Г. Гаджиев (Махачкала) в докладе "Новые археологические исследования в Великенте", подготовленном совместно с *Ш.М. Гаджиевым*, остановился на результатах раскопок Дагестано-Американской экспедиции в 1999–2001 гг. поселений эпохи ранней и средней бронзы Великент I и II. Датировка поселения II определена серединой IV – началом III тыс. до н.э., а остатки землянки в слое Великента I – серединой III – началом II тыс. до н.э. Даты подтверждены радиокарбонным анализом четырех образцов.

Е.Е. Васильева (С.-Петербург) в докладе "Подвески в виде бараньих головок эпохи поздней бронзы и раннего железного века" остановилась на результатах систематизации и хронологической классификации бронзовых подвесок из памятников Центрального Кавказа. Докладчиком выделены пять хронологических групп и морфологических этапов от середины XIV до VIII вв. до н.э.

С.Л. Дударев (Армавир) в докладе, подготовленном совместно с А.Б. Белинским (Ставрополь), "К вопросу об экологической обстановке в районе могильника Клин-Яр III в начале раннего железного века" на основе анализа химического состава костей предложил опыт моделирования особенностей экологической обстановки в районе Кавминвод. По мнению авторов доклада, подобные исследования перспективны и для выяснения некоторых социологических аспектов кобанского общества.

Ю.А. Прокопенко (Ставрополь) в сообщении "Типы устрожающих насадок на удилах V–III вв. до н.э. из памятников Северного Кавказа" выделил пять типов строгих насадок крестовидной формы, причем появление их, по мнению докладчика, относится к IX–VIII вв. до н.э.

Г.Н. Вольная (Владикавказ) посвятила свое сообщение "К вопросу о типологии бронзовых ажурных прямоугольных пряжек" яркому элементу фурнитуры одежды IV в. до н.э. – II в. н.э. населения территории Южной Осетии и Грузии. Докладчиком выделены семь типов подобных пряжек, характерных для определенных географических районов Закавказья. Стилистические изменения, по мнению докладчика, связаны с хронологией предметов.

В обсуждении заслушанных сообщений и докладов приняли участие С.Н. Кореневский, Н.И. Шишлина, А.Л. Нечитайло, М.Г. Гаджиев, Ю.Ю. Пиотровский. Все выступавшие отметили высокий научный уровень работы с представленными материалами, но сошлись во мнении, что далеко не все из затронутых проблем близки к разрешению. Так, выступая по докладу Л.Т. Яблонского, С.Н. Кореневский особо отметил, что серия "майкопских" черепов имеет свои специфические особенности, поскольку основная зона культуры расположена южнее. Интересно было бы сравнить краниологические материалы майкопцев и носителей куро-аракской культуры. Отметил С.Н. Кореневский и тщательно подготовленный доклад Н.Л. Моргуновой. Особенно важны, по его мнению, наблюдения о связях приуральских материалов с майкопскими, но некоторые предметы, например клевцы, невозможно выводить с Кавказа. Не согласился он также с тем, что Оренбуржье – это циркумпонтийская зона. Н.И. Шишлина отметила блестящий доклад антропологов, но полагает, что докладу не хватает исторической канвы. А.Л. Нечитайло высоко оценила доклад В.П. Любина, который открывает новые горизонты в изучении древностей каменного века на Ставрополье. Особо она подчеркнула ценность доклада Л.Т. Яблонского и М.М. Герасимовой не только для антропологов, но и для археологов. М.Г. Гаджиев остановился в своем выступлении на трех докладах. Большой интерес, по его мнению, вызывает доклад Л.Т. Яблонского и М.М. Герасимовой, но желательно бы получить сравнительные данные по Северо-Восточному Кавказу, поскольку остро стоит вопрос о соотношении куро-аракской и майкопской культур. Подлинным открытием, по мнению М.Г. Гаджиева, являются последние работы В.П. Любина на Северном Кавказе. Не обошел вниманием М.Г. Гаджиев и доклад Т.Н. Ахундова. Критерии выделения эпох энеолита и бронзы пока остаются неразработанными, поэтому концепция Ахундова можно назвать пока лишь одной из возможных. Тема о терминах была продолжена в выступлении Ю.Ю. Пиотровского. Он призвал исследователей относиться осторожно при выделении признаков, обозначающих тот или иной этап культуры, поскольку иногда разные исследователи в эти термины вкладывают разный смысл. По мнению Ю.Ю. Пиотровского, ценность антропологических исследований материалов майкопской культуры высока потому, что на сопредельных территориях очень мало антропологических данных. Отмечен в выступлении Ю.Ю. Пиотровского и доклад С.Н. Кореневского, поскольку вопрос о стратиграфии больших майкопских курганов пока остается неясным: в Закубанье такие объекты почти не раскапывались, а в районе Майкопа многие памятники разрушены.

Вечернее заседание в секции "Археология Северного Кавказа I–II тысячелетия н.э." проходило не менее продуктивно. Заслушаны 10 докладов и сообщений по самой широкой тематике.

Б.Х. Атабиев и *А.К. Швырева* (Нальчик, Ставрополь) в совместном докладе "Домашние животные из катакомб Зарагиж-95" изложили результаты остеологического анализа останков лошадей и собак. Авторами предпринят опыт реконструкции внешнего облика животных, отмечено рас-

пространение южного типа коней, сходных с арабскими, выделены особи собак типа овчарок, охотничьих и дворовых.

Т.А. Габуев (Москва) в сообщении "К вопросу о владениях Яньцай и Кангюй" проанализировал китайские источники первых веков нашей эры, в которых упоминается владение Яньцай, связываемое некоторыми исследователями с аланами, что свидетельствует о выходе их на историческую арену где-то во второй пол. I в. до н.э. По мнению Т.А. Габуева, анализ свидетельствует, что эти события происходили не раньше 20-х годов I в. н.э.

С.М. Перевалов (Владикавказ) выступил с сообщением "Аланы в надписях I–III вв.", в котором проанализировал 10 эпиграфических текстов, содержавших информацию об аланах.

М.С. Гаджиев и *М.А. Бакушев* (Махачкала) в докладе "Новые исследования Горной стены "Даг-Бары" изложили результаты работ экспедиции 2001 г. по обследованию и раскопкам Горной стены VI в., начатые в 1996–2000 гг. Обследован участок протяженностью около 15 км. Из находок особый интерес представляют знаки строителей на облицовочных плитах, среднеперсидская надпись VI в. и арабская куфическая надпись с упоминанием халифа Гарун ар-Рашида.

А.К. Швырева (Ставрополь) в сообщении "Древние лошади Клин-Яра" поделилась результатами остеологического исследования 27 разновременных особей лошадей. Научная обработка материала показала, что лошади из клинярских погребений были разнообразны по своим характеристикам. Приведены доводы и в пользу существования местной породы помимо завозных.

Л.А. Перфильева (Москва) прочитала доклад "Архитектура и ландшафт горных селений как "текст" и как источник для изучения средневековой культуры Северного Кавказа: к проблеме метода исследования", поставленный вне программы. По мнению докладчика, привычные академические методы в исследовании башенной архитектуры Северного Кавказа оказываются неэффективными. Необходима другая система, при которой изучению подвергаются исторический ландшафт селений и вся сумма памятников, включенных в этот ландшафт.

С.Б. Бурков (Назрань) в докладе "Исследования археологических памятников в зоне строительства столицы Ингушетии города Магаса в 1994–1996 гг." изложил историю изучения района древнего Магаса и познакомил с результатами 4-летнего археологического обследования данной территории. В ходе охранно-спасательных работ выявлено большое число разнообразных памятников поселенческого и погребального характера от середины II тыс. до н.э. до II–IV вв. н.э. Основательно изучены слои и самого средневекового городища Магас.

А.В. Пьянков (Краснодар) в сообщении "О некоторых чертах погребального обряда могильника Бжид I" заострил внимание на трех непотревоженных могилах, исследованных в 90-е годы. По пряжкам и фибулам погребения датируются IV в. н.э. Детали погребального обряда отражают местную специфику, к которой автор относит факт преднамеренного повреждения костей, засвидетельствованный у зихов.

М.Х. Багаев (Грозный) в сообщении "Височные подвески с 14-гранником Нагорного Дагестана и Чечни" познакомил с результатами морфологического анализа бронзовых височных подвесок с многогранной бусиной X–XII вв. По мнению докладчика, хотя такие украшения имели широкое территориальное распространение, местом их изготовления являлись горные районы Северо-Восточного Кавказа.

Р.Г. Дзаттиаты и *А.А. Цуциев* (Владикавказ) в совместном докладе "Декоративно-прикладное искусство алан по материалам Даргавского катакомбного могильника" проанализировали ряд материалов, позволяющих предполагать преемственность из глубины веков и до современности художественно-прикладных традиций в народном искусстве алан-осетин.

В обсуждении докладов приняли участие Д.С. Коробов, М.Х. Багаев, С.М. Перевалов, А.А. Цуциев, Ю.К. Гугуев, Т.А. Габуев и М.С. Гаджиев. На уточнение некоторых положений в докладах С.В. Буркова и А.К. Швыревой обратили внимание своими вопросами к докладчикам Д.С. Коробов и Кристиан Пиле. Д.С. Коробов отметил огромную заслугу С.Б. Буркова в спасении памятников в зоне строительства города Магаса, где работала также и экспедиция Института археологии РАН. Касаясь сообщения А.В. Пьянкова об обряде обезвреживания погребенных, он не согласился с заключением докладчика, так как для этого необходимы более достоверные данные о стратиграфии. М.Х. Багаев остановился в своем выступлении на двух докладах: Л.А. Перфильевой и С.Б. Буркова. Отметив большую заслугу ингушских археологов в сохранении памятников Ингушетии, он полностью разделил их тревогу за те археологические объекты, которые находятся в зоне строительства нового города, например средневековые городища с мощными укреплениями между селениями Сурхохи и Али-Юрт. В докладе Л.А. Перфильевой, по мнению М.Х. Багаева, затронута важная тема архитектурной ценности башен и наземных склепов, которые, например в Чечне, подвергаются разрушению на протяжении 100 лет. Оживленная полемика возникла при обсуждении доклада Т.А. Габуева. Так, С.М. Перевалов полагает, что нельзя пользоваться чьими-то переводами, как это принято у археологов. Анализ письменных источников должен базироваться, по его мнению, на подлиннике. Эта мысль была поддержана и А.А. Цуциевым. Отвечая на критику, Т.А. Габуев не согласился с высказанными сомнениями, особенно о неправомерности работы археологов с письменными источниками. По его мнению, эта работа вполне правомерна, так как историки не успевают за развитием археологических идей. М.С.Гаджиев, подводя итоги по всем докладам, отметил большую значимость многих из них, особо выделив выступления Пьянкова, Багаева и Перфильевой.

Первая половина третьего дня "Крупновских чтений" была запланирована организаторами для дальней научной археологической экскурсии в окрестности аула Хасаут в горной зоне Малокарачаевского района Карачаево-Черкесии. Участники конференции осмотрели по пути ряд разновременных памятников: могильник VIII–VII вв. до н.э. "Индустрия", курганные группы и остатки циклопических построек возле аула Кичи-Балык, Кичмалкинский грот долговременного использования (со II по I тыс. до н.э.). Особое впечатление произвел раннесредневековый Хасаутский высокогорный комплекс (укрепление, поселение, скальные и грунтовые могильники, подземные каменные гробницы, хозяйственные объекты). Во время поездки проходил самый живой обмен мнениями по поводу осмотренных памятников.

На вечернем совместном заседании двух секций были заслушаны восемь докладов.

В.Р. Эрлих (Москва) в докладе "Меотское святилище в Абхазии" предложил оригинальную интерпретацию материалов из святилища, обнаруженного на территории древнего Гюэноса (г. Очамчири) грузинскими археологами в конце 70-х – начале 80-х годов прошлого столетия. Докладчик предполагает, что появление в Гюэносе подобных материа-

лов связано не со скифами, а с проникновением сюда из Прикубанья меотского воинского контингента.

А.Р. Канторович (Москва) в совместном с *В.Р. Эрлихом* сообщении "Навершия с зооморфными изображениями из кургана у станицы Тенгинской" представил результаты тщательного анализа четырех ажурных литых гравированных наверший с изображением оленя. По иконографии и стилистике навершия принадлежали, по мнению исследователей, к произведениям так называемого "елизаветинского круга" прикубанского звериного стиля IV в. до н.э.

В.И. Галаева (Ставрополь) в совместно подготовленном с *А.А. Кудрявцевым* докладе "Погребения кобанского времени в могильнике № 2 Татарского городища", изложила результаты раскопок 2001 г. чрезвычайно интересного погребального сооружения, сложная каменная конструкция которого включала курган и вымостки с могилами под закладами. Исследователи относят погребения к разным этапам кобанской культуры, из которых наиболее ранние могилы датируются VIII в. до н.э., а самые поздние V в. до н.э.

З.Х. Албегова (Москва) в сообщении "Некоторые особенности зеркал салтово-маяцкой культуры" познакомила с результатами комплексного исследования технологии, морфологических и изобразительных особенностей зеркал, широко распространенных не только в ареале салтово-маяцкой культуры, но и в Центральном Предкавказье. По мнению З.Х. Албеговой, комплексная работа с зеркалами позволит уточнить хронологию салтовских древностей, вопросы торговли и матримониальных связей аланского населения Среднего Дона и Северного Кавказа.

Д.В. Белецким (Москва) в сообщении "К вопросу об интерпретации росписи Нузальской церкви" предложена оригинальная атрибуция изображенных на фресках священнослужителей. Докладчик полагает, что в Нузальской церкви представлен традиционный сюжет с изображением Василия Великого и Иоанна Златоуста и следующих за ними известных Отцов церкви. Вся система росписи доказывает, что здание в Нузале было не родовой часовней, а полноценным храмом.

В.А. Кузнецов (Владикавказ – Минеральные воды) посвятил свое сообщение "Археологическая загадка из Владикавказа" находке обломка глиняного диска со знаками, близкими крито-микенскому письму. Греческий ученый Э. Полианаки считает диск подлинным и датирует не позднее XVII в. до н.э.

С.Н. Малахов (Армавир) в докладе "О датировке христианских памятников Нижнего Архыза" предпринял попытку уточнения хронологии некоторых памятников средневекового Нижнего Архыза, сузив дату сооружения храмов в пределах второй пол. X – начала XII вв.

Ю.В. Зеленский (Краснодар) в докладе "Особенности погребального обряда у половцев степного Прикубанья и Восточного Закубанья" изложил результаты исследования половецких погребений. На основе ряда признаков выделены три хронологические группы – от начала XII в. до золотоордынского времени.

В обсуждении докладов и дискуссии по ним приняли участие А.Р. Канторович, С.Л. Дударев, А.П. Мошинский, В.И. Козенкова, Е.И. Нарожный, В.А. Кузнецов, М.С. Гаджиев и другие. Среди докладов по первобытной тематике большой интерес вызвали новые материалы из Абхазии, а также необычные погребальные конструкции кобанской культуры могильника № 2 Татарского городища. В.И. Козенкова отметила перспективность исследований Е.Е. Васильевой, сумевшей систематизировать серию бронзовых изображений бараньих головок. Отмечая выдающиеся по новизне материалы кобанского периода на Татарском городище, В.И. Козенкова пожелала скорейшего завершения данных работ, которые могут уточнить данные о северной границе ареала данной культуры и некоторые вопросы хронологического порядка. С.Л. Дударев отметил в своем выступлении доклады А.П. Мошинского, Е.Е. Васильевой, Г.Н. Вольной и особо В.И. Галаевой. Касаясь доклада А.П. Мошинского, выступавший усомнился в тезисе о выделении особой дигорской культуры, заметив, что материалов для этого мало; вероятно, можно говорить о протокультуре или, лучше, о древностях дигорского типа. Приятное впечатление, по мнению С.Л. Дударева, оставили доклады Е.Е. Васильевой и Г.Н. Вольной, в которых продолжена традиция изучения кобанской и посткобанской зооморфной пластики. Результаты раскопок А.А. Кудрявцева и В.И. Галаевой выступавший оценил как весьма важные для хронологии предскифского периода на Северном Кавказе. А.П. Мошинский в ответе С.Л. Дудареву посчитал его критику неубедительной. Он полагает, что, несмотря на некоторую аморфность дигорской керамики, устойчивость черт в погребальных комплексах и в развитии металлических изделий все же позволяет говорить о специфической культуре на стадии формирования. Е.И. Нарожный, касаясь доклада Ю.В. Зеленского, усомнился в половецкой атрибуции комплексов с разными ориентировками погребенных. В.А. Кузнецову показалась неубедительной гипотеза Д.В. Белецкого о наличии алтарной преграды в Нузальской часовне. В то же время В.А. Кузнецов согласился с выводами Малахова об уточнении датировок храмов Нижнего Архыза. М.С. Гаджиев особо отметил доклад З.Х. Албеговой. По его мнению, продемонстрированная работа важна во многих аспектах, в том числе при изучении смены технологий в гуннский и хазарский периоды.

В первой половине последнего дня "Крушновских чтений", 27 апреля, была продолжена работа только во 2-й секции. На заседании были заслушаны два доклада, а затем подведены общие итоги работы конференции.

Э.Д. Зиливинская (Москва) в докладе, совместно подготовленном с *И.М. Чеченовым* (Нальчик), "Подземный склеп-мавзолей Нижнего Джулата" изложила результаты исследования на городище Нижний Джулат подземного склепа, обнаруженного в пределах остатков соборной мечети, экспедицией Г.И. Ионе в 1962–1963 гг. Авторы доклада подвергли тщательному пересмотру данные по этому своеобразному сооружению, уточнив сведения об архитектуре, планировке и приемах строительства, а также хронологическое соотношение склепа и мечети.

В.А. Бабенко (Ставрополь) в докладе "Золотоордынские памятники северного Ставрополья" систематизированы данные о золотоордынской эпохе на территории Ставропольского края. Приведены сообщения не только о находках комплексов и отдельных предметов, но и сведения о картографии некоторых памятников, упомянутых в научной литературе.

В обсуждении прослушанных докладов приняли участие Е.И. Нарожный, В.А. Кузнецов, И.М. Чеченов, Ю.Ю. Пиотровский. Самая оживленная полемика возникла по поводу особенностей строительной техники нижнеджулатского склепа-мавзолея и о хронологии памятника.

Заключительное заседание конференции было посвящено подведению итогов работы в секциях и некоторым организационным вопросам. По отчетам председателей секций С.Л. Дударева и М.С. Гаджиева было заслушано 36 докладов, а всего с пленарными – 44 высококачественных научных сообщений. В очередной раз был поднят вопрос о хищнических раскопках "черных археологов", в результате деятельности которых уникальные предметы с Северного Кавказа

появляются на зарубежных аукционах (письмо А.А. Иерусалимской и сообщение В.А. Кузнецова). Вызывают тревогу факты сотрудничества с грабителями некоторых недобросовестных профессиональных археологов.

После коллективного обсуждения был выработан и принят за основу проект резолюции XXII "Крупновских чтений". В ней особо подчеркнута большая значимость для науки археологического наследия Кавминвод. Заострено внимание на проблеме продолжающегося сокрушительного и невосполнимого разграбления и разрушения археологических объектов северокавказского региона. Предложено обратиться на самый высокий уровень власти о незамедлительных законодательных мерах по предотвращению этих негативных явлений. Постоянным координационным комитетом предложено провести очередную конференцию, XXIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа, в Москве в 2004 году и посвятить их 100-летнему юбилею Е.И. Крупнова. Основная предполагаемая тема: "Роль Е.И. Крупнова и "Крупновских чтений" в изучении древней и средневековой истории Северного Кавказа". В резолюции выражена благодарность РГНФ и госпредприятию "Наследие" Министерства культуры Ставропольского края за оказанную существенную финансовую помощь.

Институт археологии РАН, Москва
Историко-краеведческий музей, Кисловодск

В.И. Козенкова
С.Н. Савенко

КРУГЛЫЙ СТОЛ "ГЕОИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ" (Москва, 2003)

Современные археологические исследования предполагают использования широкого круга современных технологий как в полевых работах, так и в аналитических процедурах. Важным этапом стало внедрение в археологическую теорию и практику географо-информационных систем (ГИС) и обработки данных дистанционного зондирования (ДДЗ).

Появление около 30 лет назад первых географо-информационных систем и их последующее развитие в корне изменили представления о современном картографировании. Кардинальное отличие ГИС от бумажной карты заключается в том, что каждый объект ГИС – будь то нанесенные на карту точка, линия или полигон – имеют, с одной стороны, информацию о положении в пространстве (геокодировку в определенной системе координат), а с другой – набор признаков, формируемый пользователем ГИС с помощью соответствующих таблиц с базами данных. Таким образом, пользователь может легко осуществлять поиск и вывод на карту любого признака, отраженного в таблице, выяснять и картографировать топологические связи разных по своей природе объектов, представленных на карте в виде так называемых "слоев", осуществлять пространственный анализ имеющейся на карте информации с помощью специально встроенных в пакет ГИС программ (модулей).

Бурное развитие получили в последние десятилетия методы обработки данных дистанционного зондирования. Если на протяжении более 70 лет использования аэрофотосъемки ее обработка в основном осуществлялась визуально, иногда с помощью специальной оптической техники (фотограмметрические приборы), то сейчас речь идет о появлении целого ряда универсальных компьютерных программ с готовыми алгоритмами обработки изображений для выявления на них тех или иных признаков. Большие возможности открывает использование космической съемки, которое в последнее время осуществляется уже с помощью многоканального цифрового сканирования земной поверхности и передачи информации в режиме реального времени со спутников на Землю.

Развитие методов геофизического обследования земной поверхности, приведшее к появлению новых приборов (например, георадаров) наряду со ставшими уже традиционными, но применяемыми на новом техническом уровне, методами магнитометрии и электроразведки, также не обошло стороной археологическую науку. Сочетание же этих методов с использованием приборов глобального спутникового позиционирования (GPS) высокой точности дает археологам в руки мощный инструмент изучения микрорельефа памятника археологии, который также можно исследовать с помощью методов ГИС.

Зарубежные археологи успешно применяют перечисленные выше методы на протяжении последних десяти лет, так что можно говорить об оформлении особого направления в археологии. Это направление объединило географо-информационные системы, изучение данных дистанционного зондирования и разнообразные методики геофизического обследования местности в так называемые "комплексные проекты", позволяющие изучать археологические памятники неразрушающими методами. Отражением этого явления служат специализированные конференции, семинары и конгрессы, объединяющие усилия специалистов в этом направлении (см., например, Archaeological Prospection..., 2001), а также обобщающие труды по накопленному за последние два десятилетия опыту применения геоинформационных методов в археологических исследованиях (Wheatley, Gillings, 2001).

Приходится констатировать, что, несмотря на некоторый накопленный опыт в применении геоинформационных технологий, отечественная археология пока несколько отстает от зарубежной, прежде всего в осознании важности и перспективности этого направления. Исследования с применением ГИС и ДДЗ носят разрозненный характер, ими занимаются отдельные специалисты (Афанасьев и др., 1999; Афанасьев, 2002), комплексные проекты – просто редкость (Чича..., 2001).

В настоящее время в рамках Отдела охранных раскопок ИА РАН была создана специализированная группа археолого-географических информационных систем (АГИС), призванная вывести на комплексный уровень исследования, проводимые с использованием новых компьютерных технологий. В задачи этой группы входят как сугубо научная работа по внедрению геоинформационных методов в исследования раз-

ных по времени и территории памятников археологии, так и практическое применение современных технологий в рамках проведения крупных новостроечных проектов.

Объединить усилия специалистов, применяющих в своих исследованиях геоинформационные методы, был призван организованный группой АГИС круглый стол "Геоинформационные технологии в археологических исследованиях", который прошел в стенах Института археологии РАН 2 апреля 2003 г. В мероприятии приняли участие более 40 специалистов из различных регионов и учреждений Российской Федерации: Москвы, Санкт-Петербурга, Великого Новгорода, Воронежа, Нальчика, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Элисты. Круглый стол объединил в своей работе как представителей академической науки, так и преподавателей высшей школы и, что немаловажно, представителей органов охраны памятников перечисленных регионов.

С кратким приветственным обращением к участникам круглого стола обратился директор Института археологии РАН член-корреспондент Российской Академии наук профессор Р.М. Мунчаев. Далее было сделано 12 докладов и сообщений, которые были разделены на три секции.

В работе первой секции "Применение ГИС в археологических исследованиях" приняло участие восемь докладчиков.

Первым с докладом "Основные направления применения ГИС и ДДЗ-технологий в археологии" выступил *Г.Е. Афанасьев* (Москва). На примере созданной АГИС "Кисловодск" по памятникам эпохи раннего средневековья Кисловодской котловины он продемонстрировал основные методы обработки данных о поселениях и укреплениях этого региона Северного Кавказа. Исследование проводилось с помощью программ ArcView GIS 3.0a и модулей пространственного анализа Spatial Analyst 1.0 и Network Analyst 1.0, а также программы обработки ДДЗ ER Mapper 5.5. Наибольший интерес аудитории вызвал специальный модуль анализа "возмущенного климата", позволяющий моделировать климатическую ситуацию в любой временной промежуток от II тыс. до н.э. по II тыс. н.э., созданный профессором географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Кисловым.

Следующим был заслушан доклад главного инженера Научно-производственного центра "Геотехнология" (Москва) *А.Т. Пелевина* "Совместное использование ГИС и GPS при археолого-геофизических работах". Данный центр использует географо-информационные системы и приборы спутникового позиционирования при геофизических работах на археологических памятниках, начиная с 1998 г. За это время сотрудниками центра были созданы различные ГИС – региональные и локальные участки археологических обследований, охватывающие территорию отдельных археологических памятников. В докладе приведены примеры совместного использования ГИС и GPS при работах на территории музея-заповедника "Куликово поле", в древнем Мемфисе (Египет) и на городище "Горное эхо" (Кисловодск). Использование высокоточных приборов глобального спутникового позиционирования позволило докладчику добиться хороших результатов по передаче микрорельефа местности, отражающего остатки древних сооружений, прекрасно дешифрируемых при дальнейшей работе с ГИС, что было продемонстрировано на примере городища "Горное эхо".

Доклад преподавателя Балтийского государственного технического университета "Военмех" (С.-Петербург) *С.Л. Смекалова* "Определение погрешностей старой карты для ее использования в ГИС" был посвящен методике использования в ГИС информации из различных источников, в том числе карт прошлых веков. Были приведены оценки точности измерения расстояний на Керченском полуострове для карты Крыма 1817 г. составленной генерал-майором С.А. Мухиным (масштаб 1 : 168000 – в одном дюйме 4 версты) и карты Военно-топографического депо 1865–1876 гг. (масштаб 1 : 126000 – в одном дюйме три версты). Полученные результаты используются в создаваемой ГИС по археологии Восточного Крыма. Оригинальная методика геокодирования и нанесения картографической информации в виде отдельного слоя – это первый и очень важный этап в создании любой географо-информационной системы.

Большой интерес вызвал доклад *М.О. Жуковского* и *Т.А. Пушкиной* (Москва) "Использование геоинформационных систем для сбора, хранения, анализа и представления археологической информации". В 2000 г. Смоленской археологической экспедицией МГУ был инициирован масштабный проект создания цифрового архива всех имеющихся материалов, накопленных в результате 130 лет полевого и кабинетного изучения Гнездовского комплекса археологических памятников. Доклад был посвящен общему описанию проекта, а также более детальному рассмотрению ряда подходов и технологий сбора, цифровой обработки и представления археологической информации. Специально рассмотрена разрабатываемая в рамках реализации проекта методика ведения цифровой полевой документации, технология создания цифровых фотопанорам, построения цифровых моделей рельефа.

Специально разработанный модуль для создания базы данных с описанием памятников археологии и их автоматического картографирования в программе Map Info был представлен в докладе *С.А. Васильева* (С.-Петербург) "Автоматизация вывода археологических объектов на цифровую карту. Проблема организации данных". Данный модуль может быть встроен в более мощную информационно-поисковую систему, с его помощью можно легко выводить любой объект на карту или, наоборот, поставив на карте точку, заполнить необходимые поля для описания памятника. Отвечая на прозвучавшие после доклада вопросы, автор подчеркнул универсальность данной системы, которую могут использовать как учреждения, так и отдельные исследователи, причем разрабатываемая система хорошо адаптирована для описания разнообразных археологических памятников с учетом особенностей их датировок и культурных атрибуций.

Ю.В. Горлов и *Г.В. Требелева* (Москва) в совместном докладе "Использование геоинформационных систем в программе по изучению палеогеографии и археологической топографии Сухумской бухты" представили первые результаты геоархеологических разведок, проведенных в 2001–2002 гг. Черноморской экспедицией ИА РАН, которые включали в себя комплексное обследование археологических памятников и получение точных географических координат с помощью прибора глобального спутникового позиционирования (GPS). Авторами начато составление базы данных с использованием специальной системы, которая была разработана специалистами Парижской Высшей школы применения математических и статистических методов при изучении гуманитарных проблем. В данной системе сейчас существует база данных по памятникам Таманского полуострова, созданная в 1999–2000 гг. в рамках совместного российско-французского

Таманского регионального археологического проекта. В качестве основы для географо-информационной системы используются карты масштаба 1 : 10000, панхроматическая аэрофотосъемка 60–70-х годов XX века и спектрозональный космоснимок отечественного спутника КФА-1000 с пространственным разрешением 4 м.

Следующие два доклада были посвящены методике трехмерных реконструкций и их применению в археологических исследованиях. В докладе научного сотрудника Государственного унитарного предприятия "Наследие" Министерства культуры Ставропольского края *А.А. Довгалева* (Ставрополь) "3D визуализация при проведении историко-культурных экспертиз" отражены практические примеры применения трехмерных реконструкций для воссоздания древних ландшафтов при проведении охранных археологических мероприятий. С этой целью автором использовались обширные возможности специальной программы Erdas IMAGINE, которые позволили провести задачу визуализации быстро и эффективно с использованием программного модуля Imagine Virtual GIS.

Доклад *С.Н. Алексейчука* (Москва) "Трехмерный ГИС в археологии (Методика комплексной реконструкции памятников археологии)" был посвящен именно методике создания трехмерных цифровых моделей местности и археологических объектов. Приведены примеры из разных регионов и культур – трехмерная модель усадьбы эпохи Золотой Орды с Селитренного городища, модели городища Настасьино (Московская область), комплексная реконструкция храмового комплекса Телль Хазна (Сирия).

Небольшая секция "Археология и данные дистанционного зондирования" объединила два доклада. Первым доклад "Проблемы использования данных космического дистанционного зондирования Земли в археологии" сделал *Г.П. Гарбузов* (Ростов-на-Дону). Автор рассмотрел отличительные особенности космических данных дистанционного зондирования Земли и варианты их использования в тематической географо-информационной системе. Приводились примеры работы автора по картографированию памятников археологии разных регионов.

В докладе *Д.В. Рукавишникова* (Москва) "Опыт применения ER Mapper 5.5 в археологии", прозвучавшем в этой же секции, были рассмотрены дешифровка аэрофотосъемки для нужд полевой археологии, создание тематических геокодированных векторных карт и ситуационных планов, обработка полевой документации, осуществлявшиеся автором доклада с помощью этой программы.

Заключительная часть круглого стола была посвящена геофизическим методам в полевых археологических исследованиях. Первым прозвучало выступление директора Научно-производственного центра "Геотехнология" *М.Я. Каца* (Москва) "Опыт применения магниторазведки при изучении археологических объектов", в котором освещен богатый опыт применения геофизических методов, накопленный центром при изучении археологических объектов широкого хронологического диапазона и в различных географических условиях (Подмосковье, Куликово поле в Тульской области, Мемфис в Египте, Кисловодская котловина в Предкавказье).

Завершающим был доклад коллектива авторов – директора Фонда подводных археологических исследований им. В.Д. Блаватского *А.Г. Васильева*, ведущих научных сотрудников ИЗМИРАН *В.В. Копейкина* и *П.А. Морозова*, а также сотрудника ИА РАН *А.П. Абрамова* "Подводные георадарные археологические исследования". Были представлены результаты исследований дна и побережья Таманского залива, полученных с помощью технологий георадарного зондирования (сухопутного и морского подводного), космической съемки и классических археологических методов.

В дискуссии прозвучали выступления, призывавшие сделать регулярным круглый стол, проведенный в стенах Института археологии РАН. Подчеркивалась значимость применения геоинформационных технологий для археологических исследований, а также важность сочетания этих работ с гидрогеологическими исследованиями. Было решено выпустить сборник статей по материалам круглого стола, а следующее подобное мероприятие провести через год в ИА РАН.

Таким образом, в докладах, прозвучавших на круглом столе, обозначился весь спектр основных направлений использования геоинформационных технологий в археологии. Это прежде всего различные методы ГИС: сбор данных с помощью системы глобального спутникового позиционирования, геокодирование картографической информации, картографирование и последующее изучение данных с помощью методов пространственного анализа, всевозможные реконструкции и трехмерная визуализация археологических ландшафтов и объектов. Далее авторами докладов освещалось использование данных дистанционного зондирования – аэрофотосъемки и космосъемки – и их дешифровка с помощью специальных компьютерных программ. Наконец, особое внимание было обращено на применение современных геофизических методов при изучении археологических памятников.

Проведенный в Институте археологии РАН круглый стол "Геоинформационные технологии в археологии" – первый, и поэтому особенно важный шаг на пути оформления этого нового направления в отечественной науке. И если оценивать этот опыт по тем отзывам, которые прозвучали при обсуждении результатов круглого стола, то его следует признать удачным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Афанасьев Г.Е. Новые результаты применения ГИС и ДЗ-технологий в изучении археологических памятников Кисловодской котловины // XXII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. конф. Ессентуки; Кисловодск, 2002.

Афанасьев Г.Е., Зотько М.Р., Коробов Д.С. Первые шаги "космической археологии" в России (к дешифровке Маяцкого селища) // РА. 1999. № 2.

Чича – городище переходного времени от бронзы к железу в Барабинской лесостепи // Материалы по археологии Сибири. Вып. 1. Новосибирск, 2001.

Archaeological Prospection. Forth International Conference on Archaeological Prospection. Vienna, 19.–23. September 2001 / Eds Doneus M. et al. Wien, 2001.

Wheatley D., Gillings M. Spatial Technology and Archaeology. The archaeological applications of GIS. London; New York, 2001.

Институт археологии РАН, Москва

Д.С. Коробов

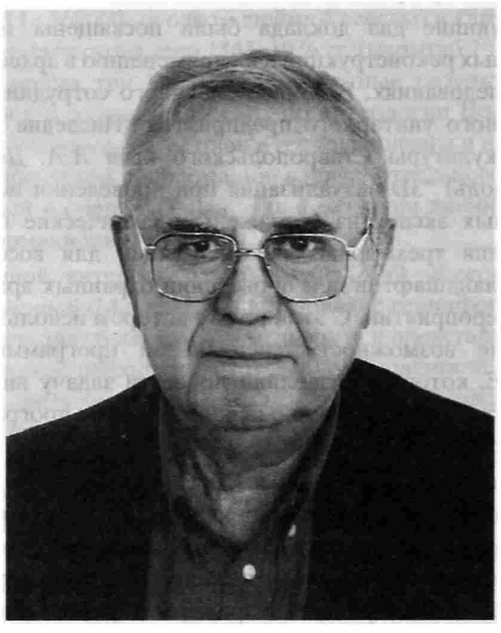
ОБ ИЗБРАНИИ ПОЛЯ БЕРНАРА ИНОСТРАННЫМ ЧЛЕНОМ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Весной 2003 г. Российская академия наук (по предложению Ученого совета Института археологии РАН, поддержанному Отделением историко-филологических наук) на своем общем собрании избрала выдающегося французского археолога и историка Поля Бернара своим иностранным членом.

П. Бернар родился в 1929 г., окончил знаменитую Высшую нормальную школу, после окончания которой три года являлся членом Французской школы в Афинах. В эти годы он принимал участие в ряде археологических экспедиций в Греции и Турции. В 1965 г., по предложению выдающегося французского ученого Д. Шлюмберже, он был назначен директором Французской археологической делегации в Афганистане (ДАФА). На этом посту П. Бернар осуществил широкомасштабные раскопки городища Ай Ханум, которые представляют одно из самых важных достижений классической археологии XX в. ДАФА был исследован самый восточный из греческих городов, возникших в эллинистическую эпоху, получен огромный вещественный материал, включая важные эпиграфические и папирологические документы. Эти раскопки проводились на самом современном методическом уровне, и поэтому их результаты стали своего рода отправной точкой для всех последующих исследований эллинистических и постэллинистических памятников в центральноазиатском регионе. Помимо ежегодно публиковавшихся "Предварительных отчетов" П. Бернар и его сотрудники издали целую серию монографий по результатам раскопок, которые неизменно получали самую высокую оценку специалистов, в частности российских.

С началом гражданской войны в Афганистане, сделавшей невозможным продолжение археологических исследований в этой стране, П. Бернар смог создать (и несколько лет возглавлял) французско-узбекскую археологическую экспедицию, которая осуществляет раскопки на Афрасиабе (Самарканд).

П. Бернар долгое время руководил специальной группой по изучению эллинистического Востока в составе Национального центра научных исследований и Высшей нормальной школы, являлся ответственным редактором ведущего французского археологического журнала Revue archeologique. В 1985 г. П. Бернар избран действительным членом Французской академии надписей и изящной словесности,

чем был официально признан его выдающийся вклад в развитие науки.

П. Бернар активно продолжает научную деятельность, ежегодно публикуя свои исследования, каждое из которых представляет собой образец глубокого проникновения в тему, огромной эрудиции и смелости предлагаемых решений.

Велик вклад П. Бернара и в укрепление связей между французской и российской наукой. Во время раскопок Ай Ханум в составе экспедиции работали и наши соотечественники, в ходе исследований на Афрасиабе постоянными участниками работ были многие сотрудники Государственного музея искусства народов Востока. По инициативе П. Бернара ряд российских ученых были приглашены для чтения курсов лекций в Высшую нормальную школу и Практическую школу высших исследований. Избрание иностранным членом РАН означает признание не только его выдающихся научных заслуг, но также и его огромного вклада в дело укрепления связей между российской и французской наукой.

Сотрудники Института археологии РАН, редакционная коллегия и редакционный совет журнала "Российская археология" горячо поздравляют П. Бернара с избранием его в иностранные члены Российской академии наук.

Институт археологии РАН, Москва

Р.М. Мунчаев, Г.А. Кошеленко

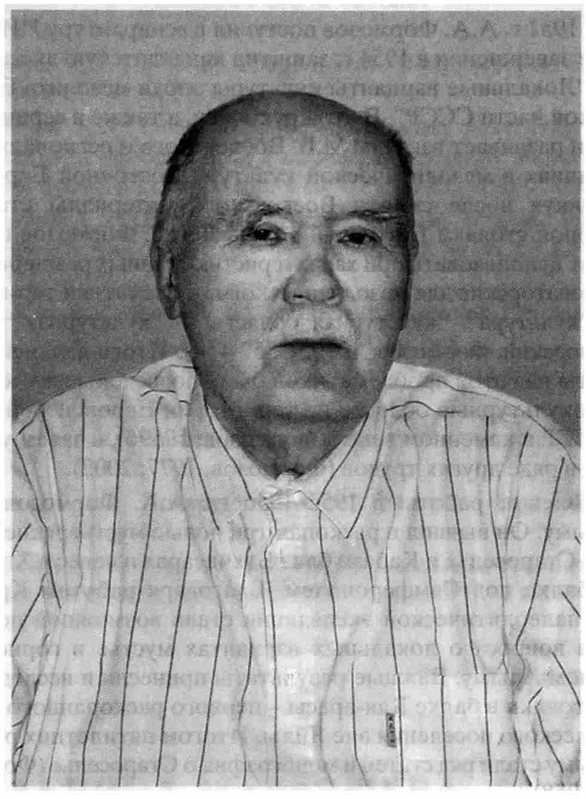
К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А.А. ФОРМОЗОВА

Известному российскому археологу и историку Александру Александровичу Формозову исполнилось 75 лет.

А.А. Формозов родился 30 декабря 1928 года в Москве в семье научных работников. Его отец – А.Н. Формозов, известный советский зоолог, профессор Московского университета, активно сотрудничал с археологами в 20–30-е годы прошлого столетия, в особенности с Б.С. Жуковым, руководителем Антропологической комплексной экспедиции по Центрально-Промышленной области при Институте антропологии 1 МГУ. Мать – Л.Н. Формозова (Промптова), преподаватель ряда ВУЗов, а затем сотрудник Института геологии АН СССР. Среда московской научной интеллигенции оказала огромное влияние на формирование А.А. Формозова как ученого и личности.

Юность А.А. Формозова пришлась на трудные годы Великой Отечественной войны. Вместе с матерью он оказался тогда в г. Актюбинск и работал в геологической экспедиции Академии наук, изучавшей Западный Казахстан. Здесь, на стоянке Саксаульская в Северном Приаралье, в 1944 г. были сделаны первые археологические находки. Заметка о них стала первой научной публикацией Формозова (1945). Материалы данной стоянки были отнесены начинающим исследователем к древностям кельтеминарской культуры, выделенной в послевоенные годы С.П. Толстовым по материалам памятников Южного Приаралья. В дальнейшем через руки А.А. Формозова прошло немало коллекций из Казахстана, собранных геологами, географами, зоологами и им самим. Эти сборы, несмотря на разведочный характер, дали совершенно новый и оригинальный для обширных степных пространств порубежья Европы и Азии тип древностей эпох неолита и энеолита. Коллекциям из Казахстана посвящены несколько статей и заметок, написанных Формозовым еще в студенческие годы. Вплоть до 70–80-х гг. XX в., пока не развернулись стационарные археологические исследования В.Н. Логвина в Кустанайской области (Логвин, 1986), ранние публикации А.А. Формозова оставались единственным источником для характеристики эпох неолита и энеолита Западного Казахстана.

В этих работах были поставлены две важнейшие проблемы, а именно: энеолитические истоки формирования андроновской культуры (Формозов, 1951а) и микролитическая культурная зона эпох неолита и энеолита на юге СССР (Формозов, 1959а). При анализе первой из них обращалось внимание не только на генетические связи андроновской и афанасьевской культур, но и на элементы перехода к андроновской культуре, выявленные А.А. Формозовым в кельтеминарской и южноуральской энеолитических культурах. По мнению исследователя, сложение андроновской культуры происходило, прежде всего, на широкой основе культур медного века Казахстана и севера Средней Азии, а ее единству способствовало быстрое распространение в начале позднебронзовой эпохи в степном евразийском поясе скотоводства, земледелия и металлургии. Еще более полувека тому назад он предлагал заменить термин "андроновская культура" на понятие "андроновская культурная область", видя подлинные племенные культуры в локальных вариантах андроновского мира. Обращаясь ко второй проблеме, А.А. Формозов показал реальность существования микролитической культурной зоны эпох неолита и энеолита в Азиатской части СССР, однако суть этого явления виделась ему не в этическом единстве входивших в нее культур, а в формировании обширной, культурно-хозяйственной зоны, в которой сохранилась пережиточная техника обработки кремня предшествующей – мезолитической – эпохи.

После окончания средней школы в 1946 г. А.А. Формозов поступил на истфак МГУ, который окончил в 1951 г. по кафедре археологии. В годы учебы он получил хорошую полевую практику, участвуя в раскопках М.М. Воеводского палеолитических стоянок на Десне, О.А. Кривцовой-Граковой – позднебронзового поселения Садчиковка на Тоболе, Б.Н. Гракова – скифских памятников на Днепре, Т.С. Пассек – трипольских поселений на Днестре, А.И. Тереножкина – курганов эпохи бронзы в Приазовье. В студенческую пору его интерусуют, прежде всего, проблемы каменного и бронзового веков. Уже упоминались публикации коллекций эпох неолита и энеолита из сборов военных и первых послевоенных лет в Казахстане. Весьма важной явилась статья А.А. Формозова об археологических памятниках в районе Орска, написанная по следам разведочных работ 1949 г., в ходе которых были обследованы, в частности, древние медные выработки Еленовка и Уш-Катта и расположенные близ них поселения и могильники горняков андроновской культуры (Формозов, 1951б). Такого рода комплексы памятников на Урале были обнаружены впервые. В 1950 г. была написана первая из его известных статей о сосудах срубной культуры с так называемыми "загадочными" знаками (Формозов, 1953). Именно она обострила интерес к данной теме, породив за полвека уже немалую литературу по этому вопросу.

Научным руководителем первых студенческих работ А.А. Формозова был М.В. Воеводский – один из продолжателей жуковской палеоэтнологической школы, сложившейся в 20-е гг. при Институте антропологии 1 МГУ. Со смертью Воеводского в 1948 г. в Институте истории материальной культуры "оголилось" направление, связанное с изучением палеолита и мезолита. С.В. Киселев предложил подготовить на эту роль А.А. Формозова, но с условием, если он сузит тематику своих научных работ. Нижнепалеолитические место-

нахождения, исследованные Формозовым в ходе разведочных работ 1950 г. на Кубани, стали темой его дипломной работы.

В 1951 г. А.А. Формозов поступил в аспирантуру ИИМК. По ее завершении в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию "Локальные варианты культуры эпохи мезолита Европейской части СССР". В этой рукописи, а также в серии статей он развивает взгляды М.В. Воеводского о региональных различиях в мезолитической культуре Восточной Европы. Публикуя после смерти Воеводского материалы старых раскопок стоянки Песочный ров на Десне, Формозов предлагает использовать при характеристике данных различий такие новаторские для мезолитической проблематики термины, как "культура", "культурная область" и "культурная зона" (Воеводский, Формозов, 1950. С. 52—54). Итоги дальнейшей работы над этой проблематикой были подведены им в книге "Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке" (Формозов, 1959б), а затем уточнены в ряде других трудов (Формозов, 1977; 2002).

Полевые работы в 1952–1956 гг. А.А. Формозов вел в Крыму. Он выявил и раскопал три новые мустьерские стоянки: Староселье и Кабази близ Бахчисарая и навес в Холодной балке под Симферополем. Благодаря работам Крымской палеолитической экспедиции стала возможной постановка вопроса о локальных вариантах мустье в горном и степном Крыму. Важные результаты принесли и исследования стоянки в балке Кая-арасы – первого раскопанного неолитического поселения вне Яйлы. Итогом пятилетних работ в Крыму стали ряд статей и монография о Староселье (Формозов, 1958).

В 1957 г. Формозов перенес полевые исследования в Прикубанье. На ряде памятников эпох неолита, энеолита и ранней бронзы (Нижне-Шиловская, Мешоко, Хаджох 3 и др.) эти работы велись совместно с Кубанской экспедицией Государственного Эрмитажа (А.Д. Столяр). В течение семи полевых сезонов удалось найти немало ашельских местонахождений, а также несколько пещерных верхнепалеолитических стоянок, ранее не известных в Прикубанье. На некоторых из них (Каменномостская пещера, Губские навесы №1 и 7) А.А. Формозовым и П.У. Аутлевым были проведены раскопки. В Каменномостской пещере и на Нижне-Шиловской стоянке выявлены, кроме того, неолитические отложения. Прорывом в изучении эпохи раннего металла Предкавказья стало изучение поселений Мешоко, Скала, Хутор Веселый, Хаджох 3 и Ясеновая поляна. А.А. Формозов и А.Д. Столяр сочли их майкопскими, хотя некоторые из этих памятников рассматриваются ныне как домайкопские. Но так или иначе связь данной свиты поселений со знаменитыми курганами-гробницами близ Майкопа и Новосвободной в целом была намечена верно и может только корректироваться. Материалы данных поселений, введенные в научный оборот в 60-е гг. (Формозов, Столяр, 1960; Столяр, 1961; Формозов, 1965), активно обсуждаются в настоящее время. В ходе дискуссий, безусловно, справедливо звучат голоса о том, что новая всеобъемлющая публикация этих материалов становится актуальной задачей северокавказской археологии бронзового века.

Заметной вехой в творческом пути А.А. Формозова являются занятия первобытным искусством. Особенно целенаправленно это происходило в 1963–1968 гг. (хотя материал о стелах бронзового века и наскальных изображениях собирался им начиная с 1950-х годов). В эти годы Формозов объехал все основные местонахождения наскальных изображений в СССР от Белого моря на севере до Азербайджана и Термеза в Средней Азии на юге, от Днестра на западе и до Амура на востоке. Его взгляд – нередко критический – на проблемы изучения наскальных изображений и каменных изваяний изложен в ряде книг и статей (Формозов, 1966; 1969; 1987; 1988) и хорошо известен не только специалистам по первобытному искусству. Особенно это касается книги "Очерки по первобытному искусству", которая представляет собой первый опыт обобщающего исследования памятников первобытного монументального искусства в СССР и до сих пор остается непревзойденным справочным изданием не только для археологов, но и для широкой читательской аудитории. Книга вызвала оживленную полемику, и прежде всего в силу целого ряда проблемным тем (локализация зон и основных очагов творчества, обусловленность разделения областей монументального и малого искусства, роль влияний и заимствований в первобытном искусстве и др.). Труды А.А. Формозова по первобытному искусству и привлекают внимание не только источниковедческим анализом, но и обсуждением вопросов методологии и методики, эволюции изобразительного искусства в основных регионах Северной Евразии. Вне всякого сомнения, они продолжают оставаться востребованными и у современных исследователей петроглифов и каменных изваяний.

В 1968 г. А.А. Формозов был вынужден оставить из-за болезни матери полевую работу и обратился к книжным темам. Еще в 1961 г. вышла его книга "Очерки по истории русской археологии", вызвавшая большой интерес в СССР и за рубежом. Именно эта книга положила у нас начало новому и активно развивающемуся исследовательскому направлению – изучению истории отечественной археологии. За эти годы Формозовым изданы книги: "Пушкин и древности. Наблюдения археолога" (1979; переиздана в 2000 г.), "Начало изучения каменного века в России" (1983), "Историк Москвы И.Е. Забелин" (1984; переиздана в 2001 г.), "Следопыты земли Московской" (1988), "Русское общество и охрана памятников культуры" (1990) и большая серия статей. Идея всех этих работ заключается в том, что история познания древностей России должна рассматриваться на широком историко-культурном фоне, в связи с развитием общественной мысли, литературы, искусства, сменой эстетических вкусов и т.д.

После 1991 г. А.А. Формозов обратился к истории советской археологии. Об этом – малотиражная книжка "Русские археологи до и после революции" (1995), которая, безусловно, требует переиздания, а также серия статей и персоналий в "Российской археологии" и других журналах. Увидела свет давно написанная книга "Классики русской литературы и историческая наука" (1995). По инициативе и под редакцией А.А. Формозова вышли три сборника "Очерков истории отечественной археологии" (1991; 1998; 2002). Он стал составителем весьма ценного трехтомного издания "Антология советской археологии".

Таковы в самом лаконичном обзоре основные направления исследовательской деятельности А.А. Формозова. Необходимо, кроме того, отметить, что им обработан архив А.Н. Формозова; данью памяти является научно-биографический очерк об отце (Формозов, 1980); составлен и издан сборник научно-художественных произведений Александра Николаевича "Среди природы", выдержавший три издания.

А.А. Формозов в разные годы активно участвовал в работе редколлегии и редсовета журналов "Советская археология" и "Российская археология", Комиссии по изучению четвертичного периода, Археографической комиссии, Совета по историографии и источниковедению АН СССР – РАН.

То, что сделано в науке Александром Александровичем Формозовым, является весомым и значимым вкладом в развитие советской и российской археологии. Остается пожелать ему только доброго здоровья и новых творческих удач.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воеводский М.В., Формозов А.А. Стоянка Песочный ров на реке Десне: (К вопросу о мезолитических культурах Восточной Европы) // КСИИМК. 1959. Вып. XXXV. С. 42–54.

Логвин В.Н. Неолит и энеолит степного Притоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1986.

Столяр А.Д. Мешоко – поселение майкопской культуры // Материалы по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961. Т. II. С. 73–92.

Формозов А.А. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане // Вестник Казахского филиала Академии наук СССР. Алма-Ата, 1945. № 2 (5). С. 6–8.

Формозов А.А. К вопросу о происхождении андроновской культуры // КСИИМК. 1951а. Вып. XXXIX. С. 3–18.

Формозов А.А. Археологические памятники в районе Орска // КСИИМК. 1951б. Вып. XXXVI. С. 115–121.

Формозов А.А. Сосуды срубной культуры с загадочными знаками // ВДИ. 1953. № 1. С. 193–200.

Формозов А.А. Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите // МИА. 1958. № 71.

Формозов А.А. Микролитические памятники Азиатской части СССР // СА. 1959а. № 2. С. 47–559.

Формозов А.А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке. М., 1959б.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. М., 1966.

Формозов А.А. Очерки по первобытному искусству: Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР // МИА. 1969. № 165.

Формозов А.А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории Европейской части СССР. М., 1977.

Формозов А.А. Александр Николаевич Формозов (1899–1973). М., 1978.

Формозов А.А. К проблеме "очагов первобытного искусства" // СА. 1983. № 3. С. 5–13.

Формозов А.А. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987.

Формозов А.А. Древнейшие этапы истории Европейской России. М., 2002.

Формозов А.А., Столяр А.Д. Неолитические и энеолитические поселения в Краснодарском крае // СА. 1960. № 2. С. 103–114.

Институт археологии РАН, Москва

С.В. Кузьминых

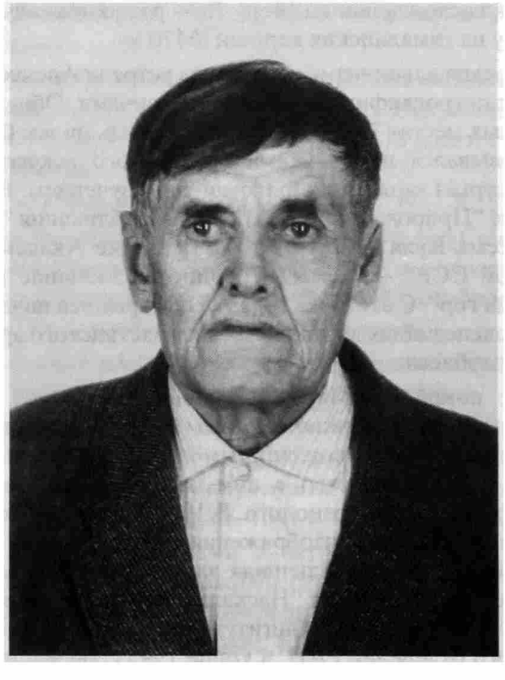
К 70-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МАРЬЯШЕВА

4 декабря 2003 г. исполняется 70 лет со дня рождения известного казахстанского археолога, педагога и альпиниста, доктора исторических наук Алексея Николаевича Марьяшева.

Его родителями были врачи Николай Мартинианович Марьяшев и Нина Святославовна Яржемская. Познакомившись и поженившись в Киеве, они с характерным для первого двадцатилетия советской власти молодым энтузиазмом решили посвятить себя здравоохранению одной из национальных окраин. Семья оказалась в Алма-Ате (ныне Алматы), где в 1933 г. появился на свет юбиляр. Всю жизнь он провел в этом прекрасном городе, выезжая только в экспедиции и командировки. Унаследовав лучшие свойства русских интеллигентов, Алексей Николаевич с неизменным достоинством хранил и сохраняет их в далеко не простых условиях национальной союзной республики, обретшей в 1991 г. государственный суверенитет.

А.Н. Марьяшев окончил одну из алма-атинских школ, а в 1957 г. – историко-филологический факультет Казахского государственного педагогического института (ныне – Алматинский государственный университет имени Абая). В 1957–1971 гг. А.Н. Марьяшев преподавал историю и русские язык и литературу – первый учебный год в школе села Кулалы Талды-Курганской (ныне Алматинской) области, затем – в школах Алма-Аты.

Алексей Николаевич пришел в археологию поздно. По его признанию, до 1968 г. он и не думал всерьез ни о профессиональном занятии археологией, ни вообще о научной карьере. Его первым увлечением был альпинизм. Страсть к покорению горных вершин овладела им в отрочестве. Начальные горные экскурсии и восхождения, а заодно и жизнь казахстанской столицы 1940 – начала 1950-х годов А.Н. Марьяшев и друг его детства А.Г. Лухтанов очень живо описали в книге "Легенда о Черном Альпинисте или Повесть о Срыме Кудерине и его друзьях – алматинских мальчишках с берегов Поганки".

Уже на последнем курсе института на счету альпиниста А.Н. Марьяшева были 200 восхождений. С 1961 г. он стал совмещать учительский труд с работой тренера по альпинизму в высших учебных заведениях и спортивных клубах, а в 1971 г. окончательно расстался со школой и ограничился тренерской работой в спортивном клубе Алма-Атинского домостроительного комбината. В 1960 г. А.Н. Марьяшев

А.Н. Марьяшев в гостях у юных журналистов Алматы.

стал мастером спорта СССР по альпинизму. Экспедиции под его руководством или с его участием покоряли знаменитые памиро-тяньшаньские "семитысячники" – Хан-Тенгри, пики Корженевской и Ленина. Разумеется, с годами интенсивность альпинистских занятий уменьшилась. Но даже в год своего семидесятилетия Алексей Николаевич успешно участвовал в восхождении на Меру-Ла – расположенную в Непале одну из гималайских вершин (6470 м).

Благодаря альпинизму произошла встреча Алексея Николаевича с петроглифическими изображениями. Обнаруживая их в разных местах Тянь-Шаня и Семиречья, он все более заинтересовывался памятниками наскального искусства, а с 1968 г. всерьез занялся их фиксацией и изучением. В 1970 г. в журнале "Природа" вышла его первая публикация "Петроглифы Иссык-Куля", а в 1971 г. в "Вестнике Академии наук Казахской ССР" – статья "Древние наскальные рисунки Чулакских гор". С этого же года А.Н. Марьяшев начал участвовать в экспедициях выдающегося казахстанского археолога М.К. Кадырбаева.

Ныне покойный Мир Касымович Кадырбаев был не только высококвалифицированным и эрудированным специалистом, но и очень порядочным и доброжелательным человеком. Сотрудничество с ним определило становление А.Н. Марьяшева как археолога. В 1977 г. вышла их совместная книга "Наскальные изображения хребта Каратау", а в Новосибирске состоялась успешная защита А.Н. Марьяшевым кандидатской диссертации "Наскальные изображения Южного Казахстана". Там же, в Институте археологии и этнографии Сибирского отделения РАН, в конце 1995 г. он защитил докторскую диссертацию "Наскальные изображения Средней Азии, Южного Казахстана и Семиречья. Вопросы хронологии, интерпретации и эволюции наскального искусства".

А.Н. Марьяшев отдал около 35 лет изучению петроглифов Казахстана и Средней Азии. В результате неутомимых полевых исследований археологи и историки искусства получили книги "Наскальные изображения хребта Каратау" (Алма-Ата, 1977, в соавт. с М.К. Кадырбаевым), "Наскальные изображения урочища Тамгалы" (Алма-Ата, 1985, в соавт. с А.Г. Максимовой и А.С. Ермолаевой), "Наскальные изображения в горах Ешки-Ольмес" (Алма-Ата, 1991, в соавт. с А.Е. Рогожинским), "Наскальные изображения Саймалы-Таша" (Алма-Ата, 1992, в соавт. с А.И. Мартыновым и А.К. Абетековым), "Наскальные изображения Семиречья" (два издания: Алматы, 1998 и 2002 гг., в соавт. с А.А. Горячевым).

Количество публикаций А.Н. Марьяшева невелико – около сорока. Конечно, это связано с тем, что исследователь никогда не ставил первоочередной задачей увеличение списка печатных работ. Примечательно и другое: подавляющее большинство книг и статей А.Н. Марьяшев опубликовал в соавторстве. Среди соавторов и маститые ученые (А.Г. Максимова, М.К. Кадырбаев, А.К. Абетеков, К.М. Байпаков, А.И. Мартынов), и представители следующих поколений исследователей, для многих из которых соавторство с А.Н. Марьяшевым стало научным дебютом (С.Н. Асанкина, А.С. Ермолаева, К.М. Карабаспакова, А.А. Горячев, Ю.А. Мотов, С.А. Потапов, А.Е. Рогожинский). За этим стоят очень развитое у А.Н. Марьяшева и не так уж часто встречающееся чувство коллегиальности, полное отсутствие стремления "монополизировать" полевые материалы, доброжелательность и щедрость по отношению к научной молодежи.

Изучение наскального искусства в Казахстане и сопредельных областях Средней Азии началось примерно полтора века назад и осуществлялось многими исследователями – предшественниками А.Н. Марьяшева от Ч.Ч. Валиханова и Н.Н. Пантусова до А.Н. Бернштама, С.С. Черникова, А.Г. Медоева и др. Но без преувеличения можно сказать, что по меньшей мере в Казахстане с именем А.Н. Марьяшева связан современный, начавшийся на рубеже 1960–1970-х годов период изучения петроглифов. Целеустремленность и неутомимость Алексея Николаевича, усиленные альпинистской подготовкой, сделали его ведущим казахстанским петроглифологом. Конечно, при этом никто не вправе приуменьшать заслуги и соавторов юбиляра, и других, более молодых, но самостоятельных и известных ученых (в Казахстане это прежде всего З.С. Самашев и В.А. Новоженов).

Достижения А.Н. Марьяшева в области изучения наскального искусства впечатляют в первую очередь количественно.

Он открыл, зафиксировал и опубликовал тысячи петроглифических изображений. В отличие от большинства предшественников А.Н. Марьяшев в процессе культурно-исторической атрибуции и установления относительной хронологии наскальных изображений активно использовал методы точной фиксации и учета конкретной среды. Топографическая съемка местонахождений, учет взаимовстречаемости сюжетов, анализ петроглифов-"палимпсестов", наблюдения над техникой нанесения петроглифов и их патинизацией, поиск и раскопки могильников и поселений близ петроглифических скоплений, стилевое сопоставление петроглифов и произведений древнего декоративно-прикладного искусства – все эти методы широко и настойчиво применяли А.Н. Марьяшев и его сотрудники.

Благодаря отчетливым методическим основаниям, подавляющее большинство петроглифов Казахстана получило устойчивую культурно-историческую атрибуцию. Они заняли свои места в хронологической классификации, охватившей не менее четырех тысячелетий и включившей эпохи энеолита (III тыс. до н.э.), бронзы (с более ранней и более поздней группами в пределах II – начала I тыс. до н.э.), раннего железа (сакских петроглифов, появившихся в VIII в. до н.э. и исчезнувших во второй половине I тыс. до н.э.), тюркского средневековья (VI–X вв.). Классификацию завершают группы поздних петроглифов, созданных казахами в XVII – начале XX в.

Рассматривая петроглифические скопления как святилища – "храмы под открытым небом", А.Н. Марьяшев уделял большое внимание раскрытию семантики их мотивов и образов, реконструкции специфичных для разных эпох моделей мира, религиозных идей и культов. Исследователь интерпретировал произведения наскального искусства на широком сравнительном фоне культур Евразии. В итоге они предстали в качестве материальных остатков различных систем изобразительного искусства – эволюционировавших, сменявших друг друга, перекликавшихся между собой и испытывавших влияние соседних культур.

А.Н. Марьяшев известен не только как петроглифовед. С 1980-х годов руководимые им экспедиции ведут раскопки поселений и могильников эпохи бронзы и раннего железного века. В результате этих полевых работ открыта своеобразная кульсайская культура "горной бронзы", получены ценные данные по экологии древних обществ и генезису сакской культуры.

А.Н. Марьяшев всегда успешно сочетал научно-исследовательскую и педагогическую работу. С 1977 до 1993 г. он трудился преподавателем и доцентом Казахского педагогического института. Перейдя в 1993 г. на работу в Институт археологии имени А.Х. Маргулана Национальной академии наук Республики Казахстан, А.Н. Марьяшев преподает в новых высших учебных заведениях Алматы – в университете "Туран" и в филиале Санкт-Петербургского университета.

Друзья и коллеги Алексея Николаевича желают ему крепкого альпинистского здоровья, счастья и новых успехов в науке.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ А.Н. МАРЬЯШЕВА

1. Петроглифы Иссык-Куля // Природа. 1970. № 9. С. 120, 121.
2. Древние наскальные рисунки Чулакских гор // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1971. № 9. С. 65–69.
3. Третий сезон работы на Каратау // АО–1971. 1972. С. 499–501 (в соавт. с М.К. Кадырбаевым).
4. Каратауские колесницы // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1973. С. 128–145 (в соавт. с М.К. Кадырбаевым).
5. Наскальные изображения Южного Казахстана. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1977. 20 с.
6. Наскальные изображения хребта Каратау. Алма-Ата, 1977. 232 с. (в соавт. с М.К. Кадырбаевым).
7. Новые петроглифы урочища Тамгалы // Вестник Академии наук Казахской ССР. 1979. № 8. С. 50–54 (в соавт. с А.С. Ермолаевой, Ю.А. Мотовым).
8. Новые петроглифы Семиречья // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. Матер. I Всесоюз. археолог. конф. Кемерово, 1980. С. 304–310.
9. Петроглифы Семиречья // Звери в камне. Новосибирск, 1980. С. 211–229.
10. Исследования в урочище Тамгалы // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981. С. 137–143 (в соавт. с А.С. Ермолаевой).
11. Крепостные стены позднесредневекового Туркестана // Изв. Академии наук Казахской ССР. Сер. общест. наук. 1982. № 1. С. 40–46 (в соавт. с Ю.А. Мотовым).
12. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в долине р. Коксу // Скифо-сибирский мир. (Искусство и идеология). Тезисы докладов 2-й археологической конференции. Кемерово, 1984. С. 45–46.
13. Наскальные изображения урочища Тамгалы. Алма-Ата, 1985. 144 с. (в соавт. с А.Г. Максимовой, А.С. Ермолаевой).
14. Вопросы периодизации и хронологии петроглифов Казахстана // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 55–59 (в соавт. с А.Е. Рогожинским).
15. "Звериный" стиль в петроглифах Казахстана (опыт классификации) // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 121–124 (в соавт. с А.Е. Рогожинским).
16. Работы в долине р. Коксу // АО–1985. 1987. С. 575, 576.
17. Новые памятники эпохи бронзы Восточного Семиречья // Древние памятники Северной Азии и их охранные раскопки (сборник научных трудов). Новосибирск, 1988. С. 24–39 (в соавт. с К.М. Карабаспаковой).
18. Наскальные изображения в горах Ешки-Ольмес. Алма-Ата, 1991. 80 с. (в соавт. с А.Е. Рогожинским).
19. Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ой-Джайляу (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. Межвузовский сборник научных трудов. Алма-Ата, 1992. С. 3–15 (в соавт. с А.А. Горячевым).
20. Сюжеты с колесницами в петроглифах Казахстана и Средней Азии // Археологические исследования в Казахстане. Межвузовский сборник научных трудов. Алма-Ата, 1992. С. 15–26 (в соавт. с С.А. Потаповым).
21. Культовые сюжеты в петроглифах эпохи энеолита и бронзы // Маргулановские чтения. 1990 (Сб. матер. конф.). Ч. I. М., 1992. С. 212–222, 270 (в соавт. с С.А. Потаповым).
22. Наскальные изображения Саймалы-Таша. Алма-Ата, 1992. 112 с. (в соавт. с А.И. Мартыновым, А.К. Абетековым).
23. Gravures rupestres de Saimaly-Tach. Alma-Ata, 1992. 112 p. (французский перевод № 22, в соавт. с А.И. Мартыновым, А.К. Абетековым).

24. Вопросы типологии и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С. 5–20.
25. Наскальные изображения Средней Азии, Казахстана и Семиречья. Вопросы хронологии, интерпретации и эволюции наскального искусства. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 1995. 44 с.
26. Наскальные изображения Семиречья. Алматы, 1998. 208 с. (в соавт. с А.А. Горячевым).
27. Nouveaux sites du Bronze récent au Semirech'e (Kazakhstan) // Paléorient. 1998. V. 24/1. P. 71–80 (в соавт. с А.А. Горячевым).
28. К вопросу о заселении Семиречья в эпоху бронзы (по материалам раскопок поселений) // XV Уральское археологическое совещание. Тез. докл. междунар. науч. конф. 17–21 апреля 2001 г. Оренбург, 2001. С. 96, 97.
29. Новые данные по изучению поселений раннего железного века в Жетысу // Изв. Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. общест. наук. 2001. № 1 (230). С. 53–63 (в соавт. с К.М. Байпаковым).
30. Поселения эпохи бронзы в верховьях ущелья Тургень и на плато Асы // История и археология Семиречья. Вып. 2. Алматы, 2001. С. 112–123 (в соавт. с А.А. Горячевым).
31. Наскальные изображения Семиречья. Изд-е второе, переработанное и дополненное. Алматы, 2002. 240 с. (в соавт. с А.А. Горячевым).
32. Новые материалы о поселениях эпохи бронзы в горах Баян-Журык // Изв. Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. общест. наук. 2002. № 1 (236). С. 23–30.
33. Поселения и металлургические комплексы в ущелье Музбулак // Изв. Министерства образования и науки Республики Казахстан, Национальной Академии наук Республики Казахстан. Сер. общест. наук. 2002. № 1 (239). С. 20–34.
34. Легенда о Черном Альпинисте или Повесть о Срыме Кудерине и его друзьях – алматинских мальчишках с берегов Поганки. Алматы, (б.г.). 158 с. (в соавт. с А.Г. Лухтановым).

Государственный музей искусства народов Востока,
Москва

В.А. Кореняко

ПАМЯТИ ГЛЕБА СЕРГЕЕВИЧА ЛЕБЕДЕВА

Не стало Глеба Сергеевича Лебедева. Он умер в ночь на 15 августа 2003 г. в Старой Ладоге, во время сезона, юбилейного для древнерусского города: изучению Ладоги и ее округи Лебедев отдавал много сил. Этим же летом Глеб с энтузиазмом участвовал в подготовке очередной конференции Ассоциации европейских археологов, проведение которой было намечено на сентябрь 2003 г. в родном городе Лебедева – Петербурге...

Г.С. Лебедев родился в блокадном Ленинграде 28 декабря 1943 г. Он учился на кафедре археологии истфака ЛГУ и всегда демонстрировал свою приверженность ленинградским – петербургским традициям, "петербургской школе". В научную жизнь этой школы он включился еще студентом и был оставлен преподавателем на кафедре археологии по ее окончании в 1969 г. В 1977 г. Г.С. Лебедев стал доцентом, в 1990 г. был избран профессором по той же кафедре; какие бы посты ни занимал Лебедев, он оставался привязан к университетской среде – среде ученых, преподавателей и студентов.

В этой среде с 1960-х г. разрабатывались новые методы и подходы к историко-археологическим проблемам. В Ленинграде Глеб (все мы тогда еще называли друг друга по имени – не будем отказываться от этого и сейчас) стал активнейшим участником, несомненным лидером и генератором идей среди своих сверстников – членов "варяжского" семинара, руководимого тогда Л.С. Клейном. Работа недавнего студента по итогам этого семинара, написанная совместно с Л.С. Клейном и В.А Назаренко в 1970 г. и посвященная норманским древностям Киевской Руси, не только порывала с официозными стереотипами советской историографии, но и открывала новые перспективы в исследовании как славяно-русских, так и собственно скандинавских древностей эпохи викингов. В полемике, связанной с этими перспективами, с увлечением принимали участие как ленинградские, так и московские археологи, прежде всего – участники Смоленского семинара Д.А. Авдусина; средоточием этой полемики стали скандинавские конференции, археологические секции которых привлекали тогда исследователей всех специальностей. Эта полемика, продолжавшаяся не только на конференциях и в научной печати, но и в московских и питерских кухнях, объединяла, а не разъединяла ее участников, и дружба с оппонентами была весьма продуктивной для представителей разных "школ". Тем горестней потеря Глеба для тех, кто знал его с тех лет и кто подписывает сейчас его некролог.

Глеб Сергеевич всю жизнь оставался преданным своей научной и вместе с тем романтической любви – любви к эпохе викингов. Ему, как никому другому был знаком "жар хо-

лодных числ": он использовал статистико-комбинаторные методы для анализа погребальных обрядов, занимался структурной типологией, и при этом увлекался романтическими образами "конунгов-викингов", на лекциях цитировал скальдические висы. Его книга "Эпоха викингов в Северной Европе" (Л., 1985) объединяла очерки по "материальной" и "духовной" культуре (Лебедев защитил ее как докторскую диссертацию в 1987 г.). Книга включала также принципиально важный раздел о варягах на Руси. Опираясь на археологический материал, Г.С. Лебедев впервые в отечественной историографии продемонстрировал единство исторических судеб Северной и Восточной Европы, открытость Руси "балтийской цивилизации", значение пути из варяг в греки для становления Древней Руси. Это был не только результат объективных научных разысканий. Глеб мечтал об открытом гражданском обществе, способствовал его становлению, работая в первом демократическом совете своего города, принимал активнейшее участие в международных предприятиях, которые стали возможны лишь в 1990-е гг. Итогом этих усилий стали международные экспедиции по пути из варяг в греки на моделях раннесредневековых ладей: здесь ученые интересы Лебедева нашли воплощение в реалиях "дружинного" экспедиционного быта (увлекательная книга об экспедициях – "Дракон Нево: на пути из варяг в греки" – была написана Глебом в соавторстве с его товарищем по путешествиям Ю.Б. Жвиташвили).

Вспоминая Глеба, нельзя не сказать особо о другой его любви – любви к Петербургу и всему, что связано с этим городом. Свидетельства этой любви – и небольшая популярная книжка "Археологические памятники Ленинградской области" (Л., 1977) и историософские статьи, непременно включающие археологические аспекты жизни Петербурга (Рим и Петербург: археология урбанизма и субстанция вечного города // Метафизика Петербурга. СПб., 1993). В начале 1990-х Глеб мечтал о возвращении не только "сакрального" имени, но и столичного статуса своему городу.

В ЛГУ – Петербургском университете Лебедев стал одним из инициаторов междисциплинарного семинара по проблемам этногенеза, которым руководил в 1980–1990 гг. совместно с этнолингвистом А.С. Гердом. Итоговым стал изданный ими межвузовский сборник "Славяне: этногенез и этническая история" (Л., 1989); в сборнике впервые (в том числе в статье самого Лебедева) на археологическом материале отчетливо была поставлена проблема балто-славянского единства как основы для славянского (и балтского) этногенеза. Продолжением междисциплинарных исследований стала коллективная монография "Основания регионалистики: формирование и эволюция историко-культурных зон" (СПб., 1999, соавторы В.А. Булкин, А.С. Герд, В.Н. Седых). Введение в науку такой макроединицы гуманитарного исследования как историко-культурная зона, которая вычленяется на основании археологической структурной типологии, системы "культурных типов артефактов" ("топохронов" в терминологии Г.С. Лебедева), равно как и представленный в монографии опыт выделения историко-культурных зон Северо-Запада России, нуждаются в дальнейшем осмыслении и дискуссии, как все, что делал Глеб.

Не менее важным итогом научной деятельности Г.С. Лебедева стал курс истории отечественной археологии, который он читал в ЛГУ с 1970 г. и издал в 1992 г. (История отечественной археологии. 1700–1917 гг.). Лекции Лебедева и его идеи не только привлекали, но и увлекали не одно поколение студентов. Он вообще был открытым, общительным человеком, и ученики его очень любили.

Работы Глеба по скандинавской и славяно-русской археологии приобрели заслуженную международную известность. Археология не была для Глеба предметом сухого академического или учебного интереса: для него она была универсальной "Наукой Начала", без постижения которого невозможно вникнуть в смысл современных историко-культурных процессов. Интерес к жизни далеких предков, равно как к научным методам и мировоззрению коллег-предшественников, привел Г.С. Лебедева к "предельной констатации": "как и в изначальных, архаических культурах, живые должны искать ответ о смысле своего бытия, обращаясь к мертвым" (Основания регионалистики. С. 52–53). Речь идет, конечно, не о магической некромантии в духе любимого Глебом эддического "Прорицания провидицы", а о "единстве самосознания человечества в пространстве и времени". Глеб оставил яркое и живое наследие, обращение к которому будет необходимым и живым делом в науке о прошлом.

Институт всеобщей истории РАН, Москва *Е.А. Мельникова*
Институт славяноведения РАН, Москва *В.Я. Петрухин*
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова *Т.А. Пушкина*
Институт археологии РАН, Москва *А.В. Чернецов*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН	– Академия наук
АО	– Археологические открытия. М.
АРК	– Автономная республика Крым
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
ВМУ	– Вестник Московского университета. М.
ВНИИР	– Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации. М.
ВООПИК	– Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры
ГИМ	– Государственный Исторический музей
ГЭ	– Государственный Эрмитаж
Даг. ФАН	– Дагестанский филиал Академии наук СССР
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение Российской академии наук
ДНЦ РАН	– Дагестанский научный центр Российской академии наук
ЗСАЭС	– Западносибирское археолого-этнографическое совещание
ИА НАНУ	– Институт археологии Национальной академии наук Украины
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
Изв. СКНЦ ВШ	– Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы
ИИАЭ	– Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК	– Институт истории материальной культуры Академии наук СССР
ИИЯЛ	– Институт истории, языка и литературы
КСИА	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии Академии наук СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры Академии наук СССР. М.
КФ ИА НАНУ	– Крымский филиал Института Национальной академии наук Украины
МАР	– Материалы по археологии России. СПб.
МВСПИАЭИ	– Материалы к Всесоюзной сессии, посв. итогам археологических и этнографических исследований
МГУ	– Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МИСО	– Материалы по изучению Смоленской области
МОГАИМК	– Московское отделение Государственной Академии истории материальной культуры
МОИП	– Московское общество испытателей природы
МСПИАЭИ	– Материалы сессии, посв. итогам археологических и этнографических исследований
НВ УИК	– Научный вестник Украинского исторического клуба. М.
НВ УУ	– Научный вестник Украинского университета. М.
НГМ	– Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
НЗХТ	– Национальный заповедник "Херсонес Таврический"
НСПИАЭИ	– Научная сессия, посв. итогам полевых археологических и этнографических исследований
НТ Куйб. ГПИ	– Научные труды Куйбышевского государственного педагогического института. Куйбышев
ОГГН	– Отделение геологических и горных наук Академии наук СССР
ОГПУ	– Оренбургский государственный педагогический университет
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей. СПб., М.
РА	– Российская археология
РАН	– Российская академия наук
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников. М.
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. СПб.
СПИПАИ	– Сессия, посв. итогам полевых археологических исследований
СО РАН	– Сибирское отделение Российской академии наук
ТНУ	– Таврический Национальный университет им. В.И. Вернадского
Тр. ГИМ	– Труды Государственного Исторического музея. М.
Тр. МИГМ	– Труды Музея истории г. Москвы. М.
ФЦП	– Федеральная целевая программа
ЦАГИ	– Центральный аэро-гидродинамический институт им. проф. Н.Е. Жуковского
JIES	– The Journal of Indo-European Studies